

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

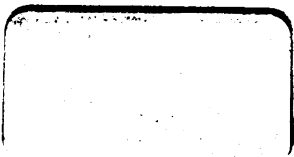
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Sipovskii, V. V.
РУССКІЯ ПОВѢСТИ

XVII—XVIII ВВ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ И СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ

В. В. СИПОВСКАГО

ГОРЕ-ЗЛОСЧАСТЬЕ. — САВВА ГРУДЦЫНЪ. —
РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ. — ФРОЛЪ СКОБЕЕВЪ. —
АРХИЛАВОНЪ. — РОССИЙСКІЙ МАТРОСЪ ВАСИЛІЙ. — АЛЕКСАНДРЪ,
РОССИЙСКІЙ ДВОРЯНИНЪ. — ЯРОПОЛЪ ЦЕСАРЕВИЧЪ. — РОССИЙСКІЙ КУПЕЦЪ
ІОАННЪ. — ЦАРЕВНА ПЕРСИКА. — ПОВѢСТЬ БЫВШАГО ПОСОЛЬ-
СТВА. — ХОЗЯИНЪ И РАБОТНИКЪ. — ЦАРЬ ВАСИЛІЙ
КОНСТАНТИНОВИЧЪ. — ЦАРЬ ВОРЗОСМЫСЛЬ.

I

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА
1905

Wg

PG3225
S5
v.1

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
<i>Предисловіе</i>	V—LXIV
I. Повѣсть о горѣ излочасти, какъ горе злочастіе довело мо- лотца воинческой чинъ	1
<i>Приложеніе 1.</i> «Охъ вгоре жить некручинну быть»	14
<i>Приложеніе 2.</i> «Горе»	14
<i>Приложеніе 3.</i> «Жиль-быль у бабушки, у матушки...»	15
<i>Приложеніе 4.</i> «И какъ отъ батюшки было, отъ умнаго». . . .	20
II. Повѣсть зѣло пречюдна иудивленію достойна, иже бысть грѣхъ ради нашихъ гонение Россійскаго государства на христианы отбезбожнаго еретика Гришки Отрепѣва роз- стриги, иже содѣяся воградѣ Казани нѣкоего купца Ѳомы Грудцына, о сынѣ ево Саввѣ	22
<i>Приложеніе 1.</i> «Чюдо святаго Василия Кесарѣйскаго Архи- епископа о прелщенномъ отроцѣ»	39
<i>Приложеніе 2.</i> «Чудо Богородицы»	42
III. Отрывокъ романа въ стихахъ	45
IV. История ороссійскомъ дворянинѣ ероле скобееве.	59
<i>Приложеніе 1.</i> «Какъ сватался-су воръ Янька».	71
<i>Приложеніе 2.</i> «Новгородскихъ дѣвушекъ святочный ве- черъ, сыгранный въ Москвѣ свадебнымъ»	73
V. Гисторія Королевича Архилабона	90
VI. Гисторія о россійскомъ матросѣ Василии Коріютскомъ и о пре- красной королевнѣ Иракліи флоренской земли	108
VII. История оалексandre россійскомъ дворянине	130
VIII. Гисторія о ярополѣ цесаревичѣ	180
IX. История ороссійскомъ купцѣ іоаннѣ иопрекрасной дѣвицѣ елеонорѣ	242
X. Чюдо пресвятыя богородицы о царевнѣ персикѣ, дщери царя михаила болгарскаго	254

XI. Повѣсть бывшаго посольства в португалской земли; исторія о португальском и брандебурском мудрецахъ	268
XII. Скаска о хозяине и работнике	285
XIII. Сказание оцаре Василье Константиновиче поимени града Ко- стентина	288
XIV. Сказание отрехъ цареи Оркади иоцарѣ Несмеяне гордомъ иоцаре борзо смысле дмитревиче	294
Объясненіе нѣкоторыхъ непонятныхъ словъ и выражений .	301
Важнѣйшія печати	307

«Исторіи русскаго романа» у насъ еще нѣтъ потому, что никакая исторія, конечно, немислима «безъ начала», а въ исторіи русскаго романа какъ разъ это «начало» до сихъ поръ еще не удостоилось всесторонняго освѣщенія,—до сихъ поръ одни считаютъ Карамзина «отцомъ русскаго романа», другіе этимъ почетнымъ титуломъ украшаютъ Пушкина, третьи—только Гоголя. Между тѣмъ, безъ освѣщенія остаются тѣ литературные факты, съ которыхъ, дѣйствительно, начинается развитіе нашего романа; остаются невыясненными тѣ культурныя условія и историческія причины, которыя вызвали у насъ къ существованію его жизнь, на первыхъ порахъ побуждая или задерживая его самобытное развитіе; не опредѣлены также и тѣ вліянія, которыя шли извнѣ на помощь, или во вредъ этому самобытно прояснившемуся развитію. Всего этого, повторяю, не сдѣлано, между тѣмъ, для историка особенно цѣнны наблюденія именно надъ этимъ первымъ, «начальнымъ», періодомъ жизни всякаго литературнаго жанра, когда, путемъ дифференціаціи изъ синкретическаго состоянія поэзіи начинаютъ все яснѣе вырисовываться тѣ «эмбрионы», которымъ, при благоприятныхъ условіяхъ, суждено будетъ развернуться въ новый поэтический видъ. Труды А. Н. Пыпина, А. Н. Веселовскаго, Н. С. Тихонравова, Ө. И. Буслаева, А. Аонасьева, А. И. Кирпичникова, И. Н. Жданова, И. А. Шляпкина, В. М. Истрина, М. И. Сперанскаго, Н. Ө. Сумцова—словомъ, всѣхъ тѣхъ, кто занимался изуче-

ніемъ литературныхъ судебъ старой русской повѣсти, житія, легенды, сказки, кто оставилъ рядъ отдѣльныхъ монографій, или рядъ изданныхъ текстовъ,—значительно облегчаютъ дѣло будущаго работника, который результаты разрозненныхъ усилій надъ изученіемъ различныхъ вопросовъ касательно романа и родственныхъ съ нимъ жанровъ долженъ будетъ объединить. Только такая работа, объединяющая сдѣланное раньше и восполняющая недодѣланное, можетъ дать, хотя бы нѣкоторое, представленіе о той «зарѣ русскаго романа», которая смѣнила предразсвѣтные сумерки—синкретическое смѣшеніе родственныхъ ему жанровъ (житія, легенды и повѣсти, былины, сказанія и сказки)—и періодъ трансформаціи одного вида въ другой. Я думаю, что эта «заря» загорѣлась у насъ еще въ XVII вѣкѣ, и настоящее изданіе оригинальных¹⁾ русскихъ повѣстей XVII, начала XVIII вв. должно служить доказательствомъ того, что у насъ много есть подъ спудомъ цѣнныхъ оригинальныхъ произведеній, не только еще не изученныхъ, но даже не обнародованныхъ²⁾).

Вотъ почему, выпуская въ свѣтъ свой сборникъ, я отнюдь не смотрю на него, какъ на что-то законченное—и былъ-бы счастливъ, если-бы онъ пробудилъ интересъ у спеціалистовъ къ болѣе энергичнымъ поискамъ въ области нашей рукописной повѣствовательной литературы и вызвалъ въ свѣтъ новыя, еще неизвѣстныя русскія повѣсти.

Первымъ и главнымъ руководствомъ въ моихъ поискахъ оригинальныхъ повѣстей была цѣнная библіографическая ра-

¹⁾ «Оригинальными» повѣстями называю я также заимствованныя, но руссифицированныя, равно и подражательныя. Дѣлаю эту оговорку, предвидя, что детальное изученіе изданныхъ мною текстовъ можетъ найти для нѣкоторыхъ иностранные источники, и тогда мое опредѣленіе ихъ «оригинальными» вызоветъ нареканіе.

²⁾ Изъ 14 №№, вошедшихъ въ мою книгу, только №№ 1, 2, 4, 6, 12 являются простыми перепечатками: повѣсти за №№ 3, 7 извѣстны были до сихъ поръ въ небольшихъ выдержкахъ, — остальные 7 (№№ 5, 8, 9, 10, 11, 13, 14) печатаются впервые.

бота А. Н. Пыпина: «Для любителей книжной старины»¹⁾; кроме того, конечно, отчеты Имп. Публ. Библиотеки, Моск. Рум. Музея, частных книгохранилищъ, а также указанія свѣдущихъ людей, акад. А. И. Соболевскаго, А. А. Шахматова, проф. И. А. Шляпкина и въ некоторыхъ другихъ ученыхъ, которымъ всѣмъ приношу глубокую благодарность. Очень признателенъ я А. Н. Пыпину, А. А. Титову, И. А. Шляпкину, А. И. Яцимирскому за разрѣшеніе издать рукописи, имъ принадлежащія, Совѣту Императорскаго Петербургскаго университета, предоставившему мнѣ средства для изученія рукописей въ московскихъ архивахъ. Благодаренъ и гг. хранителямъ рукописей: И. А. Бычкову, С. О. Долгову, В. И. Срезневскому, Гр. П. Георгіевскому, С. А. Адрианову, которые всегда любезно

¹⁾ Считаю своимъ долгомъ отмѣтить одну неточность въ названной работѣ А. Н. Пыпина: въ списокъ «оригинальныхъ» повѣстей внесена повѣсть о Любимѣ: «Гистория о скифскомъ принце любимѣ. Како (за) (е)го злые пороки превращенъ былъ въ престрашнаго зверя, а за добродѣтель опять награжденъ принцомъ». Это произошло, очевидно, по недосмотру, такъ какъ повѣсть эта—довольно близкій переводъ одной сказки M-me le Prince de Beaumont о принцѣ Cheri (Любимѣ). Сказка вошла въ сочиненія Бомонтъ: «Magazin des enfans ou dialogues entre une sage gouvernante et plusieurs de ses élèves de la première distinction». Начало обѣихъ повѣстей, русской и французской:

Некогда в Скиѣи былъ король столь честен и добродетеленъ что подданные его въ знакъ ихъ къ нему любви называли его королемъ добрымъ случилось ему быть наохоте и нечаянно одинъ маленькой белой кроликъ котораго гнали собаки и хотели заесть. Бросился къ нему на руки, король удивился сему, приключению и любуясь симъ маленькимъ звѣркомъ сказалъ когда он отдался под мое покровительство, то я нехочу чтобы ему зделано было злое онъ взялъ кролика с собой во дворецъ. велелъ для его зделать клетку и давать ему всякой день свежую пищу...

Il y avait une fois un Roi, qui était si honnête-homme, que ses sujets l'appelaient le Roi bon. Un jour qu'il était à la chasse, un petit lapin blanc, que les chiens allaient tuer, se jeta dans ses bras. Le roi caressa ce petit lapin et dit: puisqu'il s'est mis sous ma protection, je ne veux pas qu'on lui fasse de mal. Il porta ce petit lapin dans son palais, et il lui fit donner une jolie petite maison, et de bonnes herbes à manger..

шли навстрѣчу моимъ желаніямъ, гг. Г. В. Александровскому и П. Н. Шефферу, которые предоставили въ мое пользованіе готовые списки повѣстей. Особенную признательность приношу я многоуважаемому А. С. Суворину, на средства котораго издается этотъ сборникъ, по замыслу первый въ нашей литературѣ ¹⁾).

В. Сиповскій.

Боржомъ. 1 авг. 1904 г.

¹⁾ «Памятники древней письменности», изд. Кушелева-Безбородко, заключаютъ въ себѣ матеріалъ болѣе пестрый, разнообразный, а потому цѣли того изданія болѣе широки по существу, въ то же время менѣе опредѣленны.

Эпосъ существуетъ у всѣхъ народовъ земного шара. Это—одна изъ необходимыхъ и первичныхъ формъ поэтическаго общенія людей. Въ зависимости отъ степени культурнаго развитія эпосъ принимаетъ у разныхъ народовъ (а также, разумѣется, въ разныхъ культурныхъ «средахъ» одного народа) различныя формы: у народа, еще незнающаго грамоты, онъ, всегда будучи *устнымъ*, инстинктивно поддается стремленію облегчить слушателямъ запоминаніе и потому укладывается въ стихотворный размѣръ—поется, или сказывается нараспѣвъ. Распространеніе грамотности освобождаетъ отъ труда запоминать длинныя произведенія,—и размѣръ стихотворный тускнѣетъ, исчезаетъ, въ результатъ, получается прозаическій *письменный* эпосъ (записи былевыхъ пѣсенъ, историческія повѣсти, сказанія и пр.). Консервативный, какъ вся письменность, этотъ письменный эпосъ однако знаетъ уже въ своемъ содержаніи больше движенія, чѣмъ эпосъ устный. Происходитъ это потому, что «поэтика» простого народа гораздо устойчивѣе, чѣмъ литературные вкусы книжника—переводчика, переписчика или компилятора. Когда произведеніе такого письменнаго эпоса дѣлается достояніемъ вполне прояснившейся «личности», консерватизмъ содержанія и типовъ, мало по малу, смѣняется свободой творчества, живой подвижностью содержанія и отзывчивостью къ интересамъ минуты. Въ средне-вѣковой Европѣ и у насъ послѣдній періодъ, періодъ личнаго творчества, приблизительно совпалъ съ распространеніемъ книгопечатанія. Съ этимъ *печатнымъ* эпосомъ, по преимуществу, и связалось понятіе «романъ». Въ такомъ отношеніи къ лиро-эпическимъ пѣснямъ о рыцаряхъ находится рыцарскій романъ, дожившій до XVIII-го вѣка. Въ такомъ отношеніи къ русскимъ *былинамъ* находятся «Русскія сказки» Чулкова.

Итакъ, исторія всемірной литературы доказываетъ, что романъ есть высшій, вѣрнѣе, *конечный* пунктъ развитія эпоса. Нѣтъ культурнаго народа, который не дошелъ бы въ своемъ развитіи до романа, нѣтъ такой культурной эпохи, которая не нашла бы для своего выраженія эпическаго жанра, болѣе или менѣе, подходящаго къ роману. Что будетъ съ романомъ въ будущемъ, теперь нѣтъ силъ опредѣлить, такъ какъ въ настоящее время мы еще въ серединномъ теченіи того потока, по которому уносится европейскій романъ его эволюціею. Но въ прошломъ мы имѣемъ уже нѣсколько законченныхъ исторій этого жанра, и въ нихъ историкъ найдетъ не мало интереснаго и назидательнаго для сужденія даже о романѣ современномъ.

Какъ же сложился у насъ, въ Россіи, этотъ величественный жанръ, который такъ полно отразилъ всю русскую жизнь XIX ст., и въ наши дни заставилъ западную Европу съ почтеніемъ обратиться къ Россіи? Разрѣшить этотъ вопросъ — задача, достойная историка. Если онъ рискнетъ взяться за такую работу, онъ неминуемо пойдетъ назадъ, въ глубь родной старины, перешагнетъ за грань XIX в. и очутится въ XVIII-омъ вѣкѣ. Когда онъ ориентируется тамъ, его потянетъ въ XVII в., — и лишь тогда передъ нимъ, быть можетъ, возстановится непрерывная цѣпь эволюціи русскаго романа.

XVII-ый вѣкъ — одна изъ любопытнѣйшихъ эпохъ русской жизни вообще, литературы въ частности. Это была пора разложенія старой Москвы — «третьяго Рима», и въ то же время пора смутныхъ исканій выхода къ новой жизни. Въ этой сумятицѣ настроеній, въ этой спутанности вліяній стараго и новаго воспитывалъ свою личность «новый человѣкъ», будущій сподвижникъ Петра Великаго. Правда, еще старая Москва знала шатаніе умовъ, но она въ XVI в. была еще сильна и могла мѣрами сверху до нѣкоторой степени регулировать жизнь общества. Тогда «древлее благочестіе» еще стояло на стражѣ и ставило пробуждавшейся молодой жизни препоны на всѣхъ путяхъ, по которымъ направлялись ея теченія: усердно распространялись индексы запрещенныхъ книгъ — они должны были убить апокрифъ и легенду. Образцы стараго иконописнаго искусства, собранные въ «Подлинникъ», должны были убить стремленіе къ новшеству въ иконописи. Образецъ зодчества, официально признанный за истинно-православный и народный, долженъ былъ остановить развитіе русской церковной архитектуры. Свободомысліе Нила

Сорскаго и Вассіана Патрикѣва было сломлено «іосифлянами», — еретики наказаны. «Домострой» Сильвестра долженъ былъ зако-
вать русскую жизнь въ единообразныя формы. «Четьи-Минеи»
подводили итоги всѣмъ письменнымъ богатствамъ московскаго
благочестія, — что было за предѣлами этихъ итоговъ, то было
сомнительнымъ и отметалось. Но эти послѣднія усилія старой
Москвы удержать жизнь въ прежнемъ руслѣ недолго торже-
ствовали. Если иконопись и зодчество могли до нѣкоторой сте-
пени ощутить гнетъ запрета, то никакія репрессивныя мѣры не
могли справиться съ вольнымъ народнымъ творчествомъ, съ его
сказкой и пѣсней, съ его повѣстью и легендой, — словомъ, съ тѣ-
ми вкусами, потребностями и запросами, которые требовали себѣ
ширины и свободы и не легко поддавались контролю.

XVII-ый вѣкъ и былъ той эпохой, когда и это творчество, и
новыя литературныя тенденціи одержали верхъ надъ всѣми об-
стоятельствами, задерживающими ихъ развитіе. Вслѣдствіе этого
въ XVII в. рѣзко измѣнился характеръ и составъ нашей пись-
менности. Узко-церковная въ древней Руси, почти исключи-
тельно связанная съ монастыремъ, — теперь она дѣлается полу-
свѣтской, порою совершенно теряетъ прежній церковный харак-
теръ. Захватывая несравненно болѣе широкой кругъ писателей
и читателей, она дѣлается разнообразнѣе по составу, разносто-
роннѣе по характеру. Тотъ фактъ, что къ этой эпохѣ относятся
первыя записи былинъ и сказокъ — самъ по себѣ очень харак-
теренъ: ранѣе къ «письму» относились съ такимъ благоговѣ-
ніемъ, что только произведенія церковнаго характера считались
достойными сохраненія ихъ путемъ записи и переписокъ.
Теперь произведенія народнаго творчества, недавно еще отвер-
гаемыя церковью, какъ языческія, удостоились чести быть за-
писанными. Значить, узко-церковное міровоззрѣніе русскаго на-
рода теперь смѣнилось болѣе широкимъ и свободнымъ отноше-
ніемъ къ земной жизни. Вмѣстѣ съ этимъ, замѣтно мѣняются
тѣ запросы, съ которыми недавно еще старый книжникъ обра-
щался къ письменности, — оттого въ XVII в. почти умираетъ
проповѣдь, лѣтопись мѣняетъ свой прежній строгій характеръ,
обращаясь, мало по малу, въ записки или въ историческія по-
вѣсти. Соответственно этому, житія смѣняются теперь сказаніями
и легендами, въ созданіи которыхъ скрестилась народная по-
эзія съ церковною.

Собственно народное творчество выразилось въ усиленномъ созданіи историческихъ пѣсенъ, которыя, будучи взяты всѣ вмѣстѣ, представляютъ собою любопытное, почти полное отраженіе всѣхъ современныхъ событій, заинтересовавшихъ народъ: старая былина заостенѣла и далѣе не развивалась,—она лишь медленно забывалась, или обращалась въ сказку, или въ рукописную повѣсть. Ее замѣняетъ теперь эта историческая пѣсня, полная драматизма и субъективизма, передающая порою довольно чутко нервность живыхъ впечатлѣній, пережитыхъ народомъ. Духовные стихи также характерны для эпохи. Это—своеобразный жанръ, захватывающій въ себѣ и эпосъ, и лирику,—полный яркихъ образовъ, высокихъ идей и искреннихъ порывовъ религіознаго экстаза.

XVII вѣкъ ознаменовался и расцвѣтомъ сатиры. Она бичевала злоупотребленія московскихъ властей, она осмѣяла нравы монастыря,—все это результаты пробудившагося критицизма,—ясный признакъ прояснившагося самосознанія, начавшагося выдѣленія «личности» изъ массы.

Оттого лирика этой эпохи такъ же интересна богатствомъ и разнообразіемъ мотивовъ, тонкостью и глубиной настроеній. Особенно поучительны въ этомъ отношеніи разбойничьи лирическія пѣсни, какъ такія, которыя все-таки имѣютъ, болѣе или менѣе, определенное хронологическое приуроченіе (XVI—XVII в.)¹⁾. Пѣсни, записанныя Джемсомъ, и хронологически вполне ясныя, вводятъ насъ еще вѣрнѣе въ тонкія лирическія настроенія эпохи — отъ нихъ недалеко до стихотвореній Кольцова. И, несомнѣнно, такой Кольцовъ появился бы у насъ, если бы псевдоклассицизмъ югозападной Руси въ XVII в. и полунемѣцкаго, полуфранцузскаго Петербурга въ XVIII в. не придавилъ бы не окрѣпшаго еще, но уже пробудившагося народнаго творчества.

XVII в., съ его широкими интересами, съ его свободнымъ отношеніемъ къ жизни, ознаменованъ, какъ извѣстно, наплывомъ вліяній извнѣ. Не они произвели реформу общества,—сами они сдѣлались возможными только потому, что на нихъ явился спросъ. Эти вліянія оказались вездѣ, — отразились они и на литературѣ. Прежде всего, усилилась переводческая дѣя-

¹⁾ См. о нихъ мою работу: «Изъ исторіи русскаго романа XVIII-го вѣка» (Ванька-Каинъ). Изв. Отд. р. яз. и слов. И. А. Н., т. VII, 1902, кн. 2.

тельность, причемъ обнаружилась широкая свобода въ выборѣ книгъ для перевода. «Великое Зерцало», отчасти «Римскія Дѣянiя», переведенныя цѣликомъ и частями, еще отвѣчали религіознымъ запросамъ старой Руси, но и они удовлетворяли этимъ запросамъ своеобразно,—на новый ладъ, вводя русскаго читателя въ широкія необычныя для него области средневѣковой церковной фантастики, знакомя его съ мотивами западно-европейскаго христiанскаго романа и даже стараго греческаго. Мало того, эти же сборники увлекали русскаго читателя XVII-го вѣка и въ пестрый мiръ западно-европейской новеллы, съ ея легкимъ, жизнерадостнымъ, грубо-здоровымъ отношенiемъ къ земной жизни. Еще рѣзче и прямолинейнѣе разрѣшался вопросъ объ этихъ отношенiяхъ въ сборникахъ «смѣхотворныхъ» повѣстей, сборникахъ «фацецiй», «жартъ»... Чтенiе этихъ легкихъ анекдотцевъ, насквозь пропитанныхъ чувственностью, погружали русскаго книжника съ головою въ интересы «царства плоти»: аскетизмъ старыхъ идеаловъ блѣднѣлъ и тускнѣлъ передъ этимъ торжествомъ новой жизни, подготовленной у насъ собственнымъ развитiемъ, усиленной и ускоренной могучими воздѣйствiями извнѣ.

Увлеченiе старыми богатырями житiйной литературы, — подвижниками и аскетами, — смѣняется теперь живымъ интересомъ къ похождениямъ разныхъ плутоватыхъ героевъ «фабльо», а въ лучшемъ случаѣ, — увлеченiемъ героями рыцарскихъ и придворно-авантюрныхъ переводныхъ романовъ, которые сдѣлались у насъ популярными съ XVII-го вѣка и широко захватили все начало XVIII-го. Изъ этихъ героевъ Ерусланъ Лазаревичъ и Бова Королевичъ оказались до такой степени излюбленными русскимъ народомъ, что онъ ихъ руссифицировалъ, сблизилъ съ героями роднаго эпоса, подчинилъ ихъ своей, вѣками выработанной поэтикѣ. За этими двумя образами тянется длинный рядъ другихъ рыцарей, явившихся къ намъ изъ далекаго Запада, съ новыми идеалами служенiя дамѣ и всему челоуѣчеству, съ призывомъ преклоняться передъ прекрасными чувствами, облагораживающими земную жизнь.

Подъ влiянiемъ юго-западной литературы возникаетъ у насъ въ XVII-мъ вѣкѣ рядъ новыхъ литературныхъ жанровъ, — появляются у насъ поэты-стихотворцы, которые въ тяжелыхъ, неуклюжихъ виршахъ пытаются воспѣть тонкiя настроенiя своей прояснившейся личности. Возникаетъ у насъ и драма, сперва церковная исключительно, но къ концу вѣка за-

мѣтно переходящая въ свѣтскую,—сюжеты пьесъ берутся теперь не только изъ житійной литературы, но также изъ рыцарскаго романа.

Много было переведено сочиненій по географіи, космографіи, по исторіи, по военному искусству, астрономіи и астрологіи; переведены были руководства по математикѣ, естествознанію, медицинѣ, педагогикѣ, охотѣ, коннозаводству и по тайнымъ наукамъ; охотно переводились сборники изреченій, нравоучительныхъ и философскихъ. Между духовными писателями, сочиненія которыхъ тоже были переведены у насъ въ это время, встрѣчаемъ имена Августина, Оомы Кемпійскаго, Иннокентія III, Беллермина,—очевидно, католицизмъ уже не пугалъ русскихъ людей.

Рядомъ съ серьезными сочиненіями, заносились къ намъ съ Запада и охотно переводились и усваивались юмористическіе листы, очевидно, увлекавшіе русскихъ людей XVII-го вѣка своимъ тяжеловѣснымъ остроуміемъ.

Пестрота и разнообразіе всей этой литературы XVII-го вѣка поражаетъ всякій непривычный взглядъ: стоитъ взять описанія рукописей этого вѣка, стоитъ перелистать разные «сборники» XVII-го вѣка, чтобы убѣдиться, какъ, повидимому, несистематичны были интересы эпохи: осколокъ стараго житія, циничный анекдотъ и историческая повѣсть, легенда и вирши, сказка и романъ,—все это «умилительное», «смѣхотворное», назидательное, или только увлекающее встревоженную фантазію, свое и чужое, переведенное или передѣланное,—смѣшивалось въ одну широкую и пеструю картину, освѣщенную, однако вполне опредѣленнымъ желаніемъ удовлетворить новымъ интересамъ къ «земной» жизни. XVII в. былъ эпохой, когда старые истые москвичи, съ ихъ устарѣлой проповѣдью аскетизма и узкимъ преклоненіемъ передъ буквой закона, оказались раскольниками. Они были, по выраженію протопопа Аввакума, «послѣдней Русью», медленно замиравшей въ далекихъ скитахъ, въ глуши лѣсовъ... Наступало царство «земли», царство «плоти», царство «Антихриста», окончательно побѣдившее ему «послѣднюю Русь» при Петрѣ и его преемникахъ.

Судьба русской оригинальной повѣсти за этотъ періодъ времени даетъ намъ любопытныя показанія наличности у насъ того-же развитія повѣсти, которое было и въ западно-европейской литературѣ. Тамъ это развитіе сказалось яснѣе и ярче, но теченіе его у насъ совершенно аналогично.

Корни этого развитія приходится искать въ популярности апокрифовъ. Еще Ренанъ указалъ на громадное значеніе апокрифовъ для развитія средневѣковой поэзіи и искусства. «Если бы христіанская церковь, говоритъ онъ, ограничилась данными четырехъ евангелій и каноническими книгами, то мы были бы лишены христіанскаго искусства». Въ самомъ дѣлѣ, почти всѣ событія, послужившія матеріаломъ для средневѣковой живописи, всѣ символическія изображенія общехристіанскихъ праздниковъ (Рождества Христова, Успенія Божіей Матери и т. д.), символы апостоловъ, — всѣ показываетъ, что въ основѣ ихъ лежитъ легенда. И наши лицевые подлинники имѣютъ въ своей основѣ данныя отреченной литературы. Вся образность христіанской поэзіи и искусства, всѣ поэтическіе мотивы даны именно развитіемъ апокрифовъ. Происходило это потому, что апокрифы читались въ народѣ и, такъ какъ они стояли за чертой непогрѣшимости, то къ нимъ могли относиться гораздо свободнѣе¹⁾.

Возникновеніе апокрифовъ психологически объяснить не трудно.

Исторія всемірной литературы даетъ намъ рядъ любопытныхъ показаній, какъ около большого произведенія всегда группируется цѣлый рядъ другихъ, связанныхъ съ нимъ единствомъ содержанія и единствомъ дѣйствующихъ лицъ: около Иліады группируется рядъ поэмъ, въ которыхъ подробно изображены различныя событія, происшедшія до Троянской войны, во время ея и послѣ; эти поэмы созданы такъ называемыми «гомеридами»; цѣль ихъ удовлетворить любознательность публики, растревоженную крупными произведеніями. Ветхій Завѣтъ еще у евреевъ былъ окруженъ рядомъ легендъ и сказаній, связанныхъ уже въ циклы около именъ Адама, Ноя, Соломона и др. Такой-же потребности — удовлетворить любознательности вѣрующихъ, служили тѣ сказанія, которыя связаны съ Новымъ Заветомъ. Они образовали циклы сказанія о Христѣ, о Богородицѣ, объ апостолахъ. И поэмы гомеридовъ, и сказанья еврейскія и христіанскіе апокрифы, — всѣ въ одинаковомъ отношеніи къ тѣмъ основнымъ произведеніямъ, которыя ихъ породили: они всѣ вводили читателя въ интимную сторону жизни извѣстнаго лица, сообщали такія подробности изъ его жизни, которыя приближали его къ днѣ-

¹⁾ А. Веселовскій «Исторія лирики и драмы» (литогр. курсъ лекцій 1882—3 гг. 186—7).

стечительности (дѣтство Христа, Богородицы), единственно понятной, а потому интересной для народа; изъ одного намека они развивали цѣлыя сцены («плачь и скрежетъ зубовный»,—образъ, взятый изъ св. Писанія, развернулся въ цѣлую панораму мученій). Они раскрывали душевныя состоянія своихъ героевъ, вводя читателя въ «святая святыхъ» ихъ чувствъ и помысловъ. Они облакали событія той пеленой поэзіи, подъ которой народъ чувствовалъ свое родное творчество (легенды о Соломонѣ и др.). Наконецъ, апокрифы приучали къ свободному обращенію съ сюжетами и лицами, до тѣхъ поръ стоявшими на недосыгаемой высотѣ. Благодаря всему этому, апокрифы оказались той почвой, на которой помирились элементы христіанства съ элементами язычества,—соединеніе ихъ дало, по выраженію акад. Тихонравова, «блестящій эпосъ», который захватилъ въ свои предѣлы и Творца и Сатану, весь міръ ангеловъ, міръ праведниковъ, міръ човѣческій, животный и растительный...

Несомнѣнно, популярности апокрифовъ приходится приписать: 1) созданіе и широкое распространеніе у насъ легендъ, сказаній, которыя по отношенію къ каноническимъ «житіямъ» играли ту же роль, что апокрифы къ св. книгамъ, и 2) нѣкоторыя своеобразныя особенности духовныхъ стиховъ, столь отличающія этотъ жанръ отъ былинны.

Апокрифическая литература интересна для насъ еще и потому, что въ ней были всѣ задатки живого литературнаго развитія. Въ развитіи темъ «гомеровыхъ» — вся исторія греческаго романа, въ дальнѣйшей эволюціи апокрифа и легенды, по пути къ реализму, къ детальному изображенію жизни, къ разработкѣ психики героевъ, къ свободѣ творчества, — повѣсть новаго времени. Вотъ почему время, когда особенно увлекались у насъ апокрифами, когда ихъ сняли съ полки «книжечіевъ» и пустили въ обиходъ,—время очень важное въ исторіи нашего творчества. На западѣ и живопись, и скульптура, и поэзія средневѣковья расцвѣли, орошенныя живой водой этой текущей литературы, въ которой вѣками застывшіе образы, пущенные въ оборотъ народной фантазіей, получали живую човѣческую окраску, движеніе, бѣненіе сердца...

XVII-ый вѣкъ дастъ намъ ясныя указанія на тѣ два теченія, которыя пошли въ нашей поэзіи отъ апокрифовъ: 1) черезъ посредство духовныхъ стиховъ къ чудной стихотворной повѣсти «О Горѣ—злосчастіи», и 2) отъ апокрифическаго «житія»—къ

сказанію и повѣсти, а затѣмъ — или: а) въ устной поэзіи — къ народной сказкѣ, или: б) въ письменной — къ роману о Саввѣ Грудцынѣ. Быть можетъ, не безъ вліянія переводныхъ «свѣтскихъ», беллетристическихъ произведеній русскій книжникъ пойдетъ дальше въ своемъ творчествѣ, откажется совершенно отъ религіознаго колорита и попытается дать изображеніе русской дѣйствительности въ оригинальной реальной повѣсти о Фролѣ Скобѣевѣ. Всѣ эти теченія объединены однимъ литературнымъ направленіемъ — стремленіемъ къ «живству», къ изображенію дѣйствительности. Это стремленіе — лейт-мотивъ всемірной литературы, общій всѣмъ странамъ и эпохамъ, одинаково присущій и поэзіи, и живописи ¹⁾, и наукѣ.

Подобное построеніе эволюціи русскаго романа вполне возможно, если мы 1) признаемъ тожество законовъ литературнаго развитія для всѣхъ народовъ, а это тожество вполне доказано наукой, —

¹⁾ Какъ примѣръ такой же эволюціи въ области искусства Ф. Брюнетьеръ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи: «L'évolution des genres dans l'histoire de la littérature» набрасываетъ исторію европейской живописи. Въ началѣ, какъ поэзія, какъ всѣ искусства, какъ сама наука, живопись была религіозной (начало ея — иконопись). Для Чимабуа, Жюто живопись не существуетъ еще какъ нѣчто самобытное, восхищающее зрѣніе — это еще не искусство, это — благочестивое занятіе, средство наставленія народа; для художника — это способъ удостоиться небесной награды. Но чары линіи и краски слишкомъ сильны и живы, — и вотъ, подъ вліяніемъ классицизма, рядомъ съ живописью религіозной, развивается живопись миеологическая; оба вида уживаются рядомъ: авторъ «Тайной вечери» пишетъ «Леду», Рафаэль — фрески Фарнезины. Живопись миеологическая смѣняется исторической; красота въ живописи теряетъ способность только собой удовлетворять зрѣніе: является желаніе, чтобы къ ея чарамъ присоединилась прелесть дѣйствительнаго бытія. Въ силу этого же побужденія развивается живопись портретная. Оттого многія историческія картины ни что иное, какъ собраніе портретовъ. За портретомъ, въ особенности, когда начали рисовать на одномъ полотнѣ ихъ нѣсколько, въ живопись забирается изображеніе событія. Для вкусовъ того времени уже кажется недостаточнымъ, чтобы портретъ былъ похожимъ или даже живымъ; хотятъ, чтобы онъ, такъ сказать, «дѣйствовалъ», напоминая зрителю не только о чертахъ лица оригинала, но и о его занятіяхъ, привычкахъ, обстановкѣ. Такъ, изъ живописи портретной развилась живопись жанровая и начала жить самостоятельно, создавая, мало-по-малу, для себя свои правила и свои законы. Эту схему развитія можно примѣнить и къ исторіи поэзіи: въ началѣ, и драма, и эпосъ, и лирика у всѣхъ народовъ подчинены религіи, — дальнѣйшая ихъ исторія есть постепенное освобожденіе отъ служебной роли по пути къ реализму. Всѣ исторіи литературъ начинаются съ церковной письменности у христіанъ, съ религіозныхъ миеовъ — у язычниковъ.

и 2) обратимъ вниманіе на то, что въ нашей поэзіи, письменной и устной, имѣются въ наличности всѣ тѣ литературные факты, которые на западѣ дали вполне опредѣленные и доказанные итоги, притомъ, что очень важно, тождественные съ тѣми, которые имѣются и у насъ. Правда, и факты, и итоги у насъ, быть можетъ, болѣе разрознены, тусклѣе, малочисленнѣе, неясны въ хронологическомъ отношеніи, — тѣмъ не менѣе, нѣтъ основаній отрицать наличность между этими фактами той законотѣрной связи, которая сама, быть можетъ, не проявилась-бы, если-бы мы не прибѣгли къ помощи аналогіи, — не заглянули бы въ исторію другихъ европейскихъ литературъ.

Каковы-же эти факты, которые должны послужить для насъ отправной точкой для выясненія судебъ русскаго романа? Это — 1) исторія греческаго романа и — 2) исторія христіанскаго романа.

Акад. А. Н. Веселовскій и Эрвинъ Роде выяснили достаточно убѣдительно исторію развитія греческаго романа. Въ основаніи этого развитія лежатъ старыя «миѣы» о богахъ и герояхъ, — эти религіозныя преданія, освященныя вначалѣ такою же вѣрою, съ какою христіанинъ относится къ образамъ св. Писанія и житійной литературы. Постепенное паденіе Еллады и усиленіе колоній привели къ перемѣнѣ въ отношеніяхъ къ традиціямъ старины: и религія, и поэзія, — этотъ «палладіумъ» греческой культуры, поддерживавшій духовныя связи завоевателей колонистовъ съ родиной», — теперь теряютъ строгость первичныхъ очертаній: въ колоніяхъ, а потомъ и въ метрополіи, религіозное чувство разлагается, миѣы обезцвѣчиваются, боги обезличиваются. То же произошло и съ народнымъ эпосомъ: ослабился элементъ вѣры, притупилось пониманіе народности. Индивидуальное чувство вноситъ теперь новое освѣщеніе, новое содержаніе; рамки эпоса расширяются введеніемъ новыхъ образовъ и нетрадиціонныхъ сюжетовъ, заимствованныхъ извнѣ.

«Элементъ суроваго подвига скрадывается за изображеніемъ чувства, патетическая сентиментальность положеній смѣняетъ грубую яркость фабулы; мелкая легенда о любовныхъ похищеніяхъ того или другого героя обращается въ цѣлую эротическую повѣсть, герои становятся рыцарями, боги — галантными героями» (Веселовскій). Такъ, гомеровскій Ахиллъ — теперь влюбленный юноша. Любовь Медеи и Ясона изъ міра эпическихъ мотивовъ переходитъ въ область внутреннихъ, психологическихъ движеній.

Исторія любви Эпона и Париса приобрѣтаетъ мягкіе сентиментальныя тона. Такъ разрабатываются старые мѣфы и преданія въ балладахъ и стихотвореніяхъ (элегіи) александрійской эротики. «Анализъ индивидуальныхъ ощущеній» теперь является преимущественнымъ передъ внѣшнимъ развитіемъ событія. Въ эту пору индивидуализма—самое индивидуальное чувство—любовь дѣлается главнымъ содержаніемъ поэзіи.

Романъ греческій, возникшій на окраинахъ тогдашняго культурнаго міра, — по восточнымъ и южнымъ берегамъ Средиземнаго моря, былъ позднимъ отраженіемъ этой александрійской эротики. Она была еще близка къ гомеровскому эпосу; ея балладная форма—переходное звено между «могучимъ теченіемъ эпоса и тою реторическою, безцвѣтною прозою, которой писали романъ». Александрійцы пользовались старыми мѣфами и мотивами эпоса, но вносили новое освѣщеніе; романисты берутъ это освѣщеніе, но направляютъ его на темы, свободно выбранныя, уже несвязанныя съ мѣфами, почерпнутыя изъ самой жизни.

Такимъ образомъ, содержаніе романа развивается отъ объективнаго эпоса гомеровскаго къ передѣлкѣ этого эпоса въ субъективной лирикѣ александрійцевъ, а затѣмъ къ свободному пользованью свободно выбранными темами, однако окрашенными еще въ сентиментальномъ вкусѣ александрійцевъ.

Итакъ, отъ боговъ и героевъ—къ идеальнымъ любовникамъ романа; отъ религіознаго преданія-мѣфа — къ свободно выбранной темѣ, быть можетъ подсказанной фактами дѣйствительности,—вотъ ходъ развитія греческаго романа.

Обращаюсь теперь къ судьбѣ христіанскаго романа. Апокрифическія Евангелія, апокрифическіе апокалипсисы, дѣянія апостоловъ, легенды и легендарныя житія,—вотъ произведенія, которыя могли возникнуть только тогда, когда любознательность христіанина уже не чувствовала себя удовлетворенною одними каноническими произведеніями—старые строгіе образы расцвѣчивались новыми красками, содержаніе обогащалось новыми сюжетами.

Остановлюсь для примѣра, хотя бы, на апокрифическихъ «Дѣяніяхъ Павла и Теклы». Привожу пересказъ акад. Веселовскаго ¹⁾ въ сокращеніи.

¹⁾ См. А. Веселовскаго «Очерки исторіи романа», литогр. курсъ 1883/4 г. Слѣдующіе пересказы взяты отсюда-же.

Когда Павелъ шель въ Иконію, постѣ бѣгства изъ Антиохіи, сопутствовали ему Демандъ и Эрмогенъ; мужи, полные лицемѣрія, они притворялись, что любятъ Павла. Онъ-же пріютилъ ихъ у себя и проповѣдывалъ имъ о Христѣ. Нѣкто, Онисифоръ, вышелъ навстрѣчу Павлу со своими сыновьями Силой и Зенономъ и съ женой Лектрой. Титъ разсказалъ ему, каковъ Павелъ лицомъ.

И вотъ онъ увидѣлъ Павла: онъ былъ приземистъ, плѣшивъ, кривоногъ, со сросшимися бровями, большеносый, но исполненъ какой-то благодати. Лице его было ангельское. Онисифоръ пригласилъ и ввелъ Павла со спутниками въ свой домъ. И сталъ Павелъ проповѣдывать: «Блаженны чистые сердцемъ, ибо они Бога узрятъ. Блаженны соблюдающіе въ чистотѣ свое тѣло, ибо они станутъ храмомъ Божиимъ. Блаженны хранящіе воздержаніе, ибо съ ними будетъ бесѣдовать Господь. Блаженны отрeksiеся отъ міра сего, ибо они справедливыми нарекутся. Блаженны имущіе женъ, какъ не имущіе ихъ, ибо они унаслѣдуютъ Господа. Блаженны имущіе страхъ Божій, ибо они содѣются ангелами Господними. Блаженны пріявшіе крещеніе, ибо они упокоятся у отца и сына. Блаженны милостивые, ибо они помилованы будутъ и не узрятъ дня страшнаго суда. Блаженны тѣла дѣвственниковъ, ибо они будутъ угодны Господу и не потеряютъ награды своей святости, потому что слово отца станетъ для нихъ дѣломъ спасенія въ день сына его и воспримутъ покой во вѣки вѣковъ». Вдохновенную проповѣдь Павла слышала язычница Текла, дочь Теоклеи, обрученная съ Тамиріемъ, сидя у окна. Она увлеклась рѣчами апостола и денно и ночью внимала словамъ его, не видя его лица и не отходя отъ окна. Исполненная радости, она желала лицезрѣть Павла, но никакъ не могла выбраться изъ дому. Мать въ страхъ зоветъ жениха дочери Тамиря и говоритъ ему: «Вотъ уже три дня и три ночи не отходитъ Текла отъ окна, не ѣстъ, не пьетъ и все сидитъ у окна, уставивши очи на какого-то пришельца, обманщика и краснбая. И дивлюсь я, какъ это она потеряла стыдъ дѣвичій! Тамирій, человѣкъ этотъ мутитъ весь городъ и твою Теклу: всѣ женщины идутъ къ нему учиться страху Божию и цѣломудренному житію. Все-бы ничего, да вотъ дочка моя, словно паукъ, прилѣпившійся къ окну, вся устремилась къ его рѣчамъ и охвачена какимъ-то новымъ чувствомъ. Такъ пойди ты къ ней, да уговори ее: вѣдь она твоя обрученница». Они пошли вдвоемъ уговаривать Теклу, но она даже не поворотила головы и продолжала слушать чудныя рѣчи, забывъ все на свѣтѣ. Разгнѣванный Тамирій идетъ самъ послушать Павла, но наталкивается на Деманта и Эрмогена. Они изъ зависти къ апостолу посовѣтовали Тамирію отвести Павла на судъ къ игемону и обвинить его въ проповѣди опаснаго христіанскаго ученія. Игемонъ заключилъ Павла въ темницу. Текла, подкупивъ стражу, проникла къ нему и по прежнему жадно слушала его восторженную рѣчь. Бѣгство ея изъ дому было, конечно, открыто и ее, вмѣстѣ съ апостоломъ, ведутъ къ игемону на судъ. Игемонъ изгналъ Павла изъ города, а Теклу осудилъ на сожженіе. Текла ищетъ Павла, точно овца своего пастыря, и видитъ Господа въ образѣ Павла. Она порывается къ нему, но

мелькнувший на одинъ мигъ дорогой образъ исчезъ. Костерь готовъ и Текла уже вошла на него, вызвавъ слезы на глазахъ игемона, но землетрясеніе и градъ спасаютъ ее. Между тѣмъ Павелъ съ семействомъ Онисифора идетъ къ Дафну. Сыновья Онисифора просятъ хлѣба. Павелъ посылаетъ за хлѣбомъ. Мальчикъ идетъ за покупкой и встрѣчаетъ Теклу. Она не хочетъ болѣе разстаться съ Павломъ, она говоритъ, что острижетъ волосы и всюду будетъ слѣдовать за нимъ. И вотъ она съ Павломъ идетъ въ Антиохію, а семья Онисифора возвращается въ Иконіумъ. При входѣ Теклы въ городъ въ нее влюбился сиріархъ Александръ онъ деньгами и подарками уговаривалъ Павла отдать ему Теклу. «Она не моя», отвѣчалъ ему Павелъ. Тогда Александръ сталъ приставать къ Теклѣ, но она разодрала ему хламиду и сорвала съ головы вѣнокъ.

Пылая любовью, и боясь позора, Александръ повелъ ее на судъ къ игемону, который и осудилъ ее на растерзаніе дикими звѣрями въ циркѣ.

Ее вывели на арену, но звѣри не тронули ея. Тутъ же былъ вырытъ бассейнъ, наполненный водой, гдѣ помѣщались морскія чудовища.

Желая передъ смертію креститься, она бросилась въ этотъ бассейнъ. Женщины, видѣвшія это, издали крикъ ужаса, но огненное пламя осыпало обнаженную Теклу, и чудовища мертвыми всплыли на поверхность воды. Обрадованныя женщины принялись бросать на арену листья нарда, кассія и амома, а игемонъ прослезился. Спасенная Текла пошла въ Миры Ликійскія, гдѣ пребывалъ Павелъ, а затѣмъ вернулась въ Иконіумъ; узнавъ, что Тамирій уже умеръ, она ушла въ Селевкию. Здѣсь 72 года жила она въ пещерѣ, питалась водой и травами. Въ концѣ жизни она отправилась за Павломъ въ Римъ и тамъ была похоронена невдалекѣ отъ Павла.

Стоить это произведеніе сравнить съ каноническими «дѣяніями», — и мы усмотримъ въ немъ дальнѣйшій фазисъ литературнаго развитія: передъ нами ясная попытка описать внѣшность дѣйствующихъ лицъ (описаніе апостола Павла); вносится любовный элементъ, сообщающій строгимъ очертаніямъ евангельскихъ героевъ движеніе и краски дѣйствительной жизни; проясняется определенное желаніе разобраться въ психикѣ дѣвушки, до фанатизма увлекшейся новой вѣрой; наконецъ, въ сюжетъ вливается элементъ фантастики, выходящей за предѣлы, допускаемые каноническими книгами.

Какова-же дальнѣйшая судьба этого сюжета? Онъ воскреснетъ тогда, когда возродится интересъ къ нему: воскреснетъ въ новой обстановкѣ, несомнѣнно, еще болѣе реальной. Я прохожу мимо длиннаго ряда христіанскихъ романовъ (см. ниже пересказъ «Клементинъ»), примыкающихъ въ своемъ развитіи къ указанному апокрифу и ему подобнымъ, — и останавлиюсь, хотя-бы, на

романъ Сенкевича: «*Quo vadis?*». Что это такое, какъ не «апокрифъ», разработанный въ духѣ реалистической литературы XIX в.? Возможенъ-ли былъ-бы романъ Сенкевича безъ массы посредствующихъ произведеній прозаическихъ и стихотворныхъ, разработавшихъ евангельскія и житійныя темы въ реалистическомъ направлении?

Въ апокрифическомъ евангеліи Никодима разсказывается о томъ, какъ Іосифъ Аримаѳейскій снялъ съ креста тѣло Спасителя и погребъ его въ своей усыпальницѣ. Посаженный въ тюрьму, онъ чудесно освобожденъ Христомъ. Послѣ взятія Кесаріи (1101 г.), крестоносцы нашли чашу, сдѣланную изъ цѣлаго смарагда. Народное воображеніе попыталось объяснить происхождение чудеснаго сосуда и отождествило съ той чашей, которая стояла передъ Христомъ во время Тайной вечери. Хранителемъ этой чаши народная фантазія сдѣлала Іосифа Аримаѳейскаго; ее вручилъ ему Христосъ, явившись въ тюрьму. Эта чаша св. благодати, въ которой собраны капли божественной крови, долго поддерживала жизнь Іосифа. Она тюремное заключеніе обратила для него въ блаженство. На этомъ народномъ сказаніи развились романы «Круглаго стола». Чаша св. Граля собрала къ себѣ рыцарей съ королемъ Артуромъ во главѣ. Чудеса Граля таковы, что все грѣшное человѣчество не въ состояніи сдвинуть его съ мѣста, тогда какъ его поднимаетъ нѣжная рука: онъ дается не физической, а сердечной чистотѣ. Святая чаша хранится въ храмѣ, наподобіе Соломонова; тамъ стерегутъ ее король и рыцари Граля; они отказались отъ плотской любви и всякаго порока, принесли обѣты дѣвственности, вѣрности, смиренія. Постоянное созерцаніе Граля давало вѣчную жизнь. Легенды о Мерлинѣ, о Парцивалѣ, Лоэнгринѣ, ихъ литературныя, художественныя и музыкальныя обработки—всѣ коренятся въ этомъ апокрифѣ объ Іосифѣ Аримаѳейскомъ.

Такимъ образомъ, въ развитіи темы о св. чашѣ передъ нами еще одна схема развитія, тождественная съ первой по своему построенію; но отличная лишь окраской мистицизма.

Обращаясь, въ заключеніе, къ двумъ произведеніямъ, которыя, примыкая къ каноническимъ книгамъ, въ своемъ развитіи приняли окраску «волшебства».

Прежде всего, передъ нами апокрифическое житіе Кипріяна. Это житіе тѣсно примыкаетъ къ апокрифическому житію Теклы (см. выше). Героиня его Юстина—слѣпокъ съ Теклы.

Однажды Юстина, сидя у окна, слушала проповѣдь діакона Правлія. Увлеченная проповѣдью дѣвушка пожелала видѣть его лицомъ къ лицу. Язычникъ Аглаидасть, увидѣвъ ее, влюбился въ нее и сталъ свататься, но недавно обращенная въ христіанство Юстина отвѣчала, что она невѣста Христа. Тогда влюбленный Аглаидасть насильно обнялъ ее. Святая Юстина, сотворивъ крестное знаменіе, стала защищаться, повалила его, кулаками избила его и разорвала одѣяніе. «Сдѣлавъ это подобно своей учительницѣ Теклѣ», она пошла въ храмъ Божій. Отвергнутый Аглаидасть пришелъ къ волшебнику Кипріану и за деньги просилъ приворожить Юстину. Волшебникъ вызываетъ дьявола и получаетъ отъ него приворотное зелье, которымъ надо обрызгать стѣны дома Юстины. Но чары оказались безсильны, и демонъ не могъ устоять предъ знаменіемъ креста, которымъ осѣняла себя Юстина. Волшебникъ Кипріанъ, убѣдившись въ мощи Христа, сдѣлался христіаниномъ и сталъ впослѣдствіи епископомъ; Юстину онъ сдѣлалъ діакониссой.

Къ этому житію присоединяется, обыкновенно, еще «Исповѣдь Кипріана».

Въ молодости онъ былъ посвященъ въ языческія таинства Аполона, Деметры, Митры и т. д. Онъ былъ на Олимпѣ, который грѣшники зовутъ жилищемъ боговъ; «я видѣлъ, говоритъ онъ, чудодѣйственные травы, видѣлъ смѣну временъ и вѣтровъ, я лицезрѣлъ сонмы демоновъ и силу каждаго бога и каждой богини. 15 лѣтъ я былъ ознакомленъ гіерофантами съ значеніемъ каждаго растенія, ибо родители мои желали, что-бы я какъ можно скорѣе изучилъ не только естественное произрастаніе травъ, деревьевъ и тѣлъ, но и тѣ силы, которыя князь міра сего вложилъ въ нихъ въ пику творенію Бога. Я былъ затѣмъ въ Аргосѣ, на праздникѣ Геры, посвященъ въ законы соединенія воздуха съ эфиромъ, эфира съ воздухомъ, земли съ водой и воды съ воздухомъ. Я былъ въ Элидѣ и Лакедемонѣ, чтобы изучить высокій полетъ темныхъ и ужасныхъ сагъ. У фригійцевъ учился я прорипанію и разсматриванію жертвъ, у варваровъ изучалъ полетъ птицъ, движенія четвероногихъ, знаменательные голоса ясновидцевъ, трескъ и скрипъ каждаго дерева, камня и лежащихъ въ могилахъ мертвецовъ и скрипъ дверей. 20 лѣтъ я былъ въ Мемфисѣ и учился понимать сокровенныя тайны, характеръ демоновъ и аллегорическія изображенія. Я не разъ видѣлъ чорта, онъ былъ подвластенъ мнѣ, но на дѣвицѣ Юстинѣ я узналъ бесиліе демоновъ. Изъ страны халдеевъ прибылъ я въ Антиохію и сталъ знаменитымъ магомъ и философомъ, тамъ я творилъ не мало чудесъ». Далѣе Кипріанъ рассказываетъ, какъ посѣтилъ его юноша Аглаидасть и просилъ помощи въ любви къ дѣвушкѣ Юстинѣ. Оказывается, не одинъ Аглаидасть былъ пораженъ любовью къ ней, а страдалъ и самъ Кипріанъ.

Рассказываетъ Кипріанъ, какъ безсильна была помощь дьявола. Не будучи въ состояніи дать Аглаидасу настоящую Юстину, дьяволъ показываетъ юношѣ ея призракъ. Но при имени святой дѣвушки, видѣніе исчезло. Всѣ уловки Кипріана не привели ни къ чему, онъ самъ

превращался въ разные виды, превращая и Аглаидаса; при помощи демона наслалъ чуму на городъ, заявивъ черезъ оракула, что городъ тогда освободится отъ эпидеміи, когда заставятъ Юстину выйти замужъ за Аглаидаса; но святая дѣвушка своею молитвой избавила родной городъ отъ чумы. Тогда Кипріанъ созналъ безсиліе помощника-демона и сдѣлался христіаниномъ.

Эта любопытная легенда, тѣсно примыкающая къ житію Теклы, является несомнѣннымъ расширеніемъ его, благодаря включенію въ содержанія элемента «волшебства». Здѣсь оно является почти равноправнымъ христіанству: это состязаніе двухъ міровъ, двухъ міросозерцаній—царство дьявола и царство Бога.

Въ житійной литературѣ этотъ мотивъ явился на смѣну болѣе грубой борьбѣ: въ раннихъ христіанскихъ житіяхъ мы имѣемъ дѣло съ мучениками за вѣру, съ картинами физическихъ страданій. Когда гоненія на христіанъ прекратились, борьба, только что принесенная христіанами, углубилась — и свелась къ борьбѣ со зломъ, воплотившемся въ образѣ дьявола-искусителя.

Послѣдній примѣръ, къ которому я обращаюсь, это романъ «Климентины», представляющій собой любопытное развитіе апокрифа о дѣяніяхъ апостола Петра. Это развитіе развернулось особенно пышно, благодаря сочетанію его со схемой греческаго романа, благодаря введенію элемента волшебства и ясной реалистической тенденціи. Романъ любопытенъ, какъ отраженіе борьбы христіанства съ язычествомъ въ тотъ моментъ, когда оба міросозерцанія были равноправны. Герой романа, Климентъ—язычникъ, который, очевидно, представляетъ собой благодарный матеріалъ для новой религіи. Въ началѣ романа онъ самъ такъ рекомендуетъ себя:

«Я, Климентъ, будучи римскимъ гражданиномъ, провелъ первую молодость добродѣтельно: мысль моя отвращалась отъ похоти, ибо мнѣ всегда была присуща (не знаю откуда взявшаяся) дума о смерти, не разъ твердившая мнѣ, что послѣ смерти меня не будетъ, что безпредѣльное время предастъ все забвенію, что я не буду существовать; меня тревожила мысль и о томъ, созданъ-ли былъ міръ, и чѣмъ онъ былъ до созданія (существовалъ ли и будетъ ли существовать вѣчно, или былъ созданъ и разрушится), и чѣмъ будетъ по разрушеніи,—будетъ-ли молчаніе и забвеніе или нѣчто такое, о чемъ теперь и помыслить невозможно». Климентъ пытается разрѣшить мучившіе его вопросы при помощи различныхъ философскихъ ученій, но ни въ одномъ не находитъ удовлетворенія. Онъ уже собирается ѣхать въ Египетъ, эту колыбель таинственныхъ наукъ, какъ вдругъ слышитъ, что въ Іудеѣ явился удивительный мудрецъ Іисусъ, проповѣдующій о царствѣ Божіемъ, творящій чудеса. Климентъ отправляется въ Іудею,

но буря занесла его корабль въ Александрію. Здѣсь Климентъ сводитъ знакомство съ Варнавой, ученикомъ Иисуса. Подъ вліяніемъ разсказовъ Варнавы, Климентъ дѣлается сторонникомъ Христа и публично защищаетъ его ученіе отъ насмѣшекъ философовъ. Затѣмъ Климентъ отправился въ Іудею и остановился въ Кесаріи. Въ это время въ городѣ пребывалъ апостоль Петръ, который пріѣхалъ сюда ради диспута съ самаряниномъ Симономъ. Климентъ сходитъ съ апостоломъ, и тотъ въ длинной рѣчи отвѣчаетъ ему на мучившіе его вопросы о мірозданіи, о безсмертіи души, о грѣхѣ и загробномъ судѣ. Затѣмъ Климентъ узнаетъ, что за человѣкъ Симонъ. Оказывается у Іоанна Крестителя, по числу 30 дней мѣсяца, было 30 учениковъ (а такъ-какъ 30-й день больше обыкновеннаго, то кромѣ 30 учениковъ, была ученица Елена, которая, будучи женщиной, равнялась половинѣ мужчины). Симонъ былъ главнымъ ученикомъ Іоанна. Въ моментъ казни Іоанна, Симонъ пребывалъ въ Египтѣ, гдѣ изучалъ тайныя науки. Въ его отсутствіе мѣсто учителя среди учениковъ Іоанна занялъ Досіеей, который и сталъ интриговать противъ Симона; явился Симонъ и сталъ подрывать престижъ Досіея, увѣряя учениковъ, что Досіея—невѣжда. Затѣмъ Симонъ творитъ разныя чудеса, которыя заставляютъ Досіея признать себя побѣжденнымъ. Симонъ беретъ съ собою Елену и странствуетъ, проповѣдуя всюду, что Елена—та высшая мудрость и высшая сущность, изъ-за которой боролись греки и варвары, признавая ее за олицетвореніе истины. Симонъ творитъ множество чудесъ: оживляетъ статуи, камни превращаетъ въ хлѣбъ, летаетъ и т. д. Между прочимъ, онъ создаетъ человѣка изъ воздуха и затѣмъ снова разлагаетъ этого homunculus'a, обращая его въ воздухъ.

Дальнѣйшая судьба Симона сплетается съ дѣятельностью ап. Петра, который сильнѣе мага-Симона и преслѣдуетъ его по пятамъ, желая обличить. Ученики Петра—Аквилъ, Никита и Климентъ помогаютъ своему учителю, обличая учениковъ Симона: грамматика Аппіона, астролога Аннубіона и эпикурейца Аеинодара.

Изъ этихъ диспутовъ прекрасно обрисовывается міровоззрѣніе «послѣднихъ язычниковъ» эпохи упадка. Взгляды на любовь этихъ учениковъ Симона и Петра тоже разительнo противоположны. Такъ Аппіонъ доказываетъ, основываясь на міеологіи, что Эротъ—главный изъ боговъ, что любовь должна быть плотскою. Изъ его рѣчей видно, что сами боги знали всѣ виды плотской любви до противоестественной включительно. Въ сущности Аппіонъ, толкуя о богахъ, въ нихъ не вѣритъ, его пониманіе ихъ только философско-аллегорическое; боги, въ его глазахъ, только символическіе образы. Между тѣмъ Петръ, неотступно преслѣдуя Симона, проповѣдуетъ повсюду слово Божіе и творитъ чудеса. Симонъ старается повредить ему, но всегда терпитъ пораженіе.

Въ романѣ обильно разбросаны наставленія Петра; авторъ говоритъ намъ объ его ученіи, хотя вноситъ порокъ въ его рѣчи нехристіанскій апокрифическій колоритъ. Такъ, напримѣръ, Петръ говоритъ о смѣшеніи ангеловъ съ женщинами, отъ чего произошли

гиганты. На нѣкоторыхъ рѣчахъ замѣтно вліяніе Заратустры, въ другихъ мѣстахъ ученые находятъ сходство съ идеями апокрифическихъ произведеній (напр. откровеніе Мееодія Патарскаго). Изъ разговоровъ съ Климентомъ, Петръ узнаетъ, что семья его ученика сродни Кесарю, что у него было 2 брата, Фаустинъ и Фаустиніанъ. Климентъ рассказываетъ, какъ его мать Маттидія однажды увидѣла сонъ, вслѣдствіе котораго она на 10 лѣтъ уѣхала съ старшими сыновьями въ Грецію, боясь, въ противномъ случаѣ, умереть вмѣстѣ съ ними. Отецъ Климента, Фаустъ, отправилъ жену въ путь съ Фаустиномъ и Фаустиніаномъ, а его Климента, оставилъ при себѣ. Потерявъ всякіе слѣды уѣхавшей жены, Фаустъ оставилъ 12 лѣтняго Климента въ Римѣ; самъ отправился на поиски, и тоже пропалъ. Теперь Климентъ не увѣренъ даже, живъ-ли его отецъ. Здѣсь развитіе романа идетъ по схемѣ греческаго романа, который обыкновенно строился на разлукѣ пропавшихъ безъ вѣсти и, наконецъ, встрѣчахъ и узніяхъ. Совершенно по такому плану происходитъ встрѣча Климента съ матерью, отцомъ и братьями. Апостолъ Петръ, одаренный божественной силой провидѣнія, помогаетъ ему. Длинные рассказы о приключеніяхъ дѣйствующихъ лицъ, тоже во вкусѣ греческаго романа, вводятся въ эту часть романа. Братьями Климента оказываются ученики Петра, Ахилла и Никита. Любопытнѣе всего встрѣча съ отцомъ Климента. Въ его лицѣ мы встрѣчаемъ опять представителя стараго отживающаго міровоззрѣнія. Встрѣтившись съ Петромъ, онъ увѣряетъ, что христіане ошибаются, вѣря въ Бога и въ Провидѣніе: все, что ни случается съ людьми, зависитъ отъ судьбы,—отъ того, что на роду написано, уйти нельзя. По представленію его, судьба человѣческой зависила отъ свѣтилъ. Слѣдуетъ рассказъ его о собственной жизни—въ сущности греческій романъ, все дѣйствіе котораго построилось на прихоти судьбы (*tyche*), но Петръ вноситъ свое освѣщеніе въ рассказъ Фауста и на нашихъ глазахъ разрушаетъ все построеніе стараго языческаго романа. Пользуясь случаемъ, Петръ рассказываетъ о значеніи судьбы, о природѣ зла.

Между тѣмъ, Симонъ, при помощи волшебства, придаетъ Фаусту свой видъ. Его всѣ признаютъ за Симона, одинъ Петръ прозрѣваетъ истину и хитро пользуется фокусомъ Симона въ своихъ цѣляхъ: обѣщая исцѣленіе, онъ убѣждаетъ Фауста-Симона публично признать свои заблужденія. Народъ признаетъ въ немъ настоящаго Симона, и престижъ мага падаетъ, а вліяніе апостола сразу вырастаетъ. Прибѣгнувъ къ ловкому обману, онъ передъ учениками Симона продолжаетъ ловко разыгрывать роль человѣка, ничего не знающаго о судьбѣ исчезнушаго Фауста.

Таковъ этотъ интересный романъ, представляющій собою посредствующее звено между каноническими книгами, съ одной стороны, — народными легендами о волшебникѣ Фаустѣ и безсмертнымъ гетевскимъ Фаустомъ (ср. присутствіе въ романѣ Елены, *homunculus'a* и пр.) — съ другой. Могъ-ли Гёте создать

свое твореніе безъ посредства житія Кипріана, безъ романа «Клементинъ», безъ народной легенды о Фаустѣ?

Приведенные примѣры съ достаточною убѣдительностью указываютъ намъ путь развитія европейскаго романа. Стоитъ одному изъ рыцарей Круглаго стола, Амадису, перенестись на Пиринейскій полуостровъ,—эту родину реалистическаго романа и драмы,—исчезнетъ средневѣковой мистицизмъ, упадетъ уже неинтересный для эпохи мотивъ о св. чашѣ, останется добродѣтельный рыцарь-идеалистъ, слуга человѣчеству, слуга прекрасныхъ дамъ. Онъ найдетъ свое счастье не въ созерцаніи св. чаши, а въ служеніи землѣ. Если демоны ставили аскету препятствія въ его приближеніи къ созерцанію Бога, то теперь, съ торжествомъ земныхъ стремленій надъ небесными, они воплотились въ злыхъ волшебниковъ,—съ ними будетъ бороться Амадисъ и его безчисленные ученики. Пройдетъ еще нѣсколько времени,—наступятъ времена раціонализма, упадетъ элементъ волшебства, земная жизнь еще болѣе захватитъ человѣчество, подойдетъ XVII вѣкъ—и вотъ оживетъ греческій романъ, съ его исключительно земнымъ драматизмомъ. Но суть остается та же. Только теперь рыцарь-идеалистъ превратится въ «кавалера», иногда носящаго греческое имя, но всегда наряженнаго въ камзолъ французскаго придворнаго, живущаго своеобразными идеалами вѣка. Сдѣлаемъ еще шагъ. Пуританскіе идеалы мѣщанской Англіи и торжество реализма въ XVIII в. выдвинутъ героевъ Ричардсона, его Грандиссона, Клариссу, этихъ «христіанскихъ героевъ», окруживъ ихъ событіями изъ дѣйствительной жизни. Опять суть дѣла остается та же: мѣняются лишь духъ эпохи, обстановка романа, приемы письма.

Итакъ, отъ героевъ Св. Писанія—къ героямъ апокрифа и легенды, отъ нихъ—къ рыцарю Круглаго стола и Амадису къ безупречному «кавалеру» XVII в. и, наконецъ, къ идеальнымъ романическимъ лицамъ XVIII, а затѣмъ и XIX вѣка,—вотъ путь, на которомъ развернулась исторія христіанскаго романа—путь, совершенно аналогичный съ тѣмъ, по которому когда-то прошла исторія романа греческаго.

Таково одно теченіе европейскаго романа,—оно охватитъ лишь судьбу идеалистическаго романа, того, въ которомъ герои являлись въ роли выразителей лучшихъ, высшихъ стремленій эпохи.

Параллельно съ этимъ теченіемъ, независимо отъ него, шло развитіе «реалистическаго» романа. Его исторія развернулась на

развитіи «новеллы» — этого короткаго анекдота, выхваченнаго изъ жизни. Маленькая сплетня о любовной удачѣ предприимчиваго юноши, о невѣрности жены, о простотѣ мужа, веселый рассказъ о ловкихъ похожденияхъ плута, — вотъ остова «новеллы». Она возникла и расцвѣла въ средѣ городской жизни, достаточно развращенной для того, чтобы на такія новеллы всегда былъ спросъ, — достаточно богатой, чтобы хватило времени для веселаго времяпрепровожденія. Этими новеллами увлекались малоазійскіе греческіе города, ими восхищались итальянскіе города эпохи Возрожденія; онѣ сдѣлались популярны и во Франціи, и въ Германіи... Онѣ легко возникали самостоятельно то тамъ, то здѣсь, легко разносились изъ страны въ страну, видоизмѣняясь, подвергаясь литературной обработкѣ, безъ труда пополняясь яркими впечатлѣніями дѣйствительности. Въ «Декамеронѣ» Боккаччіо онѣ углубились психологическимъ анализомъ и разработкой деталей; въ «плутовскомъ» романѣ онѣ сплотились около одного героя, изъ отдѣльныхъ эпизодовъ сливаясь въ одну неразрывную, быть можетъ, нѣсколько искусственную цѣпь включеній. Стоитъ этому роману въ XVIII в. соприкоснуться съ романомъ «идеалистическимъ», стоитъ его беззаботныхъ героевъ освѣтить нѣсколько идеализмомъ Фильдинга, — и передъ нами — реалистическій романъ нашихъ дней. Въ немъ нѣтъ навязчивой проповѣди Ричардсона, — въ немъ и радости и горести дѣйствительной жизни, герои — люди обыкновенные, со слабостями и недостатками, но за то и съ такими достоинствами, которыя дѣлаютъ ихъ симпатичными, вызываютъ къ нимъ участіе и любовь читателя. Правда дѣйствительной жизни, въ которой зло и добро прихотливо перемѣшаны, нашла себѣ яркое выраженіе въ этомъ романѣ. XIX вѣкъ ничего новаго не сказалъ устами своихъ великихъ романистовъ — онъ освѣтилъ этотъ романъ новыми культурными идеями, онъ внесъ рядъ тонкихъ техническихъ приемовъ письма, поставилъ передъ романистомъ новыя болѣе сложныя задачи.

Повѣсти, печатаемые въ этомъ изданіи, распадаются на четыре группы. Къ первой, переходной отъ житія къ повѣсти, относятся повѣсти о Горѣ-злосчастіѣ, Саввѣ Грудцынѣ, отчасти о царевнѣ Персіи; ко второй группѣ первыхъ русскихъ реалистическихъ повѣстей-новеллъ относится повѣсть о Фролѣ

Скобѣевъ и «Отрывокъ романа въ стихахъ»; къ третьей группѣ должны быть отнесены повѣсти объ Архилабонѣ, объ Александрѣ, кавалерѣ російскомъ, о Василю —матросѣ; всѣ онѣ принадлежать петровской реформованной Россіи, и по духу, и по настроенію рѣзко отличаются отъ повѣстей московскихъ; на нихъ лежитъ тотъ интернаціональный отпечатокъ, который говоритъ о характерѣ петровской Руси. Наконецъ, къ четвертой группѣ могутъ быть отнесены всѣ прочія повѣсти, которыя не отмѣчены колоритомъ времени и мѣста, и любопытны только въ литературномъ отношеніи, иллюстрируя разныя частныя явленія изъ исторіи романа и повѣсти: разработку ходячихъ сюжетовъ, претвореніе чужого сказанія въ русскую сказку, вліяніе народной сказки на письменную повѣсть и пр.

I. Первое произведеніе, «Повѣсть о Горѣ-Злосчастьи» найдено въ 1856 г. А. Н. Пыпинымъ среди погодинскихъ бумагъ. Особенность этого произведенія заключается въ томъ, что оно со всѣхъ сторонъ окружено произведеніями народной поэзіи —пѣснями, сказками, пословицами. Примыкая своимъ назидательнымъ направленіемъ, а также легкимъ наслоеніемъ московскаго благочестія къ духовнымъ стихамъ, произведеніе это удивительно полно и ярко выражаетъ народное міросозерпаніе на жизнь; оно все цѣликомъ соткано изъ образовъ народной русской поэзіи и украшено всѣми богатствами народнаго творчества. Тѣмъ не менѣе, необходимо, вслѣдъ за А. Н. Пыпинымъ, признать, что «въ нашей повѣсти можетъ быть признано участіе отдѣльнаго автора». «Мы думаемъ, продолжаетъ почтенный изслѣдователь, что нѣкоторыя части стихотворенія выказываютъ родъ литературной отдѣлки, а не были готовымъ произведеніемъ народной фантазіи...Участію одного автора не противорѣчитъ прелесть языка, вполне проникнутаго всѣми началами народно-поэтическаго выраженія; языкъ могъ быть усвоенъ отдѣльнымъ авторомъ, если этотъ послѣдній умѣлъ схватить коренную идею преданья и остаться ей вѣрнымъ». Напечатанныя мною вслѣдъ за повѣстью народныя пѣсни сходнаго содержанія помогутъ разобраться въ рѣшеніи темнаго вопроса объ авторѣ повѣсти. Вѣроятно же всего, онъ лишь обработалъ народные мотивы о горѣ, преслѣдующемъ молодца, примѣнилъ ихъ къ своей несчастной жизни, внесъ въ произведеніе свой анонимный субъективизмъ, выразивъ его назидательностью и благочестіемъ.

Какъ-бы тамъ ни было, но самыя пѣсни народныя объ искушеніяхъ молодца, объ его паденіи, о спасеніи въ монастырѣ могли

возникнуть только при посредствѣ той вульгарной благочестивой пѣсни, которая зовется «духовными стихами».

«Духовные стихи» на первых порахъ явились простымъ переложениемъ популярныхъ апокрифовъ и житій въ стихъ былины, или лирической пѣсни. Оттого и самые духовные стихи можно дѣлить на эпическіе и лирическіе. Къ первымъ относится, хотя бы, стихъ о Егоріи Храбромъ. Если мы будемъ стихи о Егоріи сравнивать съ житіемъ того-же святого, мы увидимъ, какъ далеко ушло отъ него народное творчество. Тусклость образовъ письменнаго эпоса-житія въ этомъ народномъ произведеніи восполнено свободно и широко всѣми богатствами народной фантазіи. Если мы сравнимъ «стихъ» съ «былиною», мы и здѣсь увидимъ шагъ впередъ. Передъ нами въ «стихѣ» описаніе, хотя бы, дремучихъ лѣсовъ, непроходимыхъ дебрей неустроенной Руси. («Лѣса съ лѣсами совивалися, Вѣтви по землѣ разстилалися»). Это описаніе свидѣтельствуетъ о томъ, что народъ отъ своихъ «постоянныхъ эпитетовъ» перешелъ уже къ болѣе свободному изображенію дѣйствительности. Затѣмъ невольно чувствуется во всемъ произведеніи глубокое настроеніе народа-творца, создавшаго свой культурный ростъ.

Сравненіе этихъ стиховъ съ той былиной объ Ильѣ; въ которой рассказано, какъ онъ чистилъ дорогу отъ Муромъ до Кіева, укажетъ лучше всего, насколько стихи о Егоріи выше по осмысленности и живости чувствъ. Наконецъ, въ приведенныхъ стихахъ есть стремленіе къ символу, не тому безотчетному, какой мы встрѣчаемъ въ народной поэзіи, а тому, въ которомъ чутся личное изобрѣтеніе поэта. Егорій—это олицетвореніе культурной силы христіанства, просвѣтившаго дикую Русь. Недаромъ онъ попалъ въ гербъ Московскаго царства!

Высокой поэзіей отличается также народное переложеніе апокрифа «Хожденіе Богородицы по мукамъ». Если оно потеряло много въ колоритѣ мрачной грандіозности, какая наброшена на картины ада въ апокрифѣ, то зато выиграло въ задушевности чувства и силѣ лиризма. Богородица представляется здѣсь еще мягче, еще человѣчнѣе, а вопль грѣшниковъ, потерявшихъ надежду попасть въ рай, полонъ, дѣйствительно, яркаго чувства, въ которомъ нѣтъ мѣста общимъ мѣстамъ народной поэзіи.

Очень характерны стихи: «О вознесеніи Христа». Нищая братія расплакалась, видя, что Христосъ ее покидаетъ. Въ утѣшеніе Христосъ общается нищимъ «гору золотую», но Іоаннъ

Златоустъ говоритъ, что гору эту отнимутъ сильные и знатные и предлагаетъ дать имъ «имя Святое», которымъ бы они прикрывались, прося милостыню. Все это свидѣтельствуешь о несомнѣнной остротѣ самосознанія, — здѣсь чувствуется горечь обиды на человѣческую несправедливость къ «униженнымъ» и высокій подъемъ теплой любви къ Богу, успокаивающей и примиряющей сердца «малыхъ» людей.

До какой высокой степени поэтической созерцательности доходило въ духовныхъ стихахъ народное чувство, свидѣтельствуешь, хотя бы, въ «стихахъ объ Іосафѣ» бесѣда юнаго царевича «съ прекрасной матерью» — съ природой. Она отговариваетъ юношу отъ уединенія:

«Не жить тебѣ въ пустынѣ;
Придетъ мать весна красна,
Лузья, болота разольются,
Древа листьями одѣнутся
И запоютъ птицы райскія
Архангельскими голосами,
А ты изъ пустыни вонъ изыдешь,
Меня—мать прекрасную, покинешь».

На это Іосафъ отвѣчаетъ:

«Въ зеленой въ дубравѣ
Есть частыя древа,
Со мной будутъ думы думати,
На древахъ есть мелкіе листья,
Со мной стануть говорити,
Прилетятъ птицы райскія
Станутъ распѣвати,
Меня будутъ потѣшати...»

«Думы думати» съ деревьями, говорить съ «мелкими листьями» — вѣдь, это все мотивы новой поэзіи, — вѣдь это, значитъ, «внимать дольней лозы прозябанью»; слушать ту таинственную сагу, которую лепечетъ играющій въ оврагѣ ключъ! Очевидно, для того пѣвца, который пѣлъ «стихъ о пустынѣ», и переживалъ его высокій лиризмъ, уже миновали времена безсознательной «жизни въ природѣ», уже онъ вырванъ изъ нѣдръ ея, уже онъ съ нею разговариваетъ, чувствуя свою близость къ ней и въ то же время оторванность. Очень характерны также стихи: «Плачь земли», «Прощаніе души съ тѣломъ», «Плачь души грѣшной», «О грѣшной душѣ», — всѣ эти произведенія, съ содержаніемъ, заимствованнымъ у Византіи, — очень характерны. Въ

эпической формѣ, иногда переходящей даже въ діалогъ, выражены здѣсь лирическія настроенія души, углубленной самопознаніемъ, знающей свои раны. Эта психологія, это умѣнье вслушиваться въ голосъ совѣсти,—все это признаки пробужденія личности. Христіанство вездѣ способствовало этому, — оно отъ внѣшняго міра вело человѣка въ міръ внутренний, оно говорило человѣку, что царство Божіе внутри его, заставляло искать это царство въ своей душѣ, заставляло всматриваться въ эту душу, вслушиваться въ ея голоса и, благодаря этому, въ концѣ концовъ, вело человѣка къ самопознанію. Самая форма указанныхъ стиховъ — эпическая, въ видѣ монолога или діалога, тоже очень характерное явленіе, говорящее какъ разъ о пробужденіи личности, о потребности вслушаться въ голосъ души и тѣла, вслушаться въ голосъ земли, плачущей о грѣхахъ людей¹⁾.

Повторяемъ, такое углубленіе народной поэзіи зависѣло главнымъ образомъ отъ популярности апокрифовъ,—они оживотворили народное творчество, обогативъ его новымъ содержаніемъ, проложивъ дорогу къ свободѣ творчества мысли и чувства. Въ результатъ, передъ нами ясное осложненіе мысли и чувства и, несомнѣнно, связанное съ этимъ движеніе отъ безличнаго, общаго, массоваго—къ личному, индивидуальному...

Природа, созерцаемая подъ угломъ религіознаго экстаза, мысль, доросшая до сознательнаго исканія символа, стремящаяся въ олицетвореніи и даже въ отвлеченныхъ образахъ выразиться полнѣе и картиннѣе, усложнившійся міръ души,—все свидѣлствуетъ о томъ, что поэзія этой поры развивалась быстро и ясно.

Чудная повѣсть: «О Горѣ-Злосчастіи» — лучшее доказательство нашихъ словъ.

Начинается повѣсть издалека,—ея запѣвъ о сотвореніи міра, о томъ, какъ грѣхъ завладѣлъ землей, звучитъ мрачно, величественно. Это—увертюра къ тяжелой человѣческой драмѣ. Отецъ съ матерью читаютъ сыну нравоученія, предостерегаютъ его отъ пировъ, пьянства и разгула. Но сынъ былъ непокорливъ. Онъ не дорожитъ даже благословеніемъ родителей — онъ вѣритъ въ

¹⁾ Эта форма «разговора» — грубый примѣръ первичнаго психологическаго анализа, но самое содержаніе этого разговора тоньше, чѣмъ тѣ бесѣды съ демонами, которыя велись нашими монахами Кіево-Печерскаго монастыря (см. Кіево-Печерскій патерикъ). Тамъ внутренняя борьба еще не сознавалась таковою; испуганное воображеніе влагало свои внутренніе голоса въ уста дьявола или ангела.

себя, въ свои силы. Онъ чувствуетъ уже въ себѣ просыпающуюся личность, жаждетъ свободы и дѣятельности. Первые шаги героя оказались неудачны: его напоили и ограбили. Проснувшись, онъ надѣваетъ на себя отрепья бродяги и горько шутить:

«Житіе мнѣ Богъ далъ великое:
Ясти-кушати стало нечего».

Родня и друзья отъ него «отчитаются», «отпираются». Онъ идетъ на сторону дальнюю, начинаетъ жизнь сызнова: «сталъ жить умѣючи и отъ великаго своего разума наживалъ имѣнья больше прежняго». На брачномъ пиру онъ опять забылъ завѣтъ старины, что «гнило слово похвальное» — опять поднялъ голову, опять гордость своею «личностью» заговорила въ немъ, и сталъ онъ хвастаться. Услышало похвалбу «Горе-Злосчастіе» и угрюмо отвѣтило на эту похвалбу замѣчаніемъ, что и «мудрѣе» были люди, чѣмъ онъ, да и тѣхъ оно, Горе, одолѣло. Итакъ «Горе-Злосчастіе» — та грозная неумолимая судьба, отъ которой не уйти человѣку даже въ могилу, не уйти даже тому, кто живетъ по «старымъ завѣтамъ», «обставляетъ себя умѣлой жизнью». Горе является во снѣ молодцу въ видѣ свѣтлаго духа и уговариваетъ оставить невѣсту и пропить деньги. Опять молодецъ скитается бродягой по землѣ... Однажды пришлось ему переѣзжать черезъ рѣку, а денегъ не было, чтобы заплатить перевозчикамъ; хочетъ онъ утопиться, но Горе запрещаетъ ему это сдѣлать: грозное является оно молодцу и требуетъ покорности. Молодецъ кланяется Горю своему. Онъ примиряется съ своею участью, — другими словами, у него уже подрѣзаны тѣ самовольныя крылья, что унесли его изъ отчуждающаго дома, — его «личность», съ которой онъ такъ носился, смята и унижена...

Горе внушаетъ ему равнодушіе къ жизни: «Не будь въ горѣ кручиновать: въ горѣ жить — не кручинну быть». И вотъ, недавній соколъ, богатый «вѣрой и силой», поетъ «хорошую напѣвочку». Вся она полна драматизма, — она пѣлась весело, но веселье это покрывало то горе, которое уже не знаетъ слезъ... Напрасно мать любовалась имъ въ дѣтствѣ, напрасно онъ самъ сознавалъ, что онъ «бѣлшенекъ» — что-то безпощадное, неумолимое рѣшило, что онъ «завѣченъ» жить «головенкою» (головней, обуглившейся палкой). Пѣсня понравилась перевозчикамъ, они даромъ перевозили молодца, напоили, накормили, одѣли и совѣтовали идти домой къ отцу, къ матери... Идетъ молодецъ домой, а горе,

будто «ворона надъ соколомъ», каркаетъ, что нигдѣ не найти ему спасенія...

Молодецъ напрягаетъ свои послѣднія силы, чтобы уйти отъ судьбы; онъ ужъ не борется, онъ безпомощно мечется во всѣ стороны, желая уйти отъ чудовища, его преслѣдующаго. Эта агонія, полная ужаса и отчаянія, передана въ дивныхъ образахъ, цѣликомъ взятыхъ изъ народныхъ пѣсенъ и потому спокойныхъ и эпически-безстрастныхъ. Молодецъ, истомленный и измученный этой травлею, идетъ въ монастырь:

«Горе у святыхъ воротъ остается,
Къ молодцу впередъ не привяжется».

Заключеніе повѣсти слѣдующее:

«А сему житію конецъ мы вѣдаемъ;
Избави, Господи, вѣчныя муки,
А дай намъ, Господи, свѣтлый рай
Во вѣки вѣковъ, аминь».

Приведенное произведеніе любопытно во многихъ отношеніяхъ: однимъ концомъ оно все входитъ въ религіозныя настроенія старины, — въ какомъ апофеозѣ представлено тихое убѣжище — монастырь, въ которомъ отъ злой доли тогда находили приютъ многіе несчастные люди! Вотъ почему произведеніе это глубоко захватываетъ жизнь русскаго человѣка XVI—XVII в.: оно рисуетъ намъ въ рѣчахъ отца и матери и всѣхъ «добрыхъ людей» повѣсти—идеалы старины, ту мудрость, которая выработана была вѣками для борьбы все съ тѣмъ же горемъ-злосчастьемъ. Но въ лицѣ героя—человѣкъ новаго времени, — онъ чувствуетъ свою силу, не защищаетъ себя идеалами старины, а вѣритъ въ себя и оказывается беззащитнымъ передъ Горемъ: ничего онъ не можетъ ему противопоставить, кромѣ личной силы, а ея для такой борьбы мало, — и вотъ онъ выбитъ изъ колеи, какъ бывають выбиты многія даровитыя личности въ эпохи переходныя.

Но нашъ молодецъ не совсѣмъ еще оторвался отъ старины; онъ нѣсколько разъ пытается найти спасеніе въ завѣтахъ старины, и окончательно находитъ это спасеніе въ религіи, въ приближеніи къ Богу своей измученной души. Конечно, повѣсть «О Горѣ-Злосчастьи» — вполне свѣтское произведеніе; его мы поставили рядомъ съ духовными стихами потому, что оно вызвано ими, оно — слѣдующая ступень народной поэзіи къ «живству», къ

изображенію дѣйствительности. Такимъ же моментомъ въ живописи были тѣ произведенія, въ которыхъ религіозные сюжеты, допускавшіе постепенно все болѣе свѣтскій элементъ, уступили первое мѣсто именно этому свѣтскому элементу, и, наконецъ, исчезли и съ этого второго мѣста.

Обращаясь къ самой повѣсти, мы остановились прежде всего на образѣ молодца; изъ повѣсти неизвѣстно, кто онъ, чѣмъ занимается, гдѣ протекаетъ его жизнь... Передъ нами отвлеченный образъ—«типъ» несчастнаго, художественный синтезъ, создавшійся изъ анализа внутренней жизни русскаго общества,—печальный результатъ тѣхъ «новыхъ голосовъ», которые преждевременно вырывали изъ общества людей часто съ слишкомъ тонкимъ слухомъ.

Если мы обратимся къ народной поэзіи, русской и славянской, мы тамъ найдемъ сходные мотивы. Впрочемъ, понятіе о судьбѣ, какъ рѣшительницѣ всей жизни человѣка, широко распространено у всѣхъ народовъ, особенно языческихъ. Христіанская вѣра въ загробную жизнь, гдѣ праведные получаютъ вознагражденіе, значительно обезсилило этотъ могучій образъ, который изъ египскаго царя Эдипа сдѣлалъ безъ его вины слѣпца и изгнанника. Для язычника не было утѣшенія въ надеждѣ на милостивый судъ за гробомъ, и онъ смирялся передъ случайностью жизни, осмысливъ ее волею «судьбы». Народъ даже съ принятіемъ христіанства не смогъ совершенно разстаться съ этимъ туманнымъ образомъ «судьбы», и съ нимъ мы встрѣтимся въ цѣломъ рядѣ пѣсенъ, въ длинномъ рядѣ синонимовъ-прозваній судьбы: «Участь-таланъ», «безсчастье», Горе, Нужда, Кручина, Доля, Злыдни, Осудъ, Удѣлъ, Судина.

Христіанское пониманіе доли, или скорѣе недоли, является тогда, когда о ней говорятъ, какъ о заслуженной, ниспосланной за грѣхи. Въ повѣсти о Горѣ Злосчастіи я отмѣтилъ неопредѣленное отношеніе къ этому вопросу. Съ одной стороны, какъ будто авторъ-книжникъ хотѣлъ наказать юношу за его легкомысліе и дерзость,—съ другой стороны, вина юноши не при чемъ,—Горе обрисовано въ прежнемъ видѣ Судьбы, которая не щадитъ людей и «мудрѣе» юноши. Отмѣчу кстати, что въ «Словѣ о полку Игоревѣ» со значеніемъ «недоли» является «Обида»,—только здѣсь не одинъ молодецъ навлекаетъ на себя несчастье, а вся русская земля платится за грѣхи своихъ князей,—до княжескихъ междоусобицъ русское храброе гнѣздо «не было Обидѣ

III*

порождено». Въ разгарѣ же неустройствъ русской земли прежде всего «возстала Обида въ силахъ Дажьбожа внука, вступила дѣвою на землю Трояню, всплескала лебедиными крылы на синемъ морѣ»...

Итакъ, анализъ повѣсти: «О Горѣ-Злосчасти» раскрываетъ его сложное происхождение; старое народное міросозерцаніе о судьбѣ, окрашенное христіанскимъ ея пониманіемъ, дало идею этому разсказу, отъ котораго вѣетъ дѣйствительностью, фактомъ. Эволюція церковнаго эпоса къ реализму дала повѣсти обстановку, фонъ, дала возможность окрасить все правдой. Формы, образы, языкъ произведенія взяты изъ народной пѣсни и духовнаго стиха.

Чтобы убѣдиться, какъ далеки мы съ этой повѣстью отъ произведеній древней письменности, сравнимъ это произведеніе, хотя бы, съ Кіевскимъ Патерикомъ. Тамъ передъ нами и страхи дѣтскіе, и искушенія ребяческія. Въ повѣсти: «О Горѣ-Злосчасти» кривляющагося потѣшника-бѣса нѣтъ,—передъ нами грозное чудовище, страшное своею безличностью, безформенностью. Испушеніе здѣсь сводится не къ нарушенію монастырскаго устава, а къ ломкѣ всего міросозерцанія. Тамъ паденіе инока искупалось наказаніемъ игумена, здѣсь—цѣной всей жизни. Настроеніе произведенія близко къ намъ, и потому оно затрагиваетъ насъ.

Если мы обратимся къ тѣмъ народнымъ произведеніямъ, что группируются около повѣсти, мы опредѣлимъ тѣ элементы, изъ которыхъ она сложилась. Въ сборникѣ Кирши Данилова встрѣчаемъ мы и ту «напѣвочку», что пѣлъ молодецъ: «Охъ. въ горе жить некручинну быть»¹⁾). Въ повѣсти изъ нея взято только начало, а жалоба молодца на то, что никуда онъ уйти не можетъ отъ горя, развилась въ повѣсти въ разсказъ отъ имени автора. Впрочемъ, это описаніе навязчивости горя—пѣсенная формула, которая въ разныхъ вариантахъ встрѣчается и въ «причитаніяхъ» и въ пѣсняхъ о молодой женщинѣ и дѣвушкѣ. Въ сказкахъ встрѣчаемъ мы иное отношеніе къ «горю»: по самому существу своему сказка болѣе реалистична, чѣмъ пѣсня,—въ ней нѣтъ мѣста лиризму, —оттого тамъ дѣйствующія лица справляются съ «горемъ», благодаря ловкости: топятъ его, запря-

¹⁾ «Сборникъ Кирши Данилова» подъ ред. П. Н. Шефферъ, 162. (См. у насъ прилож. Г).

тываютъ подъ камень и пр. Ближе всего по содержанію къ нашей повѣсти лиро-эпическія пѣсни о Горѣ¹⁾; сокращая въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ текстъ повѣсти, эти пѣсни (№№ 438—9) развиваются описаніями, введеніемъ эпическихъ формулъ. Гораздо обстоятельнѣе, чѣмъ въ повѣсти, описано времяпрепровожденіе молодца въ кабацѣ, введено участіе «женщины кабацкой», которая во второй пѣснѣ (№ 439) вытѣсняетъ своей конкретной фигурой отвлеченный образъ Горы:

«Изъ того царева изъ кабака
Выходила бабица курвяжица, ярыжная, бабица турыжная
Станомъ ровна и лицомъ бѣла;
У ней кровь въ лицѣ—быдто у заяцы,
Въ лицѣ ягодицы—цвѣту макова...

Такимъ образомъ, въ этой пѣснѣ всѣ грѣхи молодца сводятся къ кабацкому разгульному житію: идейная сторона сюжета сократилась подъ давленіемъ тяжелыхъ образовъ распутства.

II. Второе произведеніе: «Повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ», въ противоположность первому, цѣликомъ принадлежитъ книжному творчеству. Оно всѣми корнями своими въ житійной и легендарной литературѣ. Ближайшими предшественниками этой повѣсти надо считать произведенія, въ родѣ «Повѣсти о Муромскомъ князѣ Петрѣ», «Сказанія о Маріи и Марѣѣ», «Повѣсти о пресвитерѣ Тимофѣѣ», «Сказанія объ Іуліаніи Лазаревской» и др. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ мы столкнемся съ положительными образами, заимствованными изъ житій, но наполненными содержаніемъ изъ современной жизни. Передъ нами уже не святые, не угодники — передъ нами *праведные мірскіе* люди, устоявшіе среди соблазновъ мірской жизни. Дальнѣйшимъ шагомъ къ реализму, въ дѣйствительности было изображеніе людей, уже не безупречныхъ, а обыкновенныхъ смертныхъ, знающихъ грѣхъ, но знающихъ и раскаяніе. Въ этомъ отношеніи любопытна особенно «Повѣсть о пресвитерѣ Тимофѣѣ». Совершивъ великій грѣхъ во время исповѣди, попъ оставилъ семью, убѣжалъ къ татарамъ и, сдѣлавшись тамъ воеводой, не разъ ходилъ съ войскомъ на Русь. Прошло 30 лѣтъ. Разъ послѣ кровопролитной побѣды надъ русскими, возвращался онъ въ Казань; отставъ отъ своихъ войскъ,

¹⁾ Великорусскія народныя пѣсни, изд. проф. А. И. Соболевскимъ т. I, №№ 438—441, 412—45, 447—48. (См. прилож. II—III).

ѣхалъ онъ одинъ полемъ и «вспомянувъ грѣхъ согрѣшенія своего и нача пѣти красный стихъ любимый пречистой богородицы». Русскій ратникъ, прятанный отъ татаръ, услышавъ пѣніе, подумалъ, что ѣдетъ русскій и вышелъ изъ своего убѣжища. Произошло объясненіе. Обасурманившійся попъ вспомнилъ о родинѣ и «нача жалостно и радостно плакати и спедъ съ коня своего и нача землю мочити слезами своими на многъ часъ». Потомъ онъ проситъ у земляка рассказать митрополиту его исторію, испросить прощеніе и въ назначенный срокъ принести отпускную грамоту въ условленное мѣсто. Когда ратникъ исполнилъ просьбу и встрѣтился съ попомъ въ назначенномъ мѣстѣ, тотъ «побѣже скоро противу его и начатъ отрока цѣловати, глаголя ему: «милый мой и любимый друже истинный! что ти воздамъ, вѣрный мой посланниче, за великіе труды твоя, еже къ поганому мнѣ, басурману, сотворилъ еси любовь Христову!» Получивъ отпускную, попъ, возблагодаривъ Бога «мытаревымъ гласомъ», упалъ и умеръ.

Въ этой легендѣ мы окружены уже людьми самыми обыкновенными и происшествіями, въ которыхъ чудесный элементъ чувствуется скрытымъ гдѣ-то глубоко. Легенда полна жизни, драматизма и глубоко вводитъ въ психологію обоихъ дѣйствующихъ лицъ. По «типу» своему легенда примыкаетъ къ сказаніямъ о «чудесахъ» Богородицы, очень популярнымъ на католическомъ Западѣ, менѣе у насъ. Пѣніе стиха въ честь Богородицы ясно указываетъ, чьему заступничеству обязанъ былъ попъ за свое спасеніе.

Къ такимъ же сказаніямъ о «чудесахъ» Богоматери относится и помѣщенная у насъ повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ.

Время дѣйствія повѣсти — цареніе на Москвѣ «богомерзкаго отступника Гришки Разстриги Отрепьева». Тогда «по всему Россійскому царству умножися злочестивая Литва и многая пакости и разореніе народомъ Россійскимъ на Москвѣ и по градамъ творяху». Ома Грудцынъ, по примѣру многихъ, уѣхалъ изъ безпокойнаго Великаго Устюга въ болѣе безопасный городъ Казань и здѣсь поселился. Ома занимался крупной торговлей, разъѣзжая со стругами «внизъ Волгой рѣкой овогда къ Соликомской, овогда въ Астрахань, а иногда за Хвалынское море въ Шахову область». У него былъ сынъ Савва, котораго онъ понемногу приучалъ къ торговому дѣлу. Однажды Савва по

торговымъ дѣламъ былъ въ Орлѣ; съ нимъ повстрѣчался другъ его отца, Боженъ, «старикъ житія благоправнаго и зѣло богатый». Онъ предложилъ Саввѣ поселиться въ его домѣ. Авторъ вводитъ насъ въ психику этого старика: онъ самъ убѣдилъ себя, что нравственно обязанъ помочь молодому человѣку, сыну своего стариннаго друга. Приведена рѣчь этого Божена, изъ которой онъ рисуется благодушнымъ и доброжелательнымъ къ молодому человѣку. Онъ ласково упрекнулъ Савву за то, что тотъ попросту у него не остановился. Савва былъ польщенъ ласкою именитаго богача и «низко поклоненіе твори передъ нимъ».

Авторъ набросалъ намъ нѣсколькими чертами тяжелое положеніе русской земли, судьбу одного купеческаго семейства. Нѣтъ передъ нами людей, особенно выдающихся святою жизнью,—все люди обыкновенные. Тонко обрисована личность старика Божена, раскрыта его душа, и въ рѣчи его слышится настроеніе. Юноша Савва ничѣмъ злымъ себя не проявилъ,—въ отношеніи къ старому Божену онъ пока безукоризненно чистъ. Вмѣшиваясь въ ихъ отношенія «супостать-дьяволъ» — онъ внушаетъ молодой женѣ Божена любовь къ Саввѣ. «Вѣсть бо женское естество уловляти умы молодыхъ»...—и Савва «падеся въ сѣтъ». Образу жены Божена обрисованъ рѣзкими сильными чертами; побѣжденная преступною страстью, она нарушаетъ всѣ благочестивые обычаи старины и вовлекаетъ Савву на этотъ преступный путь. Когда онъ не пожелалъ грѣшить наканунѣ праздника Вознесенія и попытался хотя разъ не уступить этой женщинѣ, она «зѣлою яростью на юношу распалися и яко лютая змѣя возстенавъ», рѣшилась мстить. Въ то время, какъ завязывается страшная драма въ сердцахъ молодыхъ людей, попавшихъ въ сѣти дьяволу, фонъ повѣсти остается такимъ же безоблачнымъ. Старикъ Боженъ ничего не подозрѣваетъ, ходитъ «съ радостью» въ церковь и водитъ съ собой Савву. Между тѣмъ, жена его приготовила изъ приворотнаго зелья волшебный напитокъ. Дѣйствіе повѣсти развертывается медленно; авторъ не торопится скорѣе довести до конца фабулу—онъ задерживается на деталяхъ, на мелочахъ. Онъ рассказываетъ, какъ однажды были Боженъ съ Саввой въ церкви, какъ встрѣтились тамъ съ воеводой, какъ благодушный воевода разспрашивалъ Божена и Савву о разныхъ разностяхъ, какъ зазвалъ къ себѣ и угостилъ. Авторъ расскажетъ, какъ вернулся Боженъ съ Саввой домой и потребовалъ вина, какъ его пилъ, какъ пила вино злодѣйка жена его

и какъ влила зелья въ вино. Въ этомъ стремленіи къ детальности, въ этой потребности полнѣе, всестороннѣе обставить дѣйствіе повѣсти—знаменіе новыхъ вкусовъ, новыхъ художественныхъ потребностей.

Савва выпилъ поднесенный напитокъ. «И се начатъ, яко нѣкій огонь горѣть въ сердцы его», и началъ онъ съ тѣхъ поръ «сердцемъ тужити и скорбѣти по женѣ оной. Она же, яко лютая львица, яростно поглядѣла на него и ни мало привѣтливо являше ему». Мало того, она добила, что старый мужъ отказалъ Саввѣ отъ дому. Савва вернулся въ гостиницу. «Сердцемъ же скорбя и неутешно тужаше по женѣ оной и начатъ отъ великія туги красота лица его увядати и плоть его истончаватися; видѣвъ же гостинникъ юношу сѣтующа и скорбяща зѣло, недоумѣвающе, что ему бысть.»

И такъ, въ лицѣ Саввы передъ нами одинъ изъ первыхъ героевъ русской повѣсти, страдающій отъ несчастной любви. Впервые предъ нами въ русской письменности явился рабъ женской красоты, потерявшій и волю, и разумъ, и честь...

Объ опасности женской красоты начали твердить нашимъ предкамъ вмѣстѣ съ Символомъ вѣры. Свободная Византія, полная соблазна и роскоши, создала хищный образъ «злой жены»—вѣрной прислужницы дьявола. И отцы церкви, вмѣстѣ съ новой вѣрой, передали намъ свои слова объ этихъ «злыхъ женахъ».

Между тѣмъ, юноша таялъ не по днямъ, а по часамъ. Разъ онъ, грустный «изыде одинъ за градъ, на поле отъ великаго унынія и скорби прогулятися»... Интересна деталь: измученный тоской, юноша идетъ изъ шумнаго города на лоно природы, идетъ къ ней дѣлиться своимъ горемъ, въ ней набраться силъ для дальнѣйшей борьбы съ жизнью... Въ XVIII вѣкѣ мы увидимъ, какъ, вслѣдъ за Руссо и С.- Пре, на лоно матери природы придутъ цѣлыя толпы людей съ больными сердцами...

Ходилъ Савва по полю и мелькнула у него мысль, что за возвращеніе потерянной любви онъ радъ бы «послужить дьяволу». Вдругъ услышалъ онъ голосъ, его зовущій: «онъ же, обращая, зрѣть за собой юношу, борзо текуща, въ нарочитѣ одѣяніи, помагающа рукою ему, пождати себѣ повелѣваше»!.. Картинка, детально разработанная и полная движенія! Бѣсъ выдалъ себя за родственника Саввы, взялъ съ него рукописаніе и весело шутилъ. Все въ этой сценѣ: и наивность Саввы, и усмѣшки бѣса полны самой яркой жизненности. Передъ нами простачекъ

и плусть, его обманывающій, и до такой степени увѣренный въ себѣ, что открыто смѣется ему въ лицо.

Общанія свои дьяволъ выполнилъ, и Савва, при помощи его, побѣдилъ всю злодѣйку. Савва опять ведетъ безобразную жизнь, слухъ о которой доходитъ до его матери,—она шлетъ ему письмо. «Онъ же прочетъ, посмѣясь и ни во что не вѣривъ», продолжалъ свою жизнь.

Дьяволъ однажды открылся Саввѣ, что онъ—не его родственникъ, а сынъ царскій. «И возведе Савву на холмъ», показавъ «въ нѣкоемъ раздолѣ» городъ, сіяющій золотомъ, и сказалъ, что это городъ его отца. Савва съ дьяволомъ идутъ въ столицу сатаны. Сказочная роскошь, блескъ, богатство, почтеніе—вотъ, чѣмъ окружены пришедшіе. Очевидно, царство сатаны для людей XVII в. рисовалось не такимъ безобразнымъ и ужаснымъ, какъ ихъ предкамъ.

Постѣ долгихъ странствій бѣсъ съ Саввою очутились въ Шуѣ. Здѣсь, прельстившись красивымъ зрѣлищемъ воинскаго ученія, попали оба въ солдаты. Опять передъ нами живая картинка, очень схожая съ дѣйствительностью. Этотъ бѣсъ, глазѣющій на солдатъ съ мальчишескимъ восторгомъ, при всемъ его коварствѣ въ данный моментъ представленъ довольно наивнымъ парнемъ.

Савва на военной службѣ выдѣлился способностями. Его начальникъ-бояринъ сталъ ему завидовать и отправилъ изъ полка. Вернувшись домой, Савва расхворался, пришлось ему исповѣдываться, и тутъ бѣсы явились въ ужасныхъ образахъ и стали его мучить. Мученія продолжались долго. Разъ явилась къ нему ночью Богородица и милостиво предложила свое заступничество, обѣщавъ его вылѣчить и добыть богоотметное письмо, если Савва поступитъ въ монастырь. Во время крестнаго хода, въ присутствіи царя, произошло исцѣленіе Саввы отъ чудотворной иконы Казанской Божьей Матери и упало сверху богоотметное писаніе. Савва кончилъ свои дни въ монастырѣ.

Въ лицѣ Саввы мы видимъ еще одного «героя своего времени»,—родного брата тому молодцу, котораго Горе-злосчастье загнало тоже въ монастырь. Оба они преступили заветы старины, оба слишкомъ опрометчиво кинулись въ круговоротъ жизни, и, искалѣченные, попали въ тихое пристанище-монастырь. Источникомъ для этой интересной повѣсти послужили тѣ легенды, въ которыя входятъ мотивы о продажѣ души бѣсу.

Прежде всего къ этому циклу сказаній относится очень популярное у насъ сказаніе «о прельщенномъ отрокѣ»—чудо св. Василія Кесарійскаго (см. 1-е приложение). Въ «Звѣздѣ Пресвѣтлой» (см. 2-е приложение) (собраніе рассказовъ о чудесахъ Божьей Матери) повторяется этотъ-же рассказъ, уже безъ участія Св. Василія. Изъ западныхъ легендъ тѣсно примыкаетъ къ этому циклу подробно рассказанное выше житіе св. Кипріяна. Укажу еще на средневѣковое сказаніе о священнослужителѣ Теофилѣ, который, будучи лишень епископомъ должности, впалъ въ отчаяніе и отдался дьяволу. Помощь дьявола вернула ему прежній почетъ, но обращеніе съ молитвою къ Богородицѣ избавило его отъ тяжелой уплаты дьяволу. Въ нѣмецкой народной поэзіи пѣснь о св. Гертрудѣ повторяетъ этотъ же мотивъ; рыцарь, ее любившій, чтобы добиться взаимности, предается дьяволу, но усилія дьявола тщетны,—и молитва святой выручаетъ богоотметную хартію изъ рукъ дьявола. Она съ неба падаетъ къ ногамъ рыцаря, какъ подобная же грамота Адама (изъ апокрифа объ Адамѣ). Изъ этихъ довольно многочисленныхъ сказаній особенно близокъ къ повѣсти о Саввѣ рассказъ о Евладіи, спасенномъ Василиемъ Кесарійскимъ,—поэтому надо признать его первообразомъ нашей повѣсти.

Сравненіе этой повѣсти съ нашей безъ труда убѣждаетъ, что наше произведеніе есть результатъ эволюціи на русской почвѣ занесеннаго извнѣ сюжета,—въ художественномъ отношеніи наше произведеніе неизмѣримо выше своего оригинала: передъ нами живые люди, дѣйствія которыхъ поддаются психологическому анализу, передъ нами есть бытовой фонъ—старая патріархальная семья старика Божена, благочестивая снаружи и неладная внутри; обрисовывается жизнь солдатская, намѣчаются отношенія царя къ подданнымъ. Особенно рѣзко очерчены герои: Савва—юноша новаго пошиба, который безъ труда рветъ все съ своей семьей, легко нарушаетъ право гостя,—это, повторяю, своего рода «герой времени», талантливый, вездѣ умѣющій найтись, нигдѣ прочно не свивающій гнѣзда, человекъ безъ воли, безъ принциповъ... Его злой геній, такъ легко и свободно шляющійся по конной площади, надъ всѣмъ подтрунивающій—образъ живой, ничего демоническаго въ себѣ не имѣющій. Это—своего рода *esprit fort*, свободомыслящій XVII в., предокъ российскихъ волтерьянцевъ. Лишь въ испуганномъ воображеніи суевѣрнаго книжника этотъ образъ слился съ образомъ бѣса-искусителя. Въ повѣсти

нашей вводится постоянно психологія, введено описаніе, иногда развертывающее широко и свободно одинъ намекъ повѣсти о Евладіи (хотя-бы, описаніе царства тьмы). Такъ, въ старыя формы приливаетъ новое содержаніе, расширяетъ эти старыя формы, усложняя художественныя приемы творчества, приближая поэзію къ міру дѣйствительному.

III. «Отрывокъ романа въ стихахъ» представляетъ собою небольшую часть ¹⁾ огромной автобіографіи—это исторія одной разбитой женской жизни,—исторія, написанная сильно и ярко, съ субъективизмомъ, окрашивающимъ рассказъ то гнѣвомъ и злобою, то безысходнымъ горемъ и тоскою. Передъ нами—обстановка стараго русскаго дома, не въ томъ идеализированномъ видѣ, въ какомъ его рисуетъ Домострой Сильвестра, а во всей его печальной неприкрашенной дѣйствительности: глава дома—самодуръ и тиранъ; жена его, мать семейства,—забитое безотвѣтное существо; дочь, озлобленная произволомъ отца, ненавидящая его отъ всей души, однако покорна его волѣ. Одинъ обманъ, сплошной и упорный, даетъ сердцу дѣвушку нѣкоторую долю счастья,—и она вооружается этимъ обманомъ еще съ дѣвичьихъ лѣтъ,—имъ она прикрывается и во время ея подневольнаго замужества. Сплетни, сводничество, тайныя ласки и явныя побои,—вотъ, заключеніе этой разбитой жизни. Глубокой тоской, усталостью души звучитъ послѣдняя строфа этого романа: отъ перенесенныхъ обидъ, отъ вѣчнаго притворства, даже отъ счастья, украденнаго у судьбы—остается на душѣ женщины осадокъ горечи и ее тянетъ къ Богу, къ раскаянью, къ обновленію своей души.

По силѣ, по реализму письма мы не имѣемъ въ нашей письменности ничего подобнаго: личность героини-автора обрисовывается выпукло,—очевидно, та женщина, которая оставила намъ этотъ рассказъ, вполне сознавала добро и зло жизни. Въ этомъ отношеніи повѣсть выше двухъ предыдущихъ, въ которыхъ личность автора болѣе затерта.

IV. Я отмѣчалъ уже выше, какъ западная вульгарная легенда, попавъ въ русскую землю, привилась и дала литературное потомство въ передѣлкахъ и подражаніяхъ. То же произошло и

¹⁾ Каждая глава повѣсти обозначалась буквой церковно-славянскаго алфавита и текстъ начинался съ этой-же буквы; до насъ дошли только 10 послѣднихъ буквъ-главъ.

съ смѣхотворными повѣстями. «Сказка о нидерландскомъ татѣ» попала на лубки и присоединилась къ циклу народныхъ сказокъ о «хитромъ ворѣ», «Повѣсть о Ѡмѣ и Ерѣмѣ», въ основѣ имѣющая западный разсказъ о походе нѣмцевъ въ русскую землю, обрусѣла у насъ, и, въ качествѣ народной русской сказки-побасенки, популярна до сихъ поръ. На старыхъ лубочныхъ картинахъ оба брата изображены еще въ нѣмецкихъ шутовскихъ костюмахъ. Смѣхотворная повѣсть вела къ сатирѣ. Является пародія на походы старыхъ богатырей: Иванъ Дуракъ, Олеша Голопузый, Ѡма Беренниковъ, — все это богатыри новаго пошиба, которые сражаются съ комарами и мошками, однако, сопоставляются съ Ильей Муромцемъ и Добрыней: Иванъ Дуракъ — старшій богатырь, Илья его подначальный. Непосредственная находчивость простака, а съ другой стороны наглость и нахальство новаго человѣка — создаютъ ему такую славу, передъ которой блѣднѣютъ строгіе образы старыхъ богатырей.

Ясно, что наступила пора новыхъ вкусовъ, міровоззрѣній, — пора «новыхъ людей», «Ершей Ершовичей», ловкихъ женъ, хитрыхъ плутовъ, Ивановъ-Дураковъ... Пусть народъ относится къ нимъ, какъ будто, иронически — они все-таки его герои, онъ, подсмѣиваясь, любитъ ихъ ими.

Эта новая пора совпала съ переломомъ русской исторіи.

Прекратился старый родъ Рюриковичей, явились на престолѣ и около престола новые люди, — передъ изумленнымъ народомъ «монахъ-разстрига» садится на престолъ, является чужой король, какіе то проходимцы во главѣ казачьихъ бандъ берутся за рѣшеніе вопросовъ общегосударственныхъ, какой то невѣдомый мясникъ спасаетъ Русь, мужичекъ Сусанинъ спасаетъ царя... Все это было «новое», неожиданное, какъ появленіе Ерша передъ спокойнымъ соннымъ судомъ благородныхъ представителей рыбаго царства стараго уклада... И въ литературной жизни тогда было много новаго. Явились съ запада свѣтскія произведенія. Народное творчество, уже подошедшее къ разрыву съ тѣми связями, что не давали ему простора въ житіяхъ и церковныхъ легендахъ, встрѣтилось теперь съ художественными образцами, въ которыхъ всѣ человѣческія дѣянія легко и свободно разрѣшались здѣсь, на землѣ, помимо воли угодниковъ, Бога и Богородицы. Мало того, этими новыми произведеніями вносились въ пониманіе русскаго человѣка любовь къ женщинѣ, стремленіе къ широкимъ горизонтамъ, къ детальной писемъ, къ углу-

бленію въ психику героя. Въ этомъ отношеніи особенно назидательно было чтеніе «Римскихъ Дѣяній», а для развитія реализма въ технику письма—чтеніе фацецій.

Подъ такими вліяніями создалась повѣсть «о Фролѣ Скобѣевѣ».

Произведеніе это поразительно своимъ реализмомъ и объективизмомъ: ни одной черты фантастической, ни тѣни сатирическаго отношенія къ событіямъ, ни одного натиска на желаніе преподнести читателю какое нибудь нравоученіе. Дѣйствующія лица повѣсти: 1) мелкій дворянинъ новгородскій Фролъ Скобѣевъ — имя неизвѣстное по документамъ того времени; 2) «стольникъ» Нординъ-Нащокинъ, уже старикъ, 3) его дочь Аннушка. Фамилія Ординъ-Нащокиныхъ извѣстна въ исторіи. Одинъ изъ видныхъ сподвижниковъ царя Алексѣя Михайловича носилъ ее; но онъ не былъ стольникомъ; 4) стольникъ Ловчиковъ. Это — фамилія, очень распространенная въ XVII в., но ни одного неизвѣстно стольника. Такимъ образомъ, авторъ повѣсти, пользуясь фамиліями, современными ему, не очень стѣснялся съ истиной, иногда искажалъ фамиліи (Нординъ вмѣсто Ординъ), свободно распоряжался и съ титулами. Это, конечно, ясное доказательство, что простой, на первый взглядъ безхитростный рассказъ, смахивающій на правдивое изложеніе дѣйствительности, есть на самомъ дѣлѣ художественное сплетеніе истины съ поэтической ложью—*Wahrheit und Dichtung*, что съ точки зрѣнія историка литературы только придаетъ цѣнность этому произведенію. Очевидно, фамиліи общеизвѣстныхъ современниковъ взяты для того, чтобы придать произведенію болѣе правдоподобія.

Вѣроятно поэтому же въ началѣ повѣсти сказано, что дѣйствіе повѣсти относится къ 1680 году.

Что касается до литературной стороны, то повѣсть о Фролѣ Скобѣевѣ богата тонкими художественными сценами, поразительно изображающими психику героевъ; приведу, хотя бы, разговоръ Фрола съ Ловчиковымъ.

Ловчиковъ встрѣчаетъ Фрола съ снисходительной ироніей,—чувствуется, что передъ нами важный бояринъ и мелкая сошка. «Что господинъ Скобѣевъ, женился ли?» Скобѣевъ: «Женился, государь мой». — «Богату ли взялъ?» Скобѣевъ: «нынѣ еще богатства не вижу, что вдаль—время покажетъ.» — «Господинъ Скобѣевъ, живи уже постоянно, а за ябедами ходить перестань; а живи въ вотчинѣ своей: лучше, здоровѣе!»

Это нравоученіе рисуется самодовольнаго важнаго боярина во весь ростъ.

Фроль рассказываетъ, что жена его—Аннушка. Ловчиковъ отъ изумленія переходитъ къ негодованію: его боярская спѣсь возмущена. Фроль смиренно проситъ его быть посредникомъ и уговорить старика Нордина - Нащокина простить его, Фрола. Ловчиковъ съ негодованіемъ отказывается. Тогда Фроль такъ же смиренно переходитъ отъ просьбы къ угрозѣ: «ежели ты представитъ не будешь обо мнѣ, то и тебѣ будетъ не безъ злого,—мнѣ уже пришло показать на тебя для того, что ты возникновъ и карету давалъ. Ежели бѣ ты не далъ, и мнѣ бѣ того не учинить».

Зная таланты Фрола по части «ябеды» и «кляузъ», видя, что попалъ въ сообщники грязнаго плутовства, предчувствуя въ будущемъ розыски, быть можетъ, пытки, Ловчиковъ «сталъ въ великомъ сумнѣніи» и сказалъ ему: «настоящій ты плутъ, что ты надо мною сдѣлалъ? Добро. Какъ могу, буду представлять».

Хороша также сцена покаянія Фрола. Старикъ бояринъ, не зная, зачѣмъ Фроль пришелъ, но зная, что онъ за человѣкъ, встрѣчаетъ его съ нескрываемымъ пренебреженіемъ: «Встань, плутъ, знаю тебя давно, плута, ябедника. Знатно, что наябедничалъ себѣ; что, скажи, плутъ? Буде сносно, стану помогать, а что не сносно—какъ хочешь. Я тебѣ плуту давно говорилъ: живи постоянно. Встань, скажи: что твоя вина?» Узнавъ въ чемъ вина «ябедника», старикъ «залился слезами и сталъ въ безпамятствѣ». Слѣдуетъ рѣчь старика, въ которой слышится иное настроеніе,—слезливое отчаяніе: «что ты плутъ, сдѣлалъ? вѣдаешь ли ты о себѣ, что ты каковъ? нѣсть тебѣ отпущенія вины твоей. Тебѣ ли владѣть, плуту, дочерью моею? Пойду къ государю и стану на тебя просить о твоей плутовской ко мнѣ обидѣ». — Стольникъ Ловчиковъ, опасаясь непріятностей и для себя, во время подошелъ къ нему и «сталъ его разговаривать, чтобъ скорѣ не возымѣлъ доклада къ государю», и убѣдилъ старика прежде посовѣтываться съ женою. Дома происходитъ трогательное объясненіе боярина съ его престарѣлою подругою. Оба въ горѣ. Но родительская любовь къ единственной дочери побѣждаетъ обиду. Они посылаютъ слугу справиться о здоровьѣ дочери. Фроль, замѣтивъ посланнаго и смекнувъ, въ чемъ дѣло, велѣлъ женѣ притвориться больной. На вопросъ слуги, какъ

здоровье боярышни,—Фроль подвелъ его къ больной и грустно сказалъ: «видишь ли другъ, каково ея здоровье? Таковъ гнѣвъ родительскій: они ее заочно бранятъ и клянутъ, и оттого она при смерти лежитъ. Донеси ихъ милости, хотя бъ они при жизни ея заочно ей благословеніе дали».

Старики повѣрили всему и «презбемѣрно» горевали: забывъ о Фролѣ, они думали лишь о здоровьѣ дочери. Старая боярыня стала говорить мужу: «Ну, мой другъ, благословимъ ихъ хоть заочно; а когда сердца наши утѣлятся, то можемъ видѣться съ ними и сами». И сняли со стѣны образъ, который былъ обложенъ золотомъ съ драгимъ камнемъ, такъ что прикладу всего на 500 р.—и послали съ тѣмъ же человекомъ и приказали сказать, чтобъ они оному образу молились; а плуту и вору Фролкѣ скажи, чтобъ онъ его не промоталъ».

Конецъ этотъ прямо великолѣпнѣе художественною тонкостью выраженнаго въ немъ настроенія: здѣсь чувствуется, какъ улегается буря негодованія въ душѣ стариковъ, какъ родительское чувство побѣждаетъ обиду, какъ улетаешь озлобленіе и въ то же время нѣтъ силъ все простить, хочется чѣмъ нибудь уязвить негодяя-Фролку. Этотъ маленькій штрихъ, быть можетъ, приведенный анонимнымъ авторомъ нечаянно, однако такъ умѣстенъ въ художественномъ отношеніи, что онъ одинъ подымаетъ эстетическую цѣнность разбираемаго произведенія.

Наконецъ Фролка, не вѣрующій, очевидно, «ни въ сонъ, ни въ чохъ», видя посланнаго съ образомъ, приказалъ женѣ выздоровѣть и слугѣ боярскому благоговѣйно замѣтилъ: «таково то родительское благословеніе; и заочно имъ не оставили, и Богъ далъ Аннушкѣ здоровье: нынѣ, слава Богу здорова. Благодарю ихъ милость, что не оставили заблудшую дочь свою».

Въ этихъ смиренныхъ рѣчахъ слышится иронія надъ старыми простодушными людьми, легко вѣрящими всему, а эпитетъ «заблудшую», въ приложеніи къ Аннушкѣ, уже ясно говорить намъ, что торжествующій плутъ не въ силахъ былъ удержаться отъ издѣвательства надъ простотою обманутыхъ имъ людей.

Старики между тѣмъ болѣли душою по своей дочери. «Какъ, другъ, быть?» сказалъ бояринъ женѣ: «конечно, плутъ заморить Аннушку: чѣмъ ему, вору, кормить ее? и самъ, какъ собака, голоденъ». И вотъ, отъ боярскаго двора тянутся подводы съ запасами, потомъ съ имуществомъ, потомъ тайные подарки отъ старой боярыни.

Фроль Скобѣевъ, «даже по реестру не посматрѣя», приказалъ все складывать въ показанное мѣсто. Плутъ поднялъ голову, «сталъ жить роскошно, ѣздить вездѣ по знатымъ персонамъ» — «и весьма Скобѣеву удивлялись, что онъ сдѣлалъ такую причину такъ смѣло».

Прошло еще нѣсколько времени, и старики рѣшили простить дочь и зятя. Молодые приглашены къ обѣду. Усмотрѣвъ Нординъ-Нацокинъ дочь свою преклоненну, «сталъ съ матерью вмѣстѣ бранить ее и наказывать своимъ гнѣвомъ родительскимъ, и, смотря на нее, плачутъ, что она такъ учинила безъ воли родительской, проклиная жизнь ея словами своими». Простивъ дочь, старикъ велѣлъ ей садиться за столъ и обратился затѣмъ къ Фролу: «а ты, плутъ, что стоишь? Садись тутъ же. Тебѣ ли, плуту, владѣть дочерью моею?» И Фроль сказалъ: «Ну, государь батюшка, уже тому такъ Богъ судилъ». Этотъ маленькій диалогъ тоже полонъ правды. Много словъ сказалъ старикъ своей «заблудшей» дочери, а для зятя не стоило метать бисера: «чего стоишь, садись тутъ же!» — вотъ и все. И какъ хорошъ развязный отвѣтъ Фрола, почуявшаго, что онъ побѣдилъ! Слугамъ своимъ Нацокинъ не велѣлъ никого принимать, — всѣмъ отказывать: «время де такого нѣтъ, чтобы видѣть стольника, для того, что съ зятемъ своимъ, съ воромъ и плутомъ Фролкою кушаетъ»...

Послѣ обѣда старикъ спросилъ зятя, чѣмъ онъ будетъ жить. Фролка, мѣтя въ самое больное мѣсто старика, — въ его самолюбіе, смиренно отвѣчалъ, что, по бѣдности, будетъ принужденъ по-прежнему жить ябедами. Стольникъ, желая спасти дочь отъ позора быть женою ябедника, даетъ Фролу вотчину и денегъ. Фроль кланяется до земли. «Плутъ, не кланяйся, поди самъ справъ за собой», сурово прерываетъ старикъ признательныя рѣчи зятя. Конецъ всей этой исторіи ясенъ. Старики будутъ нѣжно любить до конца жизни свою Аннушку, Фроль до ихъ смерти не отдѣлается отъ эпитета «плутъ», но будетъ блаженствовать на счетъ своихъ богатыхъ родственниковъ, не обижаясь на кличку «плута». Что будетъ послѣ смерти стариковъ, когда Фроль почувствуетъ себя полнымъ господиномъ, — это другое дѣло.

Я отмѣтилъ уже, что эта повѣсть была воплощеніемъ «новаго міросозерцанія» — въ ней нашелъ полное и блестящее изображеніе «новый» человѣкъ, явившійся на смѣну людямъ стараго уклада.

Существуют и народные пѣсни, аналогичнаго съ повѣстью содержанія. Одну изъ нихъ мы напечатали въ 1-мъ приложеніи. «Повѣсть о Фролѣ Скобѣевѣ» подверглась въ XVIII в. интересной литературной обработкѣ. («Новгородскихъ дѣвушекъ святочный вечеръ», (см. 2-е приложеніе). Эта обработка любопытна въ томъ отношеніи, что она сообщаетъ о героѣ болѣе подробностей, — этимъ дѣлается понятнѣе его психика. Новиковъ говоритъ о бѣдности и сиротствѣ Селуяна (Фроль), о томъ, какъ ему, дворянину, приходилось пахать землю. Онъ объясняетъ намъ, какъ его герой, бросая черную работу, «занился ябедой». Подробно рассказаны и «подвиги» его; сдѣлка съ мамкой развернулась въ цѣлый заговоръ; развлеченія дѣвушекъ также обрисованы обстоятельно. Рассказъ о томъ, какъ Селуянъ овладѣлъ боярышней, также пространнѣе, чѣмъ въ повѣсти и, потерявъ эпическое безстрастіе, отличается характеромъ чувственности. Въ такомъ направленіи идетъ и дальнѣйшая обработка повѣсти: каждая картинка оригинала въ произведеніи Новикова развертывается подробностями, окрашивается субъективизмомъ автора.

Въ сборникѣ же Новикова есть рядъ повѣстей изъ русской жизни приблизительно той-же эпохи, что изображена въ повѣсти о Фролѣ: «Похожденіе Ивана гостинаго сына», «О писарѣ, женившемся обманомъ на хозяйской дочери», «О несчастныхъ приключеніяхъ купецкой дочери Аннушки», «Похожденія названнаго брата Ивана купецкаго сына» и нѣк. др. Всѣ эти произведенія совершенно подстать новелламъ Боккаччіо и, право, мало уступаютъ нѣкоторымъ рассказамъ итальянскаго новеллиста. Можно думать, что всѣ они — такая же литературная обработка повѣстей, до насъ не дошедшихъ, какъ рассказъ «Новгородскихъ дѣвушекъ святочный вечеръ» — есть обработка старой повѣсти о Фролѣ. Если это такъ, то одиночная повѣсть о Фролѣ окажется окруженной цѣлымъ рядомъ повѣстей одного типа.

Такимъ образомъ, эволюція оригинальной русской повѣсти, сложившейся еще въ XVII в., не умираетъ и въ XVIII, — ясное доказательство того, что народное творчество не было совершенно забито вліяніями извнѣ — псевдоклассицизмомъ, сентиментализмомъ. Повѣсти Новикова, Чулкова и нѣкоторыхъ другихъ писателей-реалистовъ XVIII в. стоятъ между старой повѣстью XVII в. и новой реальной повѣстью XIX в. — собой они связываютъ древнюю и новую литературу, возстанавливаютъ непрерывность самостоятельной эволюціи русскаго творчества.

V—VII, IX. Четыре слѣдующія повѣсти: объ Архилабонѣ, Василии матросѣ, Александрѣ-кавалерѣ Россійскомъ и о купцѣ Иоаннѣ, одного характера, — различаются лишь своимъ составомъ. Менѣе удачна въ литературномъ отношеніи первая повѣсть, — она вся склеена изъ различныхъ ходячихъ сюжетовъ (вѣщій сонъ, сюжетъ мива объ Эдипѣ — [ребенокъ, который родится, опасенъ для родителей], волшебный конь, бой съ многоголовымъ змѣемъ, звѣри-прислужники, сестра предательница). Повѣсть о Василии разрабатываетъ ходячій сюжетъ о коварствѣ соперника, который, благодаря хитрости, овладѣваетъ героиней и едва не губитъ героя. Исторія объ Александрѣ представляетъ собою спайку цѣлаго ряда ходячихъ сюжетовъ и «общихъ мѣстъ» самаго разнообразнаго рода: всѣ рассказы русскаго дворянина Владимира о его любовныхъ похожденияхъ представляютъ собою рассказы о лукавствѣ женщинъ, рассказы, взятые изъ фавелъ и народныхъ книгъ; рыцарскіе подвиги Александра также не что иное, какъ сплошныя «общія мѣста» изъ рыцарскихъ романовъ; странствія Александра отзываются вліяніемъ «авантюрныхъ» романовъ; бесѣда трехъ путешественниковъ о женщинахъ (169—174) — несомнѣнное заимствование изъ какого-нибудь иностраннаго сочиненія, къ сожалѣнію, мнѣ неизвѣстнаго; что касается до послѣдней повѣсти объ Иоаннѣ, то она, будучи близкимъ подражаніемъ повѣсти объ Александрѣ, представляетъ собою одинъ любовный эпизодъ, отъ котораго вѣдетъ дѣйствительностью. Впрочемъ, эта «дѣйствительность» русской жизни начала XVIII в. въ разной степени ярко сказывается во всѣхъ этихъ повѣстяхъ — и въ этомъ ихъ особое значеніе.

Тѣмъ не менѣе, всѣ эти повѣсти имѣютъ слишкомъ «книжный» характеръ, онѣ — «чужія» явленія въ ряду произведеній, перечисленныхъ выше, которыя явились результатомъ органическаго развитія русской повѣсти. Вотъ почему повѣсти этой третьей группы можно назвать «подражательными» тѣмъ переводнымъ романамъ, которые стали появляться у насъ съ конца XVII и особенно въ началѣ XVIII вѣка, когда составъ романовъ и повѣстей является у насъ особенно сложнымъ: уже въ XVII в., наряду съ рассказомъ о Бовѣ и Ерусланѣ, интересовали многихъ похождения королевича Брунцвика, рыцаря Петра Златыхъ Ключей, Мелюзины, — теперь, кромѣ этихъ героевъ, появляются и новые: принцы, королевичи Евдонъ, Альфонсъ Рамиръ, король Ефродитъ, рыцарь Максѳонъ, Францель Венеціанъ, Египетъ-

скій царевичъ Полиціонъ, Гишпанскій шляхтичъ Долторнъ и очень много другихъ. Кромѣ нихъ, попадаются герои псевдо-классическаго романа: Калеандръ, Алкеменесь, Телемакъ, герои повѣстей сентиментальныхъ—въ родѣ «Исторіи Жанетты», «Добродѣтельной Сициліанки», «Ипполита и Жуліи», «Карла Орлеанскаго»...

Кругъ любителей этой пестрой рукописной литературы опредѣляется тѣми записями, которыя сдѣланы на многихъ рукописяхъ и свидѣлствуютъ о ихъ принадлежности. Составъ этихъ читателей оказывается самымъ разнообразнымъ,—тутъ и молодые офицеры, и рядовые изъ дворянъ, и чиновники, и купцы, и посадскіе, и крестьяне... Рукописи переходили изъ рукъ въ руки, многія уже въ XVIII в. попадали въ печать («Евдонъ и Берфа», «Калеандръ», «Исторія Карла Орлеанскаго»). Вслѣдствіе того, что письменность эта была почти исключительно переводная, она не имѣетъ самостоятельнаго литературнаго значенія,—но она любопытна для характеристики нравовъ и образованія эпохи, такъ какъ для многихъ любителей романа она давала идеалы жизни, подсказывала поведеніе и настроенія. Но, съ другой стороны, это популярное чтеніе, очень распространенное и любимое, было подготовленіемъ къ той, болѣе серьезной литературѣ, которая явилась, какъ результатъ развитія русской культуры. Тѣмъ не менѣе, по справедливому указанію акад. Пыпина, «здѣсь, въ этихъ неумѣлыхъ самодѣльныхъ попыткахъ, мы можемъ наблюдать зачатки различныхъ направленій нашей литературы прошлаго столѣтія,—зачатки еще грубые, впослѣдствіи совсѣмъ забытые, но успѣвшіе сдѣлать свое дѣло». Очень скоро эти рукописные романы и повѣсти стали вызывать пренебрежительную усмѣшку со стороны нашихъ скороспѣлыхъ парнасцевъ XVIII в.—«псевдо-классиковъ»,—но отъ этой усмѣшки они не прекратили существованія, а только спустились ниже въ народъ и дожили въ лубочныхъ изданіяхъ до нашихъ дней,—тогда какъ псевдо-классики и сентименталисты XVIII в. забыты всѣми.

Своеобразный петровскій стиль, обильный варваризмами,¹⁾ даетъ довольно вѣрныя данныя для опредѣленія, какія изъ этихъ произведеній относятся къ эпохѣ Петра.

¹⁾ Такими излюбленными словами были: арія (вм. пѣсня), апортаментъ (вм. комната), «ассамбленъ», «придти въ алтерацію» (измѣниться въ лицѣ), дешперать (обморокъ), конфузія, презентъ, пороль (общаніе «слово») и мн. др.

VI. Повѣсть о російскомъ матросѣ Василии и прекрасной флорентійской королевѣ Иракліи. Начинается со словъ: «Въ Россійскихъ Европіяхъ нѣкоторый живяше дворянинъ, имяше имя ему Іоаннъ». Его сынъ отправляется искать просвѣщенія и просить благословенія. «Приидя въ Санктпетербурхъ, записался въ морской флотъ въ матросы». Своими талантами юноша обратилъ на себя вниманіе: «понеже онъ зналъ въ наукахъ матросскихъ велми остро по морямъ, гдѣ острова и пучины морскія и мели, и быстрины, и вѣтры, и небесныя планеты и воздуха»... Отъ своихъ знаній и остроты ума онъ «въ великой славѣ прославлялся». Итакъ, передъ нами герой новой формациі,—прямой воспитанникъ Петра. Посланъ онъ былъ въ Голландію для дальнѣйшихъ занятій. Голландія пришлась по душѣ Василию—онъ увлекся торговымъ дѣломъ. «А какъ урочный терминъ пришелъ, чтобъ ученикамъ матросамъ маршировать въ Санктпетербурхъ», то Василій остался за границей. Когда черезъ нѣкоторое время онъ хотѣлъ съѣздить на родину, за родительскимъ благословеніемъ для дальнѣйшаго пребыванія за границею, то по пути буря разбила его корабль, и герой нашъ на доскѣ былъ выброшенъ на какой-то островъ. Здѣсь онъ попадаетъ въ общество разбойниковъ, дѣлается притворно ихъ товарищемъ и даже атаманомъ. Когда его выбирали въ атаманы, онъ горько плакалъ, упирался и лишь боязнъ быть изрублену «въ пирожныя части» (т. е. мелко), заставила его согласиться. У разбойниковъ на острову былъ заповѣдный чуланъ, куда Василій не долженъ былъ ходить. Въ отсутствіе ихъ онъ однако зашелъ туда, увидѣлъ тамъ красавицу-королевну. Отъ красоты ея нашъ герой не удержался на ногахъ, — «паде на землю» и, разумѣется, немедленно влюбился. Она рассказала ему свою исторію, какъ была похищена разбойниками въ то время, когда «гуляла съ дѣвицами въ шлупкахъ», какъ долго томится въ «чуланѣ»... Прошло нѣкоторое время и, дождавшись удобнаго случая, герой нашъ увезъ королевну и богатства разбойниковъ. Затѣмъ онъ поселился съ нею въ Цесаріи, заживъ широко и пышно, обѣдалъ запросто у Цесаря. Цесарь, выслушавъ исторію Василія, очень удивлялся,—оказывается, спасенная російскимъ матросомъ королевна была когда-то невѣстой самого Цесаря... Благодушіе Цесаря дошло до того, что онъ однажды заявилъ: «я васъ, мой государь Василій Ивановичъ, имѣть буду вмѣсто брата родного»—и велѣлъ его во всей Цесаріи за родного брата почи-

татъ. Подъ конецъ «россійскій матросъ» окончательно перебрался во дворецъ, подаренный ему цесаремъ и сталъ у цесаря въ великой славѣ пребывать; а министрамъ, и пакамъ, и камергерамъ, и драбантамъ всѣмъ давалъ великое жалованье, и всѣ министры его возлюбили, какъ цесаря почитали, а королевна Ираклія— всѣмъ велми сердцемъ и говорила, что до законнаго брака сохранять во всякой дѣвической чистотѣ, а кромѣ его въ супружество ни за кого иного не посягать».

Счастье Василя скоро омрачилось. Изъ Флоренціи явился въ Цесарію адмиралъ, посланный на розыски королевны, Василій обошелся съ адмираломъ гордо, королевны ему не довѣрилъ, а приказалъ черезъ адмирала явиться за королевной самому королю, ея отцу, но адмиралъ коварствомъ овладѣлъ и Василюмъ, и Ираклію. Офицеры этого адмирала не исполнили приказанія его утопить Василя, а бросили его въ лодку и пустили въ море. Узнавъ о происшедшемъ, цесарь, другъ Василя Ивановича, былъ возмущенъ и послалъ во Флоренцію письмо, въ которомъ разсказалъ случившееся и требовалъ казни адмирала, грозя, въ противномъ случаѣ, войною.

Между тѣмъ, адмиралъ заставилъ Ираклію подтвердить передъ родителями его разсказъ о томъ, какъ онъ, адмиралъ, ее спасъ изъ рукъ разбойниковъ, «приступомъ взялъ». Въ награду за такой подвигъ Ираклія отдана въ жены адмиралу. Назначено было вѣнчаніе, печальная королевна ѣхала уже «къ киркѣ»,—какъ появился Василій, спасенный старымъ рыбакомъ. Увидя невѣсту, герой нашъ взялъ арфу, «нача жалобную играть и пѣть арію».

Происходитъ признаніе Василя. Вѣнчается онъ съ Иракліей въ «киркѣ», а съ коварнаго адмирала съ «живого кожу сняли». Василій Ивановичъ въ послѣдствіи сдѣлался королемъ Флорентійскимъ и «поживе въ великой славѣ».

Таковъ этотъ романъ, весь пропитанный новой атмосферой петровской эпохи: передъ нами уже не Москва, а россійская Европія—Петербургъ, Кронштадтъ; герой—практическій дѣлецъ, оцѣненный за свою смѣтливость и на родинѣ, и въ Голландіи. Передъ нами широкіе географическіе горизонты, уже не тонущіе въ туманъ сказочныхъ тридевятыхъ царствъ, тридесатыхъ государствъ¹⁾. Передъ нами, наконецъ, русскій человѣкъ,

¹⁾ Впрочемъ, знаніе географіи у автора, тѣмъ не менѣе, очень слабое: Флоренція и столица цесаря—оказываются у моря; описывается какой-то разбойничій островъ между Флоренціею, Франціею и Цесарскою (Австрія) всемоу и т. д.

превознесенный не самомнѣніемъ Москвы, а самомнѣніемъ Петербурга — онъ европеецъ, названный братъ императора, въ будущемъ самъ король цвѣтущей Флоренціи.

Къ старой русской жизни повѣсть примыкаетъ взглядами, хотя бы, на разбойничество. Разбойничій промыселъ представленъ не преступнымъ противообщественнымъ явленіемъ, а своеобразнымъ занятіемъ. «Такое воззрѣніе недалеко отъ взгляда народныхъ пѣсенъ, откровенно прославляющихъ лихихъ людей, точно также, какъ и вообще описаніе жизни разбойниковъ въ нашей повѣсти совпадаетъ во многихъ отношеніяхъ съ изображеніемъ разбойничьяго быта въ упомянутыхъ пѣсняхъ» (Л. Майковъ). Любопытно также то обстоятельство, что герой повѣсти еще дорожить родительскимъ благословеніемъ и, ради него, готовъ изъ Голландіи съѣздить въ Россію (ср. Еруслана Лазоревича). Впрочемъ, на это родительское благословеніе устанавливается уже новая точка зрѣнія: если въ комедіи Полоцкаго: «О блудномъ сынѣ», въ «Повѣсти о Горѣ злосчастья» и въ «Повѣсти о Саввѣ Грудцынѣ» удаленіе сына противъ родительской власти изъ родного дома навлекаетъ на героя рядъ бѣдствій, то въ повѣсти о Василии его бѣды не выставляются, какъ слѣдствіе его неповиновенія родителямъ. Что касается до происхожденія повѣсти, то она сильно примыкаетъ нѣкоторыми деталями къ переводнымъ повѣстямъ, въ родѣ «Исторія о шляхтичѣ Долторнѣ и королевѣ Элеонорѣ», — очевидно, канва была взята со стороны, и на ней самостоятельно расшиты узоры, свидѣтельствующіе о настроеніяхъ новой реформованной Петромъ Россіи.

Любопытно, что сюжетъ этой повѣсти не умираетъ у насъ въ XVIII в. — разрабатывается нѣсколько разъ въ романахъ лучшихъ писателей, а въ наши дни, онъ воскресъ въ лубочномъ романѣ: «О храбромъ протупеѣ-прапорщикѣ» (въ 3-хъ ч. соч. И. Кассирова).

VII. Другая повѣсть, заслуживающая нашего вниманія, Исторія о Александрѣ російскомъ дворянинѣ. У московскаго дворянина Дмитрія родился сынъ. И «лѣпотою образа» и «остротою» разума выдавался онъ среди сверстниковъ. Двѣнадцати лѣтъ отъ роду онъ рѣшился ѣхать за границу учиться и «красоту маловременной жизни свѣта сего зрѣть». Онъ обращается къ отцу съ витѣватой просьбой: «любезнейши и дрожайши отче! желаніе мое нестерпимо мучиг мя, еже бы от вас милости испросити,—

и, конечно, безсовѣстная моя была бы дерзость, ежели-бы по образцы многіе тому свидѣтельствовали; понеже во всем свѣтѣ де единого обычая имѣютъ чадъ своихъ обучати и потомъ в чуждыя государства для обрѣтенія вещей, чести и славы отпускаютъ,— того ради и я, вашъ рабъ, взявъ намѣреніе в началѣ благословеніе и къ путешествію позволенія у васъ испросити. Знаю, государи, что горячность и отеческая любовь ваша к разлукѣ, конечно, совѣтовать не будетъ, однакожь покорнѣйши прошу, учините мя равно съ подобными мнѣ, ибо, чрезъ удержаніе свое, можете мнѣ вѣчное поношеніе учинити,—и како могу назваться и чѣмъ похваляюсь... и т. д. «Бѣснованіе отчее и матернее рыданіе» ничего не могли съ нимъ подѣлать, и онъ, получивъ, наконецъ, благословеніе отправился въ путь и «чрезъ нѣсколько дней» явился въ Парижъ. Здѣсь ему почему-то очень расхвалили городъ Лилль, и онъ отправился туда. Увидя желанный городъ, Александръ такъ радовался, «яко бы что и свое получилъ». Такая безпричинная радость его испугала, и онъ суевѣрно рѣшилъ, что въ его жизни этотъ городъ будетъ играть большую роль. Красотою и изяществомъ своимъ онъ затмилъ всѣхъ кавалеровъ лилльскихъ. Однажды, сидя на квартирѣ, онъ впалъ въ уныніе и сталъ играть на флейтѣ. Пасторская дочь Элеонора услышала его пріятную игру и заинтересовалась имъ. Узнавъ объ этомъ, Александръ пошелъ подъ окна смотрѣть Элеонору. Та не знала въ лицѣ музыканта и удивилась, видя какого-то юношу, глазѣющаго къ ней въ окно, «возмнила быть нѣкому шути,— того ради, отворя окно, рече, ему громко: «чего, человека, желаешь или мадель зданію снимаешь?» Александръ, увидѣвъ пасторскую дочь, сразу влюбился и сталъ ее преслѣдовать письмами, любовными аріями. Сначала все было напрасно. Послѣ одного насмѣшливаго отвѣта, онъ даже сдѣлался «изумленъ» (т. е. потерялъ умъ, сознание). Отъ несчастной любви онъ «наконецъ въ сущую жалость пришелъ. Того ради, ища себѣ увеселенья, пошелъ за городъ и нашелъ мѣсто прохладное и воздухъ пріятный; здѣсь, обливаясь слезами, онъ, глядя на городъ, запѣлъ трогательную арію.

Любовь привела нашего героя къ горячкѣ, и пасторская дочь сжалась надъ нимъ. Увидя его умирающимъ, она, придя домой, плакала и тоже пѣла арію.

Между тѣмъ, поправившись, Александръ сталъ каяться, что бесплодно для отечества проводитъ время на чужбинѣ, и хотѣлъ,

было, уже, отказаться отъ любовныхъ мечтаній, какъ вдругъ Элеонора на его арію, шепотомъ спѣтую ей на балу, призналась ему въ любви такую же арію:

«Кою уроку,
«Или препону
«Въ себѣ признаваешь?
«Любовь в насъ равна,
«Ибо издавна
«Къ тому и склоняешь и т. д.

При всей нѣжности и сентиментальности этихъ признаній, оба любовника не прочь иногда пошутить шуточками нѣсколько двухсмысленными, что вносить живость и реализмъ въ ихъ напыщенные витѣватые рѣчи и письма. Оба они обмѣнялись рукописными клятвами въ вѣрности, и затѣмъ на 3 года Александръ попалъ въ руки къ Элеонорѣ—она позволила ему бывать только съ нею и даже по городу не гулять одному, такъ какъ была очень ревнива. Тѣмъ не менѣе, первая красавица города, генеральская дочь Едвигъ Доротея сумѣла подбросить нашему герою страстное посланіе, а затѣмъ, во время его уединенной прогулки, за городомъ явилась туда же. Герой нашъ едва увидѣлъ красоту Гедвигъ Доротеи, распалился любовью къ ней. Послѣ недолгой борьбы Александръ уступилъ любви генеральской дочери, которая къ тому же, въ случаѣ отказа, грозилась заколоться. Элеонора узнала объ измѣнѣ Александра и захворала горячкой. Герой въ отчаяніи. Гедвигъ Доротея, зная, что Элеонора умираетъ, опять пристаётъ къ нему. На это Александръ грубо ее отвергаетъ, замѣтивъ, что «отъ звону ея рѣчей у него разболѣлась голова», любви же ея онъ не желаетъ и проситъ впредь оставить въ покоѣ.

Александръ стихами старается увѣрить Элеонору въ своей вѣрности,—она такъ же стихами отвѣчаетъ ему:

«О льстивый языкъ, по что мя въ болѣзни смущаешь? ...
«Знаю, что не изъ фундамента сердца рыдаешь!
«Надежда твоя всегда при тебѣ будетъ,
«Ежели смерть меня взяти не забудетъ! и т. д.

Элеонора умираетъ съ просьбой, чтобы Александръ самъ ее похоронилъ, и хоть одну слезу уронилъ на ея прахъ: «знай, сказала она, что непостоянство вѣрность преодолѣло и во время погребенія испусти на меня хотя одну слезу». Похоронивъ тро-

гательно Элеонору и жестоко изругавъ генеральскую дочь, Гедвигъ-Доротею («о корень злости, о, адская пропасть и ненасытная утроба, о смертоносный ядъ, о свирѣпѣйшій левъ!»), Александръ покидаетъ городъ Лилль и ѣдетъ въ Парижъ. Здѣсь, въ Парижѣ, онъ встрѣтился и подружился съ другимъ россійскимъ дворяниномъ, Владимиромъ, который также посвятилъ себя заграницей не наукамъ, а любви. Владиміръ, впрочемъ, къ любви относится не такъ требовательно,—оттого его похожденія сортомъ пониже, чѣмъ у сентиментальнаго романтическаго Александра. Разказы Владимира, большей частью, сводятся къ пересказу комичныхъ и не всегда приличныхъ приключеній, изъ которыхъ онъ выходилъ и битый, и осмѣянный. Передъ нами въ его разказахъ—рядъ новеллъ, напоминающихъ по духу Боккачіо, фацеці, смѣхотворныя повѣсти, гдѣ дѣйствуютъ лукавыя женщины, обманывающія мужей и любовниковъ. Разказъ Владимира порою блещетъ тяжелымъ юморомъ добраго стараго времени. Такъ, разказавъ, какъ его разъ побили, онъ прибавляетъ: «мужикъ того дому, хозяинъ, ударилъ меня по ланитѣ такъ сильно, что тысящу разныхъ колеровъ огненныхъ лучей очима узрѣлъ тутъ-же». Первое его похождение произошло еще въ Россіи, — и мы имѣемъ въ его разказѣ бытовую повѣсть, подъ стать «Фролу Скобѣеву». Заграницей предприимчивый Владиміръ и въ театрахъ, и на гуляньяхъ всегда дѣлалъ незнакомымъ дѣвицамъ «пріятныя мины» и «многіе знаки, что желаніе его было искати знакомство»... Такъ какъ почти всѣ его смѣлыя попытки кончались неудачей, то онъ затосковалъ и рѣшился воздерживаться на будущее. Александръ его утѣшаетъ словами: «правда, счастье тебе не велико служило, да не за осторожность тебя били, а за то тебѣ благодарить должно, что они тебя осторожно быть учили».

Въ Парижѣ Александръ сталъ ухаживать за дочерью гофмаршала Тиррой, и послѣ ряда писемъ, арій и т. п. обычныхъ пріемовъ, возымѣлъ успѣхъ, и ходилъ къ ней на свиданія въ женскомъ уборѣ. Тирра къ любви его не отнеслась серьезно и потребовала клятвы. Оба кровью пишутъ обѣщанья сохранять вѣрность и чистоту отношеній до свадьбы. Свиданья ихъ были открыты, и, боясь наказанія, оба, тайно бѣгутъ изъ Парижа. Съ ними Владиміръ. Тирра въ мужскомъ рыцарскомъ уборѣ.

Съ этого момента характеръ повѣсти рѣзко мѣняется. Сентиментальная любовь и бытовія подробности блѣднѣютъ—на пер-

вое мѣсто выступаютъ приключенія, битвы съ разбойниками, разлука съ Тиррой, рыцарскіе подвиги Александра подъ девизомъ «рыцарь гнѣва и побѣды», его странствія по всѣму свѣту отъ Англіи до Египта, Индіи и Китая, кораблекрушеніе, рабство героя, и, наконецъ, свиданіе съ Тиррой въ Китаѣ и поѣздка съ ней въ Россію.

Вся эта вторая половина повѣсти совершенно не связана съ первой: нашъ герой сразу отодвинулся на нѣсколько столѣтій отъ насъ: онъ — странствующій рыцарь, ищущій поединковъ, блистающій на турнирахъ, — гордость европейскаго рыцарства: «вся Европія за кавалера гнѣва и побѣды возстае», страхъ всѣмъ притѣснителямъ слабымъ и беззащитнымъ.

Конецъ повѣсти опять круто мѣняетъ свой характеръ. Возвращаясь на родину, Александръ утонулъ, купаясь въ рѣкѣ. Тирра умираетъ съ горя на его трупѣ.

Послѣ продолжительной аріи надъ тѣломъ возлюбленнаго, она заколола себя мечомъ. Владимиръ похоронилъ ихъ обоихъ въ одной могилѣ. Вдругъ подъѣхала къ нему Гедвигъ-Доротей, искавшая Александра. Узнавъ о его судьбѣ, она въ свою очередь стала держать стихотворную рѣчь. Затѣмъ вытащила изъ могилы тѣло Тирры съ великою злобою, «главу, руки и ноги переломала и въ той злости жизнь свою окончала». Владимиръ похоронилъ ихъ троихъ вмѣстѣ и вернулся на родину.

Оба разобранныя произведенія любопытны во многихъ отношеніяхъ. Вмѣсто маленькаго случая, въ глухомъ углу Россіи, здѣсь фабула разсказа выносилась на широкіе горизонты европейской, даже міровой жизни. Оба героя — всемірныя знаменитости, оба они далеки отъ старой Москвы, оба живутъ интересами культурнаго общества, интересами, понятными очень односторонне, но, тѣмъ не менѣе, характерно для эпохи.

Любовь къ женщинѣ, заполняющая всю жизнь этихъ новыхъ героевъ русской жизни, была результатомъ перелома въ русскомъ міросозерцаніи. Женщина, освобожденная отъ рабскаго состоянія теремной жизни, теперь становилась рядомъ съ мужчиной, требовала для себя равныхъ правъ и чистыхъ отношеній. Оба героя, предки нашихъ сентиментальныхъ любовниковъ, ничѣмъ не послужили родинѣ, — обоихъ увлекъ блескъ чудной культуры, — тѣмъ не менѣе, они для насъ оба — яркіе показатели новыхъ потребностей, явившихся къ намъ съ реформой общества.

Эти повѣсти любопытно сопоставить съ описаніями тѣхъ заграничныхъ скитаній, которые испытали русскіе люди, посланные Петромъ на западъ за поисками знанія. Таковы: «Путешествія стольника Петра Толстаго по Европѣ», «Дневникъ неизвѣстнаго, который былъ въ Голландіи, Германіи и Италіи въ 1697—1698 годахъ», «Путешествіе бар. Петра Шереметева»; «Путешествіе неизвѣстнаго, который съ братомъ и учителемъ ѣздилъ въ 1714—1717 годахъ въ Голландіи, Испаніи, Италіи и Франціи», «Записки графа А. Матвѣева». (1705 г. во Франціи). «Записки Куракина». Въ этихъ произведеніяхъ, особенно, запискахъ Куракина, мы найдемъ много точекъ соприкосновенія съ двумя разобранными повѣстями, начиная отъ міровоззрѣнія героевъ до описаній любовныхъ походовъ. ¹⁾ Сличеніе заставитъ насъ признать, что обѣ повѣсти это — *Dichtung* надъ тѣми образами и фактами, что взяты изъ *Wahrheit* петровской эпохи.

Наконецъ, въ этихъ любовныхъ романахъ мы встрѣчаемъ длинныя и печальныя, и радостныя «аріи», встрѣчаемъ длинныя патетическіе монологи, свидѣтельствующіе о пробужденіи личности. Несомнѣнно, наступало время лирики.

Уже въ XVII в. встрѣчали мы первыя попытки выразить въ стихахъ стоны сердца, измученнаго любовью. Теперь, въ XVIII в., эти опыты встрѣчаются все чаще и чаще. Въ рукописныхъ собраніяхъ, рядомъ съ виршами стараго склада, теперь все въ большемъ числѣ попадаются намъ эти стихотворныя издѣлія, чаще всего безъ обозначенія имени ихъ творца.

Зарождавшаяся галантность въ отношеніяхъ между мужчинами и женщинами высшаго, болѣе образованнаго сословія особенно способствовала этой лирикѣ. «Самая нѣжная любовь, только подкрѣпляемая нѣжными и любовными и въ порядочныхъ стихахъ сочиненными пѣсенками» — говоритъ Болотовъ, «тогда получила первое надъ молодыми людьми свое господствіе, и помянутыхъ пѣсенокъ было не только еще очень мало, но онѣ были въ превеликую еще диковинку и, буде, гдѣ какая проявится, то молодыми боярынями и дѣвушками съ языка не была спу-

¹⁾ Изъ дневника кн. Куракина 1708 г. «въ ту свою бытность былъ инаморать въ славную хорошествомъ одною читадинку, называлася Signora Francesca Rota, — и такъ былъ инаморато, что не могъ ни часу безъ нея быти — и разстался съ великою плачью и печалью, ажъ до сихъ поръ изъ сердца моего тотъ алог не можетъ выдти и чаю не выдетъ».

скаема». Оттого-то и російскій матросъ Василій, и дворянинъ Александръ, и его другъ Владиміръ, и Купецъ Іоаннъ любили пеголять «аріями».

Въ началѣ XVIII в. такимъ кавалеромъ, прибѣгавшимъ къ чарамъ поэзіи, былъ извѣстный побѣдитель женскихъ сердецъ, камергеръ Монсъ, за свои любовныя похождения, заплатившій жизнью. За незнаніемъ русской грамоты, онъ писалъ русскіе стихи нѣмецкими буквами. Вотъ отрывокъ изъ одного произведенія его пера.

«Ахъ! что есть свѣтъ и в свѣтѣ! ахъ, все противное!
 «Не могу жить, ни умерти! Сердце тоскливое,
 «Долго ты мучилось! Нѣтъ упокоя сердца,
 «Купидонъ, воръ проклятый, вельми радуется,
 «Пробил стрѣлою сердце; лежу безъ памяти, и т. д.

Какъ видно изъ настроенія этихъ стиховъ—любовныя страданія Александра вполне умѣщались въ предѣлахъ этого чувства. И, конечно, можно смѣло утверждать, что приподнятое настроеніе героевъ петровской повѣсти вполне отвѣчало дѣйствительнымъ чувствамъ. Иностранцы, описавшіе нашу жизнь начала вѣка, придворную и городскую, говорятъ намъ о той любовной атмосферѣ, которою наслаждалось русское общество, освобожденное отъ оковъ Домостроя...

Секретарь Монса, Столѣтовъ, тоже былъ чувствительный стихотворецъ, — отъ него осталось не мало стиховъ, въ родѣ слѣдующихъ:

«О, коль тягость голубю безъ перья летати,—
 «Столь мнѣ безъ друга мила тошно пребывати.
 «И теперь я младенка въ слезахъ упаваю,
 «Что я друга сердечна давно не выдаю.

Подобные же стихи писала еще Елизавета Петровна, когда, далекая отъ трона, она жила сердечными привязанностями.

«..Я не въ свои мочи огнь утушить!
 «Сердцемъ я болѣю, да чѣмъ пособить?
 «Что всегда разлучно и безъ тебе скучно,
 «Легче бъ ты не знати, нежелъ такъ страдати
 «Всегда по тебѣ.
 «О несчастье злое, долголь мя мучишь!
 «О чемъ я страдаю, то не даешь зрѣть!
 «Или я одна тебѣ отданна,
 «Что меня мучити, тѣмъ ея веселити
 «И жизни лишити... и т. д.

Въ сборникахъ XVIII в., рядомъ съ народными пѣснями и кантами, много анонимныхъ пѣсенъ такого рода. Здѣсь, кромѣ восторженныхъ стиховъ, встрѣтимъ мы и грустные, полные жалобъ на «фортуну-разлучницу», на людей, на невѣрность милой.

Всѣ эти произведенія,—и разобранныя повѣсти и приведенные стихи, безъ размѣра—смѣсь виршей, народной пѣсни и монолога изъ любовнаго романа,—цѣннѣе для насъ, чѣмъ тѣ литературныя искусственныя произведенія, которыя написаны «по правиламъ» поэтики, которыя, къ сожалѣнію, до сихъ поръ въ нашихъ исторіяхъ литературы, совершенно закрываютъ собою оригинальное творчество, выросавшее въ этихъ дѣтскихъ попыткахъ выразить словами музыку своей души, взволнованной новыми ощущеніями.

VIII. Гисторія о Ярополѣ и всѣ послѣдующія этой группы не имѣютъ бытового интереса,—это произведенія сплошь «книжныя» подражательныя, не имѣющія хронологіи, т. е. колорита извѣстной эпохи. Первое произведеніе относится къ разряду «воинскихъ повѣстей»: оно все посвящено описанію войнъ, сраженій и подвиговъ героя и его сына. Несомнѣнно, для автора образцомъ была «Александрія»,—по крайней мѣрѣ, герой романа постоянно сравнивается съ Александромъ Македонскимъ. Изъ этого романа взяты, вѣроятно, кромѣ именъ (Александръ, Поръ) географическія данныя, чудесныя существа далекихъ странъ, ширина воинскихъ замысловъ двухъ героевъ. Изъ сказаній, въ родѣ «Взятіе Цареграда», «Взятіе Іерусалима» (Іосифа Флавія) и аналогичныхъ, заимствованы разныя воинскія хитрости, употреблявшіяся въ свое время при осадахъ городовъ.

X. Разсказъ о Чудѣ Богородицы, явленномъ надъ царевной Персикой, судя по языку (министры, персона, королевство, корета и др.), относится къ Петровской эпохѣ (по опредѣленію акад. А. И. Соболевскаго) и представляетъ собою поддѣлку подъ старыя «житія». Поддѣлка сказала, между прочимъ, и въ измышленіи словъ, яко-бы, греческихъ; на подобный приѣмъ, какъ очень обыкновенный у насъ, указываетъ акад. А. Н. Пыпинъ въ своемъ изслѣдованіи: («Очеркъ литературной исторіи стар. повѣстей и сказокъ русскихъ» 97).

XI. «Повѣсть бывшаго посольства» есть, вѣроятно, руссифицированный переводъ какого-нибудь популярнаго въ свое время польскаго ¹⁾ произведенія такого типа: еще средніе вѣка любили состязаніе загадками и схоластическими остротами. Въ святоотеческой литературѣ найдемъ мы длинный рядъ произведеній въ формѣ «Вопросовъ и отвѣтовъ» (См. Мочульскій, «Слѣды народной библии въ славянской и др. русск. письменности», его же: «Историко-литературный анализъ стиха о Голубиной книгѣ»; Архангельскій, «Творенія отцовъ церкви и др. русск. письменности» ч. I, 89 стр.; Ждановъ «Бесѣды трехъ святителей и Іоса Монашогоу», (Ж. М. Н. Пр. 1892 г. № 1). Эти «вопросы и отвѣты» касались важныхъ существенныхъ предметовъ,—иногда же сводились къ простому остроумію и принимали шуточный характеръ. Въ нашей духовной письменности найдемъ мы произведенія въ такой формѣ, въ народной поэзіи—стихи о Голубиной книгѣ, гдѣ предлагаются на рѣшеніе царя Давида вопросы, иногда аналогичные съ тѣми, что задаются въ нашей повѣсти португальскому мудрецу. Въ народныхъ сказкахъ такое состязаніе въ разрѣшеніи загадокъ тоже очень популярно; какъ въ нашей повѣсти, съ рѣшеніемъ происходятъ иногда недоразумѣнія. О повѣсти, напечатанной въ этомъ изданіи, въ Имп. Об-вѣ Люб. Др. Писъм. 21-го января 1901 г. былъ сдѣланъ докладъ П. Н. Шеффера. «Отмѣтивъ точки соприкосновенія этой повѣсти, представляющей, по видимому, русскую переработку чужого матеріала, съ «Словомъ о вѣрѣ христіанской и жидовской» и съ вопросо-отвѣтной литературой, докладчикъ охарактеризовалъ разсматриваемый текстъ, какъ любопытный образчикъ свѣтской повѣсти, построенной, главнымъ образомъ, на данныхъ литературнаго матеріала, обращавшагося въ до-петровской Руси.» (Отчетъ о засѣд. И. О. Л. Др. П. въ 1899—1900 г. 17).

XII. «Сказка о хозяинѣ и работникѣ»,—несомнѣнно, переводъ какой нибудь смѣхотворной повѣсти изъ сборника фавеллъ. Перепечатана она мною: 1) ради воспроизведенія рѣдчайшаго изданія (unicum), а 2) и потому, что эта сказка въ XVIII в. имѣла литературную обработку и, такимъ образомъ, вошла органически въ исторію русскаго романа. Общество Люб. Др. Писъм. точно воспроизвело старое изданіе «Повѣсти о Шемякинѣ»

¹⁾ На это указываетъ наличность польскихъ словъ въ повѣсти: «свара» — ссора: «добродѣю мой».

судѣ». Одинаковый форматъ и шрифтъ, тотъ же типъ рисунковъ обѣихъ повѣстей позволяютъ мнѣ утверждать, что и «Сказка о хозяинѣ и работникѣ» принадлежитъ къ той же серіи изданій.

XIII. Сказаніе о царѣ Василии имѣетъ далекую, полустертую связь съ какими то византійскими сказаніями о борьбѣ Царяграда съ магометанствомъ ¹⁾; итакъ передъ нами русская народная передѣлка чуждаго произведенія, хронологію котораго установить трудно.

XIV. Послѣдняя повѣсть моего сборника «Сказаніе о трехъ царей», найденное мною въ томъ же сборникѣ, что и повѣсть предыдущая, очевидно, тоже соприкасается съ цикломъ греческихъ сказаній, посвященныхъ оборонѣ греческаго православія отъ посягательства магометанскаго востока и католическаго запада.

Въ примѣчаніи я указалъ, что мой текстъ представляетъ собою «необнародованную до сихъ поръ редакцію повѣсти о купцѣ Басаргѣ». Въ «Изв. Отд. р. яз. и Слов. Имп. Ак. Н. 1904 г. т. IX, кн. 2», вышедшей послѣ напечатанія мною текста повѣсти помѣщена цѣлая статья ак. А. Н. Веселовскаго, «Нѣсколько данныхъ къ повѣсти о Басаргѣ». Обозрѣвая разные редакціи повѣсти, авторъ приводитъ изъ письма ак. Н. С. Тихонравова начало принадлежавшей тому редакціи повѣсти. Начало это слѣдующее: «Царствующу (въ) Антиохіи градъ великому Аркадію царю семь на десять лѣтъ и погребенъ бысть въ Антиохіи градъ Анѣилоіемъ патріархомъ Антиохійскимъ. По представленіи же Аркадія собравша множество грекъ и сотвориша совѣтъ съ патріархомъ и зъ бояры и послаша пословъ въ Римъ и призваша единого отъ епарховъ именемъ Несміана Гордаго царя...» и т. д. Словомъ, предъ нами варіантъ къ нашей редакціи текста. Ак. Веселовскій указываетъ на интересъ этой единственной, изъ ему извѣстныхъ, редакцій и выражаетъ сожалѣніе, что «изъ выписокъ Тихонравова не видно, какъ связывается введеніе къ тексту»—такимъ образомъ, напечатанная нами повѣсть пополняетъ собою отмѣченный имъ пробѣлъ въ литературѣ о купцѣ Басаргѣ.

¹⁾ У Крѹмбахера. K Krumbacher, «Geschichte der Byzantischen Literatur—я не нашелъ указанія на повѣсть такого содержанія.

Желая своимъ изданіемъ, главнымъ образомъ, ознакомить широкій кругъ нашей публики съ русской рукописной повѣстью, я выбиралъ для печатанья лучшія редакціи изъ мнѣ извѣстныхъ, не входя въ критическія и сравнительныя изслѣдованія текстовъ,—изслѣдованія, излишнія въ популярномъ изданіи.

Нѣкоторыя произведенія цѣликомъ напечатаны съ точнымъ соблюденіемъ орфографіи XVII, начала XVIII в. (только раскрыты титла),—другія напечатаны такъ лишь отчасти (первыя страницы). Сдѣлалъ это я для того, чтобы читатели имѣли представленіе о правописаніи XVII—XVIII в. Обыкновенно тексты этой эпохи печатаются съ современными орфографическими измѣненіями: предлоги отдѣляются отъ словъ, вводится послѣдовательное употребленіе буквы «ѣ» и пр. Теперь, когда и въ газетахъ и въ журналахъ, и въ частныхъ бесѣдахъ, и въ засѣданіяхъ Академіи Наукъ обсуждается вопросъ о новомъ правописаніи, не бесполезно было, на мой взглядъ, ознакомить широкій кругъ русской публики съ той «системой» правописанія, которая была у насъ въ XVII—XVIII в., съ которой боролись наши первые ученые филологи и съ которой они, увы, долго не могли справиться,—она дожила до конца XVIII вѣка, быть можетъ, захватила и начало XIX в. Что это правописаніе носило характеръ системы, въ этомъ убѣдиться не трудно, вчитавшись въ тексты, мною напечатанные; что съ этой системой должны считаться тѣ, кому усердіе нашихъ первыхъ «законодателей» не по душѣ,—конечно, не подлежитъ сомнѣнію.

I.

ПОВѢСТЬ ОГОРѢ ИЗЛОЧАСТИИ, КАКЪ ГОРЕ ЗЛОЧАСТИЕ ДОВЕЛО МОЛОТЦА ВОИНОЧЕСКІЙ ЧИНЪ.

(По рукописи Имп. С.-Петер. Публ. Библ. № 1773 Погодинскаго
Древлехран. ¹⁾).

Изволениемъ Господа Бога іспаса Нашего
Иісуса Христа Вседержителя,
от начала вѣка человѣческаго...
А въ началѣ вѣка сего тлѣннаго
сотворил небо иземлю,
сотворил Богъ Адама іевву,

¹⁾ Пока извѣстенъ единственный списокъ повѣсти (первой половины XVIII в.), найденный въ 1856 г. А. Н. Пыпинымъ. Напечатанъ впервые текстъ въ «Современникѣ» (1856 г. № 3); въ томъ же 1856 г. дважды перепечатанъ И. И. Срезневскимъ: 1) во 2 вып. V-го тома «Изв. Имп. Ак. Н. по Отд. Русск. яз. и словесности» и 2) въ изданіи «Памятниковъ и образцовъ народнаго языка и словесности Русскихъ и Западныхъ Славянъ» 1856 г. ч. IV. Въ 1860 г. текстъ повѣсти появился въ «Памятникахъ старинной Русской литературы, издаваемыхъ Гр. Кушелевымъ-Безбородко». Въ 1903 г., по случаю пятидесятилѣтняго юбилея учено-литературной дѣятельности акад. А. Н. Пыпина, «Повѣсть» была издана Имп. Академіею Наукъ подъ редакціей П. К. Симони, причемъ фототипически воспроизведенъ оригиналъ рукописи. Наше изданіе воспроизводитъ текстъ послѣдняго самаго точнаго изданія, съ тѣмъ только отличіемъ, что раскрыты в сѣтитла, повѣсть разбита на стихи, введена современная пунктуация и внесены нѣкоторые существенныя поправки.

повелѣлъ имъ жити восвятомъ раю,
 далъ имъ заповѣдь Божественну:
 не повелѣлъ вкушати плода винограднаго
 отъ едемскаго древа великаго.
 Человѣческое сердце несмысленно и неумичиво,—
 прелстился Адамъ соевою,
 позабыли заповѣдь Божию,
 вкусили плода винограднаго
 отъ едемскаго древа великаго;
 изапреступление великое
 Господь богъ на нихъ разгнѣвался;
 изгналъ Богъ адама соевою
 изъ едемскаго раю, изъ едемскаго,
 и вселилъ онъ ихъ на землю, на нискую,
 благословилъ ихъ раститися, плодотворитися
 и отъ своихъ трудовъ велѣлъ имъ сытымъ быть,
 отъ земныхъ плодовъ...
 Учинилъ богъ заповѣдь законную,—
 велѣлъ онъ бракомъ и женитбамъ быть
 для рожденія человѣческаго и для любимыхъ дѣтей.
 Но зло племя человѣческое,—
 вначалѣ пошло непокорливо,
 ко отцову учению зазорчиво,
 къ своей матери непокорливо
 и къ своему другу обманчиво;
 а се роди пошли слабы, добр(е?) убожливы,
 и безуміе обратились
 и учили жить всуе и въ враждѣ
 вечеринѣ великое,
 а прямое смиреніе отринули.
 Изъ то на нихъ Господь Богъ разгнѣвался,—
 положилъ ихъ въ напасти великія,
 попустилъ на нихъ скорби великія
 и срамныя позоры немѣрныя,
 безжизненное злое, сопостатныя находы,
 злую немѣрную наготу и босоту,
 и безконечную нищету, и недостатки послѣдніе,
 все смиряючи насъ, наказуя
 и приводя насъ на спасенный пут(ь).
 Тако рожденіе человѣческое отъ отца и отъ матери.

Будеть молодець уже вразумѣ, въбеззлобіи,
 івозлюбили его отецъ и мать,
 учить его учили, наказыват(ь),
 надобрыя дѣла наставлятъ:
 «милое ты наше чадо,
 послушай учения родительскаго!
 ты послушай пословицы
 добрыя, іхитрыя, імудрыя,—
 nebudeтъ тебѣ нужды великия,
 ты nebudeшь въ бѣдности великой!
 Неходи, чадо, впиры ивбратчины,
 несади́ся ты намѣсто болшее,
 непеи, чадо, двух чар заедину!
 еще, чадо, недавай очамъ воли,—
 непрелщайся, чадо, надобрых, красных женъ,
 отеческия дочери!
 Неложися, чадо, вмѣсто заточное,
 небоися небоися мудра [Будра], бояся глупа,
 чтобы глупыя ната неподумали,
 данесняли бы тебя драгих портъ,
 недоспѣли бы тебѣ позорства істыда великаго
 іплемяни укору ипоносу бездѣльнаго!
 неходи, чадо, хкостаремъ і корчемникамъ,
 незнаися, чадо, зголовами кабацкими,
 недружися, чадо, зѣглупыми немудрыми,
 недумай украсти-ограбити,
 іобмануть-солгать інеправдѣ учин(и)ть!
 Не прелщайся, чадо, назлато ісребро,
 незбирай богатства неправого,
 (не) буди послух лжесвидѣтельству,
 азла недумай наотца імать, і
 інавсякого человѣка,
 да итебе покрыетъ Богъ отвсякого зла!
 Небеззастови, чадо, богата іубога,
 а имѣи всѣх равно поединому!
 Азнаися, чадо, смудрыми,
 іразумными водися
 іздруги надежными дружися,
 которыя бы тебя злу не доставили!»

Молодец был вто время се мал іглупъ,
 неपूर्णъ разумъ инесовершен разумомъ,—
 своему отцу стыдно покоритися
 [ахотѣл] іматери поклонитися,
 ахотѣлъ жити, какъ ему любо.
 Наживал молодецъ пятьдесят рублѣвъ,
 залѣзъ он себѣ пятьдесятъ друговъ.
 Честь его, яко рѣка, текла,—
 друговя кмолотцу прибивалися,
 (въ?) родплемя причиталися.
 Еще умолотца был мил надежен другъ—
 назвался молотцу названой братъ,
 прелстил его рѣчми прелесными,
 зазвалъ его накабацкои двор,
 завелъ ево вызбу кабацкую,
 поднесъ ему чару зелена вина
 ікрушку поднесъ пива пьянова;
 самъ говоритъ таково слово:
 «іспей ты, братецъ мой названой,
 врадость себѣ іввеселие, івоздравие!
 іспей чару зелена вина,
 запей ты чашею меду сладково!
 Хошь иушьешься, братецъ, братецъ, допьяна,
 іно гдѣ пил, тутъ іспат(ъ) ложися.
 Надѣйся, надѣйся наменя брата, названова,—
 я сяду стереч(ъ) ідосматриват(ъ)!
 Вголовах утебя мила друга
 я поставлю крушку [пива] ішему сладково,
 вскрай поставлю зелено вино,
 близъ тебя поставлю пиво пьяное,
 зберегу я, мил другъ, тебя накрѣпко,
 сведу ятебя ко отцу твоему іматери!»
 Втѣ поры молодецъ понадѣйся
 на своего брата названого,—
 нехотѣлося ему друга ослушатца;
 принимался он запитъя запьяння
 ііспивал чару зелена вина,
 запивал он чашею меду слатково
 іпил он, молодецъ, пиво пьяное,
 упилился он безпамяти

ігдѣ пил тут испать ложился:
 понадѣялся он набрата названого.
 Какъ будетъ день уже довечера,
 асолнце назападе,
 отсна молодець пробужаетца,
 втѣпоры молодець озирается:
 ачто сняты снего драгие порты,
 чиры ічулочки—все поснимано:
 рубашка іпортки—все слуплено,
 ився собина уего ограблена,
 акирпичекъ положен подбуину его голову:
 он накинута гункою кабацкою,
 вногах унего лежат лапотки отопочки,
 вголовах мила друга іблизко нѣтъ!
 ивставал молодець набѣлы ноги,
 учалъ молодець наряжатися:
 обувал он лапотки,
 надевал он гунку кабацкую,
 покрывал он свое тѣло бѣлое,
 умывал он лице свое бѣлое;
 стоя молодець закручинился,
 самъ говорить таково слово:
 «Житие мнѣ богъ дал великое,—
 ясти, кушати стало нѣчево!
 Какъ нестало денги, ниполу-деньги,—
 такъ нестало нидруга, неполдруга:
 род иплемя отчитаются,
 всѣ друзи прочь отпираются».

Стало срамно молотцу появитися
 ксвоему отцу іматери,
 ксвоему роду иплемяни,
 іксвоим прежнимъ милымъ другомъ...
 Пошелъ он начюжу страну, далну, незнаему,
 нашелъ двор, что градъ стоитъ:
 изба надворѣ, что высокъ теремъ,
 авызбѣ ідетъ великъ пир почестенъ:
 гости пьютъ, ядятъ, потѣшаются.
 Пришелъ молодець начестен пир,
 крестил он лице свое бѣлое,
 поклонился чюднымъ образомъ,

бил челомъ он добрымъ людем
 навсѣ четыре стороны.
 Ачто видятъ молотца люди добрые,
 что гораздъ он крестится:
 ведет он все по писанному учению,—
 емлють его люди добрыя подруки
 посадили ево за дубовои столъ,
 неболшее мѣсто, невменшее,—
 сядятъ ево вмѣсто среднее,
 гдѣ сядятъ дѣти гостиные.

Какъ будет пир навеселие,
 івсѣ напиру гости пьяны веселы,
 исѣдя, всѣ похваляютца.
 Молодецъ напиру невеселъ сѣдять,
 кручиноват, скорбенъ, нерадостенъ:
 ане пьетъ, ниѣсть он, нитѣшитца—
 инѣчемъ [молотцу] напиру нехвалитца.
 Говорятъ молотцу люди добрыя:
 «что еси ты, доброй молодецъ?
 зачѣмъ ты напиру невесел сѣдишь?
 кручиновать, скорбенъ, нерадостенъ?
 нипьешь ты, ни тѣшышся?
 даничѣмъ ты напиру нехвалишся?
 чарали зелена вина дотебя недохаживала?
 или мѣсто тебѣ непоотчинѣ твоеи?
 или милые дѣти тебя изобидили?
 или глупыя люди немудрыя
 чѣмъ тебѣ молотцу насмеялися?
 или дѣти наши ктебѣ неласковы?»
 Говорить імъ, сѣдя, доброй молодецъ:
 «государи вы, люди добрыя,
 скажу я вамъ просвою нужду великую,
 про свое ослушание родительское
 ипропитьѣ кабацкое,
 прочашу медвяную,
 пролестное питье пьяное,
 язъ какъ принялся запит(ь)е запьяное,—
 ослушался язъ отца своего іматери,—
 благословение мнѣ отних миновалося.
 Господь богъ наменя разгнѣвался

інамою бѣдность вели(сь?) великия,
 многія скорби, неисцѣлныя,
 і печали неутѣшныя,
 скудость, і недостатки, і нищета послѣдняя...
 Укротила скудость мои рѣчистой языкъ,
 і засушила печал(ь) мое лице ібѣлое тѣло,—
 ради того мое сердце невесело,
 абѣлое лице унынливо
 іясныя очи замутились,—
 все імѣніе ивзоры у мене ізменилися,
 отечество мое потерялося,
 храбрость молодецкая отмене миновалася.
 Государи вы, люди добрыя,
 скажите инаучите, какъ мнѣ жить
 начюжеи сторонѣ, вчюжих людех
 икакъ залѣсти мнѣ милых друзей?»
 Говорятъ молотцу люди добрыя:
 «доброи еси ты іразумныи молодец,
 небудиты спесивъ начюжеи сторонѣ,
 покорися ты другу інедругу,
 поклонися стару імолоду,
 ачюжих ты дѣлъ не объявлявай,
 а что слышышь или видишь несказывай,
 не лести ты межъ други інедруги,
 не имѣи ты упатки вилавья,
 не веися змиею лукавою,
 смирение ковсѣмъ имѣи!
 і ты скротостию держися истинны справдою,—
 то тебѣ будетъ честь іхвала великая:
 первое тебе люди отвѣдаютъ
 іучнуть ты чтить іжаловать
 затвою правду великую,
 затвое смирение ізавѣжество,
 ібудутъ утебя милыя други,
 названыя братья надежныя!»

Іотуду пошелъ пошел молодецъ на чюжу сто сторону
 іучалъ он жити умѣючи:
 отвеликаго разума наживал он живота болшы старова;
 присмотрил невѣсту себѣ пообычаю—
 захотѣлося молотцу жениться:

средил молодець честенъ пир
 отчествомъ и вѣжествомъ
 любовнымъ своимъ гостемъ і другомъ билъ челомъ.
 Ипогрѣхомъ молотцу,
 ипобожію попущенію,
 аподѣйству дияволю
 предлюбовными своими гостми і други,
 иназванными браты похвалился,
 авсегда гнило слово похвалное:
 похвала живеть челоуѣку пагуба!
 «наживая дея молодець живота болши старова!»
 Подслушало Горе Злочастье хвастан(ь)е молодецкое—
 само говорить таково слово:
 «нехвалис(ь) ты, молодец, своимъ счастьемъ,
 нехвастай своимъ богатествомъ,—
 бывали люди уменя Гора
 і мудрая тебя идосуажает,—
 ія іх горе перемудрило:
 учинися імъ злочастье великое:
 досмерти сомною боролися,
 возломъ злочастиі позорилися—
 немогли уменя горя уѣхати—
 исами они во гробъ вселилис(ь),
 от мене накрѣпко они землею накрылис(ь),
 босоты инаготы они избыли
 ия отних, горе, миновалось,
 азлочастье наих вѣмогиле осталос(ь).
 Еще възгряло я, Горе, кинымъ привязалос(ь),
 амнѣ, Горю излочастию, неупустеже жити—
 хочю я, горе, влядехъ¹⁾ жить
 і батагомъ меня не выгонит,
 а гнездо мое ивотчина вображниках!»
 Говоритъ Сѣро Горе Горинское:
 «какъ бы мнѣ молотцу появитися?»
 Ино злото Горе ізлукавилос(ь),
 воснѣ молодцу привидялос(ь):
 «Откажи ты, молодець, невѣсте своей любимой:
 быть тебѣ отневѣсты і стравлену,

¹⁾ «влядехъ» — очевидно ошибка писца вм. «влюдехъ».

еще быть тебѣ отъ жены удушену
 изъ золота и серебра бысть убитому!
 Ты поиди, молодецъ, на царевъ кабакъ
 не жалиты пропивай свои животы,
 а скин(ь) ты платье гостинное,
 надежи ты на себя гунку кабацкую,—
 кабакомъ то горе избудетца,
 дато злое [Горе] злочастие останетца:
 занаймъ то Горе непогонитца,
 даникто кнагому не привяжетца,
 анагому босому—шумить розбой!»
 Тому сну молодецъ не повѣровал.
 Ино зло то горе излукавилось—
 Горе Архангеломъ Гаврииломъ молотцу
 попрержнему еще вновь злочастие привязалось:
 «али тебѣ, молодецъ, невѣдома
 нагота и босота безмѣрная,
 легота, безпроторица великая?
 Насебя что купить—то проторится,
 аты, удал молодецъ, итакъ живеш!
 дане бьютъ, немучатъ нагихъ босыхъ
 изъ раю нагихъ босыхъ не выгонятъ!
 астово свѣту сюды не вытепуть!¹⁾
 да никто к нему непривяжется—
 анагому босому шумить розбой!»

Тому сну молодецъ он повѣровал,
 сошелъ он пропиват(ь) свои животы,
 а скинулъ он платье гостинное,
 надевал он гунку кабацкую,
 покрывать онъ свое тѣло бѣлое.
 Стало молотцу срамно появиться
 своимъ милымъ другомъ—
 пошелъ молодецъ на чужу страну далну незнаму;
 надороге пришла ему быстра река,
 за рекою перевозчики,
 апросятъ у него перевозного
 ино дать молотцу нѣчево:
 невезуть молотца безденежно.

¹⁾ «вытепуть» — вѣроятно, вм. «вытенуть».

Сѣдитъ молодецъ день до вечера,
 миновался день до вечера; ні дообѣднемъ—
 неѣдал молодецъ ниполу куса хлѣба.
 Вставал молодецъ наскоры ноги,
 стоя, молодецъ закручинился,
 асамъ говорит таково слово:
 «ахти мнѣ, злочастие горинское!
 добѣды меня молотца домывало:
 уморило меня, молотца, смертью голодною,—
 уже три дни [моловец] мнѣ были нерадошны;
 неѣдал я, молодецъ, ниполу куса хлѣба!
 Ино кинус(ь) я, молодецъ, вбыстру рѣку—
 полощъ мое тѣло, быстра рѣка,
 ино ѣште, рыбы, мое тѣло бѣлое,—
 ино лутчи мнѣ жития сего позорного!
 уидулия угоря [укручины] злочастного?»
 Ивтотъ час у быстри рѣки скача Горе иззакамени,
 босо наго, нѣтъ нагоре ниниточки,
 еще лычкомъ Горе подпоясано,
 багатырскимъ голосомъ воскликано:
 «стой ты, молодецъ, меня Гора неудиенъ никуды—
 немечися вбыстру рѣку,
 данебуди вгоре кручиноват—
 авгоре жить—некручинну быть,
 акручинну вгоре погинути!
 Спамятуи, молодецъ, житие свое первое
 ікакъ тѣбѣ отецъ говорил,
 ікакъ тебѣ [наказывал] мати наказывала
 очемъ тогда ты іх не послушалъ?
 не захотѣлъ ты імъ покоритися,
 постыдился імъ поклонитися,
 ахотѣлъ ты жит(ь), какъ тебѣ любо есть!
 Ахто родителей своих надобро учения неслушаетъ—
 того выучю я, Горе Злочастное!
 нелюбому он учнетъ упадыват(ь)
 іучнетъ он недругу покарятися!»
 Говорит злочастие таково слово:
 «покорися мнѣ, Горю нечистому,
 поклонися мнѣ Горю до сыры земли,
 анѣтъ меня, горя, мудрая несемъ свѣте!

іты будешь перевезен забыструю рѣку
напоятѣя накормят люди добрыя».
Ачто видит молодець (бѣду?) неменучюю
покорился Горю нечистому—
поклонился Горю досыры земли.

Пошелъ, поскочилъ доброй молодець
покруту, покрасну побережку,
пожелтому песочикѣ—
ідеть весель, некручиновать,
утѣшил он горезлочастие,
асамъ идучи думу думаетъ:
«когда у меня нѣтъ ничего,
итужить мнѣ неочемъ!»
Даеще молодець некручиновать—
запѣлъ он хорошую напѣвочку
отвеликаго крѣпкаго разума:
«безпечална мати меня породила,
гребешкомъ кудерцы розчесывала,
драгими порты меня одѣяла
іотпед подручку посмотрела,
«хорошо ли мое чадо въ драгих портах?—
авъ драгихъ портах чаду ицѣны нѣтъ!»
Какъ бы довѣку она такъ пророчила,
иная самъ знаю ивѣдаю,
что некласти скарлату безмастера,
не утѣшати дѣтяти безматери,
небыват(ь) бражнику богату,
небыват(ь) костарю въславѣ доброи!
Завѣчен я у своих родителей,
что мнѣ быти бѣлешенку,
ачто родился головенкою!»
Услышали перевозчики молодецкую напѣвочку.
перевезли молотца забыстру рѣку,
аневзели унего перевозного,
напоили, накормили люди добрыя,
сняли снего гунку кабацкую,
дали ему порты крестьянские.
Говорятъ молотцу люди добрыя:
«ачто еси ты, доброи молодец,
ты поди насвою сторону,

клубымымъ честнымъ своимъ родителемъ,
коотцу своему икматери любимой,
простися ты ссвоими родители,
отцемъ иматерию,
возми отних благословение родителское!»

Юттуду пошелъ молодецъ насвою сторону.
Какъ будетъ молодецъ начистомъ полъ,
ачто злое Горе напередъ зашло,
начистомъ поле молотца въстрѣтило,
учало надмолодцемъ гратьи,
что злая ворона надсоколомъ!
Говорить Горе таково слово:
«ты стои неушель, доброй молодецъ,
неначас я ктебъ, Горе Злочастное, привязалося!
хощь досмерти стобою помучуся!
неодно я горе—еще сродники,
ався родня наша добрая,
всѣ мы гладкие умилные!
акто всем(ь)ю¹⁾ кнам примѣпашется—
инотот между нами замучится!
такова унас участь илутчая!
Хотя кинся воптицы воздушныя,
хотя всинее море ты поидешь рыбою,
ая стобою пойду подруку подправую!»
Полетѣлъ молодецъ яснымъ соколомъ,—
агоре заним бѣлымъ кречатомъ;
молodeцъ полетѣлъ сизымъ голубемъ,—
агоре занимъ сѣрымъ ястребомъ;
молodeцъ пошелъ вполе сѣрымъ волкомъ,
агоре занимъ зборзыми вѣжлецы;
молodeцъ сталъ вполе ковыл(ь) трава,
агоре пришло скосою вострою;
даеще злочастие надмолодцемъ насмьялося:
«быть тебѣ, травонка, посѣченои,
лежат(ь) тебѣ, травонка, посѣченои .
ібуины вѣтры быть тебѣ развѣянои!»
Попелъ молodeцъ вmore рыбою,
агоре заним сщастымі неводами—

¹⁾ «всемя» — очевидно вм. «въ семью».

еще Горе злочастное насмѣялося:
 «быти тебѣ, травонка, рыбонке, убережку уловленной,
 быть тебѣ даисѣденной,
 умереть будетъ напрасною смертию!»
 Молодецъ пошелъ пѣшъ дорогою,
 агоре подруку подправую,
 научаетъ молотца богато жить—
 убить иограбить,
 чтобы молотца зато повѣсили,
 или скаменемъ въводу посадили.

Спамятуетъ молодецъ спасенный путь—
 ютголе молодецъ вмонастыр(ь) пошелъ постригаться,
 агоре у святыхъ воротъ остается,
 кмолотцу впредь не привяжетца!
 Асему житию конецъ мы вѣдаемъ.
 Избави, Господи, вѣчныя мука,
 адаи намъ, Господи, свѣтлы рай
 Вовѣки вѣковъ АМИНЬ.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1-Е.

ОХЪ ВГОРЕ ЖИТЬ НЕКРУЧИННУ БЫТЬ.

(Сборн. Кишин Данилова. Ред. П. Н. Шеффера, стр. 162).

Аи горя горе гореваньца! а в горе жить—некручинну быти! нагому ходить—не стыдиться; аи денегъ нету—передъ денгами; появилась гривна—передъ злыми дни; не бывать плешатому кудрявому; не бывать гулящему богатому; не отростить дерева суховерхова; не откормить коня сухопарова; не утешити дитя без матери; не скроить атласу без мастера!

А горя горе гореваньца! аи лыкомъ, горе, подпоясалась, мочалами ноги изапутаны! А я от горя в темны леса, а горя прежде векъ Заполь; а я от горя въ поче(с)ной пиръ, а горя заполь, впереди сидитъ; а я отъ горя на царевъ кабакъ, а горя встречаетъ—ушъ пива тащитъ! Какъ я нагъта сталъ—насмеялся онъ.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2-Е.

Г О Р Е.

(«Народныя русскія сказки» А. Н. Афанасьева, т. III, 103—4).

...Мужикъ запѣлъ пѣсню, и послышались ему два голоса; онъ пересталъ и спрашиваетъ жену: «это ты мнѣ подсобляла пѣть тоненькимъ голоскомъ?»--«Что съ тобой! я вовсе и не думала».--«Такъ кто же?»--«Не знаю!» сказала баба: «а ну, запѣй, я послушаю». Онъ опять

загѣлъ, поетъ-то онъ одинъ, а слышно два голоса; остановился и спрашиваетъ: «это ты, Горе, мнѣ пѣть пособляешь?» Горе отозвалось: «да, хозяинъ! это я пособляю». — «Ну, Горе, пойдѣмъ съ нами вмѣстѣ». — «Пойдемъ, хозяинъ! я теперь отъ тебя не отстану». Пришелъ мужикъ домой, а Горе зоветъ его въ кабакъ. Тотъ говоритъ: «у меня денегъ нѣтъ!» — «Охъ, ты, мужичокъ! да на что тебѣ деньги? вишь, на тебѣ полушубокъ надѣтъ, а на что онъ? скоро лѣто будетъ, все равно носить не станешь! пойдѣмъ въ кабакъ, да полушубокъ по боку!» Мужикъ и Горе пошли въ кабакъ и пропили полушубокъ. На другой день Горе заохало, — съ похмѣлья голова болитъ, и опять зоветъ хозяина винца испить. «Денегъ нѣтъ!» говоритъ мужикъ. «Да на что намъ деньги? Возьми сани да телѣгу — съ насъ и довольно!» Нечего дѣлать, не отбиться мужику отъ Горя; взялъ онъ сани и телѣгу, потащилъ въ кабакъ и пропили вмѣстѣ съ Горемъ. На утро Горе еще больше заохало, зоветъ хозяина опохмѣлиться; мужикъ пропили и борону, и соху. Мѣсяца не прошло, какъ онъ все спустилъ; даже избу свою сосѣду заложилъ, а деньги въ кабакъ снесъ. Горе опять пристаётъ къ нему: «пойдемъ, да пойдѣмъ въ кабакъ!» — «Нѣтъ, Горе! воля твоя, а больше тащить нечего». — «Какъ нечего? а у твоей жены два сарафана: одинъ оставь, а другой пропить надобно». Мужикъ взялъ сарафанъ, пропили и думаетъ: «вотъ, когда чисты! ни кола, ни двора, ни на себѣ, ни на женѣ!»¹⁾...

ПРИЛОЖЕНІЕ 3-Е.

(«Великорусскія народныя пѣсни», изд. акад. А. И. Соболевскимъ т. I, 514).

Жиль-быль у батюшки, у матушки единый сынъ.
Захотѣлося на чужую на дальнюю сторонушку погуляти.
Отдаваетъ ему отецъ-матушка
На ножки сапожки турецъ-сафьянъ,
И пошили ему шубоньку дорогую.
И дали шапоньку ему черныхъ соболей,
И даютъ ему денегъ пятьдесятъ рублей со полтиною.
Говорятъ ему, наказываютъ
Таковыя словеса разумныя:
«Чадѣ наше милое,
Чаделко наше любимое!
И будешь ты на чужой на дальней на сторонушкѣ;
И прошла-пролегла дорожка
Мимо тотъ царевъ кабакъ:

¹⁾ Еще вариантъ у Аванасьева т. I, 106 («Двѣ доли»), IV, 420 («Горе»).

И не ходи-тка ты на царевъ кабаць,
 Не пей чарочки зелена вина!
 Какъ выпьешь ты чарочку зелена вина,
 Возьмутъ твою шапоньку черныхъ соболей,
 И возьмутъ твою шубоньку дорогую,
 И возьмутъ сапожки турець-сафьянъ;
 И бросятъ тебѣ лапотки липовые,
 Подержаны, поношены да брошены;
 И бросятъ тебѣ рогоженку липовую,
 Подержану, поношену да брошену;
 И возьмутъ денегъ пятьдесятъ рублей со полтиною...»
 Еще говорятъ ему, наказываютъ:
 «Будешь ты какъ хмѣльная головушка
 И будешь ты на почестномъ на большомъ пиру,—
 Не садись во мѣсто во большее:
 Буде стоишь мѣста большаго,
 Такъ посаждать тебя во мѣсто во большее;
 А буде не стоишь мѣста большаго,
 Такъ осмѣютъ люди добрые
 И удалые дородни добры молодцы...»
 Еще говорятъ ему, наказываютъ
 Таковыя словеса разумныя:
 «Не водись со женщиной кабацкою...»
 И пошелъ дородній добрый молодець
 Путемъ широкою дорогою.
 Прошла-пролегла дорога мимо царевъ кабаць
 И мимо кружало государево.
 Выходила женщина кабацкая;
 Личушко у ней—быдто бѣлый снѣгъ,
 Глазунки—быдто ясна сокола,
 Бровушки—быдто черна соболя.
 Говорить ему словеса приличныя:
 «Ай-же ты, упавъ дородній добрый молодець!
 Зайди, зайди на царевъ кабаць,
 Выпей винца не со множечко,
 Облей-обкати свое ретивое сердечушко,
 Развесели свою младую головушку,
 Ходючись, бродючись! по той чужой по дальней сторонущкѣ!»
 Не послушалъ наказа отца матери...
 И взяла она подъ рученьку подъ правую
 И ведетъ она на царевъ кабаць,
 И говоритъ словеса приличныя:
 «Какъ будешь ухмѣльная головушка,
 Такъ провожу я тебя до своего до подворьяца
 И до своего до помѣстьяца;
 И тутъ я съ тобой спать лягу».
 И приходилъ онъ на царевъ кабаць;
 Крестъ кладесть по писаному,

Поклонъ ведетъ по ученому,
 На всѣ на три, на четыре сторонушки.
 Всѣ глядятъ удалы дородни добры молодцы;
 Единъ удалый дороднй добрый молодецъ
 Выходитъ за столика дубоваго,
 И наливаль чару зелена вина
 И подносилъ упаву добру молодцу:
 «Выпей, выпей винца не со множечко,
 Облей-обкати свое ретивое сердечушко
 И развесели свою младую головушку!»
 Онъ взялъ чарочку зелена вина
 И повыглядѣлъ-высмотрѣлъ чарочку:
 Во той во чарочкѣ отъ края ключемъ кипить;
 А посерединѣ чарочки дымъ столбомъ стоитъ,
 А въ рукахъ тая чарочка, какъ огонь, горить.
 И выпилъ чарочку зелена вина;
 И тутъ добрый молодецъ и спать залегъ.
 Сняли его шубоньку дорогую,
 Взяли шапоньку черныхъ соболей,
 Сняли сапожки турецъ-сафьянъ
 И взяли денегъ пятьдесятъ рублей со полтиною;
 И бросили лапотки ему липовые,
 Подержаны, поношены да брошены;
 И бросили ему рогоженку липову
 Подержану, поношену да брошену.
 И спать молодецъ, просыпается,
 Просыпается и пробуждается...
 Легъ молодецъ—какъ маковъ цвѣтъ,
 А сталъ молодецъ—какъ мать родила..
 И сѣлъ на брусову бѣлу лавочку;
 Закручинился молодецъ, запечалился:
 «Не послушался я наказа отца, отца-матери!»
 Повыскочить горюшко изъ запечья,
 Стало горюшко по кабаку поскакивати;
 Поскакиваетъ да поплясываетъ,
 Поплясываетъ да выговариваетъ:
 «Ай же ты, упавъ дороднй добрый молодецъ!
 Не кручинься-ка ты, не печалуйся,
 Учись горемычнаго припѣвочка:
 Въ горѣ жить—некручинну быть!
 Умѣй меня, горюшко, кормить-поить,
 Кормить-поить, хорошо водить,
 Учить горемычнаго припѣвочка!»
 Всѣ пошли добры молодцы на почестенъ пирь,
 И взяли, взяли въ руки по калачику;
 А ему было идти не во чемъ,
 А взять калачика не во что.
 Проговорить горюшко сѣрое:

«Надѣвай ты тулупецъ рогозинный,
 Опоясывай по подольчику опоясочкой,
 Обувай лапотки липовы
 И учиcь ходить за бл....я!»
 Надѣвалъ онъ тулупецъ рогозинный,
 Опоясывалъ по подольчику опоясочкой,
 И лапотки обуваетъ липовы;
 И пошелъ на почестенъ пиръ.
 Онъ крестъ кладетъ по писаному,
 Поклонъ ведетъ по ученому,
 На всѣ на три, на четыре сторонушки.
 И всѣ глядятъ многи добрые людюшки:
 По кресту дороднѣй добрый молодецъ—
 Ученаго онъ отца-матери,
 И по поклончикамъ дороднѣй добрый молодецъ—
 Разумнаго роду-племени;
 Посадить его въ мѣсто во меньшее,—
 Такъ быть ему кусочекъ поданный,
 А пить чарочка ожуреная;
 А посадить его во мѣсто во большее,—
 Такъ осмѣются многи добры людюшки.
 Посадили его осередь стола.
 И ѣлъ молодецъ досыта,
 И пилъ молодецъ до любви;
 И тутъ молодецъ и спать залегъ за золотъ столъ.
 И спитъ молодецъ, просыпается,
 Просыпается, пробуждается;
 Проговорятъ многи добрые людюшки:
 «Ай же ты, упавъ дороднѣй добрый молодецъ!
 Поди, задайся ко купцу ко богатому на двѣнадцать лѣтъ:
 Наживешь ты денегъ пятьдесятъ рублей,
 Наживешь ты шубоньку дорогую,
 Наживешь сапожки турецъ-сафьянъ
 И шапоньку черныхъ соболей!»
 И пошелъ дороднѣй добрый молодецъ,
 Задался ко купцу ко богатому на двѣнадцать лѣтъ.
 И день по день, и недѣля по недѣлѣ, и годъ по годъ,
 Бывъ какъ трава растетъ:
 Прошло времячка двѣнадцать лѣтъ.
 И нажилъ онъ себѣ денегъ шестьдесятъ рублей со полтиною
 И нажилъ шубоньку дорогую,
 И нажилъ сапожки турецъ-сафьянъ
 И шапоньку черныхъ соболей.
 Скажутъ ему добрые людюшки:
 «Ай же ты, упавъ дороднѣй добрый молодецъ!
 Не ходи на почестный пиръ,
 А поженись-ка ты, удаленькѣй добрый молодецъ,
 Возьми ты душку-душку дѣвушку».

Проговорить горюшко сѣрое:
 «Не слушай ты чужихъ умовъ-разумовъ,
 Не женись, не бери душки-душки дѣвушки!
 Поди ты на царевъ кабакъ,
 И пей вина кабацкаго,
 И закусывай медами стоялыми,
 Стоялыми медами, сладкими!»
 И шель упавъ на царевъ кабакъ,
 И пилъ винца кабацкаго,
 И закусывалъ медами стоялыми,
 Стоялыми медами, сладкими.
 И пропивалъ денегъ шестьдесятъ рублей со полтиною,
 Пропивалъ шубоньку дорогую,
 И сапожки турецъ-сафьянъ,
 И шапоньку черныхъ соболей.
 И шель дородній добрый молодецъ
 Ко черной рѣкѣ ко Смородинѣ.
 И приходитъ ко черной рѣкѣ ко Смородинѣ;
 Закричалъ добрый молодецъ громкимъ голосомъ:
 «Перевощички вы, перевощички!
 Перевезите меня на тую на сторону!»
 Всѣ проговорятъ перевощички:
 «Есть-ли у тебя дать перевознаго?»—
 — «Первознаго дать нечего»—
 — «А безъ перевознаго мы не перевеземъ»!
 И сѣлъ онъ на камешекъ,
 Закручинился, запечалился,
 Пораздумался и порасплакался,
 Повѣсилъ буйную голову,
 Утупилъ ясныя очи во сыру землю.
 Хочеть, хочеть добрый молодецъ
 Посягнуться на свои руки бѣлыя
 Во тую черну рѣку Смородину.
 А проговорятъ перевощички:
 «Перевеземъ мы на тую сторону
 Удалаго дородня добра молодца!»
 Перевезли его какъ на тую на сторону,
 Повернулся добрый молодецъ яснымъ соколомъ,
 Подкладывалъ крыльица бумажныя,
 Поднимался выше лѣса подъ самую подъ облаку.
 Онъ летитъ яснымъ соколомъ,
 А горюшко вслѣдъ чернымъ ворономъ,
 И кричитъ громкимъ голосомъ:
 «Ай же ты, упавъ дородній добрый молодецъ!
 Хочешь улетѣть, да не улетѣть:
 Не на часъ я къ тебѣ, горе, привязалося!»
 Падеть добрый молодецъ на сыру землю;
 Повернулся добрый молодецъ сѣрымъ волкомъ,

Сталь добрый молодецъ сѣрымъ волкомъ поскакивать;
 Горюшко вслѣдъ собакою,
 Само бѣжить, кричить громкимъ голосомъ:
 «Ай-же ты, упавъ дородній добрый молодецъ!
 Хочешь ускочить, да не ускочить;
 Не на часъ я къ тебѣ, горе, привязалося!»
 Хочетъ, хочетъ добрый молодецъ
 Завернуться на боярскій дворъ,
 Задаться къ боярину на двѣнадцать лѣтъ;
 И проговорить горюшко сѣрое:
 «Ай-же ты, упавъ дородній добрый молодецъ!
 Не слушай ты чужихъ умовъ-разумовъ,
 Не ходи ты на боярскій дворъ,
 Не корми чужаго отца-матери!»
 Велитъ горюшко идти во честные монастыри,
 Велитъ горюшко постричься и посхимитися.
 И шель добрый молодецъ во честные во монастыри,
 Постригся добрый молодецъ и посхимился.
 И прошло тому времячка ровно три года,
 И тутъ ему, добру молодцу, и смерть пришла.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4-Е.

(Оттуда же, стр. 529).

И какъ отъ батюшки было отъ умнаго,
 И отъ матушки да отъ разумныя
 Зародилося чадушко безумное,
 Безумное чадо, неразумное.
 И унимаетъ тутъ чадушко родна матушка:
 «И не ходи-тка, чадо, на царевъ кабаць,
 И не пей-ка-сь, чадо, да зелена вина,
 И не имѣй союзъ съ голями кабацкими,
 И не знайся ты, чадо, со жонками со бл....ми,
 И что ли съ тѣми со дѣвками со к....ми!»
 И не послушалъ тутъ чадо родной матушки,
 И какъ пошелъ тутъ чадушко да на царевъ кабаць,
 И сталъ тутъ пити-кушати зелена вина.
 И сталъ знатися чадо съ голями кабацкими
 И союзъ имѣть сталъ съ жонками со бл....ми.
 Ай со тѣма ли-то со дѣвками со к....ми.
 Ай тутъ вѣдь къ добру молодцу да горе привязалося:

Какъ молодецъ со горюшка да въ казаки пошелъ,—
Еще горе вслѣдъ да топоры несетъ,
Топоры несетъ, само приговариваетъ:
«И ты постой-ка-сь, не ушелъ, да добрый молодецъ!
И не на часъ къ тебѣ я, горе, привязалося!»
И молодецъ со горюшка да въ солдатшки,—
А еще горе вслѣдъ да оружье несетъ,
Ай оружье несетъ, само выговариваетъ:
«И ты постой-ка-сь, не ушелъ, да добрый молодецъ,
И не на часъ я къ тебѣ, горе, привязалося!»—
И молодецъ со горюшка да во быстру рѣку,—
Ай горе вслѣдъ да невода несетъ,
И невода несетъ да выговариваетъ:
«И ты постой-ка-сь, не ушелъ, да добрый молодецъ!
И не на часъ я къ тебѣ, горе, привязалося!»
И молодецъ со горюшка да на сине море,—
Еще горе вслѣдъ да гоголемъ пловетъ,
И гоголемъ пловетъ, да выговариваетъ:
«И ты постой-ка-сь, не ушелъ, да добрый молодецъ,
И не на часъ я къ тебѣ, горе, привязалося!»
И молодецъ со горюшка да во сине море,—
Ай тутъ-то горе сѣло вѣдь на бѣлую грудь,
И стало горюшко да слезно плакати:
«И тебѣ спасибо добрый молодецъ,
И какъ умѣлъ на семъ свѣтѣ горя помыкати!»
Ай тутъ на вѣкъ горе разставалося
И со удаленькимъ добрымъ молодцемъ.

II.

Повѣсть зѣло пречюдна иудивленію достойна, иже бысть грѣхъ ради нашихъ гонение Россійскаго государства на христіаны отбезбожнаго еретика Гришки Отрепѣва розстриги, иже содѣяся воградѣ Казани нѣкоего купца Ѳомы Грудцына, о сынѣ его Саввѣ ¹⁾).

(Рукоп. Имп. Публ. Б-ки Q XVII, 196).

Влѣто отсотворенія мира 7114 бысть воградѣ велицемъ устюгѣ нѣкто мужъ славенъ ібогаты зѣло, імянемъ Ѳома Грудцынъ Усовъ. Видѣвъ гонение имятежъ великъ на христіаны вросійскомъ государствѣ іпомногимъ градомъ абие оставляетъ великій градъ устюгъ ипоселяется впонизовски иславны градъ царственны казань. Зане впонизовскихъ градѣхъ небысть злочестивыя литвы; іживе той Ѳома зженою своею воградѣ Казани даже долѣтъ благочестіваго царя івеликаго князя Михаила Ѳеодоровича всея росіи. Имѣяше той Ѳома усебя сына единочада, імянемъ саву, дванадесятилѣтна возрастомъ; обычайже имѣяи той Ѳома куплю дѣяше, отѣзжая внизъ волгою рѣкою, овогда къ соли камской, овогда воинныя страны іногда захвалынское море вшахову державу отѣзжаетъ куплю творяше; томуже ісына своего саву

¹⁾ Текстъ повѣсти изданъ былъ раньше въ «Лѣт. р. лит. и древн.» (1859 г.) т. II, и въ «Пам. стар. р. лит.» (1861 г.) т. I. Въ настоящемъ изданіи рукопись Публ. Б-ки воспроизведена съ замѣной церковнославянскихъ цифръ арабскими и съ введеніемъ современной пунктуаціи.

поучаше, и нелѣпно такому дѣлу прилѣжати повелѣваше, дабы посмерти его наслѣдникъ былъ имѣнію его.

Понѣкоеже времени восхотѣ той Ѳома отплыти на куплю впахову область, иобычные струги стоваромъ кплаванию устроившу, сыну же своему устроилъ сосуды собычнымъ товаромъ, повелѣваетъ плыти къ солѣ камской; и тамо купеческому дѣлу совсякимъ опасениемъ прилѣжати повелѣваше. Іакоже обычное цѣлование подаде женѣ исыну своему, пути касается. Малыя же дни помедливъ, исынъ его настроенныхъ судѣхъ, поповелѣнію отца своего, ксоли камской плавание творити начинается. Достигну же ему усолскаго града Орла, аки пристаетъ къ берегу и поповелѣнію отца своего унѣкого нарочита челоуѣка вгостинице обитати пристааетъ. Гостинникъ же той ижена его, помня любовь и милость отца его, немало прилѣжаніе всякое благодареніе творяху ему, ияко осынъ своимъ всяко попеченіе имѣяху о немъ; он же пребысть вгостинице оной немало время. Втомъ же градѣ Орлѣ бысть нѣкто мещанин града того, имянемъ ипрослытиемъ Бажень второй, уже бо престарѣлся влѣтѣхъ, изнаемъ быше вомногихъ градѣхъ благонаправнаго ради житія его, понеже и вбогатствѣ зѣло, и попремногу знаемъ и друженъ бѣ савину отцу Ѳомѣ Грудцыну. Увѣдав же Бажень вторы, яко исказани Ѳомы Грудцына сынъ его воградѣ ихъ обрѣтается, и посмысливъ себе: «отецъ ево сомноую многую любовь и дружбу имѣяше, аз же презрѣхъ его, и вдомъ мой непригласихъ его, да обитаеъ у мене и питается сомною оттрапезы моея». Исия помысливъ и усмотри нѣкогда того саву, путемъ грядуща, и призвавъ его, начатъ молити: «друзе савво! или невѣси, яко отецъ твой сомноую многую любовь имать, ты же почто презрѣлъ еси мене и не присталъ еси в дому моемъ обитати? Нынѣ убо не преслушай мене: приди и обитай в дому моемъ, да питаемся отобшия трапезы моея: азъ убо залюбовъ отца твоего вселюбезно яко сына приемлю тя!» Сава же, слышавъ таковая отмужа глаголы, велми радъ бысть, яко оттаковаго славнаго мужа приять хочетъ быти, и ниско поклонение творить преднимъ. Немедленно отгостинника оного отходитъ в домъ мужа того Бажена втораго, и живяше в всякомъ благодѣнствіи, радуясь. Той же бажень вторы старъ сый, имѣя усебя жену, третіимъ бракомъ новоприведену, дѣвою поять сущу; ненавида же добра роду челоуѣческу сопоставъ диаволь, видя мужа того добродѣтельное житіе, и хотя возмутити домъ его, иузвляеъ жену его на юношу оного кскверному

смѣшенію блуда; инепрестанно уловляше оного лстивыми словесы кпадению блудному. Вѣсть бо женское естество уловляти умы молодыхъ клюбодѣянню. И тако той сава юностию жены тоя, пачеже рещы отзависти диаволи, запятъ бысть, падеся всѣтъ любодѣяннѣ зженою оною, ненасытно творяше блудъ ісбезвременно вооном скверномъ дѣле пребывая снєю, ниже бо воскресенія день, ниже праздники помняще, позабывше страхъ божій и часть смертный, всегда бо вкалѣ блуда яко свиния валяющѣся; и втаковом ненасытном блуженіи іиное долгое время яко скотъ пребывая.

Нѣкогдаже приспѣвшу празднику вознесенія господа нашего Іисуса Христа, внавечеріиже праздника Бажень второй поемъ ссобою юношу оного досвятыя церкви квечернему пѣнію, ипоотпущеніи вечерни паки придоша вдомъ свої, ипообычной вечера возлегоша кажды наложи своемъ, благодаряще Бога. Внегдаже благолюбивы онъ муж Бажень вторы заспавъ крѣпко, женаже ево, диаволом подстрѣкаема, воставъ тайно сложа своего, ипришедъ кпостели юноши оного, ивозбудивъ его, понуждаше къскверному иблудному смѣшенію. Онже, аще имлад сыі, нояко нѣкою стрѣлою страха божия уязвенъ бысть, убояся суда Божия, помышляше всебѣ: «како втаковый господственны ден(ь) такое скаредное дѣло сотворити имамъ!» Исия помысли начать склятвою отрицатися отнея, глаголя, яко: «нехощу всеконечно погубити душу свою ивтаковы превелики праздник осквернити тѣло мое». Она же, ненасытно распалашеся похотию блуда, неослабно нудяше его, ово ласканіемъ, овоже ипрещением нѣким угрожае ему, дабы исполнилъ желаніе ея, имного тружда иувѣщавая его, ноникакоже возможе приклонити его кволи своей; божественная бо нѣкая сила помогаше ему. Видѣвже лукавая та жена, яко невозможе привлеци юношу кволи своей, абие зѣлною яростию наюношу распалися, яко лютая змия возстовав, отиде отложе его, помышляше волшебнымъ зелием опойти его, неотложно злое свое намѣреніе совершити хотя. Иелико замысли сіе исотвори. Внегдаже начаша клепати коутреннему пѣнію, благолюбивыиже онъ мужъ Бажень вторы, скоро воставъ отложе своего, возбудивже юношу оного савву, поидоша наславословие Божие коутрени; иотслушавше совниманіемъ истрахомъ Божиимъ. Ипридоша вдомъ свой. Егдаже приспѣ время божественнѣй литоргіи, поидоша паки срадостію досвятыя церкви наславословление Божие. Онаже проклятая жена, тшательно

устроивши наюношу волшебное зелье, ияко змяя хотяше ядъ свой изблевати нанего. Поотпущеніи же божественныя литоргіи Бажен вторы ісава ізыдоша отцеркви, хотяще итти вдом свой. Воѣводаже града того, пригласивъ оного Бажена втораго, даобѣдуетъ снимъ; вопросиже поюноше ономъ: «чиі есть сынъ, иоткуда?»—Онже повѣдаетъ ему, яко ісказани Ѡомы Грудцына сынъ. Воѣвода же приглашаетъ юношу оного вдом свой, зане добре знаяше его отца. Втом же бывше дому его ипообычаю общія трапезы вкусивше, срадостию возвратишася вдом свой; Бажень же вторы повелѣ принести отвина мало, даиспюють вдомѣ своемъ, чести ради господьственного онаго праздника, ничтоже бо вѣдый лукавого умышленія жены своея. Онаже, яко ехидна злая, скрываетъ злобу всердцы своемъ и подпадаетъ лестию къюноше оному. Принесеннуже бывшу вину, наливаетъ абие іподноситъ мужу своему; онже испивъ, благодаря Бога; ипотомъ наливаетъ, сама іспив, абие наливаетъ отравного оного уготованного зелия, іподноситъ юноше оному савѣ. Онже, испив нимало, помысли, ниже убоаяся лукавства жены оныя, чаяше, яко никоего зла мыслить нанего, ібезовсякого размышленія выпиваетъ лютое оное зелье. Исе начат яко нѣки огнь горѣти всердце его, оженѣ оной помышляя иглаголя всердце своемъ: яко многоразличныхъ питей пияхъ вдому отца моего, иникогда же такого питія неиспихъ, якоже ныне. Егдаже испих питье оно, іначат сердцемъ тужити искорбѣти поженѣ оной. Онаже, яко лвица, кротко поглядаше нанего, инемало привѣтство являше кнему; іначат мужу своему наюношу оного клеветати, инелѣпая словеса глаголати, иповелѣваше изгнати издому своего. Богобоязливыиже оныі муж, еще жалѣя поюноше, обачеже уловленъ бываетъ женскою лестию, повелѣваетъ юноше ізытти издому своего; онже отходить, тужа и сѣтуя олукавой женѣ оной. Іприіде паки вдомѣ гостинника онаго, идѣже первие обиташе. Онже вопрошаше, каковы ради вины изыде издому Бажена втораго. Онже, сказуя имъ, яко самъ невосхогѣхъ жити у нихъ¹⁾: оженѣже оной сердцемъ скорбя инеутѣшно тужаще; іначать отвеликаго туженія красота лица его увядати іплоть его істочевати; видѣвже гостинникъ юношу сѣтующа искорбяща зѣло, неудоумѣваючи, что ему бысть. Бѣже вградѣ томъ нѣкто волхвъ, чарованиемъ ска-

¹⁾ Любопытный вариантъ въ текстѣ, изданномъ въ «Памятникахъ др. писемъ.» гр. Кушелева-Безбородко: «...жити у нихъ: зане гладно ми бысть».

зую, кому какова скорбь приключаетца; онже узнаваше, или жити, или умерети. Гостинникже іжена его, благоразумни суще, немало попеченіе оюноше имѣяху, і призываютъ тайно одного волхва ивопрошаютъ, какова скорбь юноше приключися: волхв же оныі посмотривъ вволшебныя своя книги, сказуетъ істинну, яко никоторыя скорби юноша неимать всебѣ, токмо тужить поженѣ Бажена втораго, яко вблудное смѣшание падесе снєю, нынѣже отступженѣ бысть отнея, ипонеи тужить іскрушаетца. Гостинникъ іжена его, таковая слышавше отволхва, неяша вѣры, зане Баженъ муж благочестивъ ибояся Бога, іничтоже дѣло сие вмѣняше. Савваже, непрестанно тужа искорбя опроклятой той женѣ, ідень одни отгоя туги истончи плоть свою, яко бы нѣкто великою скорбию болить.

Нѣкогда же той савва ізыде един прохладитися¹⁾; ідышеже путемъ единъ пополудни, інікого засобою ниже передсобою видяше, іно ничто же помышляше, нотокмо сѣтуя искорбя о разлученіи своемъ отжены оныя, іпомысли воумѣ своемъ такову мысль, глаголя: «егдабы кто отчеловѣкъ, или сам диавол сотворил сие, еже бы паки совокупитися мнѣ зженою оною, азѣбы послужил диаволу». Ітакову мысль помысливъ, аки бы ума ізѣступивъ, ідыше единъ; имало пошед, слышитъ засобою гласъ зовущъ его наімя; онже, обращся, зритъ юношу, борзо текуща, внаочитом одѣяніи, помагающа рукою ему, пождати себя повелѣваше; онже, стоя, ожидаше юношу одного ксебѣ. Пришедже ксавѣ юноша той, пачеже реци супостатъ диавол, іже непрестанно рыщет, іща погубити души челоувѣческия. Пришедже ксавѣ іпобычаю поклоншеса между собою; рече же пришедыі отрокъ ксавѣ глаголя: «брате саво, что убо яко чюждѣ бѣгаеши отмене? Азѣ убо давно ожидаю ксебѣ, дакако бы пришелеси комнѣ иродственную любовь имѣл еси сомною; азбо вѣм тя давно, яко отрода грудцыных усовых изграда Казани, аомнѣ аще хоцещи увѣдати, иаз тогоже рода оттрада великого устюга; здѣ давно пребываю ради конские покупки, ибо поплотскому рождению братия мы стобою, иныне убо буди братъ ідругъ инеотлучаіса отмене; азѣ убо всяко споможение всем рад чинити тебѣ». Савва же, слышавъ отмнимаго брата одного, паче же реци отбѣса, таковыя глаголы, велми возрадовася, яко втаковой далной

¹⁾ Варіантъ: «ізыде единъ за градъ, на поле, отъ великаго унынія и скорби прогулятися». (Тамъ же).

незнаемой странѣ сродника себѣ обрѣте; илюбезно целовастася, поидоша оба вкупѣ попустыни оной пошедше. Речеже бѣс ксавѣ: «брате саѡ! какую скорбь имаши всебѣ, яко велми изчезе юношеская красота твоя?» Онже, всяко лукавная, сказоваше ему, нѣкую быти великую скорбь всебѣ; бѣс же осклабився, рече ему: «что убо скрываеши отмене, азбо вѣм скорбь твою; ночно ми даси, азъ помогу скорби твоей?» Савваже рече: «аще убо вѣдаеши истинную скорбь мою, юже имам всебѣ, то пойму вѣру тебѣ, яко можеши помощи мнѣ!» Бѣсѣже рече: «тыбо, скорбя, сокрушаешися сердцем своим поженѣ бажена втораго, зане отлученъ еси отлюбе ея.» Саваже глагола: «азъ убо, колико имамъ здѣ товаров ибогатства отца моего, исприбытком все отдаю тебѣ! Токмо сотвори попрержнему любовь имѣти женою оною». Бѣсже рече: «что убо іскушаеши мя, аз бо вѣм, яко отецъ твоі многа богатства имать, ты же невѣсили, яко отецъ моі седмерицею богатѣе отца твоего. Ичто ми будетъ втоварѣхъ твоихъ? Нодаждь ми нася рукописание мало нѣкое, ія исполню желание твое.» Юношаже рад бысть, помышляя всебѣ, яко «богатство отца моего цело будетъ, азже дам ему писаніе, что ми велитъ написати; аневѣды, вкакову пагубу хочеть впасти, ещеж іписати совершенно ниже что умѣя. Оле безумия юноши оного! Како уловлен бысть женскою лестію, итоя ради вкакову погибел(ь) снисходитъ! Егдаже ізрече бѣсъ словеса сия, он же рече срадостію обѣщася дати писание. Мнимыі же братъ, пачеже рещи бѣс, вскорѣ взем ізочпага чернила іхартію, даетъ юноши, іповелѣваетъ ему немедленно написати писание. Тоіже юноша сава, еще несовершенно умѣяше писати, иелико бѣс сказоваше ему, тоіже іписаше, неслагая, итаковым писанием отреклся Христа, истиннаго Бога, іпредадеся вслужение діаволу. Написав же такое богоотметное писание, отдаетъ діаволу, мнимому своему брату, итакѡ поидоша оба воградъ орелъ. Вопросивже савва бѣса, глаголя: «повѣждми, брате мой, гдѣ обитаеши, даувѣмъ домъ твой». Бѣсже возсмѣялся, рече ему: «аз убо особаго дому неимам ни гдѣ, ногдѣ прилучитъ, тамо иначую; аще ли хоцещи видѣтися сомною часто, то іщи мя всегда наконской площадкѣ, аз убо якоже рѣтко здѣ живу ради конских покупокъ; ноаз исам необленюся посѣтити тя; нынѣ же иди клавкѣ бажена втораго, вѣм бо, яко срадостію призоветъ тя вдом свой жити». Саваже, поглаголу брата своего діавола, радостно тече клавкѣ баженовой. Егдаже видѣвъ баженъ савву, усердно приглашает его ксебѣ

иглаголетъ: «господине савво, кую злобу сотворих я тебѣ аз, ипочно изшел еси издому моего, протчее убо молютя, прииди паки, обитая вдому моемъ, азъ убо залюбовь отца твоего, яко присному сыну радъ бысть тебе всеусердно». Савваже, егда услыша отбажена таковыя глаголы, неизреченною радостію возрадовася, искоро потече вдомя бажена втораго. Иегда пришед юноша, жена, видѣвъ ево идиаволом подстрекаема, радостно срѣтаетъ его ивсяким ласканием привѣтствоваше его илобызаше. Юношаже уловлен бысть лестію женскою, пачеже диаволом, паки запинаятъ всѣти блуда спроклятою оною женою, ни празников, ниже страха Божия помняще, поне ненасытно беспрестани снелю вкалѣ блуда ваяляся. Помнозѣже времени, абие слух входитъ впредсловиціи град Казан матери саввиной, яко сын ея живетъ внеисправном житіи: елико сним отцевскихъ товаров, все изнурилъ бѣ вблудѣ ипианствѣ. Матиже ево, таковая о сыне своемъ слыша, зѣло огорчися, ипишетъ къ нему писание. Онже, прочетъ е, посмѣявся инивочтоже вѣннѣ; онаже посылаетъ второе писание, ово молениемъ молитъ, овоже іклятвами закликаетъ, дабы поѣхалъ немедленно отгуду воградъ казан. Савваже, нимало внятъ матерню молениею іклятвѣ, нивочтоже вѣннѣше, токмо встрасти блуда упражняшеся. Понѣкоемъ же времени поемлетъ бѣсъ саву, ипоидоша оба заградъ орелъ. Инаполѣ изшедшимъ имъ изграда, глаголетъ бѣсъ саввѣ: «вѣсили, кто есмь азъ? Ты убо совершенна мниши мя быти отъ рода Грудцныхъ, нонѣсть тако: ныне убо залюбовь твою повѣмти всю истинну. Тыже неубойся, ниже устыдися звати мя братомъ себѣ, азъ убо совершенно улюбихъ тя вбратство себѣ; но аще хочешь увѣдатъ(ь) о мнѣ, азъ убо сынъ царевъ; поидемъ протчее, дапокажу ти славу імогутство отца моего!» Исия глагола, приведе его впусто мѣсто нанѣки холмъ, ипоказа ему вѣнкоеи раздолѣ градъ велми славенъ; стѣны ипомосты іпокровы отъзлата чиста блистаяся. Ирече ему бѣсъ: «сей есть градъ творение отца моего, поидемъ убо ипоклонимся купно отцу моему; аеже ми далъ еси писание, ныне возьмѣ, самъ вручи его отцу моему, ивеликою честію будеши почтенъ отъ него». Исия изглагола, бѣсъ отдаетъ саввѣ богоотметное писание. Оле безумія отрока! вѣдый бо, яко некоторое царство прилѣжитъ вблизиости къмосковскому государству, новсе обладаемо царемъ московскимъ. Аще бы тогда вообразилъ насебѣ образъ креста честнаго, вся бы сія мечты диавольския, яко сѣн(ь), погибли бы. Но напредлежащее возвратимся. Внегдаже придоша кпривидѣнному оному граду иприблизився

им ковратом града, срѣтают ихъ юноши темнообразни, вризахъ иподеи украшены златыми, итцанием покланяющесе, честь воздающе сыну цареву, паче же рещи бѣсу, такожде ісавѣ покланяющесе. Вшедшимже им водворъ царевъ, паки срѣтают іині юноши, ризами блистающесе паче первых, такожде покланяющесе им. Егдаже внидоша вполаты царевы, абие друзіи юноши срѣтают ихъ, счестію идиаволом превозходяще, воздающе достойную честь сыну цареву ісаввѣ. Вшедшимже вполату глас бысть саввѣ: «брате савво! пожди мя здѣ мало; азъ убо шедъ возвѣщу отебѣ отцу моему, іведу тя кнему; егдаже будешъ предним, ничтоже размышляи или убойся, подаждь ему писание». Ісия рекъ, поиде вовнутреннюю полату, оставль савву единаго; ипомедливъ тамо мало, приходитъ ксавѣ, вводитъ его предлице князя тмы.

Тойже, сѣдя на престолѣ высоце, камениѣмъ драгим излатом преукрашен, нанемъ же той славою великою иодѣяніемъ блистаяся, окрестъ же престола его зрять савва множество юношъ крылатых, лицаже ихъ овыхъ сини, иныхже яко смола черны, Пришедже сава предцаря оного, пад наземлю, поклонися; вопросиже его царь, глаголя: «откуда пришел еси сѣмо, ичто есть дѣло твое?» Безумныйже онъ юноша подноситъ ему богоотметное писание свое, глаголя, яко: «придох, великий царю, послужити тебе!» Древнийже змиі сатана, приемъ писание ипрочетъ его, ктемнообразным своим воином рече: «аще поіму отрока сего, невѣм, крѣпокли будетъ мнѣ, или ни». Призвавже сына своего, асавина брата, глагола ему: «иди протчеѣ, обѣдуй збратом своим». И тако поклоншеса царю, оба изыдоша вpredнюю полату, наченше обѣдати. Неизреченныя иблаговонныя яди приношаху имъ, такожде ипитие, яко дивитися саввѣ, глаголя, яко: «никогдаже вдуму отца моего таковых ядей вкушах, или пития испих!»

Поядениіже поемлетъ бѣс савву, ипоидоша паки здвора царева, изыдоша изграда. Вопросаетже савва брата своего бѣса, глаголя: «что убо, брате, яко видѣхъ уотца твоего, окрестъ престола его, много юношъ крылатых стоящих?». Бѣсже, улыбаяся, рече ему: «или невѣси, яко мнози чловѣцы служатъ отцу моему, іині персы іиніи мнози, тыже недивися сему, инесумнѣваися братом звати мя себѣ; азъ бо дабуду тебѣ меншиі братъ; токмо, елико реку ти, всем буди послушен мнѣ, азже всякого добродѣйства рад чинить тебѣ!» Савваже общася послушен быти ему. И тако увѣришася, придоша воград орелъ, иноставльши бѣс савву, отходить. Савваже паки приіде вдом баженовъ, ипробываше впреж-

немъ своемъ скаредномъ дѣле. Вто же время приде вказан испериды сомногими прибытками отецъ савин Оома Груддын, иякоже лѣпо, обычное целование подавъ женѣ своей, ивопрошаетъ осынѣ своемъ: «живѣ ли есть?» Онаже повѣдаетъ ему, яко: «отмногихъ слышу онемъ: побтшествиі твоємъ вперсиду он отиде ксоли камской, поттуда воград орел, тамо идонынѣ живеть житие неудобное, все богатство наше, якоже глаголють, изнури впиянстве иблудѣ, азже много писахъ кнему осем, дабы оттуду возвратился вдом наш; онже ниединаго отвѣта подаде ми, ноидонынѣ тамо пребываетъ; жиѣ ли или нѣтъ, отом не вѣмы!» Оомаже, слышавъ таковыя глаголы отжены своея, зѣло смутися умомъ своимъ; ивскорѣ сѣд, написавъ епистолию ксавѣ смолениемъ, дабы безвсякаго замедления оттуду ѣхалъ воградъ Казань: «да вижу, рече, чадо, красоту твоего лица!» Саваже, таковое писание приемъ, ипрочеть, нивочтоже вмѣнивъ, ниже помысли ѣхать коотцу своему, нотокомо упражняшеся вненасытномъ блуженіи. Видѣвъже Оома, яко ничтоже успѣваетъ писание его, абие повелѣваетъ готовити подобныя струги стоваромъ, кпути касается кограду Орлу, яко дасамъ, сыскавъ, пойметъ сына своего вдомъ свой. Бѣсъ же, егда увѣде, яко отецъ савинъ путешествуетъ кограду Орлу, хотя поятъ саву вказанъ, абие глаголетъ саввѣ бѣсъ: «доколѣ здѣ воединомъ маломъ градѣ жити будемъ? идемъ убо воинныя грады, ипогуляемъ, ипаки возвратимся». Савваже нимало отомъ отречеся, ноглагола ему: «добре убо, брате, глаголеши, идемъ, нопожди мало; азъ убо возму отбогатства моего нѣколико пѣнязей напутъ!» Бѣске возбраняетъ ему осемъ, глаголя: «или невидѣл еси, савво, уотца моего? невѣси(ли), яко вездѣ села его есть? да идѣже придемъ, тамо иденегъ унасъ будетъ, елико потребно!» Итако поидоша отграда орла, никѣмъже вѣдомы, ниже баженъ той вторы, нижена его, увѣдавши оотшествіи саввинѣ. Бѣске исава воедино ноцѣ отграда орла обявишася нарѣке волге во градѣ, имянуемомъ Козмодемянскомъ, разстояніемъ имѣюща 840 верстѣ. Иглаголетъ бѣсъ саввѣ: «аще кто тя знаемы узритъ ивопроситъ: «откуда пришел еси?» тыже рцы: «отграда орла, втретію недѣлю приидохомъ доздѣ». Савваже, елико заповѣда ему бѣсъ, тако исказываше. Ипробывшу вкозмодемянску нѣколико дни, абие бѣсъ паки поемлетъ савву, ивоедино ноцѣ приидоша нарѣку оку, всело, нарицаемое павловъ перевозъ. Ибывшимъ тамо вдень четвертка, втоіже денъ вселѣ ономъ торгъ бываетъ; ходящимъ же имъ вторгу, узрѣвъ саву нѣкоторого престарѣла нища мужа стояща,

рубищами гнусными одѣянна; изряше насаву прилѣжно, ивелми плачуща; саваже отлучися мало отбѣса, ипритече кстарцу оному, хотя увѣдати вины плача его. Пришедшиже кстарцу, ирече: «кая ти печал(ь) есть, яко неутѣшно плачешь?» Нищииже он старецъ глаголетъ ему: «плачу, чадо, опогибели души твоея; невѣси, яко погубил еси душу твою иволею предался еси диаволу? вѣси ли, чадо, скѣм нынѣ ходиши, иего братомъ себѣ нарицаешь? носей нечеловѣк, нодияволъ ходя стобою, идоводить ты допропасти адскія!» Егдаже изрече старецъ коюноши глаголы сия, обозрѣся савва намнимаго брата своего, пачеже рещи бѣса, онже издалеча стоя, грозить оному савѣ изубы своими скрежещетъ нань. Юношаже, вскорѣ оставль святаго оного старца, прииде къбѣсу; диаволже велми начат поносити наего и глаголати: «чего ради стаковымъ душепагубцемъ сообщился еси? незнаеши ли сего лукаваго старца, яко многихъ погубляетъ? натебѣ же видѣвъ одѣяние нарочито, иглаголы лестныя пропустилъ ктебѣ, хотя отлучити ты отлюдей, иудавомъ удавити ты, иобрати тебя одѣяние твое; ныне убо аще оставлю ты единого, то вскорѣ погибнешь безмене». Исия изрече, согнѣвомъ поемлетъ саву оттуду, иприходитъ снимъ воградъ, нарицаемый шуйскъ, итамо пребывая немало время.

Оома же Грудцынъ Усовъ, пришедъ воградъ орелъ; вопрошаетъ осынѣ своимъ, иниктоже можаше повѣдати ему онемъ. Вси бо вѣдяху, яко прежде сего предприѣздомъ сынъ ево воградѣ хождаше всѣми видимъ, айдѣже внезапно скрыся, никтоже вѣсть. Ови глаголаху, яко убояся пришествия твоего, зане изнури здѣ все богатство твое, исега ради скрыся. Пачеже всѣхъ Баженьъ второй ижена его, дивящися глаголаху, яко обнющъ спаше снами, заутра же пошедъ нѣкуда, мыже ожидахомъ его обѣдати; онже оттого часу нигдѣже явился воградѣ нашемъ! айдѣже скрыся ниазъ, нижена моя не вѣмы. Оома же многими слезами обливаясь, живе ожидая сына своего, инемало пождавъ, тщею надеждею возвратися вдомъ свой, иовзвѣщаетъ нерадостныи случай женѣ своей, иоба вкупѣ сѣтующе искорбяще олишении сына своего, иятаковомъ сѣтовании Оома Грудцынъ поживе нѣко-лико времени, когда отыде, жена же его вдовствѣ живущи сущи.

Бѣсъже исава живяше воградѣ шуйскомъ. Вовремя же то благочестивый государь царь ивеликий князь Михайло Феодоровичъ всея россіи, возжела послать воинство свое противу короля польского подградъ смоленскъ. Ипоего царскому указу повсей

россиі набираху солдатъ новобраныхъ тамошнихъ; воградѣ шуи-ском ради солдатскаго набору [прислан смоквы столникъ тимоей воронцовъ, дивную школу артикулу учаше. Бѣсъже исавва, приходяще, смотряху учения ихъ. Речеже бѣсъ ксавѣ: «хощешили, дапослужим царю, данапишемся имы стобою всолдаты?» Савваже рече: «добрѣ, брате, глаголеши, послужимъ!» И тако написавшися всолдаты, иначенше купно научение ходити. Бѣсъже ввоинском обученіи такову мудрость дарова ему, яко истарыхъ воиновъ иначалниковъ воученіи превосходитъ; самже бѣсъ, яко слуга саввѣ, хождаше заним иоружие ношаше. Егдаже изшуйскаго новонабранныхъ солдатовъ приведоша кмосквѣ, иотдавши ихъ внаучение нѣкому немецкому полковнику; тотже полковникъ, егда приде видѣти оныхъ солдатъ наученіи, исе видить юношу млада, воученіиже ввоинском зѣло благочинна, ирядна поступающа инимало порока во всем артикуле имѣюща, имногихъ старыхъ воиновъ иначалниковъ воученіи превосходяща, ивелими удивися остроумию его; призвавже его късебѣ, ивопрошаетъ рода его. Онже сказуетъ ему истинну. Полковникъ же, возлюбивъ савву велими иназвавъ его сыномъ себѣ, дадеже ему зглавы своей шляпу, здрагоценнымъ бисеромъ устроену сущу. Иабие вручаетъ ему три роты новонабранныхъ солдатъ, давмѣсто его устрояетъ иучить той савва. Бѣсъже той припаде ксавѣ, ирече ему: «брате мой савво! егда ти недостатокъ будетъ, вчемъ ратныхъ людей жаловать, повѣждми убо, принесу ти, елико потребно денегъ, дабы вкомандѣ твоей роптания небыло». И тако утого саввы всѣ солдаты во всякой тишинѣ итакое пребывание¹⁾; впротчихже ротахъ молва имятежъ непрестанны, яко отгладу инаготы, непожалованы, помираху; усаввыже во всякой тишинѣ иблагоустроеніи пребываху солдаты. И вси дивляхуся остроумию его. Понѣкоемже случае явственно учинися онемъ исамому царю. Втоже время намосквѣ немалу власть имѣя шуринъ царевъ, бояринъ сімеонъ дукояновичъ стрепневъ; увѣдавши прооного савву, повелѣваетъ его привести предсебя, ирече ему: «хощешили, юноше, даприму ты вдом мой, ичести немалы сподоблю тя?» Онже убо поклонися ему ирече: «есть, убо, владыко, мой братъ у мене, вопрошу убо его: аще убоповелитъ,—срадостію послужу тебѣ!» Бояринже нимало возбранивъ ему, отпустивъ его, да вопроситъ брата своего. Савваже пришедъ, рече иповѣда сие мни-

¹⁾ очевидно, описка вм.: «впокоѣ (въ покоѣ) пребываше».

мому брату своему; бѣсъ же съяростію рече ему: «почто убо хо-
щещи презрѣти царскую милость ислужити хощещи холоу его?
Ты убо исамъ ныне втомже порядке устроен; уже бо и самому
царю знатенъ учинился еси! ни убо, небуди тако!—нодапослужим
царю; егда убо царь увѣсть вѣрную твою службу, тогда ичином
возвышен будещи отнего!» Поповелѣніюже цареву вси новобраные
солдаты разданы пострѣleckим полкомъ дополку. Тоіже савва
поставлен наустритенкѣ вземлянѣм городѣ, взимнѣ дому стрѣ-
leckого сотника іменем Якова Шилова. Сотникже той ижена
его, благочестиви иблагонравни суще, видяще саввино остроумие,
зѣло почитаху его. Полкиже намосквѣ вовсякоі готовности кпу-
тешеству бяху.

Воединже отдниі приіде бѣсъ ксавѣ ирече ему: «савво брате!
пойдем прежде полковъ всмоленскѣ івидим, что творятъ полки,
икако град укрѣпляютъ, избранныя сосуды устроятъ.» Ивоедину
нощъ смосквы всмоленскѣ град ставше ипрѣбывше уних три
дни, никимже видимы. Ониже все видѣвше исозираще, како
поляки градъ укрѣпляютъ инаприступных мѣстѣх всякия гарнаты
поставляху. Вчетвертыже день бѣс объяви себѣ исавву всмо-
ленском поляком. Егдаже поляки узрѣвше ихъ, возматоса,
начаша гнати поних, хотяще уловити ихъ; бѣсже исавва скоро
избѣгше изграда прибѣгоша крѣкѣ днепру, — иабие разступися
им вода; ипреидоша рѣку оную посуху. Полякиже много стре-
ляюще понихъ иникакоже вредиша их. Удивляющеса глаго-
люще, яко: «бѣсове суть вообразѣ Человѣческом приідоша ибывшие
воградѣ нашемъ!» Савваже ибѣсъ паки приідоша кмосквѣ иташа
паки утогѣ сотника Якова Шилова. Егдаже поуказу царскому
поидоша полки смосквы подсмоленскѣ, тогда итоі савва збра-
том своим вполках приідоша. Надвсѣм же полком болярин
Ѳеодор Ивановичъ Шенинъ¹⁾. Напутиже бѣсъ ксавѣ рече: «брате
савво! егда будемъ подсмоленским, тогда ісполяковъ изграда
выѣдетъ единъ ісполинъ напоединокъ, истанетъ звати против-
ника себѣ; тыже неубоіся ничего, іиди противъ его, азъ бо вѣм,
іглаголю ти, яко ты поразиши его; надругиіже день паки іспо-
ляковъ выѣдетъ другиі ісполин, — тыже изыди паки противу
того; вѣм бо, яко итого побѣдиши; втретиіже день выѣдетъ із-
смоленска третиі поединщикъ, тыже ничтоже бояся, іпротиву
того выѣди, ноитого побѣдиши, самже уязвленъ будещи отнего.

¹⁾ Въ другихъ спискахъ: Шенинъ.

РУССКІЯ ПОВѢСТИ. XVII—XVIII В.

Азъ же язвѣ твою вскорѣ уврачѣю». И тако увѣщавъ его придоша подградъ смоленскъ исташа вподобнѣ мѣстѣ; поглаголу же бѣсовскому, **высланъ** бысть изграда нѣкии воинъ, страшенъ зѣло, **наконѣ** скакаше, **искаше** себѣ измосковскихъ полковъ противника, **нониктоже** смѣяше изыйти противу его. Савва же, объявляя себе вполкахъ, глаголя: «ащебы мнѣ былъ воинскій конь, **изъ** бы изшелъ набранъ противу сего неприятеля царска». Друзи же его, слышавше, **возвѣстиша** о немъ боярину. Боярин же повелѣ савву привести предсебя и повелѣ ему дати коня нарочита и оружие, **мнѣвъ**, яко вскорѣ погибнути **иматъ** юноша оттаковаго страшнаго исполина. Савва же, поглаголу брата своего бѣса, ничтоже **размышляя** или убояся, **выѣзжаетъ** противу оного полскаго богатыря, **искорю** сразивъ его, **иприводитъ** сконемъ вполки московския, **іотвсѣхъ** похваляемъ. Бѣсъ же, **ѣздя** понемъ, служаше ему и оружие **занимъ** нося. Вовторы же день паки изсмоленска **выѣзжаетъ** страшный исполинъ; **противу** же его **выѣзжаетъ** той же савва. Итого вскорѣ поразивъ. Все же удивившася храбрости его; боярин же, **разгнѣвася** на савву, **носкрываше** злобу всердцы своемъ. Третіе же день еще **выѣзжаетъ** изграда смоленска нѣкии славныи воинъ паче первыхъ, такоже **ища** **ипозывая** себѣ противника. Савва же, **аще** иубояся **ѣхать** противу такова страшнаго воина, обаче, **пословеси** бѣсовскому, немедленно **выѣзжаетъ**; **ипротиву** того **наконѣ** полякъ. Той, **яростно** напустивъ, **уязви** савву копиемъ **влѣвое** стегно. Савва же, **исправся**, **нападаетъ** на поляка оного, **иубиваетъ** его, **исконемъ** вполки привлече, **немалже** зазоръ смолянѣмъ наведе, **все же** **россійское** воинство **воудивление** приведе. Потом же **начаша** изграда войско **выходить**, **и войско** **свойскимъ**, **сошедшеся**, **свалнымъ** боемъ битися; **айдѣ же** савва **збратомъ** своимъ **скоторого** крыла **воѣваше**, **тамо** **поляки** **унихъ** **невозвратно** **бѣжаху**, **тылъ** **показующе**; **безчисленно же** **побивающе**, **самих же** **ниодного** **вредили** **бяху**. Слышав же бояринъ о храбрости юноши оного, **иуже** **немогнѣ** **скрыти** **тайнаго** **гнѣва** **всердце** **своемъ**, **абие** **призываетъ** савву **кплатру** **иглаголетъ** ему: «**повѣжди**, **юноше**, **которого** **еси** **роду**, **ичи** **еси** **сынъ?**» Он же **повѣдаетъ** ему **истинну**, яко **исказани**: «**Ѳомы** **Грудцына** **Усова** **сынъ**». Боярин же, **начать** **всякими** **нелѣпыми** **словесы** **поносити** **его** **иглаголати**: «**кая** **ти** **нужда** **втаковыи** **смертныи** **случаи** **призва?** **азъ** **убо** **знаю** **отца** **исродниковъ** **твоихъ**, **безчисленно** **бо** **богатство** **имутъ**; **ты же** **откакова** **гонения** **или** **скудости**, **оставя** **родителей** **своихъ**, **сѣмю** **пришелъ** **еси?** **паче** **глаголю** **ти**: **немного** **здѣ** **медли**, **ноиди** **вдомъ** **родителей** **твоихъ**, **ипре-**

бываі тамо воблагоденстві; ащели преслушаеші мене, иуслышу тебе, яко здѣ имаши пребывати, то безвсякаго милосердія здѣ имаши погибнути; главу твою повелю скоро отъяти отъ тебе!» Сіяже бояринъ кѣюноше изрекъ съяростию, отиде отнего. Юношаже сомногоу печалию отходитъ отнего. Отпешимже им отпаша рече бѣсъ ксаввѣ: «что убо печалуешися осем? аще не угодна служба наша, то поидем мы протчѣ кмосквѣ, ітамо дапробываемъ».

Итако вскорѣ отидоша изсмоленска кмосквѣ, иприставше вдом обитати тогоже сотника. Бѣсъже днемъ пребываше ссавою, кнощиже отхождаше отнего восвой адскія жилища, идѣже искони обычаі окаяннымъ пребывати. Немалуже времени минувшу, абие разболѣвся савва, ибѣ болѣзнь его тяжка зѣло, яко быти ему близ смерти; женаже сотника оного, благоразумна сущи, боящися Бога, всяко попечение иприлѣжаніе осавѣ імущи, иглаголаша ему многожды, дабы повелѣлъ призвати иерея, исповѣдати грѣхи своя ипричаститися святыхъ таинъ, «данекако, рече, втаковой тяжкой болѣзни внезапно безпокаянныя умрешъ». Савваже отрицаяся, яко «аще рече, итяшко болю, нонѣсть сія болѣзнь моя ксмерти!» Идень отдней болѣзнь его... ¹⁾.. неотступно притужаше ксаввѣ, дапокается, иубо: «оттого неимаши умрети». Едва принужденъ бѣ савва боголюбивою оною женою, повелѣваетъ призвати ксебѣ иерея; женаже велѣ вскорѣ ийти кохраму святаго Николы чудотворца иповелѣваетъ призвати тоя церкви иерея. Іерейже, нимало замедливъ, притече кболящему; бѣ бо иерей той лѣты совершенъ сый, муж искусенъ, ибгобоязливъ; пришедже нача молитвы покаянныя глаголати, якоже обычно. Иегда же всѣмъ людемъ изхрамины изшедшимъ, иерейже начать болнаго исповѣдывати, исе внезапно зрѣтъ болны вохрамину оную вшедшимъ толпу великую бѣсовъ. Мнимыиже его братъ, пачеже рещи бѣс, приде снимиже, уже невчеловѣческомъ образѣ, новсущественномъ своемъ звѣроправномъ. Иставъ созади бѣсовскія оныя тмы велми насаву яряся изубы скрежеща, показуя ему богоотметное оное писание, еже даде ему савва уграда Орла. Иглагола бѣс кболящему: «зришили, клятвенно преступниче, что есть сие? неты ли писал еси сие, или мниши, яко покаяниемъ симъ избудеши отнасъ? Ни, убо; немни того; аз убо всею силою моею

¹⁾ Пропущено: «становилась тяжелѣе», въ нѣкоторыхъ спискахъ: «тяжчае баше».

подвигнуса нятя!» Сия бо иинная неподобныя бѣсом глаголющим, болныиже зряше очевидно ихъ, иово ужасашеся, овоже надѣяся насилу Божию, идоконца все исповѣда подробну іерею оному; іерейже той, аще муж исвятъ, нообаче убояся страха оного, зане людей никого же вохраминѣ кромѣ болнаго видѣ, гласже великъ слыша отбѣсовскія оныя силы існуждею великою ісповѣда болнаго, отиде вдом свой, никомуже сия повѣдавъ. Поисповѣданиіже оной бѣсъ нападе насавву иначать немилостивно мучити его, ово остѣну ударяти, овоже опомость, содра его пометая, ово храплениемъ іспѣною давяше, івсыкими различными муками мучаше его. Боголюбивыйже той муж изблагодарную своею женою, видяще наюноше таковое отдиавола незапное нападение, велми мучаше, жалѣюще поюноше истѣняху сердцемъ своимъ, ноникакоже помощи ему могуще. Бѣсъже день одней наболнаго лютѣ нападая, мучаше его; ивсѣмъ предстоящимъ ту отмучения его бысть ужасно. Исходяше господи́нь же издому своего, яко видя наюноше такову необычную вещь, пачеже изная, яко юноша той вѣдом исамому царю храбрости ради своей, ипомышляше зженою своею, дакако бы возвѣстити осемъ царю. Бѣже исродница нѣкая уних, бѣше вдомѣ царскомъ; исия помышляюще, посылаетъ немедленно жену свою кооной сроднице своей, повелѣваетъ ей, дабы немедленно возвѣстила цареви, «да некако, рече, юноша оныі втаковом злом случаѣ умреть, іабие буду істязаем отцаря занеизвѣстие!» Женаже его, нимало помедлив, скоро тече ксроднице своей, івса повелѣнная отмужа порядку сказа; сродницаже оная, яко слыша таковыя глаголы, умилися душею, ово бо болѣвъ поюноше, пачеже скорбяше посродникахъ своих, данекако ивправду оттаковых случаевъ бѣду примутъ, инимало помедлив, скоро тече отдому своего дополаты цареви, ивозвѣщаетъ осемъ ближнимъ слугамъ царскимъ, иневдолзѣмъ часу внушаетца самому царю осем. Царьже, яко слышавъ оюноши таковое, милосердіе свое излиываетъ надним, глаголя предстоящимъ преднимъ слугамъ, даегда бываетъ измѣнение повсядневное караулов, повелѣваетъ посылати вдомѣ сотника оного, идѣже болны той юноша лежитъ, подва караульщика, данадзираютъ, рече: «блюдите юношу оного, данекако отоного бѣсовскаго мучения обезумѣвъ, воогнь или вводу ввержется». Самже благочестивый царь посылаше кболящему юноше повсядневную пищу, иелико здравъ болны явитца, повелѣваетъ возвѣстити себѣ. Исе тако бывшу, немало втаковом бѣсовскомъ томленіи бысть же.

(Бысть) же Іюля въ первый (день) юноша оный необычно отбѣса умученъ бысть, абие заспавъ мало, ивоснѣ, якоб наявѣ, начать глаголати, изливая слезы изомженных очесъ своих, сице рече: «о, всемилостивая госпоже, царице, помилуй: несолгу, ноисполню, елико общаюся ти!» Домашниі же изнабѣдѣвающе воины, таковыя глаголы отболнаго слышаще, удивившася, глаголюще, яко нѣкое видѣние видѣ.

Егдаже болны отсна возбнувъ, приступи к нему сотникъ, ирече: «повѣжди, господине савво, что таковыя глаголы сослезами воснѣ, ихкому реклъ еси?» Онже паки начать омывати лице свое слезами, глаголя: «видѣхъ, рече, ко одру моему пришедшу жену свѣтолѣпну, инеизреченною свѣтлостію сияющую, носяше ризу багряню; снею же идва мужа нѣкия сѣдинами украшены, един убо воодежди архіереистѣі, другіи же апостолское одѣяние имуще. Именню ияѣхъ, токмо жену, мню, быти пречистую Богородицу, мужаже: единаго—наперстника Господня Іоанна Богослова, вторагоже—неусыпающаго града нашего москвы, преславнаго воиерарсѣхъ архіерея Божія петра митрополита, ихже подобія изнаю образ; ирече свѣтолѣпная оная жена: «что ти есть, савво? ичесо ради скорбиши тако?» Азъже рѣхъ ей: «скорблю, владычице, яко прогнѣвавъ сына твоего ибога моего, итебе, заступницу рода христіанскому, изасие бѣс лютѣ мучить мя!» Она же рече ему: «что убо мниши, како ти избыти сея; икакo ти выручити рукописаніе свое издада?» Азъже рѣхъ ей: «немогу, аще помощію сына твоего, и твоею всесилою милостію!» Онаже рече ему: «аз убо умолю сына своего ибога твоего, един глагол моги исполнити, азже тѣ избавлю отбѣды сея, хоцешили быти монах?» Азже ей глаголы молебныя сослезами глаголахъ ей воснѣ, яже ивы слышаште! Онаже паки рече: «слыши, савво, егда приспѣетъ празникъ явленія моего образа, яже вказани, ты же приди во храм мой, яже наплощадѣ увѣтошнаго ряду; иазъ предвѣмъ народомъ чюдо явлю натебѣ!» Исия рече, невидима бысть. Сія слышавъ сотникъ иприставленные воины отсаввы глаголы, велми почудишася. Иначѣ сотникъ ижена его помышляти, како бы осем вѣдать ивозвѣстити самому царю; умысли посродницу свою послати, дабы она возвѣстила осем вѣдать предцаревы палаты сигклитомъ, онихже бо внушено будетъ самому царю. Приде же сродница оная вдом

¹⁾ Пропускъ въ рукописи слова: «стража» (въ другихъ спискахъ это слово есть).

сотниковъ; они же повѣдаша ей видѣние болящаго юноши; онаже слышавъ, иабие отходит немедленно доцаревы палаты и взовѣщаетъ ближнимъ сигклитомъ; ониже немедленно внушаютъ царю обывшемъ видѣнии саввиномъ.

Егдаже слышавъ царь, велми почюдися. Иначаша ожидать праздника оного. Иегдаже приспѣ время іюля 8 числа, бысть праздникъ пресвятыя Богородицы Казанския; абие повелѣваетъ царь болящаго оного савву нести доцerkви; бысть же втои день хождение крестное изсоборныя апостолския церкви пресвятыя Богородицы. Втом же году былъ исамъ царь. Иегдаже начаша божественную литоргию, принесенну же бывшу болящему оному саввѣ ипобожену въ церкви наковрѣ. Егдаже бо начаша пѣти херувимскую пѣснь, исе внезапно бысть гласъ, яко бы громъ велии возгремѣ: «Савво, востани, что бо медлиши? иприиди въцеркову мню, здарь будещи! ктому несогрѣшай! Иабие спаде отверху церкви богоотметное оное писание саввино все заглажено, что никогдаже писано предвѣмъ народомъ. Царьже, видѣвъ сие чудо, велми подивися; болныи же тои савва, скочивъ сковра, якобы бы никогда болѣвъ, ипритече скоро въцерковь, паде предобразомъ пресвятыя Богородицы, нача со слезами глаголати:

«О, преблагословенная мати Господня, Христианская Заступница имолетница одушахъ нашихъ ксыну своему ибогу! избави отпропасти адския; азъ вскорѣ исполню обѣщание свое!»

Сиеже слышавъ, великий Государь Царь и великий князь Михаилъ Феодоровичъ всея россиі повелѣ призвати ксебѣ оного савву.

Ивопросивъ ево обывшемъ видѣнии; онже повѣда ему все поряду ипоказавъ писание свое: Царь же подивися зѣло милосердию Божию инесказанному чудеси. Егдаже отпѣша божественную литоргию, поиде сава вдомъ сотника Іакова Шилова. Сотникъже той ижена его, видѣвъ наднимъ милосердіе божие, благодаривъ бога ипречистую его богоматерь.

Потомже савва, раздавъ все имѣние свое, елико имѣяше убогимъ, самже иде вмонастырь чюда архистратига Михаила, идѣже лежатъ мощи святителя Божия Алексія Митрополита, еже зоветца Чюдовъ. Ивосприять иноческий чинъ инача тутъ жити впостѣ имолитвахъ, безспрестанно моляся господави осогрѣшениі своемъ: вмонастырѣ же ономъ поживъ лѣта доволна, ко господу отиде, идѣже святіи пребываютъ. Буди же вседержителю богу слава идержава вѣвѣки вѣковъ аминь.

ПРИЛОЖЕНІЕ 1-Е.

ЧЮДО СВЯТАГО ВАСИЛИЯ КЕСАРЬСКАГО АРХИЕПИСКОПА О ПРЕШЦЕННОМЪ ОТРОЦѢ.

(Рукоп. Имп. Ак. Наукъ изъ собранія Яцимѣрскаго).

мѣсяца января въ 1-й день. Дивный евлaдiй, самовидецъ бывъ чюдесемъ вaсильевымъ, инамѣстникъ престолу его, сказа нам... Бысть мужъ вѣренъ, синклитъ, именемъ претерiй, имяше дщерь, хотяше ю пострици в монастырь, жертву живу всылати богови; дiаволъ же, не терпя в добродѣтели сияюща чelовѣка, воздвиже рабичища похотѣти его дщери, и ражже и на отроковицю; и отрокъ иде ко обавнику, обѣща ему дати злата много; обавникъ же рече ему: «о, чelовѣче, азъ ти сего не могу сотворити, но аще хоцеша, да ты послю ко своему строителю дiаволу, и онъ сотворитъ волю твою, аще ты сотвориши первие угодне ему». Богохулникъ же се рече: «ей, сотворю, елико речетъ ми!» Обавникъ же рече ему: «отвержешиися христа своего писаниемъ, и аще на се готовъ еси, то споспѣшникъ ти буду!» Онъ же рече к нему, глаголя: «готовъ есмь, точию улучю желаніе мое.» и сотворъ беззаконная. Дѣлатель епистолю послa ко дiаволу, имуща образъ сиче: «понеже к моему владыцѣ и строителю, подобно естъ мнѣ тщатися и открестіянскія вѣры отвергати, и ко твоей приводитися воли, яко дабы умножилася чaсть твоя; послaхъ к тебѣ нынѣшнее мое приносящаго писаніе се, похотію сущаго уявленнаго на дѣло се, и молю тя о семъ, дабы онъ не погрѣши мысли своея, да и осемъ похваляю тя, и зъ большимъ поспѣхомъ начну избирати рачителя твоя!» И давъ ему епистолю, рече: «иди всюю годину нощи, и стани на гробѣ еллинѣстѣмъ, воздвигни харатию сию на аиеръ и предъстанутъ ти хотящи и тя вести ко дiаволу!» Онъ же со спѣхомъ се сотвори, и испусти окаянный той гласъ, призывати начя дiавольскую помощь, и абие стаа преднимъ князи

темнии, дуси лукавии и поимше прельщеного и ведоша его срадослю великою, идѣж бѣяше діаволь, и показаша ему сѣдящаго на престолѣ высокоу и окрестъ его духи лукавьствия стояща; и примѣ діавол волхвово написание, рече ко страннику: «вѣруеши ли в мя?» онъ же рече ей: «вѣрую!» діавол же рече к нему: «отметаешили ся христа своего? Онъ же рече: «отмѣтаюся!» Глагола ему діаволъ: «не смысленни есте вы християне! егда требуете от мене, тогда грядете ко мнѣ, а егда улучите желание свое, паки отместеся от мене, и приступаете ко христу вашему и есть благъ и челоувѣколюбець приемлет вы; но сотвори писменемъ христа твоего отвержение и крещения отречение волею и в мя во вѣки самовольное обѣщание и яко со мною будещи в день судный приемля уготованныя муки вѣчныя, и аз ти сие желание твое свершу!»—Он же, богохульникъ, написавъ своею рукою писание, яко же повелѣ ему діаволъ, и абие же душетлѣвый зми посла любодѣйчивыя бѣсы, и ражгоша дѣвицу на восхотѣние мужа, и повергшиися дѣвица на землю, и начят вопити ко отцу своему: «помилуй мя, странную, лютѣ яко мучиму за сего нашего отрока спостражу утробю свою, покажи на мнѣ отческую любовь на одиночадѣй своей дщери и причтай мнѣ отрока, сего егуж изволихъ; аще ли сего не хоцещи сотворити, то узриши мя въ скорѣ умершу горкою смертию, и слово воздаси о мнѣ в день судный!» Отецъ же ея со слезами глаголаше: «увы мнѣ, грѣшному, что бысть любимому ми чяду, кто ли мое сокровище покраде, кто мое изобидѣ чядо, кто сладкий свѣтъ очию моею угаси? аз бо небесному обручити желях жениху, христу богонашему и аггеломъ едино житию сотворити! во псалмѣхъ, и вѣснѣхъ духовныхъ тѣхся и тебѣ ради спасенъ надѣяхся быти, а ты нареть (на рать?) челоувѣчества возбѣсися!» Глаголющу ей: «недѣ имене сочтатися с нимъ, якож хоцѣ!» Рече же ей отецъ: «не сведи старости моя спечалию во адъ, ни благородия родителю твоею, студъ да покрываетъ ны!» Она же, яко ничтоже мнящи, глаголемая отцемъ ея, пребываше вопиюще: «отче мой, или сотвори хотѣние мое, или помалѣ мертвѣ мя узришь.» Отецъ же ея во мнозѣ унынии бывъ и безмѣры печалию поглощенъ, и дружнымъ совѣтомъ вѣру емъ глаголющимъ ему: «уне есть воли ея быти!» Увѣщавшу же ся отцу ея, повелѣ хотѣнию ея быти паче, нежели губителнѣ предатися смерти; и приведеъ взыскаемаго отрока и свое чядо дасть ему и вся имѣния дасть имъ, рекъ тако: «здрава чяда воистинну странная, много имате плакатися, послѣди и каятися, егда ничто успѣетъ вам же». Беззаконномуж сужитию бывшу, и діавольскому дѣянию збывшуся и малу минувшу лѣту, знаменанъ бысть отрокъ нѣкими не входити во церковь, ни прикасатися святыхъ безсмертныхъ и животворящихъ таинъ и глаголаше окаяннѣи женѣ его: «вѣды буде ти, яко мужъ твой, его же еси изволила, нѣсть крестиянъ, но страненъ и чужъ бысть вѣры христовы!» онаже, убо тмы и лютыя язвы исполнить, и повержесе на тляхъ и начять драти ногти и бити в перси своя, и неослабно вопити, глаголюще: «никтож ослышався родитель свой, может спастися, что есмь чаях окаянная, кто возвѣсти срам мой отцу моему! увы мнѣ убозѣ и вколику злу погибель сндохъ! почто родихся и родившися почто абие не восхищенна быхъ!»

Таковая вопиющи ей сплachtetъ великим, и увидѣвъ прелщенныи муж ея приде кней, укрѣпляяся не имѣти ей истинны. Сияж, ко отдохновенью пришедши лестнымъ его глаголомъ, рече к нему: «аще хоцещи извѣстити ми ся, и окаянную мою душу утѣшити, то узрю аз и ты и идевѣ оба во церкви и предо мною приимеши божія пречистыя тайны, и тогда ти вѣру иму!» Онъ же богохулникъ тогда уже и не хотяше рече и глаголати кней. Онаже тогда, абие отложивше женъскую немощь и совѣтъ совѣщавше добръ, и тече к нашему доброму пастырю и учителю христову василью и сотвори помощника себѣ, на нечестие вопиющи: «помилуй мя, человѣче божии и послушавшуюся своего отца и бѣсу послужившую!» и повѣда ему по словеси вся прилучившаяся ей. Святый же василие божий рабъ, призвавъ отрока и вопрошаше его, аще тако истинна есть. Онъ же к нему со слезами рече ей: «бысть такос, вятче божий: аще аз умолчу, то дѣла моя возапиют!» И повѣда ему то и все от начала и до конца, послѣдовавшие и діаволе злодѣйственнѣй помощи. Тогда глагола ему святый: «хоцещи ли паки возвратитися ко господу богу нашему иисусу христу?» Отрокъ же рече: ей, добръ, хощу, но не могу!» Глагола ему святый: «почто не можещи возвратитися ко господу богу нашему?» Отвѣща отрокъ и рече: «писменемъ отвергох христа и причтахся діаволу!» Глагола ему святый: «и не буди ти печали о томъ: благий богъ приемлетъ кающагося, каютбося озлобах наших!» И повергшися отроковица на ногу святого василия, іевангельски молящей глаголюще: «учениче христовъ! елико можещи, помози намъ!» Глагола святый ко отроку: «вѣруеши ли спасенъ быти?» Онъ же рече: «вѣрую господи помогай мнѣ невѣрному!» И абие емъ его за руку и сотвори на немъ крестное знамение, и помолився, затвори его во единомъ мѣсте утръ въ священныхъ облазѣхъ, и давъ ему правило, и сним потружеса. По мале времени посѣти его и глагола ему: «какъ еси, чядо?» Отрокъ же рече: «в велицей бѣдѣ есмь, святче божий, не могу зрѣти клика ихъ и прещения ихъ, и стрѣляния, держаще бо написание мое, сварятъ мя глаголюще: «ты прииде к намъ, а не мы к тебѣ!» И глагола ему святый: «не бойся, чядо, токмо вѣруй!» И давъ ему мало пища, и сотвори паки на немъ христово знамение, и молитву сотвори и затвори паки в томъже притворѣ, и помалыхъ днехъ посѣти паки и глагола ему святый: «какъ еси, чядо?» Онъ же глагола ему: «отче святый, отдалече вопля ихъ слышу и прещения ихъ, а не вижу ихъ!» И паки давъ ему ясти и помолився, затвори двери и отиде изъ четыредесятный день иде к нему, и глагола ему: «какъ еси, брате?» Онъ же рече: «добръ, святче божий, видѣхъ бо ты днесъ во снѣ борющася по мнѣ и одолѣ діаволу!» И абие же святый по обычаю, сотворивъ ему молитву, изведе вонъ, и приведе вложницу свою. Утруже бывшу, призва честна причта и монастыря, и вся христолюбивыя люди, и рече имъ святый: «чяда моя любимая! вси похвалимъ бога: себо овцу погибшую пастырь добрый хоцетъ восприяти, на ramo свое и привести во церковь, и достойно ес намъ всю ночь побдѣти, и молитися благодати господни, да не удолѣетъ губителъ душъ наших!» И абие тому бывшу, со успѣхомъ собравшимся людемъ всѣмъ, и всю ночь молиша бога здобрымъ пастыремъ, и со слезами вопиюще:

«господи помилуй!» И пообычю со всѣмъ множествомъ людей поя свя-
тый, и емъ за десную руку отрока, ведяше во церковь, со псалмы и
пѣсньми. И се діаволь, завидя всѣхъ бескверному житю, и прииде со-
всегубительною силою своею, и не видимо хотяше кхитити отрока из
руку святого василия. И начят вопити отрок: «святче божий, помози
ми!» И в толико безстудне прииде діаволь, яко же и чюднаго ему ва-
силия потерзати и порѣвати; и обращеся василей ко діаволу рече:
«бестудниче и душегубче, отче тмы и погибели, не довлѣетъ ли ти
твоя погибелъ, юже собѣ и сущимъ, с тобою изыска? не почитаеши
бога моего, рабомъ пакости творя! да запретитъ ти господь богъ діаволе!»
Діаволъ же рече святому: «паки, василие, василие, обидиши мя, не идохъ
бо азъ къ нему, но онъ прииде ко мнѣ, и отрече ся христа своего и мнѣ
общася служити и се рукописание его вручѣ моему имамъ и в день
судный предо общаго судию принесу!» Священникъ же божий василей
рече: «благословенъ богъ и господь мой, не имутъ людие сии свести
рукъ своихъ свысоты небесныхъ, донѣдеже вдали нама писание его в руцѣ
мои. И обратися святыи рече къ людямъ: «воздежите руки ваша на вы-
соту небесную!» И вси людие, вопиюще со слезами: «господи помилуй!»
Воставшимъ людямъ на многъ часъ простертыхъ руками на небо и се писа-
ние отроково несенно бысть по аиеру приде и вложено бысть в руцѣ
дивнаго отца нашего василия; и примѣ василей рукописание, прославивъ
и похвали бога, радости исполнився зело велми со всѣми людми, и
рече святыи василей ко отроку: «знаешли, брате, написание сие?» Онъ
же рече къ нему: «ей, святче божий, своею ми рукою есть писано
бысть!» И рестерзавъ писание, святыи василей всѣмъ зрящимъ, и введе
и отрока во церковь господню безъ пакости, и (подобно его святого слу-
жения; и приятъ отрокъ святыхъ даровъ христовыхъ, и сотвори приятъ ве-
лику, и учреди вся люди святыи василей, и приведе отрока, и поучивъ
его много, давъ же ему и правило подобное, и вдасть женѣ его. Онажъ
безмолчными усты хваляще и славяще и благодаряще всесилнаго бога,
и угодника его святого отца нашего василия чюдотворца, яко молит-
вами своими изъ ада изъ рукъ діавольскихъ свободивъ. Богу нашему слава
і нынѣ аминь.

ПРИЛОЖЕНІЕ 2-Е.

ЧУДО ВОГОРОДИЦЫ.

(Изъ сборн. «Звѣзда Пресвѣтлая», рукоп. Имп. Ак. Наукъ).

Бысть нѣкто челоувѣкъ излѣ живыхъ расточи и погуби все имение
свое: села и веси і все имение свое, іхже множество имѣя. Велми об-
нищавъ, совѣтомъже дияволимъ, иже общаа нищете его помощь сотво-
рити вѣры христіянския и закону христову, внемже воспитанъ і свя-

таго крещенія, имже породженъ, отвержеся, ісамоволна дияволу отда-
деся і рукописаніе своею рукою кровію написа, дастъ ему уверенія
ради ко утверждѣнню отверженія своего: ізволи бо бѣсовскимъ наво-
жденіемъ всеконечную бѣду прияти, нежели богатства временнаго нѣ-
имѣти, і чести лишену быти. Во единъ же часъ случися ему со хри-
столюбивномъ нѣкимъ человѣкомъ итти і по прилучаю нуждею ключися
ему внити во церковь во время святыя литургіи і слышати поученія,
внемже рече учитель: «иже судъ волею бѣсомъ вдавшившия в горкую ихъ
работу, злѣ погибаютъ!» паки являя щедротъ и милость Божию, глаголя:
«иже долготерпелив на грѣшныхъ і ждетъ напокаяніе грѣшники: всякъ
бо повергши отъ себе иго бѣсовское, спасенъ будетъ!» і паки: «аще кто
хочетъ обратитися и изыти силъ ихъ, велими полезно есть сие прино-
сити моленіе Богоматере, еже есть «богородице дѣво, радуйся і прочая!»
Онъ же, слыша сіе поученіе, яко отъ сна тверда ощутився і надежду
великую ко пресвятой госпоже дѣвѣ богородице возложи і молитву ей
безпрестанно возсылая, аггелскаго радованія моля і помощи прося
отнея с великою нуждею і о семъ надѣяся, яко подастъ пресвятая
дѣва заступленіемъ своимъ ксыну своему і богу помощь ему. Дияволъ
же треклятый, посмѣваяся о надѣяніи его і молитве, юже приноситъ
ко пресвятой богородице, мня о немъ, яко всею труждается, дав на ся
рукописаніе своею кровію написанное вѣры отвержеся; «уже бо гос-
подь богъ нѣстъ милостивъ на нь, глаголаше, і к сему не будетъ: понеж-
аду своею рукою отдадеся самовольно!» Той же много печальный і скорб-
ный человѣкъ, оскорбленный дияволомъ, безпрестанно по святымъ мѣ-
стамъ хождаше образу пресвятыя дѣвы поклоняся, сими словесы мо-
ляся: «о дѣво преславная, благихъ радование, ты еси смертныхъ человѣкъ
оживленіе і погибшихъ избавленіе! приими недостойное моленіе сие
павшаго и многгрѣшнаго раба своего! в часъ сей горкаго і плачли-
ваго і болѣзненнаго моего смущенія, якоже дерзаю, недостойный,
глаголати і приносити тебѣ, пресвѣтлой царице і госпоже, сие моле-
ніе і радостное со аггеломъ приглашеніе, о немже учителя наши воз-
вѣщаютъ намъ, яко велика есть сила молитвы сей; сего ради і азъ, не-
достойный, приношу ти моленіе се пречистей Богоматери і зывая
предстояти скоро, помощнице жадающе помощи отъ тебѣ всеи моеи
напасти, юже аще воспомяну, ужаса человѣча осмрадити імамъ! увы
мнѣ, недоумѣваяся, почесомъ предахся супостатомъ моимъ и безумно обя-
захся сѣтию ихъ, обаче вѣмъ, о госпоже, яко вся можеша, ничтоже не
возможно отъ тебя! можеша бо і сие проклятое рукописаніе мое, моею
кровію написанное, изъ рукъ ихъ исторгнути! не отиду бо, о пресвятая
госпоже, отъ ото образа твоего пресвѣтлаго і неотступаю мѣста сего!
Плачь принося тебѣ, донележъ, о пресвятая, возвратиши ми пагубное мое
рукописаніе, его же, яко залогъ, нѣкій сатана въ рукахъ своихъ содер-
житъ і владычествовати мною хвалится! Тогда же бо увѣрюся і возве-
личю твою милость і увѣдаю силу твою, яко избавила мя еси тако-
ваго губительства, егда рукописаніе мое раздранно і заглаженно
узрю!» І тако непрестанно взирая на образъ пресвятыя богородицы
моляся, зрѣть ото образа богородична, отруки ея пресвятыя, летяще
рукописаніе его, юже даде сатанѣ, і взявъ хартию ону, позна напи-

санне свое, радости великия исполнися; узрѣвъ бо превысокую милость христа спасителя своего, иже моления ради пресвятыя владычице нашей богородицы, матере своея, даде ему разрешение и свободи его вѣчнаго мучения; за сие благодаривъ бога и богоматерь, во благихъ вся дни живота своего поживе молитву принося богородице, вездѣ прославляя чудеса ея.

ОТРЫВОКЪ РОМАНА ВЪ СТИХАХЪ.

(Рукопись Румянцевскаго Музея изъ рукописей акад. Н. С. Тихонравова
Сборн., № 486 ¹⁾).

Дѣйствіе романа происходитъ въ Москвѣ. Дѣвица слюбилась съ парнемъ. Отецъ узналъ объ этомъ случайно.

. . да отецъ мой паки любовь поведаль,
в церкви соседамъ побранился,
мною укорился.
Пришед в домъ отецъ мнѣ объявляет,
мать мою сокрушаетъ;
отецъ мой собак с цепи спущает,
любезного от меня отлучает,
но пси любезного не отлучали,
любовъ нашу сердечную не разлучали,
от отца пропадали,
горшее пса любовь потеряли.
Паки отецъ мой копыя изготавляет,
любезного ожидает.

¹⁾ Списокъ сдѣланъ заочно въ Москвѣ; поэтому за правописаніе не ручаемся; издаемъ, раскрывъ титла, текстъ разбивъ на стихи и введя современную пунктуацію. Отрывки этой повѣсти напечатаны въ книгѣ акад. А. Н. Пыпина: «Для любителей книжной старины» (М. 1888 стр. 72). Цѣликомъ печатается въ настоящемъ сборникѣ впервые.

В небытность отцу копья бросаю,
зубами кусаю,
отца проклипаю,
смерти ему желаю.

Я Р Ы.

Яростно с того времени стал отец ко мне поступати;
любезного вскоре нелзя уведомляти.
К любезному тайно письмо посылала,
печалию уведомляла.
К любезному посланной от меня писмо принимает,
на лавку полагает,
на лавкѣ письмо забывает,
любезного словесно уведомляет.
Любезной о писмѣ посланного вопрошает.
«Не вем, гдѣ потерял!» открывал.(еть?)
О писмѣ том любезной себя сокрушает,
посланного убивает.
В забвении то учинилос(ь)—
Горшая бѣда сотворилас(ь):
я себя в той день снарежала,
в гости уезжала.
Отецъ домой приходит,
тайное письмо находит;
сталъ ево читати,
матери моей объявляти;
трость примаеъ,
мать убивает.
Мати того писма не знаетъ,
клятвою себя заклиняет,
трости(ью?) отецъ мать мою убивает,
руку переломляет.
Я млада того не знаю,
в гостях себя увеселяю;
домой я приходила.
Мати моя мнѣ младаой объявила,
отцомъ устрашает,
побои мнѣ объявляет.
Отецъ домси приходяеъ,

за косу меня младу о пол ударяетъ,
о писмѣ меня спрашиваетъ,
отстраха ответа от меня не получаетъ.

В память приходила,
отцу объявляла,
что писма что того не знаю:

«вестно тебѣ, отче,
что грамотѣ научена
и писать не умею
а писать не убучена!»

Клатвою отцу кленулась,
писма того отвернулась.

Отецъ мать мою убиваетъ,
о писмѣ том спрашиваетъ,

Мати моя кленеца,
обо мнѣ печется,—

так о себѣ не сожалеетъ,
какъ обомнѣ младой радеетъ

. ла,

. . и веры тому быти не внимала,
клятвою меня младу заклинала,
супружества между нами желала,
благословение подавала.

Любезной матери моей полюбился
и ласкою ей показался;

за любезнаго мати меня желала,
проклятыхъ отцовыхъ поступокъ избывали.

Чаела мати о любезномъ опоры от оца моего опор¹⁾
непотребными поступками отецъ поступаетъ:
матери медеянскихъ сченятъ грою питаетъ(?) повелеваетъ.

К медеянскимъ собакамъ меня представлялъ,
стерва имъ бросатъ(?) повелевъ(?)

от матери отецъ мой благовъ(?) приданого незготовлялъ,
многия непотребныя поступки учинялъ,
насъ до конца искоренялъ,

гладомъ насъ морилъ,
денги окаянной копилъ,

¹⁾ Текстъ этой строчки испорченъ.

работницы в дом не нанимал,
 убытковъ себе избавлял.
 Любезной си поступки за отцомъ знал,
 зубами скрежетал;
 того ради отецъ любезного отбѣгал,
 и меня младу за него не отдавал.
 Более всего непотребства ради отцова нельзя показати,
 страшно изъявляти,
 ащебы мнѣ не такъ поступати,
 то бы мнѣ в дѣвкахъ жизнь свою скоротати.

ЕРЬ.

Еще к любезному посылала,
 весточкою уведомляла,
 печаль свою объявляла,
 опасатися повелева(ла),
 письмо посылала,
 в знакъ любви власы полагала:
 «Аще хочещи, любезной, мя посетити,
 прошу чрезъ едину улицу тебѣ не ходити,—
 врази тя ожидаютъ,
 убить тебя желаютъ.
 Когда мой платокъ в окнѣ увидишь,
 тогда ко мне и да придешь!»

ЯТЬ.

Яблочки счипала,
 к любезному посылала;
 сама прежде накусала,
 знакъ любви отдавала,
 гостинцы посылала,
 к себѣ любезнаго своего ожидала.
 Посетити мой любезной общеваетъ,
 сердце мое возвеселяетъ.
 Ехидное семя отецъ мой свихъ призываетъ,
 меня девицу с любезнымъ разлуча(е)ть.
 Окоянная сваха женихи привести общеваетъ
 мое угодае(?) сваха на .

. приводит¹⁾.
 К жениху выходила,
 аки на пса смотрела.
 Жениху я млада полюбила(сь),
 едва не сокрушилася.
 отцу жених полюбился,
 и умъ ево раступися.
 На слове полагают,
 сердце мое надрывают.
 Любезной того не знает;
 сердце ево провещевает.
 За стол з женихом меня сажает,
 на двор выхождаютъ.
 Тайно стали ше(п)тати,
 чтоб мнѣ не дать того знати;
 в горницу сталь входить,
 нам говорити,
 чтоб мы иззастола вставали,
 Богу поклонъ отдавали.
 Стали меня младу заручати,
 потом за стол сажати.
 Отецъ меня вызываетъ:
 смерть мнѣ младой объявлять;
 аще жениха буду хулити,
 «то сей часъ смертию имамъ тѣ погубити!»
 Мати же моя не велитъ мнѣ младой про любезного
 уведомляти,
 чтобъ любезной писемъ моихъ отцу и жениху не сталъ
 объявляти,
 дабы от отца не пропасти и в злую смерть не впасти.
 Отецъ мой изо двора вон не велитъ:
 отлюбезного упасаетъ.
 Любезно(й) не знаетъ,
 весточьки ожидаетъ;
 отецъ мой поспешаетъ,
 свадьбу понуждаетъ.
 Девишникъ приходитъ,
 женихъ со отцомъ моимъ в домъ входитъ;

¹⁾ Текстъ этой строчки испорченъ.

стали жениху поднести,—
 боюсь как бы подноса не уронити.
 За стол меня младу сажают,
 жених ручку мо(ю) принимает..
 Невольное мое младое дело сталось.
 отца опасалас(ь).
 Стали изза стола вставати,
 Богу поклон отдавати;
 руку мою принимали,
 жениху отдавали;
 немилой ручку принимаетъ,
 крепко жжмает.
 Девишник приходит,
 отецъ меня в городъ выводит.
 Со отцом и свахою чепцы покупали,
 не по моей воли поступали:
 что мне потребно,
 то им негодно.
 Отецъ от меня отставляет,
 свахою покидаетъ;
 крашенным рядомъ пошла,
 любезного нашла,
 напред сваху отпустила,
 с любезным говорила,
 любезному объявила,—
 едва печалию себя не сокрушила.
 любезно(й) слезами себя обливает,
 власы на себѣ терзаетъ,
 совета у меня прошаетъ,
 з горестных словъ на себе волосы терзаетъ,
 у меня младой совету прошает,
 горестныя слова причитаеъ.
 Горестно раставалис(ь),
 слезами обливалас(ь).
 Любезной ко мнѣ письмо присылаетъ,
 Ксѣнню ¹⁾ (я?) в банѣ мнѣ вручаетъ...

 Свадебныя песни воспеваютъ,

¹⁾ Вѣроятно: какая-то Ксенія передаетъ письмо героинѣ.

о любезномъ мысли мои прелпцають...

Любезной в писме.....

. ТИ

смерти ево свободити.

Любезному вестку посылаю,

не волю возвещаю,—

аще мнѣ то учинити—

смерти от отца не отбыти;

на Бога надежду уповат(ь) повелеваю,

от сукрушения обо мнѣ унимаю:

«так нам Богъ повелелъ быти,

что супружество за грехи наши нас не допустили!»

Из бани шла,

едва домой пришла;

отцу радостну себя объявила,

тайно в чюлан выходила,

с(л)езами обливала

и горестныя си слова причитала:

«красота моя, красота и молодость!

кому ты досталас(ь)?

вопрошали тя, с тем ли я желала?

тебя веселить, по истиннѣ реку,

ниже в помышлении моем,

ащебы не злѣйши мой родител(ь):

по нужде меня с любезным разлучалъ,

аки белую голубицу разлучаетъ кокошь от голюбя!

Что мой родител(ь) между нами учинил,

поистиннѣ души наши вечно погубил!

Что есть спасени родителям сим, что совокупляють

в супружество за богатых да неправных—вѣчно души
наши погубляют!

Напиткомъ у зятей хотят себя увеселяти,

корыстей всяких от богатых зятиевъ хотят получитьи,

желают старости своей красоту и честь получит(ь),

которое их желание обращаетца,

но в вѣщешю печалию мало сего творится!

Что добре сотворитца? платьемъ дочь себя увеселяет,

а мысли вѣчно погибает,

а отца и мать вечно проклинаят,

хотя в дом себѣ пушает,

тако радостно и принимает,—
 отчего многия впадают в блуд и тем поистинне роди-
 тели души свои погубляютъ,
 вели грех себе сотворяютъ,
 не за нравнаго выдаваютьъ.
 Хотя от греха и сохраницца,
 а мыслми никоеми дела не утвердятся.
 Спросит Богъ на техъ, кто чинить неволной свой грехъ! .
 Лутче скудно жити,
 а смужем в любви жити,
 нежели за богатым да нечестнымъ
 в любви могутъ нажити,
 а без совета и послѣднѣ прожити..

Ю

Юзником милостыню подавала
 и о здравии любезно упрашевала;
 о любезномъ не упросила,
 сердце свое сокрушила;
 хотя поневоле от любезного отлучна
 сердце мое о(тъ) него неотлучно!
 Не то дорого, что красное золото—
 то дорого, что чистое серебро!
 Любезному сметанку—
 немилому творогъ!
 С любезнымъ часокъ лутче
 немилаго года!
 Поневоли венчалас(ь),
 сердцем надрыва(ла)сь.
 К венчанью везли,
 из очей моихъ слезы текли.
 В церковь вводя к попову благослов(ен)ию приводятъ..
 Попъ спрашиваетъ:
 «волею ли и не усилованиемъ?»
 Но кого вопрошаетъ?
 уста мои от горести кровь запека(е)тъ.
 Страхъ от отца неволею сказат(ь) боюся,
 да не в горшею беду ввалюся..
 Попу отвещаваю,

в волю ево себя отдаваю.
 Любезной притомъ венчани стоит,
 к оговор(е)нею мои писма в руках держать,
 слезами себя обливает,
 власы на себѣ терзаетъ,
 писма моей руки друзьямъ объявляет,
 совета прошаетъ,
 желает меня от венца отлучити,
 себѣ совокупити,
 писма дал попо(у?) вручити,
 с немилым меня разлучити..
 Друзя ево унимали,
 отцово меня смертное сокрушение объявляли

∞.

Охъ, горестно, горестно спознатца,
 с любезнымъ да растатца!
 Не живи а тошнее того на сем светѣ,
 кто по радости останется!
 В жалости тошно растатися
 голубенку з голубушкой!
 Тошнее тово голубушкѣ по голубчике!
 От венчанья из церкви меня младу в дом ведутъ,
 из очей моих слезы текутъ;
 о тайной совести сумневалас(ь),
 жалостию о лубезном сокрушалас(ь);
 мужу боюся появитца,
 каковы тайную совестью не обличитца.
 От венца приводят,
 В хоромы не зводят.
 Свекоръ венчал
 со крестом младу в . . . провождалъ.
 за стол сажают,
 русу косу расплетаютъ.
 Кроватушка стоитъ,
 перинушка лежитъ;
 на перинушку взглянула,
 любезного помянула..

Сваха спешит,
 мое сердце дрожит;
 всех вонъ высылает,
 делом поспѣшаютъ;
 все вон выходятъ,
 страх мнѣ наводятъ;
 на краватушку сваха сажаетъ,
 наряд с меня снимаетъ,
 сваха выходитъ,
 немилой ко мнѣ молодой приходит.
 Стал мой немилой меня целовати
 и любезно обнимати..

.
 Не вем, как немилаго обманути,
 стыда своего минути..
 Немилаго бутто полюбила,
 сладостными словесы ублажила.
 Стал мой немилой мнѣ молодой поднести,
 а мнѣ бы ево вдвое упоити!
 Немилой на кроватушку ложитца,
 хочет на меня повалитца;
 м(еня?) за ручку принимаетъ,
 на постелюшку полагаетъ.
 Окны неми(лomu) ведела скрыти,
 дабы тайну свою прикрыти.
 Тайно булавно(ю) в ногу колнула,
 кровию рубаху обморала,
 немилаго на себя пустила,
 совесть свою прикрыла.
 Немилой на меня взлупился,
 аки дубъ повалился;
 немилому кричу, бутто болно,—
 ажно бы и вдвое того недоволю!
 Немилой мой с кроватушки встаетъ,
 меня младу любезно обнимаетъ,
 сродникам и друзьямъ похваляетъ;
 сваха рубаху объявляетъ.
 Сродники і друзья мнѣ поздравляли,
 сердце мое возвеселяли..
 о том веселилас(ь), что тайною своею не обличилас(ь).

Я.

Яблоки лубезно(й) ко мнѣ присылает,
 любовь мою не забывает;
 ведаеть лубезно(й), что поневоли с ним расталас(ь)
 и от любви моей сердцем по немъ истосковалас(ь).
 Ленточки к лубезному посылала,
 к сердцу своему прижимала,
 лубезно их целовала,
 поклонѣ ему отдавала.
 Ленточки мой лубезной принимает,
 на сердце своем полагает;
 когда мой лубезной опочиваетъ,
 тогда мои ленточки на сердце своемъ полагает.

КСИ:

Ксению лубезной ко мнѣ присылаетъ,
 писмом меня уведомляетъ,
 тоску мнѣ объявляет,
 видетца со мною желает.
 С немилымъ в гости пошла,
 лубезного нашла.
 Ис хором на двор выходила,
 с хозяйкой (въ?) чердак входила,
 винцо испивала.
 лубезного ожидала..
 Лубезной ко мнѣ молодой приходит,
 водочку подносит,
 с лубезнымъ целовалась,
 немилаго опасалас(ь);
 лубезного стала высылати,
 чтоб немилому не дать о том знати.
 Лубезной от меня отходит;
 в хоромы входитъ;
 по лубезном с чердачка сходила
 и в горницу входила.
 Лубезной унывныя песни воспеваеть,
 знак нашего разлучения объявляетъ.
 Хозяинъ лубезного подле меня сажает,

любезно(й) тайно за бока меня хватаеть..
 Любезной немилаго со мною в лаэртот просить гуляти,
 потехи усмотревати..
 Потехи смотрит(ь) пришли,
 гдѣ стать, удобного места не нашли.
 немилой возбесился,
 на татар бросился,
 чтобъ их с места збити,
 меня младу постановити..
 Татары не пускают,
 немилого толкают.
 (Любезной) хотѣл выручати,
 я стала ево унимати;
 любезной о немилом стал мнѣ говорити:
 «как де станут ево бити?»
 Любезному отвѣщала,
 прибавит(ь) повелевала.
 Едва немилого оттащили,
 на доски посадили,
 потехи смотрили,
 с любезным водочку испивали;
 с потехи пошли,
 в гости зашли;
 из гостей с любезным раставалис(ь),
 сердцемъ надрывалис(ь)..
 Стал мой любезной дорогой м(е)ня за бока хва(та)ти,
 мужъ мо(й) немилой стал присматривати
 і любезному стал говорити,
 чтоб от меня молодой далее отступить.
 Любезному стала мигати
 чтоб далее от меня отступати,
 как бы немилой не догадался,
 любви нашей сердечной не дознался!
 С любезным раставалас(ь),
 сердцемъ сокрушалас(ь).

ПСИ.

Псовка окаянная, соседка,
 аки неусидливая наседка,

то і знала,
ізо двора во дворъ перекокала,
вести переносила,
прибытковъ себѣ не получила,
сосед возмущала,
с любезным меня разлучала,
отцу открывала,
матири збивала..
Мы того не знали,
простотой к ней поступали,
тайну ей открывали,
гостинцы присылали,
добродетели ей чинили,
бѣды от нея получили;
чаяли тайну ей нашу скривати,—
дала всем о томъ знати.
Отець оттого возбѣсился,
на любезного возярился,
с любезным меня разлучил,
жизнь мою во вѣки сокрушил..

ӨИТА

Өедора дѣвица любезная тонцовала-плясала,
песенки воспевала,
любезного увеселяла,
домой не отпускала,
писма от нас переносила,
любов(ь) нашу совокупила.
прибытковъ от нас не получила.
Вицо (?) у нас і воля сребра себѣ не любила,
молотца мнѣ подарила,
вѣчно желала мнѣ с любезным жити,
в любви сердечной до гроба пребыти!
не по наш(ей) воли то учинилос(ь),
что любовь наша разлучилас(ь),—
по грехом нашим то сталос(ь),—
что намерение наше разорвалос(ь)!
Вемъ, аще кто Бога прогневляет,

не по их воли Богъ содеваетъ,—
 аще были бы сохранены,
 то і во вѣ(къ?) были бы не разлучены.

И Ж И Ц А

Иже кто хочет спастися,
 тот сего да хранися:
 аще сего (сохра)нишия,
 то и царствія небеснаго не лишишия:
 Богъ не хочет смертной грешнику спрости
 і во адово дно впасти:
 не приде Господь призвати праведныхъ, но нас грешных
 покаянием!

Вижь, коли напасти диявол содевает,
 сетию своею родъ христіанскій уловляетъ!

IV.

ИСТОРИЯ ОРОССИСКОМЪ ДВОРЯНИНЪ ОРОЛЕ СКОБЕЕВЕ ¹⁾.

(Рукопись г. Титова № 2461).

1680 году ²⁾ вновгородскомъ уѣзде имѣлся дворянин ерол скобеевъ; втомже новгородскомъ уѣзде имелись вотчины столника нардина нащекина ³⁾; ивтех вотчинахъ имѣлас(ь) дочь ево аннушка ижила вних; ипровѣдав еролъ скобеевъ отоі столничьей дочери ивзявъ себе намерение чтоб вызыметь любление стою аннушкою; токмо незнаетъ, чрезъ кого получит(ь) видеть ея; однакож умыслил опознатца тоі вотчины сприкащиком істал всегда ездит(ь) вдомъ ево, прикащика; ипанекоемъ времени случился быт(ь) Ерол скобеевъ утого прикащика вдоме ивтоже время пришла ктому прикащику мамка дочери столника нардина нащекина, иусмотря Ерол скобеевъ, что та мамка живетъ всегда прианнушкѣ; икак пошла та мамка отприкащика кгоспоже своеі аннушке, тогда, вышед занею, Еролъ Скобеевъ иподарилъ ту мамку двумя рублевиками ита мамка объявила

¹⁾ Повѣсть напечатана въ 1-ый разъ въ «Москвитиниѣ» 53 г. I, отрывки въ «Истор. хрест.» Буслаева.

²⁾ Въ спискѣ Ундольскаго (Рум. Муз. № 945) дата относится къ заглавію: «исторія... zelo ко удивлению достойна и полезна к слушанию 1680 году на светъ произведена».

³⁾ Въ спискѣ Тихонравова (Рум. Муз. Рукоп. Тихонравова № 486) имена дѣйствующихъ лицъ: Еролъ Скобраховъ и стольникъ Нардинъ Цаплинъ.

ему: «Господинъ Скобеевъ, непомоим заслугам такую милость казать изволишть! То уже конечно моеі услуги квамъ никакой ненаходитца!» И ерол скобеевъ отдал денги тоі мамке, ничего сней неговорил, пошел отнея прочь имамка пришла кгоспоже своеі аннушке, ипришед, ничего необявила. Иерол Скобеевъ посидел утого прикащика ипошел вдомъ свой. Ивовремя увеселительных вечеровъ, которые бывають веселость девичеству, называемые Святки, ита дочь столника нардина нащекина, называемая аннушка, приказывала мамкѣ своеі, чтоб она ехала ковсемъ дворянам, которые вблизиности их вотчин имѣють жителства, иукоторыхъ дворян имѣютьца дочери девицы, чтоб их просить каннушкѣ навечеринку для веселости; ита мамка поехала ипросила всех дворянских дочереі кгоспоже своеі аннушкѣ, ипотому еѣ прошению обещалися все быть; ита мамка вѣдаетъ, что уЕрола скобеева есть сестра девица, ипоѣхала мамка вдом Ерола скобеева ипросить сестру ево вдом госпожи своеі аннушки навечеринку, ита сестра ево обявила мамке: «пожалуй, подожди маленько, я схожу кбрату своему доложу: ежели он прикажет, то я вамъ стем объявлю!» Икак пришла сестра коЕролу скобееву иобявила ему, что «приехала мамка отстолничей дочери аннушки ипросит меня, чтобы я приехала кней вдомъ навечеринку.» Иерол скобеевъ сказал сестре своеі: «поди, скажи тоі мамкѣ, что ты будешъ неодна, нобудет некоторого дворянина здочерью девицею.» Ита сестра ево отом вѣсма думает, что братъ ее повелѣл сказат(ь); однакож несмела преслушат(ь) волі брата своего (и сказала?), что она будетъ кгоспоже еѣ сеі вечер снекоторою дворянскою дочерью. Ита мамка поехала вдом госпожи своеі аннушке. Иерол скобеевъ стал говорит(ь) сестре своеі: «ну, сестра, пара тебе убиратца ехать вгости!» Ита ево сестра стала убиратца девическим уборомъ, иЕролъ скобеевъ сказал: «принеси, сестра, имнѣ девичей уборъ! уберусь ия ипоедемъ вмѣсте стабою каннушке, кстолничей дочери!» Ита сестра ево велми о томъ сокрушалас(ь), понеже, ежели признают его, то «конечно будетъ великоі беде брат мой, астолникъ тот нащекин ввеликоі милости прицаре!» Однакож непреслуша воли брата своего, принесла ему девичей уборъ, иЕрол Скобеевъ, убрався вдевичье плат(ь)е, ипоехалі ссестрою своею кстолничей дочери аннушкѣ. Икакъ приехалі, уже много собралос(ь) дворянских дочереі утоі аннушки, иЕрол Скобеевъ тутже, вдевичьемъ плат(ь)е, иникто его неможетъ познать.

Истали все девицы веселитца разными играми івеселилис(ь) долгое время, иѠрол скобеевъ снимже веселится, иникто ево познат(ь) неможет. Ипотом Ѡрол Скобеевъ пожелал иттить донужника ибыл онъ тут один, амамка стояла всенях сосвечею; икакъ вышел Ѡрол Скобеевъ ізнужника, истал говорит(ь) мамке: «ах, моя, свѣтъ-мамушка! много наших сестръ здес(ь) и твоєі услуги ковсякоі много, аникоторая, надеюс(ь), тебя неподарит!» Имамка неможеть признат(ь), что он Ѡрол скобеевъ. ИѠрол скобеевъ, выняв денегъ 5 ру., иподарил тою мамку. Мамкаже свеликим принуждением взяла те денги; іѠрол скобеевъ видит, что мамка его признат(ь) неможеть, ипал наколени еѣ иобъявил ей, что он дворянинъ Ѡрол скобеев иприехалъ вдевичьемъ уборе для аннушки, чтобъ снѣю имет(ь) обязательную любовь; икакъ усмотрела мамка, что онъ подлинно Ѡрол скобеевъ, истала ввеликом сумнени инезнаеть, что сним делат(ь); однакож, памятуя ево ксебе два многия подарки ирече: «добро, господинъ скобеевъ, затвою комнѣ благосклонную милость готова чинит(ь) поволі твоєі всякое вспоможение!» Ипришла впокой, где девицы веселятся иникому отомъ необъявила. Истала та мамка говорит(ь) госпоже своей аннушке: «полнате, девицы, играт(ь)! я вам объявляю другую игру, как мы смолоду играли!» Ита аннушка непреслушала волі мамки своєі и стала говорит(ь): «ну, матушка-мамушка, как твоя воля навсе наши девичьи игры!» Объявила та мамка игру им: «ізвол(ь), матушка, аннушка! ты будь невѣстоі — анаѠрола скобеева указала — асия девица — женихом!» иповелѣ ихъ воособные свѣтлицы для почину, какъ водится, всвадьбе. Ите девицы пошли ихъ провожат(ь) дотех покоевъ иобратно пошли ввеселы покоі, вкоторых веселилис(ь). Ита мамка велѣла девицам грамогласныя петь песни, чтобъ имъ крику отних неслыхат(ь) было; асестра Ѡрола скобеева весма была впечали, сожалѣя брата своего ичається, что, конечно, будет притчина. ИѠрол скобеев, лежа саннушкою, иобъявил осебе, что он Ѡрол скобеев, дворянин новгородскоі, анедевка. Ианнушка невѣдаетъ, что предним отвѣтствоват(ь) и стала быт(ь) ввеликом страхе, иѠролко, невзирая нинакакой себе страхъ, был очень отваженъ ипринуждением разстлил ее девичество. Потом просила та аннушка Ѡрола Скобеева, чтоб он необнесъ еѣ другим. Потом мамка ивсе девицы пришли втот покоі, где они лежали, ианнушка стала быт(ь) влице переменна отнемалоі трудности, котороі еще отроду невидала. Идевицы никто немогут признать Ѡрола ско-

беева; ита аннушка никому отом не объявила, только взяла мамку свою заруку иотвела вособливую полату истала говорит(ь) искусно: «что ты, проклятая, надомною зделала, — это не девица сомною была, — он мужественной человекъ, нашего града Өроль скобеевъ!» Ита мамка ей объявила: «истинно, милостивая государыня, никак немогла признат(ь) и думала, чт он таковаяж девица, акогда он такую пакость учинил, — у нас людеі много, можем ево вовсе укрыт(ь) втайное мѣсто!» Ита аннушка, сожалеея ево, Өрола скобеева, понеже он тот час вложил жалость всерце еѣ, как снею лежал воособливой полате, ирече: «ну, мамушка, уже быт(ь) такъ! того мнѣ невозвратить!» Ипошли все девицы ввеселой покоі, снимиж иӨрол Скобеевъ вдевичьемъ уборе ивеселились(ь) долгое время ночи; потомъ все девицы сталі имѣт(ь) покоі, ааннушка легла соӨролом скобеевым, асама рекла: «лутче сеі девицы неизобрала себе спат(ь) втоварыщи. Ивеселились чрезъ всю ночь телесными забавами. Уже тако жалость вселилас(ь) всердце аннушкино, что великою нуждою отстала отӨрола скбеева. Инаутрие, встав все девицы отдалі благодарение аннушкѣ за доброе еѣ угощение ипоехалі подомам своим, також иӨрол скобеевъ поехал ссестрою своею, ноаннушка отпустила всех девицъ, аӨрола Скобеева иссестрою своею оставила усебя. ИӨрол скобеевъ был уаннушки три дни, все вдевичьемъ уборе, чтоб непризнали служители дома того, ивеселился все саннушкою ипопрошествовию трех дней, поехал вдом свої иссестрою своею. Ианнушка подарила Өрола скобеева несколько червонных — истого времени голца скобеевъ разжился истал (жит(ь) роскошна) и делал банкеты спротчею своею братьею дворяны. Потом пишет хотецъ еѣ измосквы аннушке столник нардин нащекин, чтоб она ехала немедленно вмоскву для того, что сватаются кней женихи хорошия, столничьи дети. Ианнушка, хотя свеликою неволею, нехотя преслущать воли отца своего, поехала кмоскве. Потом, провѣдав Өрол скобеев, что аннушка уехала вмоскву, истал ввеликом сумнени, — не знаетъ, что делать, для того что дворянин небогатой имѣет пропитание, что всегда ходит вмоскве за делами поверенным. Ивзял себе намерение, чтоб имѣющияся у него пустоши заложит(ь) иехат(ь) вмоскву, какбы аннушку достат(ь) себе вжену, что иучинил. Истал Өрол скобеевъ отправляется вмоскву, асестра ево обтом весма соболезнует, что конечно будет вкакой притчине. Иөрол скобеевъ стал прощатся исказал: «ну, матушка, сестрица, пожалуй не тужи ниобчемъ: хотя и жи-

вот мої утрачу, потехъ мѣсть ижизнь моя кончается, аотанушки неотстану, — или буду полковник, или покойник! аежели что зделается понамерению моему, то итебя неоставлю; а буде зделается несчастье, то прошу непозабыть(ь) меня поминованием!» И простясь, поехалъ вмоскву.

Ипоприезде вмоскву стал наквартире близъ двора столника нардина нащекина. Инадругой день пошел Орол скобеевъ кобедни иувидель вцѣркви мамку аннушкину. Ипоотшестве литоргіи, вышел Орол скобеевъ исцеркви истальъ ждатель тою мамку. Икак выпла та мамка исцеркви, иподшелъ Орол скобеевъ ктоі мамке иотдал еѣ поклон ипросил еѣ, чтоб она объявила обменъ аннушке. Иона ему обещалас(ь) всякое добро делат(ь), ипришед мамка домоі, иобъявила аннушкѣ оприезде Орола скобеева. Ианнушка ввеликоі стала быт(ь) радости ипросил(а) мамку свою, чтоб она заутришней ден(ь) пошла кобедне ивзялаб денегъ 20 ру. иотдалаб Оролу Скобееву. Имамка то учинила поволи еѣ аннушки.

Уоного столника нардина нащекина имѣлас(ь) сестра пострижена вдевичьем монастыре; итот столник поехал ксестре своей вмонастырь гулят(ь); икак приехал, то сестра свовстретила почести брата своего; итот столникъ сидел усестры своей немалое время. Иимелис(ь) разговоры, промежь которых просила сестра брата своего: «покорно вас, Государь мои братецъ, прошу! пожалуй отпусти любезную свою дочь аннушку для свиданія со мною, понеже многія годы невидала еѣ!» Истолник нардин нащекин обещал ей дочь свою отпустит(ь). Исестра рече: «не надеюсь, государь братецъ, чтоб сие для меня учинил: или забудешъ. Только покорно прошу, извол(ь) приказат(ь) вдомѣ своемъ, когда приплю я понѣ корету івозников, хотя івнебытность вашу дома, чтоб еѣ комне отпустилі!» Ибрат ей нардин нащекин обещался то для прозбы еѣ учинит(ь). Ипонекотором времени случися тому столнику нардину нащекину ехат(ь) вгости изженою своею; иприказываетъ дочери своей: «слушай, моі другъ аннушка, ежел(ь) пришлетъ потебя измонастыря сестра моя, атвоя тетка, корету свозникамі, то ты поезжай кней неумедля!» Асамъ поехал вгости изженою своею.

Ианнушка проситъ мамки своей, чтоб она, как можно, пошла коОролу скобееву, чтоб онъ какъ можно гдѣ, выпросил корету исвозниками иприехал самъ кней исказалбы, бутто отсестры столника нардина нащекина измонастыря приехал поаннушку. Ито мамка пошла коОролу скобееву искажала ему приказъ Госпожи своей.

Икак услышал Өрол скобеев, незнаетъ, что иделат(ь) икак кого обманут(ь), для того что его изнатных дворян все знают, что он дворянин небогатоі, — толко великая ябеда іходатайствоват(ь) заприказными делами. Ипришло впамят(ь) Өролу Скобееву, что весма ему добръ столник ловчиковъ; ипошел ктому столнику; икакъ пришел Өроль скобеевъ кловчикову, иловчиков имѣл сним разговор многъ; ипотом Өрол скобеевъ стал просит(ь) ловчикова, чтоб пожаловал ему корету исвозниками ехат(ь) для смотра невесты. Иловчиков дал ему поеве прозбе корету икучера; иӨрол скобеевъ поехал иприехал ксебе наквартиру, итого кучера споил весма пьяна, ісамъ убрался влакеиское платье исел накозлы ипоехал кстолнику нардину нащекину поаннушку. Иусмотрела мамка аннушкина, что приехал Өроль скобеев, сказала аннушке подвидом другимъ: того дому служители, якобы прислала тетка понѣ изманастья. Ита аннушка убралас(ь) исела вкорету ипоехала наквартиру Өрола Скобеева. Итот кучеръ ловчиков пробудился; иусмотрел Өрол, что кучер невтакоем силном пьянстве, инапоил ево весма допьяна иположил ево вкорету, асам сел вкозлы ипоехал кловчикову надворъ; иприехал кодвору, иотворил ворота, ипустилъ возников надворъ искоретою, асам пошел насвою квартиру. Ивышли надвор люди ловчикова ивидят, что стоят возники искоретою, акучеръ лежит вкорете жестоко пьян, спит, акто их привезъ надвор, никто не вѣдает. Иловчиков вѣлел корету ивозников убрат(ь) иискажал: «еще то хорошо, что ивсего неуходилъ! НаӨроле скобееве взят(ь) нечево!» И наутрие стал ловчиков кучера спрашиват(ь), где он был соӨролом скобеевым, икучер сказал, что «толко помню, как был наквартире, акуды он ездил ичто делал того незнаю!»

Потом столник нардин нащекин приехал изгостеі іспросил дочери своеі аннушки; ита мамка сказала, что «поприказу вашему отпущена ксестрице вашей вмонастырь, для того, что она признала корету ивозников!» Инардин нащекин сказалъ: «изрядно!»

Истолникъ нордин нащекин долгое время не был усестры своей идумаеъ, что дочь аннушка усестры ево вмонастыре. АӨрол скобеевъ нааннушкѣ уже иженился. Потом столникъ нардин нащекинъ поехал ксестре своей вмонастыр(ь) иисидел немалое время, адочери своей невидит, ивопросил сестры своей: «сестра, что я невижу аннушки?» Исестра ему отвѣтствовала: «полна, братецъ, іздеват(ь)ся! чтож мнѣ делат(ь), коли я несчастная моимъ проше-

ниемъ ктебе: просила я утебя прислат(ь) комнѣ! знатно, что ты неверишъ мнѣ втом, амнѣ время такова нету, чтоб прислат(ь) понѣя!» Истолникъ нордин нащекин сказал: «как, государыня сестрица, что ты изволишъ говорит(ь)? я немогу разсудит(ь), для того что она отпущена ктебе смѣсяцъ, аты присылала понѣе корету івозниковъ, ая вто время был вгостях изженою моею ипо приказу нашему, отпущена ктебе!» Исестра сказала: «никак, братецъ, я кореты івозниковъ непосылала никогда, ианнушка комне небывала!» Истолникъ нордин нащекин весьма сожалел одочери своей игорко плакал, что безвѣстно пропала дочь ево, иприехав вдом свой, иобявил жене своеі, что аннушка пропала исказал, что усестры вмонастыре нет, истал мамки спрашиват(ь): «кто приезжал? икуды она поехала?» Мамка та сказала, что приехалъ с озникамі кучер исказал: «издевичья монастыря, отсестры вашеі, приехал поаннушку, ипоприказу вашему ипоехала аннушка!» Иотомъ весьма соболезновалі игорко плакал(і), анаутрие поехал столникъ къ государю иобявил, что унего безвѣстно пропада дочь ево. Ивелѣл государь учинить публикацію отоі столничьеі дочери: ежели кто содержит еѣ тайно, чтоб объявилі, аежели кто необявит исыщется, то послѣ смертию казнен будет.

Иерол скобеевъ, слышав такую публикацію, невѣдает, что делат(ь); иумыслив Өрол скобеевъ, пришел кловчикову стол(ь)-нику, для того что тот ловчиковъ весьма кнему обходился добрѣ имилостив. ИӨрол скобеевъ, пришедши к ловчикову, имели много разговоров, истолникъ ловчиков спрашивал Өрола скобеева: «что, господинъ скобеевъ, женился ли ибогатули взял?» ИСкобеевъ ему нато отвѣтствовал: «ныне еще богатства невижу, что вдаль время покажет!»—«Ну, господинъ скобеевъ, живи уже постоянно, азаябедами неходи, перестан(ь), аживи ты ввотчине своей лутче здоровѣе!»—Потом Өрол скобеевъ стал просит(ь) того столника, чтоб онъ предстателствовал обменъ, иловчиков ему сказал: «коли сносно, то буду предстател(ь), аежели что несносно, то негневайся!» ИӨрол ему объявилъ, что «столника нардина нащекина дочь аннушка уменя, анынѣ я нанеі женился!» Истолникъ ловчиков сказал: «как делал ты, так самъ иотвѣтствуй!» Иерол Скобеевъ сказал: «ежели ты предстателствовать небудешъ обомнѣ, итебе будетъ небезслова! мнѣ уже пришло показат(ь) натебя, для того что ты возников икорету давал, аежели ты недал,—имнѣб того не учинит(ь)!» Иловчиков стал ввеликом

сомнени исказал ему: «настоящеі ты плут! что ты надомною зделал?.. Добро, как могу, буду предстателствоват(ь)!» Исказал ему, чтоб завтрешнеі день пришел вуспенскоі соборъ, истолник нардинъ нащекин будет завтре уобедни — «ипосле обедни будет(мъ?) стоят(ь) все мы всобрани наивановскоі площади, ивто время приди ипаді предним иобяви одочери ево, ая уже, как могу, буду предстателствовать!»

Ипришелъ Өролъ скобеевъ вуспенскоі соборъ кобедне, истолник нардин нащекин, иловчиков, идругие столники все уобедни! ипоотшествеі тогда все обычаі имѣлі быт(ь) всобрани наивановскоі площади против ивана великаго имели промеж собою разговоры, кому что надобно. Астолник нардинъ нащекин болше соболѣзнуеть одочере своеі, такожъ иловчиков снимъ разсуждаеть одочери ево ксклонению милости. Инате их разговоры пошелъ Өрол скобеевъ иотдал всем столникам поклон, какъ есть обычай, ивсе столники Өрола скобеева знают. Икромѣ всех пал ред столником нардиным нащекиным ипросил прощения: «милостивы государь ицарев столникъ! впервы отпусти вину мою, яко раба своего, котороі дерзновенно учинил предвами!» Истолникъ нардин нащекин имелся летами весма древень изрениемъ отдревности уже помрачен, однакож могъ человекѣка усмотреть. Имели вто время обычаі те старые люди носить вруках трости натуральные склюшками—иподнимаетъ тою клюшкою Өрола скобеева: «кто ты таков? скажи мнѣ осебе! ичто твоя нужда донас?» ИӨрол скобеевъ толко говорит: «отпусти вину мою!» Истолник ловчиков подошел кнардину нащекину исказал: «лежит предвами, просить отпущения вины своей дворянин Өрол скобеевъ!» Истолникъ нардин нащекин воскричал: «встань, плут, знаю тебя давно плута ибезделника! знатно, что наябедничель себе! что, скажи плут,—буде сносно, стану помогат(ь), ачто несносно, как хочешъ, я тебе, плуту, давно говорил: «живи постоянно!» Встан(ь), скажи, что твоя вина?» Иөрол скобеев встал отного ево иобявил ему, что доч(ь) ево аннушка унего, ион нанеі женился; икакъ столникъ нардин нащекин услышал отнего одочери своей, изжалился слезами истал вбеспамѣтстве; имало опамяторался, истал говорить: «что ты, плут, зделал? вѣдаешли ты осебе, кто ты таков? несть тебе отпущения вины твоей! тебели, плуту, владеть дочерью моею? поиду кгосударю истану натебя просить отгоей плутовскоі комнѣ обиде!» Ивторично пришед кнему столник ловчиков, инача его разговариват(ь), чтоб вскоре неучинил доклада

кгосударю: «изволиш(ь) съѣздит(ь) домоі иобявит(ь) осем случае сожителнице своеі, ипосовѣту общему, как клутчему—уже быть! Так того невозвратить, аон, скобеев, отгневу. вашего скрытца никуды неможет!» Истолник нордин нащекин послушал совѣту ловчикова, непошел кгосударю, сел вкорету ипоехал домоі, аӨрол скобеев пошел наквартиру свою искажал аннушке: «ну, аннушка, что будет мнѣ стобою, невѣдаю—обявил отебе отцу твоему!»

Истолникъ нордин нащекин приехал вдом своі, идеть впокои, жестоко плачет икричит: «жена, что ты вѣдаешъ? я нашел аннушку!» Ижена его спрашивает: «где она, батюшко?»- «охъ, мой друг, вор иплут иябедник, Өрол Скобеевъ, женился наней!» Ижена его услышала те отнего речи иневѣдаетъ, что говорит(ь), соболезнуя одочери своеі. Исталі оба горко плакат(ь) ивсердцахъ своих бранит(ь) дочь свою, иневѣдают, что чинит(ь) наднею. Потом пришли впамят(ь), сожалея одочери своеі, исталі разсуждат(ь) зженою: «надобно послат(ь) человѣка иыскат(ь), где он, плут, живѣтъ, провѣдат(ь) одочери своеі, живали она.» Ипризвали ксебе человѣка своего искажали ему: «поезжай исыщи квартиру Өрола Скобеева ипровѣдай проаннушку, живалі она, имѣет ли пропитание какое.»

Ипошел человѣкъ их помосквѣ иискат(ь) квартиру Өрола Скобеева, ипомногом хождени, нашел ипришел кодвору. Иусмотрел Өрол Скобеевъ, что оттестя идет человѣкъ, ивѣлелъ жене своей лечъ напостелю ипритворить себя, якобы болна. Ианнушка учинила поволі мужа своего. Иприсланной человѣкъ вошел впокой иотдал, как пообычаю, поклон. ИӨрол Скобеев спросил: «что ты зачеловѣкъ? ікакую нужду доменя имѣешъ?» Ичеловѣкъ отвѣщал, что он прислан отстолника нащекина провѣдат(ь) продоч(ь) ево, здравствуетли она. ИӨрол скобеевъ говорит: «видишъ ты, мой другъ, каково еѣ здорове! Таковти родителской гневъ,—они еѣ заочно бранят икленут, оттого она присмерти лѣжит! Донеси их милости, хотяб они, прижизни еѣ, заочно благословили.» Ичеловѣкъ тот отдал имъ поклон ипошел.

Ипришел кгосподину своему идонес, что «нашел квартиру Өрола Скобеева, токмо аннушка очень болна ипросит отвас, заочно хотя словесного благословения!» Ипребезмѣрно родители одочери своей соболѣзнуютъ, токмо разсуждали: «что свором иплутом дѣлат(ь)?», ноболѣе сожелели одочери своей. Мать еѣ стала говорит(ь): «ну, моі другъ, уже быть так, что владеет(ь) плуту дочерью нашею! Уже такъ Богъ велѣд, — надобно послат(ь) кним

образ иблагословит(ь) их, хотя заочно; акогда сердца наши утлятся, то можем видетсѣ сними ісами!» Сняли стены образъ, которой был обложен золотомъ идрагим каменіемъ, так как прикладу всево на 500 р., іпослали стемже челоувѣком, приказали, чтоб они тому образу молилис(ь),—«аплуту івору Өролке скажи, чтоб он ево непромотал!»

Ичеловѣкъ их, приняв оной образъ, іпошел наквартиру Өрола скобеева. Иусмотрил Өрол скобеевъ, что пришел тотже челоувѣкъ, сказал жене своей: «встань, аннушка». Іселі оба вмѣсте ичеловѣкъ, тот вошел впокой их иотдалъ образъ Өролу скобееву иискажал, что «родителі ваши, богомъ данные, прислалі квам благословение!» ИӨрол скобеев, приложас(ь) ктому образу исаннушкою, іпоставилі, гдѣ надлежит; иискажал Өрол челоувѣку тому: «таковоти родительское благословение, — ізаочно ихъ неоставили—ибогъ дал аннушкѣ здоровье: нынѣ, слава Богу, здорова! благодари их милость что неоставилі заблудшую доч(ь) свою!» Ичеловѣкъ пришел кгосподину своему іобъявил оботданіи образа іоздрави аннушкине іоблагодарени их, іпошел впоказанное свое мѣсто. Истолник Нардин нащекин, поехав кгосударю іобъявил, что «дочь свою нашел уновгородского дворянина Өрола скобеева, которой уже наней іженился, іпрошу вашей государевой милости, чтоб втом ему, скобееву, вину отпустить» — іобъявил ему все подробно, начто велики государь ему сказал, что «втом твоя воля, как желашь! ісовѣтую тебе, что уже того невозвратит(ь), аонъ твоимъ награждениемъ, амоею милостию против протчих своей браты оставленъ небудет,—ивтом настарости возымѣшъ утеху!» Столникже нардинъ нащекин, покланяся государю, іпоиде вдомъ свої исталі разсуждат(ь) ісожалет(ь) одочери своей; истал говорить жене своей: «как, другъ мой, быт(ь)? конечно, плут заморит аннушку, чемъ ему, вору, кормит(ь) еѣ? ісамъ, как собака, голодень! надобно, другъ мой, послат(ь) какого запасу, хотя на 6-ти лошадях; ажена ево сказала, «конечно, надобно, другъ, послат(ь)!» Іпослали тот запас іпритомъ реэстръ. Икакъ пришел оной запас, иӨрол скобеевъ, несмотря пореэстру, приказал положит(ь) впоказанные мѣста іприказал темъ людемъ заих родительские милости благодарит(ь). Уже Өрол скобеевъ стал жить роскошно иездит(ь) везде познатным персонам, ивесма скобееву удивлялися, что он зделал такую притчину итак смело. Уже чрезъ долгое время обратилис(ь) сердцемъ іисоболѣзновали душею одочере своей, також иӨролѣ Ско-

бееве, ипослалі челоуѣка книмъ иприказалі просит(ь) их кушат(ь) ксебе. Икакъ пришелъ челоуѣкъ ипроситъ: «приказал батюшко васъ кушать сей день!»—иОролъ Скобеевъ сказалъ: «дониеси государю напему батюшку, что будемъ неумедля до ихъ здорovia!»

ИОролъ скобеевъ убрался зженою своею аннушкою ипоехал вдом тестя своего иприехал вдомъ их ипошел впокои зженою своею; ианнушка пала пред ногами родителей своих. Усмотрил нардинъ нащекинъ, как дочь свою изженою своею приносимую вину свою,—сталі ее бранит(ь) инаказыват(ь) своимъ гневомъ родительскимъ, исмотря нанея, весма плачютъ, ч то она так учинила безволи родителей своих, проклиная жизнь еѣ словами своими; ипомногомъ глаголани их игневу, отпустили вину еѣ иприказал садится застол ссобою, аОролу скобееву сказал: «аты, плут, што стоишь? садис(ь) тутже! тебелибы, плуту, владеет(ь) дочерью моею!» ИОрол сказал ему: «Государь-батюшко, уже тому такъ Богъ судил!»—Иесли все кушат(ь), истолникъ нардинъ нащекин приказал людям своимъ, чтоб никого вдомъ посторонних непускалі, — сказывалібы, что «время такого нетъ столнику, для того что зытемъ своимъ, вором иплутом Оролкою Скобеевымъ, кушаетъ!» Ипоокончани стола стал столникъ говорит(ь) зятю своему: «ну, плут, чемъ ты станешь жить?» Иерол скобеевъ сказал: «милостивы Государь-батюшко! изволиш(ь) ты самъ быт(ь) извѣстен, чем мнѣ жить,—болѣе немогу пропитания найти, как заприказными делами ходить!» Истолникъ рече: «перестань, плут, ходить заябедоі, — имѣется вотчина моя всинбирскомъ уѣзде, которая состоит въ 300-х дворахъ, да вновгородскомъ уѣзде въ 200-х дворахъ, — справь, плутъ, засобою иживи постоянно!» ИОрол скобеевъ отдал поклонъ изженою своею, иприносили благодарение родителемъ своимъ исидевъ немного поехал Оролъ скобеевъ наквартиру свою изженою своею. Тестъже его столник нардин нащекин приказал скобеева возвратити истал говоритъ: «ну, плут, естли утебя денги? чемъ ты деревни справишь?» ИОрол рече: «извѣстно вамъ, Государь - батюшко, какие уменя денги!» Истолникъ приказал дать дворецкому своему денегъ 500 ру. Ипростяс(ь). Орол Скобеевъ поехал наквартиру свою изженою своею аннушкою.

Ипомногомъ времени справил Орол деревни засобою истал жит(ь) очень роскошно, иездил ктестю своему безпрестанно ивсегда приниман был счестью, азаябедами ходит(ь) уже бросил. Ипо-

некоем времени поживе столникъ нардин нащекин вглубокоі
своей старости, ввечную жизнь переселился, и посмерти своей,
учинил Орола скобеева наследником во всемъ своемъ движимом
и недвижимом имени. Потом недолгое время пожив, теща его пе-
реставилася(ь),—итакъ Орол скобеевъ живя ввеликоі славе и богат-
стве, наследников посебе оставя и умре.

ПРИЛОЖЕНІЕ I-е.

(«Великор. народн. пѣсни», акад. изд. А. И. Соболевскимъ, т. I, стр. 233).

Какъ сватался-су воръ Янька
Пять лѣтъ на Устиньѣ,
Пять лѣтъ на голубкѣ;
Не могъ ее достати,
Не могъ доступити.
Пошелъ-то воръ Янька
Къ дѣвушкамъ-голубкамъ,
Устиньинымъ подружкамъ:
«Ужъ вы, дѣвушки-голубки,
Устиньины подружки!
Я вамъ дамъ по златницѣ:
Выманите Устинью
Въ Марьинскую рощу!»
Дѣвушки согласились.
Пошли-то дѣвушки,
Пошли-то красныя
Къ бабушкѣ-старушкѣ,
Устиньиной мачкѣ.

Приходятъ.

Устиньиная мачка
На печкѣ сидѣла;
Бабушка-старушка
Чуть ихъ опознала.

Дѣвушки, поздоровавшись съ нею, сказали:

«Спусти, спусти, бабушка,
Спусти, спусти, сударыня,
Свою-то Устинью
Въ Марьинскую рощу
Съ нами погуляти,
Въ хороводѣ поплясати!»
Какъ сговорить-промолвить
Устиньяна мачка:
«Моя-то Устинья,
Моя-то голубка
Нигдѣ не бывала,
Людей не видала!»

Но подружки Устиньины упростили бабушку-старушку; она согласилась отпустить съ нимъ Устинью.

Устинья въ сѣняхъ
Голову чесала,
Косу заплетала;
Надѣвала Устинья
Понизову юпку,
Штофну душегрѣю.
Пошли-то подружки,
Пошли-то голубки
Въ Марьинскую рощу.
Надѣвалъ-то воръ-Янька
Понизову юпку,
Штофную душегрѣю.

Словомъ, онъ одѣлся по-женски, и приходитъ тоже въ Марьину рощу. Устиньины подружки приняли ее за московскую гостью, свою подругу. Они завели дѣвичьи игры и раздѣлились попарно и—

Жеребьи бросали,
Попарно плясали.
Приходилось Устиньи
Приходилось голубкѣ
Съ московскою гостьей.
Какъ сговорить Устинья
Какъ сговорить голубка:

«Что это за гостя,
 Что за московца?
 Какъ барская хилка,
 Какъ су воръ Янька!»

Янька возобновляетъ сватовство, и, получивъ опять отказъ, убиваетъ Устинью.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2-Е

«НОВГОРОДСКИХЪ ДѢВУШЕКЪ СВЯТОЧНЫЙ ВЕЧЕРЪ СЪИГРАННЫЙ ВЪ МОСКВѢ СВАДЕБНЫМЪ».

(Изъ книги: «Похожденіе Ивана Гостиного сына...» Соч. Ив. Новикова
 Спб. 1785—6).

Около Новагорода и Пскова жилъ одинъ дворянинъ, оставшійся послѣ родителей своихъ въ малыхъ лѣтахъ сиротою, неимѣвшій никого и родственниковъ, окромѣ одной сестры, одинакихъ съ нимъ лѣтъ, около двадцати пяти; и хотя при крещеніи и названъ онъ былъ Селузяномъ и происходилъ давней фамиліи Сальниковыхъ, однако не имѣлъ счастія содержать себя по чести дворянина, съ малыхъ лѣтъ воспитывались и съ сестрою щедростію людскою, а возмужавши, за неимѣніемъ какъ и у батюшки ево крестьянъ, принужденъ пропитаніе имѣть по образу родительскому трудами своими, вспахивая и удабривая землю самъ въ рядовую съ прочими чужихъ господъ крестьянами; ибо у него земли было довольно, равно сохи, бороны, серпы и косы находились въ добромъ здоровѣ, а сестрица ево, какъ дѣвушка взрослая, не оставляла также, чтобъ не прилагать прилѣжнаго смотрѣнія имѣть за домомъ и за скотиною. Сему дворянину во оной жизни, по много прилагаемымъ въ полѣ, въ воженіи домой и убираніи хлѣба и сѣна трудамъ, нѣсколько понаскучило, и для того довольно разумѣвши русской грамотѣ и острыхъ ко всякимъ обманамъ замысловъ и затѣвѣ, понявшихъ у бывшаго своего учителя дячка, человѣка проворнаго и къ томужъ, какъ и онъ, лукавству обыклаго, посовѣтовавъ спросивши ево и принявши наставленіе, вздумалъ ходить за приказными ябедами, коихъ въ тамошнемъ краю въ то время очень много бывало, стряпчимъ; и такъ посвятя себя онымъ чиномъ, ѣздя по окольнымъ деревнямъ съ наставникомъ своимъ, пересказывалъ о себѣ, что онъ въ стряпческомъ искусствѣ весьма знающъ, при чемъ и учитель его тожъ са-

мое подтверждалъ и выхвалялъ, почему во первыхъ поссорившіеся между собою крестьяне, приходя къ нему, просили справедливаго и скорого на словахъ рѣшенія и удовольствія, а онъ и судилъ каждаго по достоинству дѣла, обирая принесенное и съ отвѣтчика, и съ чело-битчика поравну, а кто больше дастъ, тотъ и правъ, хотябы и подлинно былъ виноватъ, но ослѣпленные ихъ глаза тому вѣривали; кто же его судомъ бывали не довольны, тѣмъ писывалъ къ господамъ челобитныя и наставлялъ доброхотныхъ дателей полутче, нежели скупыхъ и несмысленныхъ; по томъ осыпали его множество мелкотравчetyхъ дворянъ и письменными прозбами съ довѣренностію, чтобъ ему за ихъ дѣлами хожденіе имѣть и по приказамъ. И такъ нашъ Селуянъ не пѣшкомъ ходить, а сталъ уже и ѣздить на одаренныхъ господами лошадакахъ въ Губернію и провинцію по дворянски, обманывая всячески, какъ его главной надъ такими людьми затѣйщикъ и коноводъ сатана, учитель и собственные его лукавые къ корыстолюбію замыслы того требовали.

Въ сосѣдствѣ съ нимъ Селуяномъ была вотчина богатаго господина Кошкодавова, который по государеву указу имѣлъ пребываніе и съ боярынею своею въ Москвѣ, а въ вотчинѣ оставлена полномочною госпожею дочь, именуемая Груцинькою, лѣтъ десятковъ двухъ съ барышкомъ, которая во всемъ околodкѣ по отцовскому богатству и по пригожеству ея лица другихъ околичныхъ тутъ дѣвушекъ превосходила и была завидная невѣста; а по елику и Селянушка нашъ, хотя передъ нею былъ мизирнаго состоянія, но имѣлъ видъ не только не дурной и не отвратительный, но и пріятный и приманчивый, и однимъ словомъ похожей на хорошую дѣвку.

Во время Святковъ во всѣхъ мѣстахъ на Руси у обоого пола возраста достоинства и достатка людей бывають ночныя сборищи, въ городахъ комедіи, въ деревняхъ у дворянъ вечеринки, а у крестьянъ и другой черни игрища. Въ то время задумалось и Груняшѣ Кошкодавовай тою же невинною забавой повеселиться, а для того и совала къ себѣ сосѣдскихъ дворянскихъ дѣвушекъ паръ десятокъ, между коими приглашена была и Селуянова сестра Фетинья; а какъ и Селуянушкѣ въ своемъ увеселительномъ подворьѣ дни два-три одному праздновать показалось скучновато, то просилъ свою сестрицу, чтобъ и она его, нарядивши въ женское платьѣ и назвавши сродницею, взяла туда же съ собою повеселиться. Та сперва нѣсколько тревожилась, но по усиленной его прозбѣ взять склонилась; и такъ, сѣвши въ сани, приѣхали къ госпожѣ Кошкодавовай, которая встрѣчала всѣхъ равно, какъ подружекъ съ почтеніемъ ее званію.

Во время обыкновенной по гудку и по пѣснямъ деревенской пляски и весь вечеръ Груняшина мамка пристально глядѣла на Селуяна, не мало разъ выдаючи у ихъ прикащика; но при всѣхъ его для своей боярышни, какъ званую гостью, изобличить не смѣла, что и Селуянъ, какъ на увертки бабы остръ ни былъ, однако плотненько сталъ думать, что его примѣчаютъ; выведши мамку въ другой покой, гдѣ никого не было, тихонько, забывъ стыдъ по своему дворянству, повалялся ей въ ноги со всего маху. Мамка, поднимая его съ земли, говорила:

«какъ тебѣ, сударыня, не стыдно такъ трудиться, и чего отъ меня требуешь? я служанка, ни чѣмъ тебѣ пособить не могу!» Селуянъ, безъ всякаго притворства «вынувши изъ кармана пять рублевиковъ и сунувъ ей въ руки говорилъ: «любезная мама! будь же отъ сего времени и мнѣ няня; ежели ты мнѣ теперь не поможешь, то умру передъ твоими ногами или пропаду, какъ червь капустной! безмѣрная моя къ твоей боярышнѣ любовь завела сюда, какъ обведеннаго мертвого рукою; помилуй, помоги какъ нибудь и скрой сію тайну по своему благоразумію!» Мамка, стоя долгое время, не говоря ни слова, смотря попеременно то на Селуяна, то на данныя имъ монеты, кои въ старину весьма дороги бывали у такихъ людей, какъ мамка, и копейка иногда становилась ребромъ. На послѣдокъ, какъ серебро ослѣпило очи сей мудреной бабѣ, коя сочла Селуяна весьма великодушнымъ, а себя признавала богатѣйшею на свѣтѣ, одумавшись, ему говорила: «ну! Селуяша, простое твое сердце принуждаетъ меня за тебя вступить и сдѣлать на вѣкъ счастливымъ: будь надеженъ, что сей же вечеръ и безъ поа свадьбу сыграемъ; нынѣ такіе веселые вечера, только будь же и скромнѣе, послѣ того никому не сказывай; дабы и обомъ не попасться въ дѣдушкинъ чуланъ!» Онъ, поклонясь ей, говорилъ: «что принадлежитъ до моихъ услугъ, то я тебѣ далъ въ задатокъ, а послѣ наиболѣе оплачивать стану, а о тайности, пожалуй, не сумнѣвайся; я человѣкъ не болтливой,—хотя и теперь въ застѣнокъ, то, ей, ей, худоване скажу. Мамка ему повторила: «здѣсь калякать нѣчего, дабы кто не присмотрѣлъ; я однажды сказала, что за твою дружбу не неблагодарною буду; дѣло уже сдѣлано!» съ чѣмъ и возвратились къ собранной компаніи, будто ничего не знаютъ и вмѣстѣ не бывали.

Когда отъ пляски у всѣхъ ноги приустиали, а головы клонить сталъ сонъ, то хозяйшка приказала подать ужинать, а мамка передъ тѣмъ выдумала хитрость—поиграть другимъ манеромъ, нарядивши Селуяна и нѣсколько дѣвушекъ во оставшее господское платье, дабы было обо-его пола попарно.

Перваго подвела къ своей боярышнѣ, съ приказаніемъ, чтобъ она почитала, какъ своего жениха: равно и прочихъ розсавивши погнѣдно, сказала, что сей вечеръ у всѣхъ у нихъ свадебной, и послѣ бы ужина ложились спать на однихъ краватяхъ. По окончаніи стола пошли всѣ съ великимъ хохотаньемъ и цѣлованьемъ провожать до назначенныхъ покоевъ, во первыхъ хозяйшку, а потомъ и другихъ. Селуянъ, взвѣсивъ на мягкую и широкую постель, на какой и отъ роду еще не спалъ, коснулся во первыхъ скверною рукою своею до Груняшина нѣжнаго тѣла, по приказанному порядку, по томъ, обнимая ее, даетъ преисполненныя пламени поцѣлуи; къ торжественной же ихъ радости во мгновение представляется маленькой божокъ любви и выстрѣлилъ въ нихъ изъ перваго колчана золотою стрѣлою, которые удары уязвили и разожгли ихъ сердца и воспалили чувства. Груняша съ часъ времени отважилась противиться, и хотѣла отложить Селуяново благополучіе до того времени, чтобъ соединить удовольствіе съ честію; но нѣдая при томъ, что снисхожденіе лучше сопротивленія, нѣжность сердецъ ихъ трепещетъ, любовь и стыдъ покрываетъ лица румянцемъ,

по томъ исчезаетъ стыдъ, любовь одна остается верховною надъ ними властительницею, плоть ослабѣла, и древней врагъ змій не преминулъ искусить ихъ своею мудростію, и окончить то, что началъ съ крыльями мальчикъ. Селуянтъ, какъ въ превеликой горячкѣ, обвиняя Груняшу повсемѣстно, озираетъ ее прелести пламенными своими глазами, не отпускаятъ губъ своихъ отъ прекрасныхъ ее грудей и пребыванія любовныхъ пріятностей мѣста, отдались оба совокупнымъ объятіямъ, и одинъ ждетъ въ минуту наслажденія, а другая уже довольствуется невиданною утѣхою. На послѣдокъ благополучный Селуянтъ получилъ себѣ право увѣнчаннаго любовника и услажденія прямого счастья. Подлинно счастливъ тотъ стократно, кто находитъ дѣвство; сокровище сіе весьма дорого, но заразить любовію сердце и еще того дороже, какъ слѣдующее покажетъ.

По утру очень рано вставши, мамка, обходя всѣ покои, гдѣ спали молодые, поздравила съ добрымъ утромъ, кои были всѣ уже проснувшись, а дожидались только, чтобъ подали свѣчъ или открывали окошки. По томъ пришла она и къ боярышнѣ въ спальню; но сіи послѣдніе два затворника, утомившись отъ вкушенія запретительной забавы, предались сладости пріятнаго покоя, и мамка ихъ нашла обнявшихся и руками, и ногами; и дабы сія тайна никому, кромѣ ея, была не извѣстна, то сія попечительница, взявши ключъ, спаленку приперла покрѣпче, и, какъ знающая всѣ перевороты, женщина, сама съ собой подумала, что, конечно, сія парочка ночью противъ другихъ мало имѣла покоя. Подошедши въ другой разъ тихонько къ дверямъ, побудила боярышню; но она, увидя ее, съ покраснѣлымъ лицомъ спряталась подъ одѣяло, и говорила, запыхаючи, дрожащимъ и несмѣлымъ голосомъ, чтобъ она хотя еще на часокъ времени дала понѣжиться, ибо у нее отъ вечерней пляски очень ноги поопухли, а съ свадебнаго хохотатъ весьма брюхо болитъ. Хотяжъ, было, нѣкоторыя дѣвушки безо всякаго подозрѣнія тутъ же въ спальню просились сихъ послѣднихъ молодыхъ посмотреть, но хитрая мамка отвела ихъ и съ великимъ смѣхомъ говорила, что ей, яко свахѣ, сіе право только одной принадлежитъ, какъ и они поднимаемы были. Когда же Грунюшка, вставши съ постели, со всѣмъ одѣлась и съ своею дружиною пришла къ дѣвицамъ, тѣ поздравили ее приходомъ; а она также не оставила ихъ съ Селуянушкою отподчивать своимъ благодареніемъ. Принесенъ былъ на столъ завтракъ, сѣли молодые купать, а при томъ приведены были крестьянскія дѣвки для пляски и пѣтя пѣсенъ, а въ ночное время происходила дворянская компанія, только Грунюшка всегда ложилась въ постелю ранѣе обыкновеннаго. По прошествіи трехъ дней дворянскія дѣвушки разѣхались по домамъ; а хотя и сестрица Селуянова съ сродницею также простилась, но всѣ Святки не отпущена, а для чего, — тайна сія кромѣ одной Грунюшки не извѣстна. Въ сіе время такъ Груня похуздѣла, что какъ бы двумѣсячную выдержала лихорадку; и хотя говорятъ, что мущины въ любви горячае, а женщины упрямѣе; однакожъ, конечно, не Селуянова, но Груняшина страстная любовь, и послѣ Святковъ особливо Селуянушку отпустить не хотѣла, но, наблюдая къ себѣ отъ сосѣдей почтеніе и дѣвичью благопрістойность, со слезами про-

стилась. Не меньше тяжело было разставанье и господину Сальникову: давши ему Груня тихонько, вмѣсто подаренныхъ отъ него мамкѣ пяти, пять сотъ рублей, приказала, чтобъ онъ и предъ посѣщеніемъ своимъ ее не оставлялъ, а къ тому такъ его со своей стороны обнадежила и положила вѣрный пароль, чтобъ ему кромѣ ее жены, а ей oprичъ его мужа не имѣть, хотя бы не только родительскаго проклятiя, но жизни стоило.

Не только во время святошнаго торжества въ Руси бываютъ ночныя сборищи и забавы, тоже самое случается и обѣ Маслечной недѣлѣ. Госпожа Кошкодавова приказала на дворѣ у себя сдѣлать превеликую гору и такъ же созвать дѣвушекъ дворянокъ: хотя она и имѣла повелѣніе скоро ѣхать въ Москву къ батюшкѣ, но для сего праздника отложила, не позабыла въ наипервыхъ пригласить и господина Сальникова сестрицу съ ея родственницею, которая и прибыла въ женскомъ же, по прежнему, нарядѣ. Грунюшка приняла ихъ въ особливомъ покоѣ не противу прочихъ, а отмѣннѣ, какъ первыхъ и ей милыхъ гостей, которыя подобно перваго не въ третей день, а по началіи великаго поста отпущены были и то съ досадою, и съ равнымъ прежняго награжденіемъ, сказавши одному Селуяну, естли она ему мила и не хочеть потерять на вѣки, то бы въ скорости ѣхалъ къ Москвѣ и нанялъ квартиру не подалеку ихъ дому на Мясницкой улицѣ.

Какъ скоро Груняша въ Москвѣ появилась, то хорошенькое ее личико, а не меньше великое отцовское имѣніе, которому она только одна наслѣдница, какъ магнитомъ, притянуло свататься множество жениховъ, иныхъ и равнаго съ отцовскимъ чиномъ господчиковъ, о чемъ ей батюшка и матушка часто напоминали, что бы помышляла, которому изъ нихъ дать преимущество заблаговременно; но она, якобы не знаніемъ ничего, не говоря ни слова съ закраسنѣлымъ лицемъ отходила, дожидаясь своего милова друга Селуяна, который не замедля, также прикативши въ Москву, сыскать домъ господина Кошкодавова, поздоровался съ мамкою, чтобъ она о прибытіи ево изволила доложить своей боярышнѣ, которая, узнавши, пришла въ превеликую радость, но не знала, гдѣ ему съ собою дать первое свиданіе. Лукаваяжъ и досужая на выдумки мамка сказала ей: «и сударыня, кажется, вы уже отъ младенческихъ лѣтъ давно ушли, а того не вѣдаете, гдѣ своему любезному человѣку себя показать и ево посмотрѣть; въ Москвѣ не наше дѣло деревенское,—здѣсь не стыдятся безъ всякаго зазору и невѣсть смотрютъ по церквамъ во время службы, а вамъ уже съ нимъ нѣчего опазнываться; не изволитель согласиться въ будущее воскресенье поѣхать со мною къ обѣднѣ въ приходъ къ Николѣ на Вшивую Горку, а я тихонько возвѣщу и Селуяну Софроновичу, куда онъ, конечно, какъ соколъ, прилетити!» Груняша съ радости много разъ цѣловала свою мамку, называя ее въ сихъ дѣлахъ немалою мудрицею, способствующею къ ее сластолюбивымъ желаніямъ и прихотямъ; написала къ Селуяну пріятную записочку, нѣжную и страстную, каждое оной слово вливалось въ душу пламень,—видно было по всему, что самъ дьяволъ въ томъ ее наставлялъ! Не могла почти дожидаться назначен-

наго мамкою дня, а во оной и поѣхала съ нею и съ однимъ лакѣмъ и кучаромъ.

При входѣ въ церковь увидѣла Сальникова, ожидающагося на паперти. Взглянувши другъ на друга пламенными глазами, исполненными смущеніемъ и радостію, и хотя малому ее и небыло нужды по невѣденію, ни за кѣмъ присматривать, и примѣчать, однакожь при прохожденіи мимо Селуяна увидѣлъ у боярышни лице зардѣвшееся и походку несмѣлую, равно и Селуянъ покраснѣлъ, какъ рыжикъ; подобное сему и прощаніе у нихъ происходило одними взглядами. Селуянъ, отдавая справедливость любовницы своей прелестямъ, нашель ее нѣжнѣе прежняго; равно и она, увидѣвши его, больше прежняго полюбила. Всякой знаетъ, что прямая любовь каждую красавицу дѣлаетъ прелестнѣйшею; постѣ того сія трудолюбивая свашенька не упускала по прозбанъ госпожи своей, чтобъ не давать симъ любящимся особамъ часто ночныхъ поединковъ, а Груняша не позабывала всегда на помянуть Селуяну, что ежели она ему не наскучала, то бы помышлять поскорѣе обвѣнчаться; ибо родители ее хотѣтъ выдавать за мужъ и часто приказываютъ и докучаютъ выбирать жениха по мысли; мамкѣ же при всякомъ свиданіи со обѣихъ сторонъ бывали подарки не изъ двухъ, а изъ одного Кошкодавова кармана.

Въ одно время господинъ Кошкодавовъ, съ своею сожительницею поѣхалъ въ Новодевичей монастырь къ сестрѣ своей монахинѣ въ гости, которая принявши ихъ благосклонно спросила: «я слышала, братецъ, что племянница моя Груня давно сюда пріѣхала!» — «Есть, матушка, сестрица, недѣль уже десятокъ!» — отвѣчалъ господинъ. «Вотъ, какіе вы ближніе и единокровные родственники, что не пришлете ко мнѣ повидаться и хотя малое время погостить! хотя бы я на голубушку мою посмотрѣла; я думаю, она уже и великонья!» — «Да, т-и перъ ей только дватцать другой пошелъ годъ, но еще по молодости своей глупа, — можно назвать робенкомъ! Однако хочу выбирать ей заблаговременно добренькова и смировна женишка; пускай хотя лѣта и не ушли, но на старости бы на нихъ глядя повеселился, а она о томъ и не помышляетъ, — только смѣется!» — «Дѣвичье, братецъ, дѣло!» — «Когда надобно тебѣ, сестрица, ее видѣть, то пришлите, пожалуйста, кого нибудь отъ себя, хотя и насъ долго не будить, она не отговорится, я съ тѣмъ теперь ей и прикажу.

Вскорѣ послѣ того пришло радостное для двухъ любящихся время. Господинъ Кошкодавовъ званъ былъ въ воскресной день на свадьбу къ господину ключнику Кособрюхову, куда и поѣхали, а мамка, еще по утру прибѣжавши къ Сальникову, объявила; онъ же съ радости не зная, что и дѣлать. Вдругъ пришло въ голову исполнить Груняшино приказаніе, дабы и ему тотъ же самый день учинить себѣ брачное веселіе; но только одного нужнона не доставало, въ чемъ бы увезти Груняшу, — кареты съ лошадыми: ибо въ старину въ Москвѣ, окромѣ роспусковъ, наемныхъ совѣтъ не бывало; а какъ дьяволы и не въ такихъ пустыхъ дѣлахъ несчастнымъ помогать приобыкли, то какой то гулящей и проворной изъ нихъ малой, похожей на Селуяна, наставилъ его, испнувши въ ухо на пути: «Э! братъ Селуянъ, не на-

шева ты сукна епанча! Котораго ты чорта не попросишь надобнова тебѣ у своего земляка, господина Сабакина, коему ты за проклятыми ходишь дѣлами и, вмѣсто правды, вставляя наши крючки, изъ кривыхъ дѣлаешь зрячими и всегда пляшешь по его дудкѣ? поди, онъ теперь дома и дастъ безъ отказа; только при прошеніи объяви ему, какую съ правдою сходную нужду.» Селуянъ по наученію брата своего, какъ ото сна проснувшись, захохотавши захлопалъ въ ладони, пошедши къ Сабакину, выпросилъ карету съ лошадьми и съ кучеромъ, якобы для смотрѣнія невѣсты, коя де живетъ отъ него въ третьей улицѣ. Сабакинъ при дачѣ кареты, смѣючись, говоритъ: «желательнобъ мнѣ было хотя бы ты нынѣшній день и свадьбу сыграть! только не знаю, какая за тебя пойдетъ бесамыга или безмундирная!» «Увидите, сударь, какую подхвачу щеголиху,—изъ подъ ручки посмотри!» отвѣчалъ Сальниковъ; а Сабакинъ перехватилъ: «развѣ изъ подъ Истеріи или изъ пролomu, въ томъ не сумнѣваюсь!» Сѣлуянъ, прѣхавши домой, такъ кучера напоилъ виномъ сыто, что безо всякаго чувства взвалился на полу и захрапѣлъ. Селуянъ, скинувши съ него кафтанъ съ камзоломъ, сказалъ: «спи, моя надежда, высыпайся, а я поѣду отправлять твою должность!» Надѣвши ливрею, поѣхалъ ко двору господина Кошковадова; поставя карету у двора, самъ вошелъ въ переднюю, приказалъ доложить боярину, а когда его дома нѣтъ—боярышнѣ, что прислала за ней тетушка, дабы она пожаловала къ ней дней на десятокъ погостить, чему она очень будетъ рада давно невидалую гостью принять. Грунюшка, имѣвши отъ родителей своихъ приказаніе, выскоча тотъ часъ узнала тетушкина посланника, спрашивала: «въ добромъ ли здоровѣ тетушка?» «Слава Богу, сударыня, какъ я поѣхалъ, была здорова, не сдѣлалось ли чего теперь; приказали, чтобъ не мѣшкаявши, вы пожаловали.» Грунюша не умѣла одѣть платья похуже, а выбрала самое лучшее, такъ же взяла и въ запасъ парочки двѣ три, да изъ бѣлья хорошую нопу. Давши Сальникову, сказала: «на! снеси, Игнатъ, положи въ ящикъ, можетъ быть, я у тетушки и долго прогощу, чтобъ не ходить въ замаранномъ.» — «Да у насъ, сударыня, есть въ монастырѣ служанки, по приказу тетушки вымоютъ.»—«Нѣтъ, лучше ѣхать съ запасомъ, по пословицѣ: *попѣжай на недѣлю, а хлѣба бери на двѣ*. Такъ то, Игнатушка.»—«То дѣло другое, сударыня.»—Груняша такъ, какъ въ дальнюю собираючись дорогу не позабыла взять и серебряной мелузки, набивши полны карманы сколько улеглось, хотя и тяжеленько. Чтожъ дѣлать! своя ноша не тянетъ; и на послѣдокъ повязала на шею и на руки ожерелье и зарукавье акатистова жемчугу въ рефить низанныя, хотя бы куда; такъ походить стала на невѣсту, да и не простую, а у Сальникова также въ каретѣ былъ кафтанъ заводной на щегольскую руку. Когда Груняша сѣла въ карету, то Селуянъ ударилъ по лошадамъ изо всей мочи, да куда же?—на Пресню къ Николѣ на Ваганьково, гдѣ не только пришлова народу много, но и прихожанъ было дворовъ пятокъ и то почти пустыхъ; сыскавши гулящева попа и безъ вѣчной памяти за два рубля обвѣнчался; а за сіи деньги та благословенная голова не отреклась бы и еще паръ пятокъ сокупить. Сальниковъ

приѣхаль домой благополучно, и какъ онъ жить хотя въ маломъ домѣ, но въ особомъ покоѣ, и приѣздъ, и приходъ имѣлся съ задняго двора, то хозяину и не въ примѣту, кто придетъ и кто пойдетъ; нашедши кучера невыспавшаго еще дрянъ, разбудя его, далъ на такой радости стаканъ свѣтлоча, онъ и пуще окачурился. Положа его въ карету съ помощію своей кухарки, приказаль ей подъ вечеръ попозже отвезти лошадей подъ усьцы до конца улицы, гдѣ живетъ Сабакинъ, а тамъ и бѣжать,—ибо лошади, зная домъ господской, и сами пѣшкомъ дойдутъ: не позабылъ также положить подъ головы того мертвого тѣла кафтанъ съ камзолomъ и въ карманъ рубль денегъ на похмѣлье. Слуга Сабакина, идучи домой, увидя у двора стоящую карету и въ ней кучера чуть живова, отвори ворота, впустилъ на дворъ, доложивъ боярину, что прошенная Сальниковымъ карета стояла у воротъ и въ ней не было ни кого, кромѣ кучера, который лежитъ въ рубашкѣ мертво пьянъ безъ всякаго чувства. Сабакинъ, какъ человѣкъ вспылчивой, ругаль всячески Сальникова, а на послѣдокъ схвати съ головы сѣдой парикъ, брося на землю, топталъ ногами, кричалъ во все горло: «я бы етому мошеннику теперь же руки и ноги переломаль, что онъ дѣлаеть стыдъ моей старой и заслуженной головѣ отъ добрыхъ людей!» Хотя же по просыпѣ спрашиваль и кучера, гдѣ они съ проклятымъ ябедникомъ были и что дѣлали; но онъ, какъ человѣкъ ни о чемъ не вѣдущей, отозвался незнаніемъ, что и квартиру забылъ Сальникова.

Селуянушка нашъ, получа въ руки безцѣнное сокровище, необязанно и невозбранно ночеваль со своею любезною женою, какъ долгъ велить новобрачному, и живетъ уже съ мѣсяцъ во всякой тишинѣ и благополучіи; никто про то не зналъ, кромѣ Груняшиной попечительной надзирательницы, которая часто ихъ ночнымъ временемъ посѣщала, и отъ молодыхъ подчивана и одаряема была изобильно. Но тотъ же, конечно, проклятой адской поселанинъ, которой кареты просить приказываль, вздумаль надъ нимъ сыграть шутку и поколѣбать ихъ спокойствіе. Господинъ Кошкодавовъ поѣхаль въ другой разъ посѣтить свою сестрицу и навѣститъ Груняшу. Приѣхавши посидя часа съ три въ кельѣ, спросилъ монахиню: «сестрица! да гдѣ же моя Груша? развѣ ей не досужно къ намъ на часокъ показаться; я уже ее другой мѣсяцъ не видалъ.» — «Полно, братецъ, издѣваться и переливать изъ пустова въ порожнее: ты сказываешь, что Груню не видать другой мѣсяцъ, а я двенадцать лѣтъ! Чтожъ дѣлать, когда такъ я безчастна, никогда не пришлете.» — «Вотъ хорошо шутишь, сестра,—кажется, вчерашней день минуло пять недѣль, какъ ты присылала съ лошадьми карету, а она сѣвши и поѣхала.»

«Развѣ чортъ вмѣсто меня присылать, а я не знаю! Вотъ мой малой, спроси его, ѣздитъ ли онъ къ вамъ когда. Игнатка, поди сюда! когда ты ѣздитъ къ братцу за Грунею?» — «Я два мѣсяца, сударыня, и пѣшкомъ изъ монастыря ни куда не хаживаль! да и за чѣмъ безъ приказу твоего господскаго по пустому слоны продавать? правда, сударыня, виновать Богу и тебѣ, мы почти и каждый день съ приворотникомъ и хлѣбниками въ заднюю калитку ходимъ на Москву рѣку

купаться, но и опять всѣ въ цѣлости приходимъ!» Кошковавовъ сидѣлъ за столомъ, потупивши глаза, облокотясь на лѣвую руку: «ну! сестрица, завязали узелъ, какъ то будетъ развязывать? Конечно, Грушата пропала; я, право, думалъ, что она съ тѣхъ поръ все у тебя, а теперь вижу, что обманъ сущей!» — «Какъ, братецъ! ета шутка не очень ладна, я почти вся внѣ себя!» «А у меня, сестрица, такъ кожу подираетъ, подобно какъ въ Костентиновскомъ застѣнкѣ въ рукахъ у добрыхъ людей палачей! Да тотъ человѣкъ, конечно, отъ сего никакъ у меня не отпляшется, кто надъ старикомъ не хорошо подшутить; теперь не иначе какъ буду просить самаго надежу Государя, пускай прикажетъ по всѣмъ домамъ, не выключая и моево, сыскивать и по обыскѣ увозчика, а когда съ согласія сдѣлано, и Грушку вызварить кнудомъ нещадно, дабы другимъ поводу не было, а тамъ и ступай, куда хотятъ, и какъ самъ не дамъ, такъ и женѣ закажу давать родительскаго благословленія: оно очень велико, а попу прикажу поминать анаеемою, не замай ее теперь тетенькается, съ кѣмъ хочеть, дѣвка взрослая. «Потише, братецъ, очень жарко, не вдругъ! статное ли ето дѣло, чтобъ кровь свою отдавать въ руки кровопійцѣ и тѣмъ себя и весь родъ порочить?» — «Эхъ! сестрица, ты не знаешь, какъ моему сердцу больно, я, можетъ быть, отъ сей игрушки долженъ буду оставить бѣлой свѣтъ! теперь поѣду къ Сонюшкѣ и, сказавши, посоветую съ нею, что будетъ дѣлать; умъ хорошо, а два лутче того; я думаю, что она, моя голубушка, жива не будетъ, услыша едакую радостную вѣсточку: вѣтъ она ту каналью бѣглянку не въ примѣръ горячае меня любила, да и я не могу въ вѣкъ запомнить!» — «Ты, братецъ, не вдругъ ей сказывай, не умори, чтобъ не ошибъ ее бѣдную и въ правду обморокъ!» «Ето, сестрица, ничего обморокъ, — въ немъ не вѣкъ будетъ лежать; только вспрыснуть крѣпкою водкою и облить ведромъ водою, то и очнется; сберегъ бы Богъ отъ большова обмороку, съ чѣмъ въ землю то прячутъ, а временной ничего не стоитъ: баба здоровая выдержитъ хотя и не обморокъ, — я съ молодыхъ лѣтъ былъ не промахъ, а теперь понавѣкъ и побольше къ полезнымъ дѣламъ, — приведу съ собою попа и лѣкаря, которой нибудь изъ нихъ да пособить. Позаблѣть я въ печали, изъ ума вонъ, послать прежде на Фили къ цыганамъ и спросить пожилую бабу, вѣтъ они, колдуньи проклятыя, отгадываютъ все. Потерять уже гривнягу, другую, да что бы правду сказала, а не скажетъ, то на конюшню да плетъми; я денегъ не жалѣю, — только устоя въ правдѣ. Вотъ, сестрица, кормилъ, поилъ, лелеилъ съ годкомъ двадцать залишкомъ, — теперь пошла канальѣ по вѣтру; прости сестрица!» «Прости, братецъ, желаю тебѣ потерянное обрѣсти въ цѣлости.» — «Поѣхать мнѣ поскорѣй и объявить полиціи, чтобъ бѣглецы сысканы и по суду по строгости законовъ наказаны были!» По приѣздѣ домой и по разсказаніи госпожѣ Кошковавовой сдѣлавшагося приключенія, что говорено съ ея золовкою, то и сбылось. Боярыня, упавши со стула, на полъ захрапѣла: тутъ то ни попу, ни лѣкарю не можно было показать своего искусства и больной учинить помощи, а предсказательницы не имѣлось, и жива ли будетъ, не извѣстно. И какъ бояринъ одумался, что госпожѣ на полу лежать

не прилично, то пятеро, на силу по дебелости ея тѣла поднявши, положили на постель, у ней же пѣна все то время клубомъ изъ рта валяла, такъ что водка и вода не помогала: то раздвоя стиснутые зубы лапотнымъ кочедыкомъ, влили ложки съ двѣ коноплянова масла, отъ котораго она, срыгнувши, очнулась, и стала охать, плакать и кричать попеременно: «ахъ! Грушinka моя родимая, на которую ты сторонушку отлетѣла? и на кого ты насъ, своихъ кровныхъ, опокинула? и гдѣ теперь имѣешь свое пребываніе?»—«При сихъ словахъ привезена была съ Филей старуха, которая, переговора съ мамкой о печали господской, попросила горшечникъ, ни съ чѣмъ не держанной, влила въ него воды, положила три угля съ огнемъ, изъ четырехъ угловъ моху, соли, изъ печи глины и пеплу пошепоткѣ, сказала: «боярышня не пропала, она и теперь въ Москвѣ, въ добромъ здоровьи!»—«Да въ которой улицѣ?» закричалъ бояринъ. «Етова не знаю, только не очень далеко!» сказала ворожея, «сидитъ самъ другъ съ мущиною!»—«Ахъ! пропали мы, Сонюшка, конечно каналія съ блядуномъ! Разорвалъ бы обѣихъ въ клочки, когдабъ досталъ ихъ въ руки; воля Божья да государева была бы со мною, а ужъ я бы ихъ упеталъ! Государь бы мнѣ по давней и вѣрной моей службѣ простилъ и больше, нежели плутамъ бѣглецамъ, повѣрилъ.

По объявленіюжъ господина Кошковадова о пропавшей дѣвушкѣ, а не дочери, отъ полиціи по всѣмъ дворамъ учинены подписки. Что дѣлать нашему Селуяну, самъ не знаетъ; ибо хозяинъ его, провѣдавши, что онъ женился на неизвѣстной богатой дворянкѣ, пришолъ къ нему и говорилъ, дабы онъ сходилъ въ полицію оправдался, или принесъ повинную, а въ противномъ случаѣ долженъ онъ его туда представить для своего оправданія, что въ домѣ его бѣглыхъ нѣтъ. Сальниковъ обобѣстилъ хозяина, что онъ женатъ не на бѣглой, но немалой чинъ имѣющаго отца на дочери, и какъ объ немъ, такъ и объ ней, знаетъ Новгородской уѣздъ подлинно, и что онъ безъ всякой боязни заутро же и съ женою поѣдетъ къ полицеймейстеру и оправдается и ему принесетъ квитанцію.

На другой день пошелъ нашъ молодой къ господину Сабакину, яко Кошковадову другу задушевному, повалясь въ ноги съ приватными говорилъ слезами: «ты—мой родной отецъ и мать, ты мой одинъ защититель и помилователь, прости ты меня въ винѣ моей тяжкой, которая къ рѣшенію только одной добродѣтельной душѣ вашей принадлежитъ, и черезъ то я снова рожденъ и на верьхъ моего благополучія отъ васъ возведенъ буду!»—«Встань; сукинъ сынъ, воръ! ежели то вина, что ты лошадей моихъ, напоивши мертвецки пьянова кучера, положи въ карету, однихъ отпустилъ, то Богъ тѣ проститъ, впередъ у меня ничего, каналія, не выпросишь; а когда бы въ то самое время попался въ пыль, то я бы тебѣ живова ребра не оставилъ: быть такъ, Богъ твой добръ, или бы, по крайней мѣрѣ, повертѣлся бы въ низъ пупомъ подъ плетью на конюшнѣ.»—«Нѣтъ, батюшка, сія вина, о которой я прошу, меньше принадлежитъ вашему гнѣву, нежели та, которую вы мнѣ простили!» не вставая, говорилъ Сальниковъ: «объ оной,—только стоитъ попросить вашего стараго друга Кошковадова!»—«Ахъ!

каналія, перервалъ рѣчь его Сабакинъ, знаю теперь твои плутни: не ты ли, мошенникъ, достойной кнута и виселицы сманилъ его дочь? и гдѣ теперь она? сказывай!»—«Нѣтъ, батюшка, я не сманилъ, а она со мной сама согласилась, я уже съ нею и обвѣнчался!» — «Ахъ! мерзавецъ, курвинъ сынъ, ты у нее и дѣвство по сю пору похитилъ!»—«Не похитилъ, государь, но законъ то приказалъ исполнить, какъ слѣдуетъ мужу.»—«Когда ты увидишься съ кнутомъ и палачомъ, тогда по своимъ лукавымъ замысламъ выискивай и прибирай законы и вывертывайся, какъ сука, а теперь мнѣ недосужно говорить съ тобою, поди съ глазъ моихъ долой, мнѣ до тебя никакова дѣла нѣтъ: дочь не моя и я въ томъ тебѣ ни помочи, ни наставленія дать не могу!» — «Какъ, батюшка! Я васъ только въ томъ прошу, чтобъ вы у господина Кошкодавова въ уменьшеніи наказанія хотя малое помилованіе упросили.»—«Я тебѣ говорю, поди отъ меня прочь; ихъ колоколь хотя совѣмъ объ уголь, рассказывай тамъ свои лясы да болендрысы, а мнѣ право недосугъ, и своихъ хлопотъ полонъ ротъ.» Сальниковъ, вставши съ полу, показался бодрымъ и небоязливымъ, говорить: «вы, сударь, знаете уложеніе и указныя статьи? Не вѣдаю, что то тамъ написано тѣмъ людямъ, кои въ подговорѣ и увозѣ бѣглыхъ способствовали.»—«Вотъ, смотрите, пожалуйста, ахъ, каналія, ябедникъ! съ нимъ не можно и слова безъ опаски вымолвить; надобно говорить, да камень за пазухой или въ карманѣ держать; когда не такъ, то и по зубамъ, а безъ того нельзя! Скажи, адской сынъ, я ли тебѣ въ подговорѣ и увозѣ Кошкодавовай дочери былъ сообщникомъ?» — «Не сообщникомъ и не участникомъ, сударь, но помощникомъ.»—«Какъ? варваръ! вотъ какую несетъ кабалу и мелеть пылы!»—«Такъ, сударь, и вы больше къ отвѣту имѣете участія, нежели я; вотъ по сему обстоятельству, когда у васъ прошена была мною карета, то я имянно вамъ показывать, что ѣду смотрѣть невѣсты, такъ и сдѣлалъ,—а вы еще сказали, чтобъ тотъ же день и свадьба сѣйграна была. Я, посмотрѣвши Груняшу Кошкодавову, она мнѣ показалась, да и я ей непротивно ударили съ обѣихъ сторонъ по рукамъ, да и поѣхали къ Николѣ на Ваганьково, и тамъ, по приказанію вашему, и обвѣнчались; а если бы тогда вашей кареты не было, то бы я не могъ имѣть къ женицѣбѣ никакова поползновенія, и Грунюшка не пошла бы никакъ въ хорошемъ нарядѣ такую даль пѣшкомъ! И теперь уже у меня никто жену отнять не можетъ, хотя бы кто и сто глазъ во лбу имѣлъ, и почитаю другимъ моимъ отцомъ Савастьяна Никулича, а матушкой Софью Вареоломѣевну, а со мною въ томъ и Груняша моя согласна: мы одинъ противъ друга ни въ чемъ спорить и прекословить не будемъ,—люди не такіе, чтобъ имѣть распри, а дружелюбіе всего лучше на свѣтѣ, чему меня съ малолѣтства еще учили, а по тому правилу я и поступаю!»—«Будетъ тебѣ, курвинъ сынъ, дружелюбіе и правило на спинѣ и на ребрахъ! Сей часъ запрягайте лошадей, поѣду въ правительство и буду просить правосудія, чтобъ ты, конечно, безъ суда за облыжное на меня показаніе съ кнутомъ поговорилъ!» — «Милостивый государь! безъ суда никого ни сѣкутъ и не вѣшаютъ, вы знаете законъ: когда виноватой показатеель вытерпитъ три указные розыска и огонь, то при-

мутся и за того, на кого показываетъ,—слѣдственно, и тотъ полѣзай въ хомутъ и терпи три дани; я, сударь, какъ нибудь отдююсь, еще первая голова на плечахъ и кожа не воротъ; какъ то будетъ вытерпѣть другому, не знаю!»

При сихъ словахъ Сальниковъ, поклонясь, хотѣлъ итти изъ покоя и сказалъ: «прости, милостивый государь, и знай Селуяшку; я не тужу о себѣ и что достанется мнѣ, то и тебѣ!»

А какъ въ старину почтенные и ни въ какихъ тяжбахъ не бывалые люди поединочныхъ почостоковъ, какія говорены были Сальниковымъ, весьма боялись, въ томъ числѣ таковогожъ трусливаго сорту быть и господинъ Сабакинъ, то остановя Сальникова, сталъ говорить потише и поласковѣе: «что же мнѣ теперь съ тобою, проклятой сынъ дѣлать?» — «Вы развѣ не изволитез нать, что только попросить моего батюшку во утоленіи на насъ гнѣва? ибо теперь Грунюшка, услыша о сыскѣ себя вѣдомость, лежитъ больна при смерти, да и чють ли ей топтать будетъ росу; жалко мнѣ и самому: сердечная, какъ пласть моя голубушка, на постелѣ съ боку на бокъ переворачивается, и охаетъ, и стонетъ попеременно! бѣжалъ бы, куда глаза глядятъ, а въ ночное время и сонъ на умъ нейдетъ: иногда больше полчасу трясется и дрожитъ подобно лихорадочнымъ припадкамъ, а потомъ, зажмуривши глаза, тяжело и вздыхаетъ!» — «Я вѣрю, мошенникъ, что нѣжное дитя да попалась къ вору въ неволю, будешь дрожать и вздыхать, какъ мамонтъ замелеть: полно, есть ли у васъ что и пообѣдать?» — «Благодаримъ, батюшка, Бога; годъ другой проживемъ безъ нужды» — «Едакой плутище! а тамъ и зубы на полку положите?» — «Батюшка что нибудь пожалуетъ; ибо Груняша та моя имъ нечужая, да и я по ней теперь сталъ свой.» — «Я тебѣ сказываю, что называемой тобою отецъ пожалуетъ тебѣ на спину кнутъ, а Грунѣ вѣчное проклятіе!» — «Опять принялся за кнутъ, куда какъ они у васъ дешевы! лучше говоритъ вамъ нечего, я еще человѣкъ, ни въ чемъ не обличенной и не дѣлать душегубства и другога вреднова обществу дѣла; сотворите послѣднюю со мною милость, съѣздите къ отцу моему и попросите, а я послѣ самъ отвѣчать стану; я вѣдаю по закону, что согласно учиненной съ обѣихъ сторонъ бракъ по кормчей книгѣ никогда не разводять, а, хотя по нашимъ сказкамъ и желаніямъ, сильная рука Богу судить, кнутишкомъ меня до смерти и застегаютъ, то Сальникова не будетъ поколѣнія, а Грунюшка останется ни вдова, ни мужная жена, ибо ее послѣ меня врядъ ли кто возьметъ; потомъ, хотя будетъ и жалъ, но возвратитъ не можно; поѣзжайте, сударь, и сорвите съ языка, что будутъ говорить, не позабудьте объявить, что Груняшка отъ ихъ проклятія при смерти ходя запинается!» — «Сорвалъ бы тебѣ, плутъ, прежде голову, нежели на старости ходить за мошенника сватать и стараться за здѣланныя тобою плутни! быть такъ, поѣдемъ теперь со мной къ твоему тестю, только смотри—не говори передъ нимъ ни единого слова, живова не выпустить со двора; отца твоего, старика, чинимыя мнѣ службы заставили меня вмѣшаться въ пакостныя дразги; конечно, тебя чортъ на мою голову навязалъ плута! вотъ, что дѣлаетъ простота, правду говорить, хуже воровства; ни знать, ни вѣдать, ни би-

валь, ни граблываль, а тутъ же съ плутомъ стой на одной доскѣ! «дай карету!»—а тамъ и сѣли на шею лукавые люди; ну! Селуяшка, доѣхалъ ты меня на карихъ!»

Приѣхавши къ Кошкодавову, которой и съ боярынею о потерѣ дочери былъ въ превеликой печалѣ, поставя Сальникова въ передней за дверьми, самъ пришедши къ нимъ, сталъ говорить: «Знаете ли вы? я вамъ радость скажу: отлучившаяся отъ вашего стада овечка нашлась!»—«Гдѣ она, мой отецъ, вскочила боярыня, батка мой, скажи поскорѣе? не томи сердца, не мори души!»—«Я ее нашелъ, только въ глаза не видалъ!» — «Однако по примѣтамъ, голубчикъ мой, перехватить бояринъ, какъ отъ сна пробудившись, ты братецъ сызнова насъ рождаешь!»—«Вотъ вамъ сей человѣкъ лутче моего перескажетъ, а по тому и узнаете всю подкоренную тайну.» Привелъ имъ Сальникова. «Ахъ! здравствуй, братецъ, дорогой гость, пожалуй, поцѣлуемся, да садись пожалуй, подставляя Кошкодавовъ стулъ, тутъ же и боярыня, слѣзши съ постѣли, подошла, сядь пожалуй, батюшка; «какимъ ты побытомъ провѣдалъ про нашу дочь Грушинушку, ахъ, бѣдная Груша! не въ неволѣ ли ты и въ добромъ ли ты здоровѣ?» говорили бояринъ и боярыня. Селуянъ, на вопросы ихъ ничего не отвѣчая, повалясь въ ноги просилъ прощенія, а какова, не изъяснялъ. Тѣ сколько разъ его кликали и толкали, но онъ притворился соннымъ или паче мертвымъ. Сказалъ Кошкодавовъ Сабакину: «скажи, пожалуй, что это за человѣкъ? мнѣ, будто, лице его знакомо и очень примѣтно, не знаю, какъ вклепаться?» Сабакинъ, вступившись за него, сказалъ: «сядь-тетко вы, да послушайте, — я съ его рассказовъ и вамъ то же самое объявлю!»

«Онъ, Новгородской дворянинъ, Вотскоѣ пятины, Селуянъ Сальниковъ, таскается за приказными ябедами вотчиной коллегіи, приѣхалъ въ Москву жениться, и какъ то у обѣдни полюбилась ваша дочь, онъ, сманивши ее тихонько и обвѣнчался, и нынѣ живетъ съ нею благополучно!» Сальниковъ, не вытерпя, лежа, сказалъ: «неправда, сударь, не она мнѣ полюбилась, а я ей, и не сманилъ, а сама захотѣла быть за мною, ибо младенца только можно чѣмъ обмануть, а Аграфена Севастьяновна отъ тѣхъ лѣтъ уже ушла!» съ чѣмъ изъ покоевъ и со двора побѣжалъ. Бояринъ и боярыня затопали ногами, и захлопавъ руками, закричали: «держи, держи! ахъ! пропали мы, Сонюшка!» — при томъ бояринъ напомнулъ: «не тотъ ли плутъ Сальниковъ, что въ Новгородѣ въ тюрьмѣ умеръ?»—«То отецъ его былъ, а это сынъ, говорилъ Сабакинъ. — «О! мерзавецъ проклятой, что онъ сдѣлалъ надъ нашими головами!» поругалъ весь родъ и племя! не утерплю, сей же часъ поѣду и стану просить о правосудіи, дабы етова плута извести съ свѣта поскорѣе,—онъ и не такихъ еще пакостей настроитъ! вотъ, гляди пожалуй, ему ли псу владать нашей дочерью? Кажется, она всѣмъ взяла и нѣтъ ли приданова? къ ней сватались чиновные и богатые женихи, но намъ, какъ чортъ запретилъ, выдавать: погодимъ, лѣтами она не остарокъ, не малина, не опадетъ! вотъ тебѣ малина сдѣлалась смородиною: то-то она, бывало, какъ станешь говорить про жениховъ, будто ничего не слушая, уйдетъ!»—«Пожалуйте, не горячитесь, послушайте

моего глупаго разума, а опослѣ какъ хотите!» говорилъ Сабакинъ: «съ одной стороны, не правъ Сальниковъ, напротивъ того, не можно не обвинить и Грушненьку вашу, вотъ почему: когда бы отъ нее не было ко уходу съ нимъ согласія и не дала бы въ томъ поводу, могъ ли бы онъ среди бѣла дня вѣсть ее пѣшкомъ черезъ половину Москвы въ нарядномъ платьѣ? Пускай, на примѣръ, положимъ, везена была въ закрытой каретѣ съ зажатымъ ргомъ, но передъ попомъ надлежало ли ей сказать, охотоюль она идетъ замужъ или неволею, и съ послѣднимъ словомъ, конечно, бы попъ и вѣнчать не сталъ! Пусть, по прошенію твоему, его и накажутъ черезъ подарки, ибо онъ голъ, какъ соколъ, пощититься нечѣмъ, что сорветъ, то и слопаецъ; но безчестіе будетъ всѣмъ, а перваго браку, онъ говоритъ, по какой то корчемной книгѣ не разведутъ безъ законнаго доказательства; бросьте, пожалуйста, клевету на сторону и благословите ихъ по родительски.»—«Какъ, братецъ, тебѣ не стыдно и не совѣстно, за такого стоять мошенника!—я бы его на чистомъ полѣ не видалъ!» говорилъ Кошкодавовъ.—«А я тебѣ истинно говорю, что мнѣ эта скотина не братъ и не свать», подхватилъ Сабакинъ, «и вѣришь ли, что мнѣ онъ такъ нуженъ, хотя бы и теперь его увидѣлъ на висѣльницѣ качавшагося, то бы право не охнулъ, а развѣ посмѣялся; но жаль васъ, какъ старинныхъ друзей, что опорочите себя на вѣки, а, въ прочемъ, не мое дѣло, но ваше, почему и отдаю на произволъ вамъ же; прощайте, государи мои!» Пошедши со двора, увидѣлъ въ концѣ улицы ожидающагося виноватаго. Подѣхавши, сказалъ ему: «садись, негодяй, дѣло почти сработано, поѣдемъ, посѣтимъ твою молодую, я ее съ приѣзду сюда не видывалъ!» Сальниковъ отъ радости не зналъ, какую господину Сабакину воздать благодарность, но самъ насилу могъ удержаться отъ смѣху, что удалось обмануть такова столповова дворянина; говорилъ ему: «пожалуйте батюшка, милости прошу, сударь, чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ, хотя дѣло и не пасеное, но для васъ сыщется что нибудь.

«Мнѣ только поглядѣть на Груняшу.—Увидите и ее, сударь, она хотя черезъ великую силу, а для васъ встанетъ.» По приѣздѣ къ Сальникову на квартиру Груня—по наученію мужнину, лежа въ постелѣ и по немножку постанываетъ.—«Встань, матушка Грушненька! его милость тотъ, которой выпросилъ намъ у батюшки прощеніе и благословеніе!»—«Здравствуй, радость Аграфена Савастьяновна! узнала ли ты меня? тѣфу, пропасть какая! я, долго не выдаючи тебя, не узналъ бы, смотри какъ она исхудала! право, какъ дыня; я думаю, что и костей врядъ ли дощупаться: ну! братъ Селуянъ, болѣзнь то видно не съ недоѣдковъ!»—«Она, сударь, пошла по матушкѣ, имѣетъ облое тѣло.» Груня, вставши, поздоровалась съ своимъ сосѣдомъ, поднесла имъ по черепенѣ водки, какой лутче въ городѣ не было. Сабакинъ, выпивши, похваливать, а Сальниковъ отвѣчалъ: «какова есть, сударь, равно и закуски не много отъ водки отходили.

Выпивши по другой и по третьей, гость спросилъ: «а какой бы больше припадокъ ее мучитъ?»—«Конечно, отъ того, сударь, что батюшка наложилъ проклятіе, то я не на землѣ, ни подъ нею; какъ паутину шатаецъ вѣтромъ, такъ и меня, а отъ проклятія сказываютъ

и земля не принимает; и по тому, хотя жизнь моя коротка, однако не хочется умереть безъ разрѣшенія!—Сабакинъ, поблагодаря за угощеніе, сказалъ: «молитесь Богу, скоро, можетъ, получите и прощеніе и разрѣшеніе! имъ еще прежде самимъ умереть должно, люди пожилые, какъ я!»—Сѣвши въ карету поѣхалъ домой, а, между тѣмъ, Кошковавъ объѣздя кромѣ Сабаккина другихъ своихъ друзей разсказалъ, что онъ дочь свою нашелъ уже за мужемъ за самымъ послѣднимъ дворяниномъ, шатающимся единственно за приказными дѣлами, и, что ему съ нимъ учинить, требовалъ совѣта; но друзья сказали, ежели свадьба стиграна съ согласія, то уже отнять нельзя и по суду,—только себѣ сдѣлаетъ онъ вѣковѣчное безчестіе на посмѣхъ всему городу.

Кошковавъ, сколь ни былъ упорчивъ, однако вспомнивши и Сабаккины слова, склонился къ милосердію—дочь свою простить и Сальникова назвать зятемъ. Приѣхавши домой, сказали о томъ своей боярынь, которая также хотя и очень была сердита, но гнѣвъ свой умячила; ибо матери дѣтей, особливо дѣвушекъ, любятъ горячае, нежели отцы; усердно желала тотъ же день дочку свою видѣть и помириться; съ согласія мужнина, сыскавши чрезъ малова Сальникову квартиру, послала его провѣдать о здоровьѣ. Аграфенушка, увидѣвши отъ батюшки посланца, тотъ часъ легла подъ одѣяло и стала жестоко охать, а Сальниковъ, сидя надъ нею, воетъ, какъ по мертвой. Слуга, увидя ихъ въ такомъ состояніи, испугался; а Сальниковъ, вставая со стула, говорилъ: «вотъ братецъ, видишь ли, какъ сильна родительская немилость и гнѣвъ: она бы, можетъ, давно Богу душу отдала, но земля не принимает; донеси батюшкѣ и матушкѣ, хотя бы въ послѣдній разъ сдѣлали милость — простили и прислали родительское благословеніе! съ чѣмъ ей на тотъ свѣтъ появиться, а здѣсь такъ долго понапрасну мучиться?» Малой, пришедши домой, разсказалъ видимую имъ надъ боярышнею жалость. Госпожа первая, вскоча со стула, закричала на мужа: «вотъ ты, старой негодяй, что надѣлалъ со своимъ проклятіемъ! слышишь ли, что потеряли свое милое дитятко? долго ли уморить младенца!—она я, чаю, голубушка моя со страсти пропала!.. Эй! мама, поди сюда. Взявши образъ со стѣны окладеной съ низаною ризою, бѣги скорѣе къ нимъ, и вмѣсто насъ, скажи миръ и благословеніе на вѣки; а ты, Софрошка, запряги поскорѣе карету и проводи ее! вотъ имъ, бѣднякамъ, отъ меня тысяча рублей на овощи!»—Мамка, тотъ часъ помолясь Богу, поѣхала. Вошедши въ горницу, сказала, что родители ихъ прощаютъ и разрѣшаютъ. Аграфенушка при холуѣ будто насили встала съ постели и, перекрестившись, сказала: «слава Богу! теперь хотя умереть, такъ готова!»—Мамка, посидѣвши немного, что при маломъ разговаривать опасно, поѣхала домой, а, приѣхавши, сказала, что она боярышню застала при послѣднемъ издыханіи, «а какъ услышала отъ васъ прощеніе, то какъ рукою сняло: вставши, моя матушка, немножко со мною и попромолвила, и благодарность вамъ отъ горячности сердца засвидѣтельствовать приказала (чего и не бывало)!» Боярыня, будучи въ превеликомъ жару, запыхаясь, улыбаясь говорила: «вотъ ты, старый телелуй заслуженой и умной, называешься, человекъ,—это совѣтъ не

правда,—вашихъ такихъ умныхъ сто головъ не могутъ въ годъ того сдѣлать, что женская, какъ моя, въ одну минуту сработала! Конечно, бы ты уморилъ Грушу та, ежели бы не я помогла.»—«Правда, такъ, сказалъ бояринъ, хороша дочь, если мать любить,—авсяная каша сама себя хвалить.»—«Пожалуй, помолчи и не говори теперь ничего!»—кричала боярыня, ходя туда и сюда по покою; «мама! пожалуй ко мнѣ! здѣсь тебѣ дѣлать нѣчего, поди къ Грушѣ и начуй тамъ! и легчель ей будетъ, завтра по утру скажи; примѣчай же и того, горячо ли любить ее мужъ и ходить ли за нею, какъ надобно!»—Филать чему и радъ,—мать умираетъ, а онъ блины утираетъ: равно и сія лукавая баба, пришедши въ горницу къ молодымъ, все рассказала, а они покатывались со смѣху, что стариковъ со всѣхъ сторонъ мертвою рукою обводятъ. По утру очень рано пришла мамка домой, а боярыня уже въ спальномъ шугаѣ дожидалась.—«Что, мамка? есть ли легче бѣдной моей Грушѣ? и что она дѣлаетъ?» — Мамка, будто съ попыховъ, прибѣжавши, сказала: «слава Богу! сударыня, какъ ни въ чемъ не бывала, и ни какой болѣзни и припадки не чувствовала, и такъ была мнѣ рада, какъ бы вамъ самимъ, только немножко на личикѣ видна печаль, что съ вами долго не видалась; а Селуянъ Софроновичъ, то-то прямой мужъ, и ласковой и привѣтливой, какъ голубь за голубкою—такъ равно и онъ за боярышнининымъ хвостомъ по пятамъ и ходитъ, и при мнѣ больше, нежели тысячу разъ, поцѣловались! Ужъ парочка! нѣчего Бога гнѣвить, а и боярышня успѣла выбрать сокола по мыслѣ,—оба, мои батюшки, какъ налитые яблочки, даруй, Боже, еще больше совѣтъ да любви!»—Боярыня, отъ радости не удержавши себя, отъ слезъ, прибѣжавъ къ боярину, о томъ возвѣстила, которой, открывъ полусонные глаза, сказать: «позовите ихъ ко мнѣ обѣдать, а другимъ сказывать: дома нѣтъ!» Боярыня опять мамку—на ноги съ каретою. Грунюшка нарядилась въ лучшее подвѣнное платье съ приборомъ, и Селуянушка также убрался пощеголеватѣе обыкновеннаго. Прибѣжавши, повалились оба боярину въ ноги, которой на нихъ необыкновенно громко закричалъ: «сказывайте, негодные, кто изъ васъ правъ и кто виноватъ?» Грунюшка первая принялась за отвѣтъ: «хотя, батюшка, замучить меня прикажите,—я одна причиною, я одна виною: страстная любовь къ Селуяну Софроновичу до того довела, что я васъ обвинять не спросилась; подумала, что вы, за бѣдностію его, меня отдать не изволите, а мнѣ и жить безъ него не хотѣлось: такъ то мы и сдѣлали свадьбу. — Въ тотъ самый день, какъ вы ѣздили на веселье къ Кособрюхову, а я подъ видомъ, будто поѣхала къ тетюшкѣ, и никто въ домъ, окромѣ меня, сей тайны не вѣдалъ!» Боярыня, подошедши къ мужу, ударила въ шутку по плечу, сказала: «ну, къ чорту! полно чваниться, торить ихъ бѣдняшекъ! видишь ты, какъ настрацалъ, что они пошевелинуться не смѣютъ!»

«И въ правду, встаньте, дѣти мои!» поцѣловавши ихъ, говорилъ: «я знаю справедливую пословицу: «суженова и на конѣ не объѣдешь»;—теперь обоихъ васъ прощаю, только будьте добрые люди; отъ сего времени нѣтъ моего на васъ гнѣва,—вижу, что больше виновата Грушка, нежели Селуянъ, по ихъ собственнымъ сказкамъ и признанію, а до-

бровольное признаніе стоить добраго свидѣтеля: пойдемте обѣдать!»—
 А послѣ онаго, введши Кошкодавовъ Сальникова въ свой кабинетъ и
 разбирая крѣпости, спрашивалъ, сколько гдѣ душъ написано. «Въ пер-
 вой, сударь, 600 душъ въ Новгородскомъ уѣздѣ!»—«Пожалуй положи!»—
 Подавши другую, спрашивалъ: «а здѣсь много ли?»—«400 домовъ въ Ала-
 торѣ. И сію также оставь!»—«А, въ третьей сколько?»—«2600 дворовъ въ
 Синбирскомъ уѣздѣ!»—«Жирно, братъ! эта материнская приданая; пожа-
 луй положи!.. Натко, ету посмотри!» 360 душъ около Кромъ и Севска.—
 Будетъ съ васъ докуда: мѣсто хлѣбородное и всѣмъ довольное: напиши
 отъ меня вѣрующее письмо, поди въ Юстицію, справь и откажи за
 собою!» Селуянъ, хотя и простоватъ, однако подтяпалъ ту крѣпость,
 въ которой тысячи, а не сотни написаны; поднесши старику вѣрующую
 грамоту, а онъ, подмахнувши, ее отдалъ: «вотъ вамъ съ моеи руки, раз-
 живайтесь!» Селуянъ поклонился ему въ ноги, а мать провѣдала, что
 Кошкодавовъ такъ сталъ торовать, призвавши дочь, говорила: «на! и
 моя денѣга не щербата!» дала изъ приданныхъ своихъ 300 душъ въ
 Брянскомъ уѣздѣ «ето богдашкѣ на зубокъ!» По приѣздѣ домой, Селу-
 янъ объявилъ о воровствѣ своемъ Груняшѣ, которая съ радости едва
 его не задушила поцѣлуями, говоря ему, что, хотя отецъ теперь за
 что нибудь на нихъ и взбѣситъ, то взять будетъ нѣчего. И такъ
 Селуянъ, отставши отъ приказныхъ волокитъ и ябедъ, поѣхалъ ти-
 хонько съ женою своею для отказа новой вотчины, гдѣ нашеть не
 село, а городъ. Съ годъ времени спустя, господинъ Кошкодавовъ, не
 захотя жить болѣе на свѣтѣ, опокинулъ, а по томъ и боярыня туда
 же водворилась, не взявши съ собою ни единыя души, а всѣхъ по-
 ручили въ полную власть Сальникову. Онъ же, когда сталъ такимъ
 пушистымъ господиномъ, вспоминая даваемые ему къ обманамъ
 наставленіи учителя своего дьячка, послать къ нему нарочнова, и,
 выписавши изъ духовнаго чина, опредѣлили его надо всѣмъ своимъ
 имѣніемъ полнымъ управителемъ, а мамку, за ея вѣрность и услуги,
 награда щедро, отпустилъ на волю; но она, видя отъ нихъ всегдашнюю
 милость, осталась жить до смерти, а сестрица Селуянова Фетинья, не
 дождавшись отъ брата посланца, за недѣлю передъ тѣмъ скончалась.
 Селуянъ Сальниковъ, живучи со своею любезною Груняшею, лѣтъ по-
 болѣ десятковъ пяти, любя одинъ другога сердечно, утопая въ рос-
 кошахъ, забавахъ и веселіяхъ, повсядневно также какъ и другіе по-
 мерли, оставя по себѣ на землѣ не малое число потомковъ Сальнико-
 выхъ, которые и въ нынѣшнемъ времени называются такъ.

V.

ГИСТОРИЯ КОРОЛЕВИЧА АРХИЛАБОНА.

(Рукопись проф. И. А. Шляпкина № 53¹⁾. Сочинена трудами правительствующаго Сената дѣйствительнаго коллегіи юнкора Петра Орлова въ Москвѣ марта 1750 года).

Немецкаго государства король фридерикъ, имея усебя королеву марию крустину вдовольной любви, зачелъ сына ипорожденіи названъ архилабономъ. Авпять летъ возраста вданъ вакадемию для наукъ разныхъ языковъ иинструментовъ, вкоторой продолжался дошеснатцати летъ.

Іѣто продолжение, отъ 5-ти до 16-ти летъ время, королевичъ архилабонъ, обучася довольно разнымъ языкамъ инаинструментахъ, окончал свое присудствие втоі академи, аохоту болше возъимель вообученіи квоенному деиству, для чего учинен ввойске ево отца короля фридерикуса генераломъ фелтъмаршаломъ.

Вто время королевству короля Фридерикуса отмалтискаго общества объявлена война стакии терминомъ, чтобъ чрезъ четыре мѣсяца ихъ малтискихъ кавалеровъ ожидалъ вограды своего королевства, почему король Фридерикусъ принужденъ собравъ своего войска 150000 тысячъ іттить для защищенія своихъ границъ самъ своею персоною.

¹⁾ Въ настоящемъ изданіи повѣсть печатается впервые. Раскрыты титла и введена современная пунктуация.

Всей поход присвоем король отсудствіи вночь восне видел гласъ свышепосланной вечахъ заключенныхъ: «іздвухъ одинъ пропасть можетъ.»—Король, гласъ сей слыша, привѣденъ вужесь, отчего проснувшись, разсуждалъ лежа напостеле долго, нопомышля(я) разное, немогъ насвое разсуждение положиться, лутче вздумалъ, собравъ кодвору сенаторовъ игенералитетъ всей арміи такожъ іфилософовъ, предявя сонъ, разсуждать собраниемъ, ивставъ поутру, приказалъ своему дежурному генераладютанту повестит(ь) всему сенату, генералитету иіилосовскому собранию, чтобъ въ 5 часовъ пополудни імели быть кодвору на некоторую авдиенцию. Генераладютантъ, принявъ изустной приказъ своего короля, тотъ часъ потому исполнилъ. Икакъ сенатъ, такъ генералитетъ иіилософское собрание кодвору вповеленные часы наовдиенцие прибыли, то король, въ 6 часовъ пополудни вышедъ, указалъ быть веселю, потомъ с 4 часовъ начелся придворной столъ, причемъ самъ король, присудствуя, все оное собрание наперёдъ угостить старался, апоокончаніи оного предявилъ причину такова собрания наовдиенциею,—а понеже натакое мудрое приведение ізовсего собрания никто своего разсуждения дать недержаетъ, то впоследнемъ мѣстѣ стола сидящей старикъ, человѣкъ знатной, іздворянь, вставъ сстула, начелъ речъ свою тако:

Всемиловѣйшій государь!

«Ежели, ваше величество, мое всеподданейшаго вашего величества раба представление здравому свышедарованного разума разсуждению предъпріять соизволитъ, то я, несумненно, чаю, сей случай боле клонитца можетъ вашего величества наединородныхъ высочайшихъ чадъ. Ибо всемиловѣйши государь хотя ныне иединъ увашего величества дражайши сынъ нашъ милостивѣйши государь королевичъ архилабонъ, нодругое есть заченшееся воутробѣ вашего величества вседражайшей супруги, анашей всемиловѣйшей государыни королевы чадо, надкоторыми повышпереченному свыше гласу для особливаго нашего всеподданнейшихъ вашего величества рабовъ нещастію приключится можетъ. Иякоже я сие мое дерзновеннейшее представление, нетолкуя оево правости, ізустъ моихъ выпустилъ, то всенижайше прошу вашего величества меня, раба вашего, достоиную мучению предат(ь)!»—и умолчалъ.

Слышавже сие, король, похваля ето разсуждение, утвердили, какъ онъ такъ івсе собрание совершенно быть поево мнѣнію итемъ та конееренция окончалась ивсе собрание розѣехалось.

Когдажъ король совсею своею арміею противъ малтискихъ кавалеровъ походъ свой принел, то, следуя бывшаму наконецу разсужденію, оставя сына своего въ королевствѣ, приказалъ скрепкимъ подтвержденіемъ, чтобъ, ежели укоролевы маріи крустины, какъ скоро родитца королевичъ или королева, тобъ ему, несмотря на то, что ему будетъ братъ или сестра пообыкновенной покрове жалости предать неизвѣстной смерти иже въ королевскому обратному возвращенію отнюдъ родившегося чада небыло. Состоя въ твердомъ разумѣ, якобы реченно ему свыше гласъ чрезъ оное исполнитца и болѣе ему сумнѣватца будетъ не обчемъ. И окончавъ сей сыну своему королевичу архилабону приказъ, внадлежащей походъ совсею своею арміею отбылъ.

Натрети день отбытия королевского королева марія крустина отчрева своего свободу получила дарованіемъ отъ бога королевны, которой наречено имя аеродита. Она, будучи обдарована такою красотою, что неможно думать, какойбы живописной мастеръ могъ употребить въ рисованіи ея персоны портрета искусство, котороебъ могло совершенно противъ красоты ея служить то, — какъ мать ея королева, такъ и братъ королевичъ архилабонъ въ исполненіи по приказу воли короля Фридрикуса жалости не сносной наполнились, и советовавъ, обоблехчѣны учиненія казни надѣю, секретно согласились весьма тайнымъ образомъ отослать въ дальніе своего королевства города подкрайнимъ храненіемъ и бережливостію отправленныхъ сего нянекъ и мамокъ, такожъ измусскихъ персонъ некоторого маленькаго штату; и отослана.

Король, будучи въ походѣ въ защиту своихъ границъ отъ малтискихъ кавалеровъ, окончавъ свою баталию, некоторымъ удовольствіемъ въ столицу свою возвратился, спрашивалъ сына своего рожденномъ отъ королевы чаде, на что въ отвѣтъ отъ королевича получилъ, что родилася королева и будто казнена — отсечена голова и погребена.

Когдажъ королева аеродита достигла лѣтъ до двенадцати, то королева крустина, под видомъ генеральской дочери, взяла къ себѣ въ ерелины; но король, хотя ея и видалъ всегда, однако не зналъ, что та самая его дочь королева аеродита, ниже догадался по отменномъ отъ прочихъ ерелинъ укоролевы содержаніи, завидя пребезмерную ея красоту, много разъ дивился, а поне сколько въ времени въ нее влюбился: такъ что отъ нестерпимости терпѣнія, горячей кней любви, въпрямъ говорилъ ей тако:

Госпожа афродита!

«Моя несносность отгорячеі ктебѣ любви недала болше скрывать мое воевести повасѣ мученье! Вы верте помоей власти: вам всемъ предпріятіи противникомъ быть никто не можетъ; новсакѣ еще будетъ искат(ь) случая показать вамѣ свою услужность, изащасѣ признават(ь) будѣтъ, ежели вы показать услугу ему позволите! Не скрой отменя, любезная афродита, своего мненія, инемучь меня собою болѣ!»

Орелина аеродита, поникнувъ глаза, вответъ ему совсякою учтивостію приносила тако:

Всемиловѣйши государь!

«Ваше величество своими словами такъ меня нечувствительною зделали, что я навсе оное вответъ, принестъ ничего невосстояніи. Позволь мнѣ, ваше величество, выступя отвасѣ, вдругую камору, приттит(ь) вчувство, икприношению отвѣту здѣлать себя достойной?»

Король ізсего разумель, быть еѣ ксебѣ склонности, говорил бѣзопасения:

Моя любезная афродита!

«Разумея вашѣ умной отвѣтъ, моими словами болѣ васѣ, какъ любезнѣйшую, утруждать небуду; ноуверяю ствердымъ заключениемъ, что я, оставя мою королеву, івыславъ вонъ еѣ искоролевства пораспространяющейся моеи власти, васъ хочу имѣть королевой. Изволь таперь ітти спокоемъ!»

Королевна афродита, вышедъ откороля, прямо пошла впокои королевины—ипришедъ кматери своей, речъ свою начала тако:

Милостивая государня матушка!

«Несносность нашедшей сего часа наменя печали, помрачаетъ наченшееся мое благополучіе при дворе вашего величества! Батюшко король Фридрикусъ, не зная, что я ево дочь, вмения такъ влюбился, что теперь объявилъ мнѣ зболшою верностію, васѣ ізгосударства выславъ, намнѣ женитца. Здѣлаі, милостивая мать, отраду душе моеі чрезъ ваши разсудки, ипредупрежденіи всемъ начетомъ злѣ!» счемъ упала преднею напол беспамяти. Авсамое

сие время король прислалъ дежурного генераладъютанта хкоролеве сообщеніемъ, чтобъ изволила збиратса ссвоимъ штатомъ, квыезду изсей столицы, вгороды, куда изволить, толкобъ отдаленные; истакую поспешностию, совершенноб чрезъ два дни еѣ персоны небыло; ибодѣ корол(ь) намерение принелъ, посвоему изобретению, на другой обручатся.

Королева, ссвоимъ штатомъ собравшись(ь), изодворца вкореты пошла; а корол(ь), взнакъ показанія бывшему между ими союзу почтения, проводить еѣ докореты разсудилъ. Нокоролева, севъ вкорету, начела говорить тако:

Любезнѣйшій король!

«Не думай таво, чтобъ я желела оставит(ь) имя королевы, илибы желала вооноі чести себя продолжать; нодивясь вашему заблужденію, немогу стерпеть, чтобъ неопорочить вашу любовь ксвоей крови! Разсуди, естли хотя одинъ образъ въ европейских государствахъ такой, чтобъ кто нетолко изтакыхъ знатныхъ королевскихъ персонъ, ноиспростыхъ людей, любил исодержал ваммуре свою дочь, оставя жену, живя снеею довольное время.

Король, выслушавъ оныя речи, изумелся, пришедъ хкоролевиноі коретѣ, івыняв еѣ оттуду, повел вполаты; иприведши спрашивал, для чего она ему говорить, будто онъ дочь свою любить. Королеваже ему отвечала: «аеродита—мнимая ерелина; въ нее влюбились — есть дочь ваша настоящая. Помнителъ, какъ приотездѣ вашемъ сармиею противъ малтискихъ кавалеровъ, сыну своему королевичю архилабону приказывали вы имѣющеся вчреве моемъ чадѣ, порождени казнить смертію тайно? Но мы, послѣ вашего отезду, какъ она родилась, желея такую красавицу умертвить, отослали вдальнія города, соособливымъ маленкимъ штатомъ для обереженья еѣ здоровья; икакъ вы благополучно изарми возвратилис(ь), то мы объявили вамъ, что убита, а ныне взяли еѣ подвидомъ вфрелины кнашему двору.

Какъ скоро король сие выслушавъ, наижесточайше насына своего королевича архилабона озлобился; инеспрося его к себѣ, нехотя болше видѣть, запреступление приказал караульному гвардіи-мабору королевича архилабона, всего оборвавъ, посадить поднаикрепчайшей орестъ придворѣ, королевужѣ сусердіемъ упросил сним попрержнему остатца, извиняяс(ь) всвоемъ преступленіи, адочъ королевну аеродиту истоі каморы, которая особливо для нее от-

ведена, впротчие каморы приказалже невыпускать, агенераль адъютанту указал наутрие повестить всему сенату игенералитету, чтобъ были кодвору въ 6 часовъ пополудни нанекоторою авдиенцію.

Когдаж попovesкѣ королевского генерал адъютанта весь сенатъ игенералитетъ вповеленные часы кодвору прибыли, то король, вышед изсвоей каморы повелелъ всем садится помѣстамъ, асам, ставъ перед ними, говорилъ:

Господа всего собрания!

«Приотездѣ моемъ сармиею впоход кзащичению моего королевства отмалтиски кавалеровъ, помните, была придворная авдиенция, вкотороі предложенъ отменя был вапему разсуждению восне глас мнѣ свышеченной? икогда вы объявили, что онѣй клонитца намоих единородных чад, то я приказалъ. сыну своему королевичю архилабону имевшееся воутробѣ моей королевы чадо порожденіи предать смерти икакъ я совсем вреченной поход отбылъ, то умоейкоролевы родилас(ь) дочь королевна Аеродита, которая тепер(ь) находится принашем дворе мнимбю ерелиною. Онъ, неучиня посиле моего ему приказу при рожденіи наднею казни, отослалъ снекоторым штатом вдальния города, амнѣ поприбытіи моемъ объявилъ, что предана смерти! Вы, господа всего собрания, видя моего сына впреступлениях предомною толь винна, дайтѣ всем вторичное ваше разсуждение, какъ королевичъ архилабонъ предомной повинамъ достоинъ? Смертиль мне ево предать, или измоего королевства выслать? Немуча меня боле мненіями объявитѣ свое разсуждение мнѣ вскорѣ!» все собрание сената игенералитета всвоих мненіях врознь разшиблись иневозможно было изъих разсужденей заключить дотех поръ пока тотже старикъ, вкотороі короля иглас бывшей восне разсудилъ, сидя вуглу, вставъ, стал говорить тако.

Всемилостивѣйшій государь!

«Ненадлежалоб мнѣ, верному ивсеподданѣишему вашего величества рабу, ктакому дѣлу свое бѣднѣйшее разсуждение собранію предать, нонеобинуюс(ь) оттребования вашего величества моими словами ксвоѣту собрания присовокупить намерилс! Вашему величеству своих единородных чад смерти предавать не-

прилично, ибо такое наказание высочайшей крови вашего величества недостойно далутче несоизволитли ваше величество, обѣих ваших едиnorodных чад, анаших милостивѣишихъ королевича и королевну, посади вкарету, выпроводить счестью изкоролевства, даито надлежить тайно; ачрез сие роду вашего величества ничего бесчестного приключится неможетъ. Имже даволное родительское ваше будетъ наказание; ктомуужь дорогою надними пореченному вам свыше гласу исполнится можетъ, авашему величеству, сумневаться очем, неостанетца!»

Все собрание сие стариково представление королю подтвердили инаном согласилис(ь); акороль, утвердя, приказалъ; какъ королевича исподаресту, такъ икоролевну искаморы, взявъ, дежурному генераладьютанту, и, посади вкорету, выпроводить искоролевства самому. Итем сия конееренция окончалась.

Надругой день дежурной генераладьютантъ, квечеру взявъ королевича архилабона икоролевну афродиту ипосади вкорету, поехал провожать вонъ искоролевства; ивыпроводя возвратяс(ь), донесъ королю Фридрикусу заизвѣстие.

Королевичъ икоролевна, выехавъ изсвоего королевства съ тремя лакеями въ американские острова. Надругой день наехали стадо лошадей, собережью пастуховъ, искоторого вышелъ конь весь белой, передкоретою пополь, нонапередъ зделавъ видъ, будто онъ указавать путь, ехать имъ хотеть.

Королевичъ ссестрою королевною, думая, чтоб их, нагнавъ, пастухи, якобы оне коня того изстада украли, неостановили, разсудили отсебя ево отогнать; нокакъ лакеи услышали приказ королевичевъ, тотъ часъ стали отгонять, аонъ нетокмо чтоб отних побѣжалъ, ноеще лакеевъ отбивъ, издороги корету, никуда всторону ехать недопуская, засобою следовать понудилъ. Что видя, королевичъ приказал коретѣ законом ретироватца, разсуждая, изсего быть особливой притчинѣ.

Оной конь, заведши их въпревеликие горы илеса, приморе остановился иссего места ехать далее их недопускаетъ. Королевичъ, усмотря место сие приморе хорошимъ, вздумал довремя тутъ зделать себѣ ссестрою королевною жилищѣ, алакеевъ отпустилъ попржнему искоретою воотечество, оставшис(ь) содним реченным белымъ конемъ.

Вполудни, сказавшись королевичъ сестре своей королевне, пошел сруж(ь)емъ для охоты, и, пришедъ незапно квеликой горѣ, увидель наоной превеликой каменной домъ, икакъ внем такъ

иоколо ево людей невидя, разсудилъ выстрелитъ(ь) ізружья для повестки вооном домѣ, чая, изоного, что насие кто нибудь вытти можетъ, самому же нагору закрутостию взойти было невозможно, новместо чаяния увидеть человека, вдругъ услышелъ изоного визгъ, необычайно великой, очень испугался, поспѣшилъ поскорей ксестрѣ своей королевне, чтоб она неиспужаласъ(ь), акакъ кней пришел, то она, будучи ввеликом оттого страхе, говорила: «батюшко братецъ! умиловивись, какъ вы меня оставили здесь при морѣ втаких лесах непроходимых иушли отменя далеко! После вас, сполчася спустя, зделался, незнаю отчего, такой визгъ, необычайно, чтоя состраху чуть неумерла!»

Но королевичъ отвечал: «нетъ, матушка сестрица, эта вам отморских волнъ іотвихрю полесам такъ показалось! Неизволь ничего бояться!» Исели кушатъ(ь), апокупанье легли присвоемъ жилище ізтравы слистьемъ наздѣланной постеле отдыхать. Какъ скоро королевичъ икоролевна заопочивали, то бѣлой конь (названной Буеланомъ), пришедъ, разбудилъ королевича тихо; акакъ королевичъ всталъ, то онъ далъ видъ, чтоб, наложя седло, нанево сел архилобонъ. Королевичъ, уразумев ево вид, тотчасъ оседлавъ, нанево взошел, а конь, вскакавъ нагору, сталъ посреди двора выпереченного дома. Королевичъ архилабонъ, лишь только успелъ, сошедши наземлю, привезать своего коня Буелана кприбитому встолбъ колцу серебряному, вдругъ увиделъ вышедшева исполать кнему ошести главах змѣя. Королевичъ тотчасъ, взошед опять насвоего коня, стал снимъ внемаломъ страхе бится. Иуже три головы отделил отмерскаго змеянаго трупа, отчего вышло крови столько много, что двор сего дому, весь покрылся,—и яко коню полодышку вооной стояти принуждену, ноеще королевичъ спревеликимъ трудомъ отдышущаго ізоустъ головъ пламяни две головы шпагою своею отсекъ, то змей, оставшись содною главою, проговорил человеческим голосомъ: «ежели ты, о, королевичъ! последнюю мою голову оттрупа моего отделить непочеши, то я вамъ мою услугу наперьодъ показать желаю! Взрежь мои, правую илевую, груди, — то, что изтого будетъ, вам вподарокъ заключаю. Только сотвори сомною милость, отпусти меня жива, владей симъ домомъ безопасения, аменя ктому увидеть неможешъ».

Королевичъ, хотя ему иповерил, однако сошелъ сконя оруженъ, нокакъ кнему пришел, увиделъ непротивна; взрезал ево груди, откуда выскочили два льва. То змей вторично проговорил:

«в подарокъ тебѣ сихъ львовъ вручаю! оне, о, королевичъ, привсехъ случаяхъ будутъ тебѣ верными рабами; меняже отпусти спокоемъ, — привремени надобности я тебѣ слугою обязуюсь!» Ипоскончаниі речей колвамъ оборотясъ, сказалъ: «вы, лвы, приклонитѣ свои главы сему королевичю иему служитѣ такъ верно, какъ своему господину!»

Львы, посему приказу, тотчасъ предархилабономъ растянулись, икоролевичъ ихъ погладилъ, азмею сказалъ: «полетай отсюда скорей иктому никогда сюда ненаследуй! Когдажъ мнѣ надобенъ будешъ, уведоменъ быть имѣешъ чрезъ сихъ львовъ, — тогда будь готовъ бесспорно!» И посему змей, поднявши(сь), полетель, акоролевичъ наконѣ исольвами приехалъ ксестре королевне Афродитѣ; нашолъ еѣ еще спящу, легъ подле; коняжъ своего пустилъ поволѣ, альвы, — одинъ легъ вголовахъ, адругой вногахъ укоролевича.

Королевна, спустя счасъ после сего, проснулась, увидела брата своего подле себя спяща, авголовахъ ивногахъ лвовъ лежащихъ, очень испугалась, думала вскоре быть отнихъ разтерзанной исветликимъ страхомъ, весма тихо разбудивъ брата, сказала оболвахъ, нокоролевичъ, вставши, сказалъ все подробну ивелелъ ей ихъ погладить. Королевна сперва снемалымъ страхомъ погладила, акакъ увидела ихъ безпротивности, то боятся ихъ боле нестала. Ивтотже день вреченной домъ перебрались.

Надругой день всеи домъ переселения королевичъ исольвами поехалъ заохотой, абезнего хкоролевне аеродитѣ извладения, близъ сего дому лежащаго, некоторого короля ливкуса ведена одна девица живущему преждѣ тутъ змею насѣдение попржнему обычаю; канвоі, везущей сию девицу, вместо змѣя, вокошкѣ увидели прекраснейшую девицу, весма дивились. Командующей сего канвоя взошелъ надворъ, апотомъ івполаты, ведя засобою осужденную девицу; снемалымъ страхомъ объявилъ королевнѣ афродитѣ притчину своего пришествія, напротивъ чего королевна рассказала имъ бывшее подробну ивесъ канвоі отпустила воотечество, нотолко приведенную девицу присебѣ оставила. Королевичъ, приехавъ сохоты спрашивалъ усестры осей девицѣ, — она ему обней, какъ книмъ привезена, сказала, и королевичъ сему случаю дивился.

Королевичъ бритонтъ, сынъ короля ливкуса, слышавъ отвозвратившагося канвоя опречюдной красотѣ королевны афродиты уязвленъ заочно купидовою стрелою итакъ разжегся, что взял

намерение, будто заохотою заблудя(сь), ксему дому приехать, толкоб посмотреть еѣ персону, идлятого приказалъ своего двора охотникомъ кутрему всю охоту изготовать. Дозавтрешняго дня ночь королевичъ такъ долга показала(сь), что он вооной никакихъ найти немогъ весельевъ, акакъ пришла заря дня наступающаго, то королевичъ отнестерпеливости приказалъ седлать лошадей, несмотря нахудую того утра погоду, которая превеликоі дождь гром имолнию производила; выехавъ наполя, принужденъ был терпеть сей погоды суровость. Однако она ему для любви сносна показала(сь). Итолко содним лакеемъ отширшись отвсехъ охотниковъ, прямо поскакалъ кодвору, гдѣ живѣтъ королевичъ архилабонъ ссестрою. Инедоехавъ сажень затритцать доограды сего дому, увидель королевну аеродиту подокномъ сидящую,—тогдабо она после худой погоды наслаждалас(ь) приятностию воздуха. Столко умъ открасоты сей помрачился, что втаком заблужденіи спревеликою озартностию взъехавъ прямо надворъ ископедъ слошади, отдалъ лакею, асам пошел вполаты ивоонныхъ застал одну сидящую королевну спривѣденною изъих владения девицею; акорелевичъ архилабонъ был все время заохотою влугахъ.

Бритонъ, сказавъ осебѣ, принес королевне ізвинение, будто онъ принужденъ всей домъ захватъ вневолію отбывшей худой погоды, ичтоб она посвоему великодушію втом ево простила.

Королевна, видя прикрасотѣ такую учтивость сего королевича, принела некоторое мнение всвое сердце. Аксему наблюдатель аммура купидо присовокупил кѣе мнению своею любовною стрелою горячность такъ, что она, вкоролевича водну минуту влюбившис(ь), ему сказала:

Батюшко мой!

«Правда, хотя я васъ прежде сего знат(ь) чести інеимела, однако видя ислыша обчести, присудствию вашему быть вдомѣ нашемъ охотно желаю!»

Бритонъ королевичъ, уразумевъ быть еѣ ксебѣ склонности, возрадовался сердцемъ иответъ говорить начель:

Милостивая королевна!

«Я примоем входѣ узрил отвашего взѣра мне склонность такую, противъ которой вам всемъ моим корпусомъ отслужить

недостаетъ силы; ауслыша вапъ глаголъ проречивой, почувствовалъ быть себя оному достойнымъ, ноя всей моеі жизни столько радъ небуду, какъ тому, ежели вы своему присудствию причастникомъ меня учинитѣ!»

Королевна, перервавъ ево речъ, просила сестъ настулѣ, істала разговаривать оповеденціяхъ сего места; королевичъ ей обовсемъ доносилъ, учтиво употребляя свое желаніе олюбви еѣ соосторожностью вштукахъ: потомъ, вставъ, сталъ просить отпуску досвоего владения, причемъ получилъ откоролевны прозбу:

«Щасливаб я была, ежелиб вы меня своими приездами неоставляли,—я то буду причитать завеселье, что британъ королевичъ ко мне жаловать станеть!»—Королевичъ ей засіе благодарилъ довольно, общаясь поволе еѣ исполнить, чтобъ оттого неприключилось; стемъ ипоехалъ.

Послѣ сего королевичъ британъ хкоролевнѣ аеродитѣ приездъ имѣлъ очень часто, новсе втакое время, когда архилабонъ королевичъ ежжалъ вполя заохотой; чрезъ что получилъ отнее болшее ксклонности вероятіе, ипривремѣ осмелясь, говорилъ королевнѣ аеродитѣ:

Государыня королевна!

«Все ваши склонности уверяютъ кбезопасности представить вамъ прошеніе омучимой моей совѣсти вжеланіяхъ вашей любви дражайшей. Скажи, о, королевна, можноть мнѣ имѣть надежду продолжать исканіе любви вашей? нездѣлайся такимъ звѣремъ, которойбы могъ погубить мое состояніе вечно; ноучини меня охранителемъ вашей природы ипогробъ слугою!»

Королевна срадостію отвѣчала:

Любимѣйшіи королевичъ!

«Ваше учтивство иумеренности впоступкахъ довольно уверяювашей чести, неоставили сумнения иразсуждать мне овасъ боле; того ради болше мнѣ насветѣ желать ничего неосталось, какъ только любви вашей учинить себя достойной! Акогодажъ я сіе вамъ открыла, хочю сказать ито, что я вашему предаюсь супружеству, ежели только буду достоіна. Нопонеже братъ мой королевичъ архилабонъ, всемъ нашемъ предпріятіи, будетъ болшой помехой, втакомъ случае изволь отменя чрезъ писмо ожидать уведоменія ипотому исполняйтѣ; ассего времени ко мнѣ

приезды доблагополучного совершения нашего брака оставтъ, ибо мой братъ омиѣ некоторое подозрение принялъ!»

Королевна сие говорила споказанием отстыда налице краски; абритонъ, выслушавъ сие, благодарилъ, сослезамы прося внамереніи непродолжать много, аонъ еѣ повѣления ожидать всегда имѣеть, ипростяс(ь), поехалъ въ свое владение.

Королевна аеродита всячески обономъ брату своему говорить спредставлениемъ резоновъ покушалась, однако насие отнего склонности неполуча вздумала учинить хитростью івтакомъ намереніи тайно хбритону писала:

«Я способу никакова болше того неізыскала, какъ надобно вамъ, (ежели я угодна), собравъ войско ипришедъ незапно на нашъ домъ, убить моего брата; акогда сие зделаешъ, тонам совокупитца желаеымъ бракомъ опасности неостанетца!»

Афродита.

Королевичъ бритонъ, получа сие письмо, обрадовался ісповзволениа отца собравъ своей пятнатцать тысячъ арми, кдому королевича архилабона приблизился. Сие нахождение оной королевичъ увидевъ, тотъ часъ вооружился ісевъ наконя буелана сольвами встречю имъ поехалъ. Арми бритоновой королевичъ архилабонъ скоро скученъ показался, ибо изних многихъ головы оттела отделялъ инаполы силою своею разсекалъ, ноново одново, хотя какъ можно, однакоб убили, дальвы, служащие прием, столко ево защищали сильно, что всякова человека наполы перерывая, разрушаютъ всю армию идѣлають архилабону дорогу досамого королевича бритона. Иуже все войско вдвой сутки архилабонъ сольвами, защищающее своего королевича, побиваетъ, абритонъ, видя весма свою армию вмаломъ остаткѣ, боится боле быть прионой, чтоб непринять ісебѣ смерти, съ пятнатцатью челоѣвки ушолъ въ свое владение, апротчие все мечемъ Архилабоновымъ побиты.

Королевичъ архилабонъ свеликою славою въ свой домъ возвратился, асестра ево принела лицемерно сласкою. Львы, какъ архилабонъ почивать ложился, неотлучно находилис(ь) приево постеле недопуская никого дооной пока королевичъ проснетца,—идля того надсонным сестре ево королевне ничево злова учинить было неможно.

Королевичже бритонъ, донеся освоемъ нещастии отцу королю ливкусу, усердно просил еще овойске. Отецъ ему втом

позволил, иsobравъ тpитцать пять тысячъ, сыну своему впро-
текцию поручилъ, которое британъ королевичъ принявъ, свесе-
лием вторично приступилъ къ кому королевича архилабона, но
инадсим такова войска собраниемъ тоже отнего случилось, какъ
инадпрежнимъ; ноеще иеяще, что британъ сдвумя толко че-
ловѣками чрезъ великую мочь изарми въ свое владение ушолъ;
ихотя уже ивтретей разъ съ семьюдесятью тысячами британъ
для взятъ королевны аеродиты приходил, но королевичъ архи-
лабонъ иеие помощью своихъ лвовъ побѣдилъ.

Какъ королевичъ британъ отцу своему потретьемъ нещати
отархилабона надвойскомъ сказал, то король ливкусъ насына
своего пребезмерно разгневался: ибо слыша такую вархилабоне
великую силу, ачае волвахъ, пришествия его къ своимъ границамъ
боялся. Анапоследокъ королевичю британу сказалъ: «ежели ко-
ролевичъ архилабонъ вомощие своей обиды въ мои границы
вступить, то я невчиная снимъ ссору, тебя, какъ виноватого,
вруки его отдамъ,—пусть подостоятъ твоимъ, здѣлаитъ над-
тобой посвоимъ волямъ!»

Королевичъ британъ, недовольствуясь незгодою отеортуны
ослепясь глупою любовью королевны аеродиты, еще взялъ меры
учинить королевичю архилабону смерть хитростью; автаком на-
мереніи зделавъ ящикъ пропорциональной въ длину, какъ можно
улеся человѣку инабивъ въ средину гвоздей самыхъ острыхъ, по-
слалъ приписмъ къ королевне аеродите, авписмъ написано:

Любезнейшая королевна аеродита!

«Опыты войною надвашимъ братомъ мнѣ неудались, но еще
самъ такое имѣлъ страданіе отъ злой Оартуны, что сто дватцать
тысячъ народу моего потерялъ; Ихотя я для вашей любви все
сие пренебрегаю, однако симъ примеромъ видя непрочность искать,
отказался. Для чего присемъ посылаю къ вамъ ящикъ, гвоздями
набитой,—вы чрезъ ево своего брата для нашей любви умертвите!»

Британъ.

Королевна, получа писмо иящикъ ипоставя оной подле
постели, прикрыла полотномъ, зделала видъ креселъ, акогода
братъ, королевичъ архилабонъ, сохоты приехалъ, то она лест-
ными словами начела ево спрашивать: «братецъ государь! я до-
вольно въдаю отвоей славной силе, однако любопытство еще
принудило меня обтомъ увас спросить, чтобъ вы силою своею не-

преодолели?»—Архилабонъ, неуразумѣя хитрой тайности, скрытой взломъ сердце своей сестры, объявилъ: «мне, матушка сестрица, кажетца, противъ моей силы ничто устоять не можетъ. Однако есть одна вѣщь, которую я преодолеть немогу, дасказать можно,— я вас, сестрица, непотаюся! Ежели мои руки увить вмѣстѣ канатомъ поизволенію толстымъ, тоя перерву зашутку, абуде увитъ(ь) ихже шолкомъ, тово я перервать невилъ: ибо оной врезываетца втело, ачрезъ то отымаеть силу!» Королевна аеродита такъ притворилася(ь), будто она сему поверить невосстояніи, чтобъ былъ шолкъ крепче канату поизволенію толстого, просила брата обвить шолкомъ ево руки, якобы толко посмотреть для куризети, какъ неможно такому всилахъ славному королевичю сию безделицу перервать, начто архилабонъ позволилъ, токорлевна, увивъ ево шолкомъ накрепко руки, такъ что поворотить ему было ихъ невозможно, толкнула ево вгрудь, отчего королевичъ упалъ впокрытой полотномъ вышереченной гвоздями набитой ящикъ и весь отонихъ пронаившихъ(ь), сталъ бѣщувствень, акоревна ссвоею девицею (ибо ізлакеевъ принихъ никого небыло) взявъ тотъ сархилабонъ ящикъ ибросили вколодезь; акоревничъ бритона осмерти брата уведомила. Лвы, дожидаясь своего господина выхода, долго ево невидятъ, бросились(ь) искать попалатамъ, инесыскавъ, произвели превеликое рыканіе, бѣгають вездѣ кругомъ полатъ иподуху слышали, что господинъ ихъ вколодезь, прибѣжавъ кооному растянувшись(ь), необычайно рыкая, дожидались, небудетли мимо сего мѣста проезжихъ.

Акоревничъ бритонъ, обрадуясь такому осмерти королевича архилабона уведомленію, самъ севъ вкарету по аеродиту королевну поскакалъ; априехавъ, взявъ еѣ девицу, ивсе бывшее вдомѣ ихъ богатство, всвое владеніе возвратился ивыпрося уотца позволеніе, немешкавъ нимало наней женился свеликою славою, что такую великую королевну вжену себѣ получилъ; иначели жить безопасенія. Коньже буеланъ, хотя ивъзять скоревною, однако онъ великою своею силою вбилъ въземлю весь, оставя одну свою главу поверхъ оной для дыханія. Исие вихъ владеніи почитали задиковину.

Лвы, неотходя отколодезя, все унево лежали, аувидевъ невдалекѣ люди ехавшихъ, тотчасъ книмъ прибѣжали, приклоняя главу свою, делали видъ ласканія иуказывая наместо хколодезю якобы просили опомощи. Проезжие люди наперводъ ихъ прѣбзмерно испужались, апотомъ, видя ихъ повинность, чаяли быть особливою притчинѣ, ипошли занимать хколодезю, акакъ при-

шедъ, увидели воономъ съящикомъ человѣка кинутого, уверилис(ь), быть ему сихъ львовъ господину. Тотъ часъ апустили вко-
лодезь человѣка, ионъ толко взялся заящикъ, то львы, схвативъ
влапы веревки, скрайнею скоростію выдернули; симже людямъ,
запоказанную книмъ милость, довольно видомъ благодарности
оказали, ионе отнихъ свеликимъ удивлениемъ отехали. Львыже раз-
ломавъ ящикъ трои сутки лизали архилабоновы раны: ібожимъ
произволениемъ симъ лизаньемъ все раны заживили,—отчего ко-
ролевичъ теломъ получилъ здравость; потомъ одинъ левъ, распо-
ровъ задней лапы исподнюю мякоть, ивынулъ пузырьокъ сле-
карствомъ, иодинъ другому сие лекарство нахвостъ поливая, ма-
зали лицо івсе королевичы члены, аотсего властію Божескою
онъ такое получилъ здорове, какъ ипрежде имелъ безотмены,
чему львы, пребезмерно обрадовавшись, ласкою будто господину
своему сполучениемъ здорова поздравляли. Повыздоровленіи ар-
хилабонъ королевичъ взялъ намерение мстить свою смерть над-
сестрою, икакъ прослышалъ, что она короля ливкуса засыномъ
бритономъ, догадался ипрежде бывшее отчего происходило,
прямо поехалъ кыхъ границамъ. Конь буеланъ сие почувствовалъ
тотъ часъ, ізземли выбившис(ь), сталъ есть кормъ попрежнему иде-
лается господину своему готовымъ, акороль ливкусъ, догадав-
шис(ь), королевича архилабона быть насвоихъ границахъ, гневаясь
сильно насвоего сына, сослалъ всылку искоролевною аеродитою
вдалние города ізаказалъ всему народу неупоминать оихъ име-
нахъ; хкорелевичюже архилабону послалъ посла іприказалъ совся-
кою покорностію просить ксвоему двору; авзнакъ верности по-
солства икона буелана снимже отправилъ.

Посолъ, доехавъ докоролевича, увидя приемъ дву львовъ, очень
испугался, ипадъ поклонившася королевичю, аконъ, вырвавшис(ь)
изрукъ ево вѣдущихъ, палъ переднимъ наколени; архилабонъ, по-
глядя коня своего, сталъ спрашиват(ь) упосла притчину ево по-
солства, на что посолъ ему вотъ доносилъ:

«Милостивѣйшій государь королевичъ, мой государь король
ливкусъ мною вашему высочеству объявляетъ дружество іпо-
чтение, прося усердно, чтобъ вы своимъ присудствиемъ вьего дворе
одолжили; самбы его величество, слышавъ персону вашего вы-
сочества всвоемъ владеніи, встрече собственною персоноюжь по-
казалъ, какое онъ вашимъ меритамъ сильнейшее имѣетъ почтѣ-
ніе; нозасвоею старостію сего учинить невсостояніи будучи,
меня стемъ прошениемъ вашему высочеству отправилъ.

Королевичъ архилабонъ, видя такую ксебе припервом случае благосклонность, охотно кодвору королевскому соным посломъ поехалъ; акакъ вступилъ вьих столичной городъ, попути до самого королевского двора увидел стоящия для встречи его персоны полки, которые, бивъ вбарабаны смузыкаю знамены ему уклоняли. Приворотах королевского дому встретил его весь королевской генералитетъ иприносили ему поздравление, анакрыльце полатъ королевской сенатъ икабинетные министры, оттехъ такоежъ поздравление принелъ; акакъ вступил впервую полату, тутъ стоя самъ король съединою своею дочерью королевною амбриотосою, его свеликим поздравлениемъ принелъ.

После сего былъ придворной стол, прикотором присуствовали сенат игенералитетъ королевской трехъ класовъ; апоокончаніи стола, часа стри начался балъ, накотором много веселости было икоролевичъ архилабонъ танцевал скоролевною амбриотосою — корольже, наних смотря, при своей старости веселился, инестерпя болше взявъ заруку свою дочь ипришедъ кархилабону королевичю говорилъ:

«Я завсе противности моего сына предвами (которой ныне заноее взаточеніи) никакой болше услужности показать неостояніи, какъ толко, ежели вам дочь моя непротивна вжену вам еъ вручаю ивсе мое королевство вруки вамъ отдаю; авы, примоей старости, учините отоного спокойна, чтоб я, живучи сваи, привеселье неимелъ доуки!»

Королевичъ архилабонъ сему случаю был очень радъ икороль благодарилъ столко, сколько при тогдашнемъ времени радость ему позволяла; азасию обиду свою, показанную ему откоролевского сына, асвоего зятя прощаетъ. Инемедленном времени накоролевне амбриотосъ женился вомногой славе. Львыже, служащие ему привсех случаях, отнего неотставали, акакъ пришло время почивать ложится, то королевичъ, раздевшис(ь) наперьод королевны легъ напостелю, алвы легли придверях той каморы; потом пришед икоролевна лишь стала толко ложится, токорлевичъ архилабонъ поворотясь иупалъ спостели внаочно здѣланную отбритона королевича чрезъ подкупленных друзей подтой полатою яму. Тамъ принели ево нарочно поставленные кавалеры наконья; акоролевна абриотоса, сие увидя, пребезмерно испужавшис(ь), закричала. Львы, услышав сей крик, бросились кпостелѣ, инеобретъ напостеле своего господина, прискочили духу ктоі ямѣ иневидевъ вооной никого, побѣжали вон исполат,

ломая двери, отчего во всемъ дворце зделалася(ь) тревога. Сам король приѣзжалъ къпочивалне детей своих, иуслышавъ отдочери своей бывшее, дознался, что все сие происходитъ отсына королевича бритона, тотчасъ приказалъ взять ево изсылки съево женою и, привезши встолицу, посадить втюрму иприставить крепкой караулъ.

Атоежъ ночи кругом сего столичного города ходящей патруль увиделъ четырех человек, одного колютъ шпагами. Тотъ часъ их перехваталі, акакъ увидели, что сей королевичъ архилабонъ инасилу уже дыхание свое производитъ, споспешениемъ водворецъ привезли иобъявили случившееся королю ливкусу. Король и королевна амбриотоса принели ево втаком состояніи свеликим плачемъ ирыданиемъ; тотъ часъ послали подоктура; втож время лвы повсем места искавъ архилабона, иненашед опять водворецъ приѣзжали; аувидевъ ево всево исколота, всехъ отбивъ, стали лизать ево раны ичрез ту ночь отихъ лизания королевичевы раны маленько позагладились, іему стало полехче. Чрезъ великую мочь промолвил, чтоб лвы короля икоролевну донево допустили; лвы, поприказу ево, тотъ часъ кдверям полаты отступили, смотряше нанево жалостно. Король(ь) икоролевна, приступя сплачем, спрашивалі опритчине надним случившеися. Вотвегъ онъ объявил имъ: «ниотково мне болше сие приключается, какъ отмоих сестры изятя, авашего величества сына!» Потом приступил докторъ иобѣзал ему раны, ачрез четыре недели вылечил ево здрава. Лвы, сему обрадовавши(ь), уже отнево никуда неотлучались нинамало.

Королевичъ архилабонъ, хотя полюбопытству испытывать болшую истинну, почъему научению был колан, просил короля техъ четырех человекъ, которые ево кололи, предсебя представить. Ипредставлены. Королевичъ обономъ их спрашивалъ, начто ему отвечали, что понаучению королевича бритона икоролевны аеродиты сие учинили; «нежелиб мы васъ умертвили, зато обѣщали намъ великое награждение учинить денежное иперемене ранговъ!»

Королевичъ, слышавъ сие, озлобился насестру иназятя такъ сильно, что короля просил сими словами:

Батюшко, король(ь) ливкусъ!

«Я повашей комнѣ милости зато, что вы дочь свою королевну амбриотосу учредили быть мне женою, — вашего сына, амоего зятя ісестру впервой своей обиде простилъ; ноонѣ, темъ неудобно

волствуяс(ь), другою смертию меня даровали. Разсудитежъ, мож-
ноль мнѣ надеется вперёдъ отних ксебѣ доброжелательства кроме
всегда опасной сметри? Того ради васъ прошу, таперь комне ихъ
приказать представить, даучиню имъ заприязнь ихъ комнѣ воз-
даяние. Король сему показался непротивнымъ, понеже ему за-
непослушание сына обсмерти ево жалости неосталос(ь). Тотчас
представлены предкоролевича архилабона бритонъ иаэродита,
то он, неспрося их нио чем иниже смотреть наних хотяшѣ, обер-
няс(ь) ксвоим лвамъ, сказал: «вы, мои доброжелатели, видитель
сих людей, ко мне приведенных, которые два раза смертию меня
дали! возмитежъ ихъ всвои лапы иучинитѣ надними тожѣ,
что онѣ мне желали!

Львы, услышавъ такой господина своего приказъ, тотчас
бритона иафродиту разорывали наполю—итемъ их жизнь окон-
чалас(ь). Також игех четырех челоуѣкъ, которые каралевича коло-
ли, казнили смертию, растреляли, иуже арьхилабону припятствия
всвоемъ благополучном житѣе стало невидно,—ктомуужъ корол(ь)
ливкус, вдолголетноі старости живыши, после сего четыре года
умьре ипогребенъ свеликою честию иславою, аархилабонъ коро-
левичъ стался настоящим королем ипринелъ скипетръ ивладение
всвою протекцію иживыши скоролевою своею амбриотосою доса-
мой глубокой старости вблагополучи оставя посебе наследников
ввечны покоі отыде.

VI.

ГИСТОРИЯ О РОССИЙСКОМЪ МАТРОСѢ ВАСИЛІИ КОРИЮТСКОМЪ И О ПРЕКРАСНОЙ КОРОЛЕВНѢ ИРАКЛИИ ФЛОРЕНСКОЙ ЗЕМЛИ.

(По рукописи изъ собр. Е. Забѣлина № 229¹).

Въ Россійскихъ Европіяхъ нѣкоторый живяше дворянинъ, имяше имя ему Іоаннъ, по малой фамиліи Коріотской. Имѣлъ у себя сына Василия, лицомъ зѣло прекрасна. А оной дворянинъ (въ) великую скудость приде и не имѣяше у себя пищи. Во едино же время оной его сынъ рече отцу своему: «Государь мой батюшко! Прошу у тебе родительскаго благословленія, изволь мене отпустить въ службу,—то мнѣ будетъ въ службѣ даваться жалованья, отъ котораго и вамъ буду присылать на нужду и на прокормленія». Выслушавъ же отецъ его и даде ему благословленіе, отпусти отъ себя. Василій же, изявъ отъ отца своего благословленіе, приде въ Санктпетербурхъ и записался въ морской флотъ въ матросы. И отослали его на корабль по опредѣ-

¹) Мы буквально перепечатаваемъ текстъ повѣсти, изданный покойнымъ акад. Л. Н. Майковымъ отдѣльно въ брошюрѣ: «Русская повѣсть Петровскаго времени» (Спб. 1830 г.) и вторично въ собраніи его статей въ «Очеркахъ изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII ст.» (Спб. 1889). Л. Н. Майковъ въ основу изданія положилъ рукопись г. Забѣлина и пополнилъ ее спискомъ, принадлежащимъ Румянцевскому Музею («Отчетъ» музея 1870—72 г. М. 1873, стр. 66). Въ Петербургской Публичной Библіотекѣ имѣется списокъ этой повѣсти, но далеко уступающій по достоинствамъ тексту, изданному Л. Н. Майковымъ.

ленію; на кораблѣ призываше (его) по обыкновенію матросскому зѣло нелестно и прочихъ всѣхъ матросовъ; въ наукахъ пребываше и (у) всѣхъ персонъ¹⁾ знатныхъ въ услуженіи полюбился, котораго всѣ любили и жаловали безъ мѣры. И слава объ немъ велика прошла за его науку и услугу, понеже онъ зналъ въ наукахъ матросскихъ велми остро, по морямъ гдѣ острова и пучины морскія и мели, и быстрины, и вѣтры, и небесныя планеты, и воздухи. И за ту науку на корабляхъ старшимъ пребывалъ и отъ всѣхъ старшихъ матросовъ въ великой славѣ прославлялся.

Во едино же время указали²⁾ маршировать и добирать младшихъ матросовъ за моря въ Галандію, для наукъ арихметическихъ и разныхъ языковъ; токмо онаго Василия въ старшіе не командировали съ младшими матросами, но оставленъ бысть въ Кранштатѣ; но токмо онъ по желанію своему просился, чтобъ его съ командированными матросами послать за моря въ Галандію для лучшаго познанія наукъ. По его прошенію былъ командированъ съ прочими матросами, отпущенъ за моря въ Галандію съ младшими матросами.

По отбытіи изъ Кранштата, по нѣкоторыхъ дняхъ прошедшихъ, прибыли въ Галандію матросы на корабляхъ, и съ ними Василей Коріотской. Въ Галандіи учинили имъ квартиры и поставлены были всѣ младшіе матросы по домамъ купецкимъ, а ему, Василию, за его услуги и за старшинство—къ знатному и богатому гостю въ домъ поставили равно (со) Штатами. И оной матросъ Василей у гостя стоялъ велми смирно и слушалъ его во всемъ. И оной галандской гость усмотрѣлъ его въ послушаніи и въ наукахъ зѣло остра³⁾ и зѣло возлюбилъ и послалъ его на своихъ корабляхъ съ товарами въ Англію, которому лучше всѣхъ своихъ прикащиковъ сталъ вѣрить и во всемъ ему приказывалъ и деньги и товары ему вручилъ.

И какъ въ Англію съ кораблями пришли, то товары по обычаю купецкому объявля всѣ и продавъ, и принадлежащихъ въ Галандію товаровъ на корабль (взялъ) и поѣхалъ обратно,—въ которой онъ Василей посылкѣ великой прибытокъ гостю галандскому присовокупилъ, такожь и накупи всякія воспріалъ, и зна-

¹⁾ Въ рукописи: «персонахъ». (Поправка эта и слѣд. принадл. Л. Н. Майкову).

²⁾ Въ рукописи: «указалъ».

³⁾ Въ рукописи: «остро».

тенъ былъ въ Англіи и въ Галандіи. Ко отцу своему въ Россію чрезъ вексель послалъ четыре тысячи ефимковъ золотыхъ двухрублевыхъ, которые отецъ его и получилъ, и писалъ къ нему, чтобъ онъ къ нему пріѣхалъ повидаться ко отцу своему и благословленіе принять.

А какъ урочный терминъ пришелъ, чтобъ ученикамъ матросамъ маршировать въ Санктпетербургъ въ Россію, то всѣ матросы поѣхали, а Василія Коріотскаго оной гость нача просити, чтобъ въ Россію не ѣздилъ, понеже онъ, гость, его Василея возлюбилъ яко сына роднаго. Но ¹⁾ токмо онъ, Василей Коріотской, нача отъ гостя проситися въ домъ ко отцу для свиданія и объявилъ ему, что отецъ его въ великой находится въ древности; то онъ, гость, его пріятно увѣщевалъ, дабы отъ него не отлучился, и общался во всемъ, яко родного сына, наслѣдникомъ учинить. И рече оной гость: «Любезнѣйшій мой російскій матросъ, нареченный мой сынъ, изволь хотя еще чрезъ вексель послать ко отцу своему отъ имени моего, токмо ты, мой дражайшій, не отлучался отъ мене». Слышавъ же онъ Василей отъ него зѣло прослезился и любезно просился, чтобъ его ко отцу въ Россію отпустилъ взять благословленіе, и общался къ нему обратно быть. Видѣвъ же гость непреклонную его просьбу, и просилъ его чтобъ онъ во Францію (сходилъ съ товарами, и когда) возвратиться, то общалъ его въ домъ отпустить,—по которому прошенію онъ Василей не послушался, онаго гостя взявъ корабли и убрався съ товары и отыде во Францію, и во Франціи былъ два года и, продавъ товаръ, возвратился въ Галандію и учинилъ оному гостю великой прибытокъ въ хожденіи своемъ, что оной гость никогда такого прибытка не видалъ и сердечно его возлюбилъ.

Но токмо онъ Василей нача еже съ прилежаніемъ въ Россію къ отцу своему проситься, и видѣвъ гость его несклонную просьбу и по желанію его уволить ему ѣхать въ Россію, и даде ему оной гость три корабля съ разными товарами и суммы своей денежной казны довольно, и просилъ его, чтобъ, бывъ у отца своего, къ нему возвратился, и отпустилъ его съ великою печалью. И оной матросъ Василей Коріотской, принявъ корабли и работниковъ-матросовъ и поднявъ парусы побѣжали, къ Россійской Европіи. И по отбытіи на корабляхъ оной Василей взялъ тысячу червонцевъ и зашилъ въ кафтанъ свой въ клинья тайно, чтобъ никто

¹⁾ Въ рукописи «не».

не знать, для всякой приключавшейся между ¹⁾... И минувшихъ семи днѣхъ какъ корабли изъ Галандіи поплыли, воста время и неукротимая буря, яко всему морю возліятися, съ пескомъ смутитися; и корабли всѣ врознь разбишася. И на которомъ кораблю былъ Василей, и оной корабль волнами разбить, и люди всѣ утопоша. Токмо Божіею помощію единого Василея на доскѣ корабельной прибило къ нѣкому великому острову. И отъ великаго ужеса павъ на землю яко мертвъ; а какъ волны утишились два корабля, видѣвши, что корабль, на которомъ былъ Василей, разбїенъ былъ весь, и чаяли, и что и Василей утопоша въ волнахъ морскихъ, возвратишася назадъ въ Галандію и повѣдаша гостю о приключившемся несчастіи. Слышавъ же гость велми нача плакати и тужить не о корабляхъ и не о товарѣ, но о Василіи Коріотскомъ.

И какъ онъ Василей отъ великаго ужеса, лежа на островѣ, очнулся и взыде на островъ, и веліе благодареніе воздавъ Богу, что его Богъ вынесъ на сухое мѣсто живаго: «Слава Тебѣ, Господи Боже, Небесный Царю и Человѣколюбче, яко не остави мя грѣшнаго за грѣхи моя погубити, въ водахъ морскихъ погрызнутися!»

Потомъ стоящу ему на островѣ, много мысляще и осматривающе сѣмо и овамо, въ которыя страны принесло и какой островъ; токмо хотя и много время по морямъ ходилъ, а такого острова не видалъ, понеже на ономъ островѣ великой непроходимой лѣсъ и великія трясины и болота, что отъ моря никуды и проходу нѣтъ; а уже ему ѣсть зѣло хотѣлось, и хотя у него червонцы были зашиты въ клинѣхъ въ кафтанѣ, токмо негдѣ и не у кого было (купить), и помощи ему въ нихъ никакой не было. И ходя ²⁾ по берегу на многія часы, усмотрѣлъ какъ бы ему куда проити къ жилищу и ходя ³⁾ напелъ малинкую тропку въ лѣсъ, яко хожденіе человѣческое, а не звѣрское. И о томъ размышлялъ, какая та стежка: ежели поидти, то заидти невѣдомо куда; и потомъ размышлялъ на долгъ часъ, и положася на волю Божію, пошелъ тою стежкою въ темной лѣсъ тридцать верстъ къ великому буераку. Видѣ великой, огромной дворъ, поприща на три, весь кругомъ стоящимъ тыномъ огороженъ. И подошелъ

¹⁾ Въ рукописи пропускъ.

²⁾ Въ рукописи: «хотя».

³⁾ Въ рукописи: «хотя».

ко двору близко къ воротамъ,—тѣ ворота крѣпко заперты; и хотѣлъ посмотрѣть на дворъ, токмо скважины не нашель, и страхомъ обдержимъ и убоялся. Помышлялъ потомъ, что конечно зашелъ къ разбойникамъ, и думалъ, какъ сказаться: ежели добрымъ человѣкомъ, то убьютъ; ежели сказаться разбойникомъ, то въ разбояхъ не бывалъ. А въ томъ дворѣ великой шумъ и крикъ, и въ разныя игры играютъ. И вздумалъ сказаться разбойникомъ, и нача у воротъ крѣпко толкаться; то оныя услышали, въ скорости ворота отворяли и спроша его: что за человѣкъ и откуда. Видѣвъ же Василей, что разбойники и множество ихъ народа стояще и играюще въ разныя игры и музыки пѣнныхъ, то отвѣтствовалъ имъ Василей: «Азъ есмь сего острова разбойникъ, единъ разбивалъ плавающихъ по морю». И оныя разбойники взяша и приведоша его ко атаману. Атаманъ же, видѣвъ его молодца удалого и остра ¹⁾ умомъ и зрачна, лицомъ прекрасна и осанкою добра зѣло, нача его вопрошати: «Чего ради пришелъ къ намъ?» Василей же рече, яко: «Единому мнѣ жити скушно, и слышавъ васъ въ семъ островѣ живущихъ и весело играющихъ, того ради къ вамъ придохъ и прошу, чтобъ вы меня въ товарищи приняли». И атаманъ принявъ его и опредѣлилъ къ разбойникамъ въ товарищи.

Минувшу же дни по утру рано прибѣжалъ отъ моря есаулъ ихъ команды и объявилъ: «Господинъ атаманъ, изволь командировать партію молодцовъ на море, понеже по морю ѣдутъ галеры купецкія съ товары». Слышавъ то, атаманъ закричалъ: «Во фронтъ!» То во едину часа минуту ²⁾ всѣ вооружися и стапа во фронтъ. Токмо російской матросъ Василей единъ стоитъ безъ ружья особо, понеже не опредѣленъ. Тогда разбойники рѣша атаману: «Что нашъ новопріемной товарищъ стоитъ безъ ружья и не въ нашемъ фронтѣ; изволте приказать оружія выдать». И атаманъ вскорѣ повелѣ ему оружія выдать и во фронтъ встать. И оной матросъ хотя того не желалъ, но токмо чрезъ боязнь взявъ оружія, и сталъ во фронтъ. И при командированіи сталъ Василей просить атамана: «Господинъ атаманъ и вы всѣ, молодцы товарищи, прошу васъ, пожалуйста уволте меня одного на добычу, понеже я извыкъ одинъ разбивать и хочу вамъ прибыль принести». То слышавъ, атаманъ и всѣ раз-

¹⁾ Въ рукописи: «остро».

²⁾ Въ рукописи «минуты».

бойники рѣша: «Отпустимъ его одного и посмотримъ прибыли отъ него». И по командировкѣ разбойники поѣхали на три партіи, а Василю единаго отпустили. Тогда матросъ Василей пошелъ на морскую пристань и не желаше разбивать, но токмо смотрѣлъ того, какъ бы ему путь сыскать; и пришелъ на берегъ моря; взираше сѣмо и овамо, не идутъ ли паки суда, чтобъ ему уѣхать. И смотрѣвъ ходя по берегу весь день, токмо никого не видалъ и въ великую печаль впаде, нача горко плакати и рыдати, Господа Бога на помощь призывати, чтобъ его Господь вынесъ изъ рукъ разбойническихъ; и въ томъ размысленіи и великой печали уснулъ крѣпкимъ сномъ на берегу моря. И сномъ крѣпкимъ спалъ, что уже ночь; и нача думати — съ чѣмъ ему показаться, что добычи никакой не получилъ. И вспомнивъ, что у него въ кафтанѣ въ клиньяхъ зашиты червонцы, и распоровъ, вынулъ сто червонцевъ и завезалъ въ платокъ шелковой; и пришелъ ко атаману и предложилъ предъ него червонцы и сказалъ, что «нѣкоторые люди въ маломъ суднѣ плыли и толко у нихъ было, которыя вамъ предъявляю». Видѣвъ же атаманъ и вси разбойники зѣло тому начаша дивитися и вси же его хвалили. И послѣ того еще его отпускали одного на разбой дважды, и онъ къ нимъ приносилъ по двѣсти червонцовъ, которыя его добычи какъ атаманъ и вси разбойники зѣло дивились, что счелывъ.

Во едино же время соидошася вси разбойники и начаша думать о російскомъ матросѣ, чтобъ его поставить во атаманы, понеже видѣвъ его молодца удалаго и остра¹⁾ умомъ. И приидоша вси ко атаману къ старому и начаша ему говорить: «Господинъ нашъ атаманъ, изволь свое старшинство сдать новопріемному нашему товарищу, понеже твое управленіе къ намъ худо; изволь съ нами быть въ рядовыхъ, и которая наша казна изволте съ рукъ сдать». Тогда атаманъ имъ отвѣщалъ: «Братцы молодцы, буди по воли вашей». И вси единогласно російскому матросу Василю рѣша: «Буди намъ ты атаманъ, изволь нашу казну всю принять и нами повелѣвать». Тогда отвѣща имъ Василей: «Братцы молодцы, пожалуйста оставте меня отъ такого дѣла, понеже я атаманомъ не бывалъ; радъ бы съ вами въ товарищахъ быть, а атаманскаго управленія не знаю». И нача предъ ними горко плакати, разбойники же, его зѣло видя пла-

¹⁾ Въ рукописи: «остро».

чушаго, вси яко звѣри единогласно російскому матросу Василию рѣша: «Буди ты намъ атаманъ, изволь напу казну всю принять и нами повелѣвать». Отвѣща къ нимъ Василей: «Братцы молодцы, пожалуйста оставте мене отъ такого дѣла, понеже я атаманомъ не бывалъ, радъ бы съ вами въ товарищахъ быть; атаманскаго управленія не знаю». И нача предъ ними горко плакати; разбойники же, видѣвши его зѣло плачуща, вси яко люты звѣри единогласно закричали: «Ежели ты атаманомъ быть не желаешь, то сего часу мы тебе изрубимъ въ пирожныя части». Видѣвъ же Василей зѣло убояшася, чтобъ отъ нихъ не быть и въ правду убиту, глаголя имъ: «Буди по воли вашей; токмо прошу васъ: будите во всемъ меня послушны». Тогда вси единогласно рѣша: «Господинъ нашъ атаманъ, во всемъ слушать будемъ». И старой атаманъ отдаде ему ключи и поведе его по погребамъ. Видѣвъ же Василей казны многое множество, злата и серебра и драгихъ каменіевъ и всякихъ драгихъ парчей, яко умомъ человѣческимъ не возможно описать всѣ суммы; и оную всю сумму принялъ, и ключи Василию разбойники отдали и стали его поздравлять: «Здравствуй, нашъ господинъ атаманъ, на многія лѣта!» И нача пити и веселитися про его здравіе и во всякія игры играть. Потомъ рѣша ему: «Господинъ атаманъ, изволь съ нами идти до нѣкотораго чулана». И какъ къ тому чулану придоша и ключи ему даша отъ него, тоцію рѣша ему: «Господинъ атаманъ, изволь ключи принять, а безъ насъ во оной чуланъ не ходить; а ежели безъ насъ станешь ходить, а свѣдаемъ, то тебѣ живу не быть». Видѣвъ же Василей оной чуланъ устроенъ зѣло изрядными красками и златомъ украшенъ, и окны сдѣланы въ верху онаго чулана, и рече имъ: «Братцы молодцы, извольте вѣрить, что безъ васъ ходить не буду и въ томъ даю свой пороль».

И въ то время прибѣжалъ отъ моря есаулъ, и разбойники сказали ему, что «у насъ атаманъ новой». И онъ, подошедъ къ нему, отдалъ поклонъ и сталъ его поздравлять и говорить ему: «Господинъ атаманъ, изволь сего часу отправлять всѣхъ молодцовъ на добычу, понеже по морю четыре корабля купецкіи изъ Ландона плывутъ».

Тогда новый атаманъ Василей крикнулъ великимъ гласомъ: «Молодцы удалые, во фрунтъ!» И вси разбойники — единымъ окомъ мгнуть — всѣ во фрунтъ стали, и Василей нарочно предъ ними, якобы что знаетъ волшебное, взявъ два замка болшіи,

привезалъ къ ногамъ своимъ и около всѣхъ разбойниковъ обѣжалъ, заговаривая имъ оружія, нога объ ногу замками постукалъ и, обшедъ ихъ, поклонился и выставилъ бочку вина, всѣмъ по ковшу поднесъ. Тогда вси разбойники между собою рѣша: «Хорошъ, братцы, нашъ атаманъ новой, лучше стараго; мы сами видимъ и знаемъ, что замками крѣпко заговариваетъ, и для бодрости по чарки вина поднесъ; а старой атаманъ былъ дуракъ; какъ и былъ въ атаманахъ, заговоровъ не зналъ и во отпускахъ намъ никогда вина пить не давалъ». И весма во отпускѣ имъ полюбился. И поѣхали на добычу въ смѣлости и въ надеждѣ его заговору замками страсти никакой не возымѣли.

И какъ спусти ихъ на добычу, думалъ самъ: что у нихъ въ чуланѣ имѣется, поспеже всю сумму сдали, а въ этотъ чуланъ ходить не велѣли, хотя ключъ у него. И на долгъ часъ размыслилъ и осмѣлился отпереть чуланъ и дверь отворить, и видѣ дѣвицу зѣло прекрасну въ златомъ одѣяніи королевскомъ одѣту, яко той красоты во всемъ свѣтѣ сказать не возможно. И какъ увидѣ Василей, паде отъ ея лѣпоты на землю, яко Лодвикъ королевичъ рахлинскій ¹⁾, токмо не такъ, какъ Лодвикъ себя отягчилъ любовію силою и въ болѣзнь впаде ²⁾. Сей Василей, вставъ на колѣнки, рече: «Государыня, прекрасная дѣвица, королевна, ты роду какого, и како сими разбойниками взята». И отвѣща дѣвица: «Изволь, милостивый государь, слушать, я тебѣ донесу. Азъ есмь роду королевскаго, дочь великаго короля Флоренскаго, а имя мое Ираклія; токмо едина была у отца своего дочь; и уже тому два года, пришли моремъ въ наша государства изъ Европіи кораблями россійскіи купцы, и я въ то время гуляла съ дѣвицами, въ шлупкахъ и смотрѣла россійскихъ товаровъ и всякихъ диковинокъ. И какъ мы на шлюпкахъ отъ кораблей поплыли, то оныя разбойники набѣжали въ буерахъ и всѣхъ гребцовъ у насъ побили и дѣвицъ въ море побросали, мене едину въ сей островъ уведоша, и держать ³⁾ по сіе время,— что между ими великая распря: тотъ хочетъ взять себѣ, а другой не даетъ; и затѣмъ споромъ хотятъ меня изрубить. И я предъ ними горько плакати»... И стала его вопрошать: «Молю тя, мой

¹⁾ Въ рукописи г. Забѣлина: «россійскій»; исправлено по музейной рукописи.

²⁾ Въ рукописи: «отягчилъ любосклонною и въ любовь впадѣ»; исправлено по другому списку.

³⁾ Въ рукописи: «держаютъ».

государь, ваша фамилія како, сюда зайде изъ котораго государства, понеже я у нихъ разбойниковъ до сего часу васъ не видала, и вижу васъ, что не ихъ команды, но ¹⁾ признаю васъ быть нѣкотораго кавалера». Тогда Василей нача ей о себѣ сказывать, исповѣдать: «Государыня королевна, что я Россійской Европіи, посланъ для наукъ въ Галандію и такъ былъ почтенъ отъ галанскаго купца, отъ котораго ходилъ съ товарами въ Англію и Францію на корабляхъ, и оттуда возвратился, и великіи ему учинилъ прибытки, почтенъ былъ вмѣсто сына родного; потомъ просился я у онаго гостя въ домъ къ отцу своему, по нѣкоторому прошенію былъ уволенъ, и дано мнѣ было три корабля съ товарами, и чтобъ бывъ ²⁾ у отца, возвратиться назадъ въ Галандію. И по отбытіи изъ Галандіи семь дней на морѣ были благополучно, а потомъ заста великая буря и корабли всѣ разбила, и мене ³⁾ единого въ сей островъ на доскѣ корабельной принесло, въ которомъ разбойниковъ обрѣлъ и поставленъ отъ нихъ атаманомъ, чего не желалъ. Доношу вамъ, изволь вѣрить: ежели меня Богъ вынеситъ отъ нихъ, то и тебя не оставлю, токмо прошу не промолвиться имъ, что я у васъ былъ». Королевна же, слышавъ отъ него, паде на колѣнки и нача его цѣловать любезно и просить, чтобъ ея онъ не оставилъ, какъ самъ поидетъ. Василей же клятвою обѣщался не оставить и заперъ чуланъ и отыде въ великой печали.

Потомъ разбойники пріѣхавши съ добычи, и онъ ихъ встрѣтилъ по обычаю атаманскому, и вси ему веселымъ образомъ отдали поклонъ и объявили, что его счастіемъ три корабля и семь галеръ таліанскихъ разбили и великую сумму казны получили и товаровъ. И начаша ясти и пити въ великомъ веселіи, что его крѣпкимъ заговоромъ великіи получили прибыли. Потомъ рѣша ему: «Господинъ нашъ атаманъ, изволь приказать на блюды хорошихъ явствъ положить и ключи возми отъ заповѣднаго чулана». Пришли, и отперъ, и видѣлъ королевну, и введе къ разбойникамъ и кушанья велѣлъ поставить на уборной столъ, а самъ плюнулъ и вонъ пошелъ въ свой покой. Видѣвъ же разбойники, что онъ на королевну ни мало не сталъ смотрѣть, и рѣша къ себѣ: «Зрите ли, братцы молодцы, каковъ нашъ ата-

¹⁾ Въ рукописи: «не».

²⁾ Въ рукописи: «былъ».

³⁾ Въ рукописи: «имени».

манъ, что женскій полъ не хочетъ смотрѣть: не какъ нашъ прежній атаманъ—всѣ глаза растерялъ; и можно вѣрить во всемъ господину новому нашему атаману». И съ того времени наипаче стали вѣрить, и какъ онъ ихъ на добычу ни отпускалъ, и во отпускахъ его великія прибыли были. И отпускалъ ихъ на городки португальскія и другихъ земель, и его счастьемъ вездѣ безъ урону и съ великимъ прибыткомъ пріѣзжали. А какъ ихъ ни отпустить ¹⁾, то всегда къ королевнѣ хаживалъ, и думали, какъ бы отъ нихъ уйти.

Въ единое же время нача говорить Василей всѣмъ разбойникамъ, чтобъ великія суммы порознь разбирать, злато и серебро и драгія каменія сыпать въ сумы ²⁾, и по его приказу множество сумъ (пошили) и начаша разбирать все порознь и въ сумы сыпать. И какъ все разобралъ, то атаманъ рече имъ: «Братцы молодцы, приведите мнѣ коня, и я поѣду по острову, погуляю». Они же тотъ часъ привели коня къ нему и осѣдлаше драгимъ уборомъ. Василей же ѣздилъ весь день по острову сему, но ³⁾ токмо кругомъ моря, а сухого пути слѣду нѣтъ. И узрѣвъ на одной сторонѣ—пристаютъ рыболовы; онъ же ихъ спрашивать—что изъ котораго государства. «А пріѣзжаемъ сюда ⁴⁾ для продажи въ семь островъ живущимъ разбойникамъ рыбы». А того они не вѣдали, что ихъ атаманъ. Онъ же рече имъ: «Братцы молодцы, пребудьте здѣсь два дня, и я вамъ дамъ великую плату; вывезите меня до цыцарскихъ почтовыхъ буеровъ». Они же обѣщались подождать.

Потомъ пріѣхалъ атаманъ Василей къ разбойникамъ въ великомъ веселіи; они же тотъ часъ у него коня приняли и съ честію его привели до горницы и начаша вси пити и веселиться. И какъ ночь прошла, то Василей тотъ часъ велѣлъ всѣмъ собраться во фрунтъ. Какъ скоро всѣ во фрунтъ собрались, то онъ нача къ нимъ говорить: «Братцы молодцы, вчерашняго числа я видѣлъ на морѣ корабли плывутъ, семь кораблей съ Португаліи: извольте за ними гнать, а я признаю, что купецкія». И они тотъ часъ вси поѣхали въ буерахъ.

Матросъ Василей тотъ часъ взялъ двухъ коней и собравъ

¹⁾ Въ рукописи: «отпустить».

²⁾ Въ рукописи: «суммы».

³⁾ Въ рукописи: «не».

⁴⁾ Въ рукописи: «суда».

ропуски и наклавъ сумъ съ златомъ и серебромъ и драгими каменіями, елико можно было двумъ конямъ везти, и пришелъ къ королевнѣ и ее взялъ съ собою. Тотъ часъ поѣхали къ морю, гдѣ рыбаки песарскія. И убрався, взявъ судно и съ королевною, и злато, и серебро взяша, а коней на берегу оставиша и на гребкахъ поплыша моремъ къ пристани, отъ которой пристани къ Цесаріи почтовые буеры бѣгаютъ. И въ то время разбойники вскорѣ возвратишася ко двору своему и не обрѣтоша атамана, также и королевны. Тотъ часъ бросишася на море къ той пристани, гдѣ рыбаки пристають, и увидѣвши коней и роспуски, тотъ часъ въ малыхъ суднахъ въ погоню погнаша, а рыболовы уже моремъ далеко гребутъ, что на силу можно въ трубку человѣку видѣть. Разбойники же начаша догонять и великимъ гласомъ кричать: «Стойте, сдайте намъ сихъ людей, а не отдадите, то мы васъ живыхъ не пустимъ». Рыболовы убоишася и хотѣли возвратиться къ нимъ. Василей же, выневъ свою шпагу, и пихнулъ одного въ море: «Аще возвратитесь, то васъ всѣхъ побую и въ море побросаю». Они же убоишася и начаша елико мочно вдоль моремъ угребать, и по ихъ счастію воста покосной вѣтръ, и они подняли малинкія парусы и поплыша, изъ виду ушли. А у разбойниковъ парусовъ нѣтъ, и тако возвратишася разбойники въ великой печали. Потомъ приплыша рыболовы съ російскимъ матросомъ и съ королевною на почтовую пристань. Тогда Василей, вышедъ изъ судна и всѣ имѣнія выбравъ, и тѣмъ рыболовамъ далъ едину суму злата, и они рыболовы той казнѣ велми были рады и общались рыбы по морю не ловить и къ тому острову разбойническому не ѣздить. А Василей нанелъ почтовое судно до Цесаріи, въ которое убравшись и съ королевною Ираклією, и поѣхали моремъ до Цесаріи. И пріѣхали въ Цесарію благополучно, и за наемъ по договору денги заплатилъ.

Приплыша же въ Цесарію, нанелъ нѣкоторой министерской домъ зѣло украшенъ, за которой платилъ на каждой мѣсяцъ по пятидесять червонцевъ, и въ томъ домѣ стоялъ и съ королевною въ великой славѣ. И нанелъ себѣ въ лакеи пятьдесятъ человѣкъ, которымъ подѣлалъ ливреи, велми съ богатымъ уборомъ, что при дворѣ цесарскомъ такихъ ливрей нѣтъ чистотою; а королевнѣ нанелъ дѣвицъ самыхъ лѣпообразныхъ тридцать, которыхъ зѣло украсивъ. Случися нѣкоторой праздинокъ, то російской матросъ, убравшись въ драгоцѣнное платье,—великія лучи отъ него сіяютъ,—также приказалъ и людямъ убраться, а корету

приказалъ заложить златокованную и коней добрыхъ, съ богатымъ конскимъ уборомъ, яко во всей Цесаріи такового сбора нѣтъ не у кого, и поѣхалъ къ церкви, въ которой будетъ цесарь самъ, и сталъ въ церкви у праваго крылоса.

Потомъ пріѣхалъ и цесарь къ церкви, и вшедъ въ церковь и увидѣвъ Василея въ богатомъ убранствѣ и чая каковъ пріѣзжай царевичъ или король, тотъ часъ призвалъ къ себѣ каморгера, которому спросить приказалъ его: что за человѣкъ. И онъ каморгеръ съ почтеніемъ приступилъ къ россійскому матросу и по обычаю нача его спрашивать: что за человѣкъ, и котораго государства. «Матросъ, а фамилія моя небольшая—Василей Ивановъ сынъ Коріотской, а сюда ¹⁾ привела меня нѣкоторая нужда быть»,—которой выслушалъ каморгеръ и цесарю объявилъ. И какъ отслушалъ церковное пѣніе, то цесарь просилъ къ себѣ россійскаго матроса. И обѣщалъ быть, его величеству поклонъ отдать. И цесарь поѣхалъ во дворецъ свой, а Василей остался въ церкви для нѣкоторой своей Богу должности.

Потомъ поѣхалъ къ цесарю во дворецъ; пріѣхалъ и принять былъ отъ цесаря съ великою славою, подобно яко нѣкоего царевича. И какъ вошли внутрь царскихъ палатъ, въ палату убранную, въ которой былъ поставленъ столъ со всѣмъ убранствомъ и кушаньемъ, потомъ цесарь сталъ россійскаго матроса сажать за столъ кушать, Василей же нача съ почтеніемъ отговариваться: «Пожалуй, государь великій царь, меня недостойнаго остави, понеже я вашъ рабъ, и недостойно мнѣ съ вашею персоною сидѣть, а достойно мнѣ предъ вашимъ величествомъ стоять»

Тогда цесарь рече: «Почто напрасно отговариваешься? Понеже я вижу васъ достойно разума, то васъ жалую ²⁾ своимъ сердцемъ искреннимъ; хотя бы мой которой и подданной рабъ, а я его жалую ³⁾, велю садиться съ собою, и тотъ меня слушаетъ; а ты, пріѣзжай ко мнѣ гость, изволте садиться». Тогда россійской матросъ, поклонясь, рече: «Буди воля вашего величества». И сѣлъ за столъ съ цесаремъ кушать.

Егда начаша кушать, тогда цесарь нача разговаривать и россійскаго матроса спрашивать о его службѣ и походженіи. И онъ Василей его цесарскому величеству отъ начала своего походе-

¹⁾ Въ рукописи: «суда».

²⁾ Въ рукописи: «желаю»; исправлено по другому списку.

³⁾ Въ рукописи: «желаю».

нія и службы подробно объявилъ: какъ на корабляхъ разбило бурю, и какъ пришелъ къ разбойникамъ и былъ атаманомъ, и какъ отъ нихъ увезъ прекрасную королевну Ираклію Флоренскую, даже до прибытія его въ Цесарію все по ряду. Слышавъ же цесарь зѣло дивися російскому матросу: «Государь мой братецъ, Василей Ивановичъ, во истину всякой чести достойной! Я вамъ донесу, что сію королевну Флоренскаго короля за себя сваталъ, токмо такое несчастіе учинилось; (что безвременно пропала)¹⁾; отъ Флоренскаго короля адмиралъ старшей посланъ ее искать по всей Европіи, и гдѣ сыщутъ, то за него король обѣщаль отдать оную королевну Ираклію и послѣ себѣ наслѣдникомъ хочеть учинить. И оной адмиралъ собою не младъ. И я васъ, мой государь Василей Ивановичъ, имѣть буду вмѣсто брата роднаго», — котораго велѣлъ во всей Цесаріи за роднаго брата почитать. И по откушаніи много было разговоровъ, и поѣхалъ цесарь съ російскимъ матросомъ, названнымъ братомъ своимъ, гулять. И російской матросъ послалъ своего раба къ прекрасной королевнѣ Иракліи, чтобъ убралась хорошенько, понеже цесарь съ нимъ будетъ. И какъ тотъ посланной пріѣхалъ и объявилъ ей о пріѣздѣ цесаревомъ²⁾, и королевна убралась хорошенко и съ дѣвицами. И какъ цесарь съ Василюмъ гуляли³⁾, то російской матросъ Василей нача просить цесаря, чтобъ къ нему пожаловать на квартиру, и цесарь поѣхалъ съ нимъ; и какъ пріѣхали, и королевна ихъ встрѣтила, и цесарь въ полатахъ долго бесѣдовалъ и спрашивалъ королевну, какъ она увезена отъ Флоренской земли разбойниками. И она цесарю все объявила. И цесарь веселился до самаго вечера и поѣхалъ во дворецъ, а ему, матросу Василю, и съ королевною велѣлъ переѣхать въ свой особой⁴⁾ дворецъ и отъ своего дворца всѣ напитки и кушанья приказалъ отпускать и драбантамъ своимъ на караулъ быть, и министрамъ, и пажамъ, и каморгерамъ неотступно быть; а королевнѣ дѣвицъ Фрелинъ опредѣлилъ быть. И по утру російской матросъ перебрался⁵⁾ во дворецъ, данный отъ цесаря, и сталъ у

¹⁾ Эти три слова, пропущенныя въ рукописи г. Забѣлина, внесены изъ музейнаго списка.

²⁾ Въ рукописи: «цесаревой».

³⁾ Въ рукописи: «гулять».

⁴⁾ Въ рукописи: «всобой».

⁵⁾ Это слово, пропущенное въ списокъ г. Забѣлина, внесено изъ музейнаго.

цесаря¹⁾ въ великой славѣ пребывать; а министрамъ, и нажамъ, и каморгерамъ, и драбантамъ всѣмъ давалъ великое жалованье; и всѣ его министры возлюбили, паче цесаря почитали, а королевна Ираклія—всѣмъ велми сердцемъ, и говорила, что до законнаго браку сохранять во всякой дѣвической чистотѣ, а кромѣ его въ супружество ни за кого²⁾ иного не посягать; а ежели кто одинъ изъ нихъ какими ни есть приключившимися резонами отлучится, ни за кого иного не посягать и до смерти пребывать въ дѣвической чистотѣ. И онъ ей клятвою общался, что хранить дѣвичество ея. Прекрасная же королевна Ираклія велми была горазда играть на арфіи и Василия Коріотскаго такожде выучила, какъ и сама играть, и говорила ему, что: «Въ нашемъ Флоренскомъ государствѣ, кромѣ меня, никто на арфіи не играетъ и не умѣетъ». И всегда тѣмъ цесаря забавляла. И къ цесарю³⁾ во дворецъ безпрестанно ѣзжали.

Во едино же время російской матросъ Василій былъ у цесаря; въ то время изъ Флоренскаго государства адмиралъ къ пристани цесарской пріѣхалъ⁴⁾ и великую палбу учинилъ изъ пушекъ. Тогда цесарь послалъ каморгера освѣдомиться, кто прибылъ. И каморгерь⁵⁾ освѣдомився объявилъ, что адмиралъ Флоренскаго государства. Потомъ цесарь послалъ его просить къ себѣ, и какъ адмиралъ флоренской во дворецъ къ цесарю прибылъ, и будучи въ полатахъ, объявилъ, что: «Ваша королевна у меня въ Цесаріи»,—и показалъ, что: «У брата моего Василія, понеже онъ ее избавилъ отъ разбойниковъ, и ежели вамъ онъ ее покажетъ или отдастъ, въ томъ воля его». Адмиралъ раболѣпно російскаго матроса просилъ, чтобъ его государынѣ показалъ, и онъ велѣлъ быть на другой день по утру во дворецъ его. Адмиралъ поѣхалъ на пристань, а російской матросъ въ свой дворецъ. Пріѣхавши объявилъ прекрасной королевнѣ Иракліи о пріѣздѣ отъ отца ея адмирала. То королевна слышавъ, зѣло опечалилась всѣмъ сердцемъ; и просила королевна у Василія, чтобы приказалъ сдѣлать ей черное платье печальное, которое во всякой скорости сдѣлано.

¹⁾ Въ рукописи: «вцесаря».

²⁾ Въ рукописи: «незаконнаго».

³⁾ Въ рукописи: «цесарію».

⁴⁾ Это слово, пропущенное въ спискѣ г. Забѣлина, внесено изъ музейнаго.

⁵⁾ Въ рукописи: «каморъ пажъ».

И по утру рано королевна убралась въ черное платьѣ, и въ то время съ пристани адмиралъ пріѣхалъ во дворецъ къ нему, и вшедъ въ полату къ російскому матросу и раболѣпно поклонъ отдалъ, яко своему королю Флоренскому. А прекрасная королевна была съ дѣвицами въ особой полатѣ. Потомъ адмиралъ просилъ російскаго матроса, чтобъ его государынѣ показать, и Василей, взявъ его за руку и введе его въ ту полату, гдѣ сидѣла прекрасная королевна Ираклія. Вшедъ адмиралъ къ королевнѣ въ полату, и королевна противъ его не встала, сидѣла въ великой печали. Адмиралъ же королевнѣ, какъ должно своей государынѣ, поклонился до земли и подшедъ цѣловалъ ея руку. «Государыня наша, великая и прекрасная королевна Ираклія, многолѣтно и благополучно, государыня, здравствуй! О семъ вамъ, государыня, представляю, что вашъ батюшка, король Флоренской Эвгеръ ¹⁾, здравствуетъ, и матушка такожде благополучно пребываетъ, токмо уже о васъ, государыня, въ великихъ печалѣхъ по вся дни сокрушается, а нынѣ имъ великое веселье, и печаль превратится на радость; прошу васъ, изволте со мною отправиться». Слышавъ же то, королевна вздохнувъ и слезы изъ очей испусти и рече: «Благородный адмиралъ, я вамъ доношу, что къ родителямъ моимъ рада ѣхать, токмо не моя воля, но того, которой меня избавилъ отъ разбойниковъ». Тогда рече Василей адмиралу: «Изволте вы ѣхать возвратно во Флоренское государство и донести королю своему, что его дочь, прекрасная королевна Ираклія, благополучно въ Цесаріи обрѣтается; и прошу васъ все подробно представить, что какъ мною избавлена она отъ разбойниковъ; и съ вами ее не отпущу, дондеже самъ вашъ король, а ея родитель, будетъ въ Цесарію». Понеже слышавъ же адмиралъ поѣхалъ на пристань въ великомъ сумнѣніи и приказалъ убраться въ походъ совсѣмъ, а самъ къ цесарю поѣхалъ поклонъ отдать и объявить, что Василей не отдалъ ему королевну. И цесарю зѣло о томъ весело было, что російской матросъ Василей велѣлъ Флоренскому королю быть самому въ Цесарію. И адмиралъ отдавъ цесарю поклонъ и объявилъ, что скоро въ маршъ во Флоренцію плыть имѣетъ ²⁾, и поѣхалъ на корабли свои, въ великую печаль впаде и думалъ, какъ бы ему королевну увезти. И вздумалъ къ себѣ звать російскаго матроса на

¹⁾ Пропущенное въ спискѣ г. Забѣлина имя внесено изъ музейнаго.

²⁾ Въ рукописи: «имѣтъ».

корабль и съ королевною и увезти. И поѣхалъ во дворецъ, нача просить: «Государь мой, Василей Ивановичъ, покорно прошу государя моего, пожалуй завтешняго числа ко мнѣ, рабу вашему, со всеми министрами и пажамъ, такожде ежели возможно и съ прекрасною королевною Иракліею, на корабли погулять и напихъ кораблей посмотрѣть и убранства флоренскаго». И Василей рече ему: «За вашу просьбу быть готовъ». И которыи были при адмиралѣ флоренскомъ всемъ Василей давалъ дары и напитки на корабли посылалъ. И на другой день по утру рано адмиралъ вторично просилъ Василія, и онъ обѣщалъ къ нему быть. И нача просить Василей по просьбѣ адмиралской, звалъ съ собою королевну на корабль. Тогда королевна рече ему: «Государь мой, я опасна того, что сей адмиралъ воровать, не сдѣлалъ бы чего надъ нами; того ради весьма опасуюсь». И рече Василей: «Государыня, съ нами много будетъ генераловъ и министровъ и пажей и драбантовъ нашихъ; что намъ можетъ сдѣлать?» Королевна же рече: «Будь, государь мой, по воли вашей; я готова съ вами хотя и смерть принять, а волю вашу исполнять». И поѣхали Василей и королевна во дворецъ къ цесарю и о всемъ ему томъ объявили¹⁾. И цесарь рече: «Братецъ, изволь ѣхать, и съ собою изволь взять моихъ генераловъ и министровъ, также чтобъ и драбанты²⁾ были при васъ». И отъ цесаря Василей съ королевной, съ генералы и министры и множество драбантовъ какъ къ адмиралу на корабли поѣхали, и какъ на пристань пріѣхали, тогда адмиралъ съ великою радостію встрѣтилъ, и принявъ Василія и королевну, пошли въ корабль. А королевна въ черномъ платьѣ была и въ великой печали. И какъ въ корабль пришли, тогда адмиралъ нача всякими напитками поити жестоко всѣхъ генераловъ и министровъ и пажей и драбантовъ; великіе бочки вина выставилъ и во всякія игры играть приказалъ³⁾. А какъ все пьяни стали, тогда адмиралъ, вышедъ изъ корабля, и велѣлъ своимъ офицерамъ и солдатамъ, чтобъ цесарскихъ генераловъ и министровъ съ кораблей бросать и драбантовъ бить и подымать парусы, чтобъ изъ Цесаріи уйтить. И оный его офицеры приказъ приняли и начаша всѣхъ съ кораблей въ море бросать и въ цесарскія суда пьяныхъ метать. И поднявши па-

¹⁾ Въ рукописи: «объявить».

²⁾ Въ рукописи: «драбантовъ».

³⁾ Въ рукописи: «приказать».

русы, побѣждали къ Россійской (?) Европѣ. И оны адмиралъ вшедь въ корабль, нача Василия Коріотскаго бить по щекамъ и за власы терзать, и рече адмиралъ: «Тебѣ ли, каналія непотребный, бестія, сею прекрасною королевною Ираклією владѣть». И бивши ¹⁾ его, едва жива оставилъ и велѣлъ своимъ офицерамъ, навѣзавши едро пушечное, бросить въ морскую глубину. Тогда офицеры, взявъ Василия изъ корабля и помня прежнюю ²⁾ его къ себѣ милость, взявъ положили въ малую лодку и спустили на море, шляпу его съ едромъ пушечнымъ съ корабля бросили и сказали адмиралу, что бросили, и онъ въ глубину морскую съ едромъ уйде, только шляпа его на верху плаваеъ. Королевна же, видя сіе приключившееся надъ ними несчастье, паде, обмерла отъ великой ужести, пала на землю. Адмиралъ же, приступивъ корлеви и поднявъ, дулъ въ уши и лилъ на перси ея воду, дондеже могла прійтти въ чувство; и какъ пріиде въ память, нача горко плакати. Тогда адмиралъ, выневъ изъ ноженъ свою шпагу, и съ пристрастіемъ рече: «Ежели станешь плакать, сей-часъ главу твою отсѣку». И приведе ея къ присягѣ, что отцу ея и матери о томъ своемъ несчастіи не сказывать, а сказала бы, яко съ Цесаріи боемъ взялъ. И она страху ради дала присягу, что по волѣ его сдѣлать, и отъ той печали пріиде въ великую болѣзнь.

И какъ цесарю сказали, что такое несчастье учинилось, и брата его Василия въ море бросили, и весма печалился о братѣ своемъ и распалился сердцемъ, скоро велѣлъ собрать войско четырехъ тысячъ и съ войсками послалъ своего генерала и ковалера Флегонта, съ которымъ писалъ королю Флоренскому все подробно объ его адмиралѣ, какъ увезъ прекрасную королевну Ираклію и брата его Василия кинулъ въ море, (за) которое непотребство, при посланномъ его генералѣ и ковалерѣ Флегонтѣ, велѣлъ (бы) съ живого кожу снять и жилы всѣ вытянуть: «А ежели сего не учинишь, то все ваше царство разорю».

Василея же въ томъ маломъ суднѣ принесло къ нѣкому малому острову, на который островъ вышедъ, нача горко плакати о своемъ несчастіи и призвалъ Господа Бога на помощь, и съ той печали на томъ островѣ уснулъ крѣпкимъ сномъ. И въ то

¹⁾ Въ рукописи г. Забѣлина: «беша»; исправлено по музейному списку.

²⁾ Въ рукописи: «прежнюю».

время приста нѣкій мужъ, старый рыболовъ, и видѣвъ челоуѣка спяща въ драгомъ одѣяніи и пришедъ, возбудилъ его. И виде Василей, паде на ноги его, плача и рыдая. Онъ же мужъ его спросилъ о приключившемся, како на сей островъ заиде и котораго государства. Василей же все ему подробно сказалъ. Слышавъ же оной мужъ рече: «Не плаче, брате, молися Господу Богу, Богъ все помогаетъ, можетъ ты и помиловать, и будешь въ прежней своей славѣ. Аще хочешь въ Цесарію или во Францію, азъ ты имамъ отвезти». Василей же нача просити, чтобъ во Флоренское государство его отвезти, и старый мужъ, посадивъ его въ свое судно, въ три дни во Флоренское государство его поставилъ. Василей же велѣе ему воздаде благодареніе и вниде во Флоренское государство. И выпросился у нѣкоторой старухи въ богадѣльню, на которую дрова сѣкъ и воду носилъ и плетнемъ ея хижину оплелъ. А она богадѣльня была на пути близъ кирки, въ которую король хаживалъ. И видѣвъ короля и королеву ¹⁾ весьма печална и спрашивалъ у старухи, чего ради король и королева въ великой печали; она же ему говоритъ: «Уже три года и слуху нѣтъ — пропала королевна, и посланъ для исканія ея адмиралъ по разнымъ государствамъ, которой еще и понынь не бывалъ». Тогда уразумѣ Василей, что еще его прекрасной королевны Иракліи нѣтъ.

По прошествіи же трехъ мѣсяцовъ, какъ Василей во Флоренцію приде, прибылъ флоренской адмиралъ и съ прекрасною королевною Ираклією на пристань, и начаша изъ пупекъ палить и въ барабаны бить и во всякія игры играть. Тогда увѣдалъ король Флоренской, что адмиралъ его дочь, прекрасную королевну Ираклію, привезъ; тотъ часъ и съ королевою своею на пристань поѣхалъ, и увидѣвши дочь свою, отъ радости (нача) горко плакати; а королевна съ печали на силу вышла и ни о чемъ ни говоритъ, лицемъ помрачна. Видѣвши отецъ ея и мать и начаша горко плакати и говорить: «Государыня наша, любезная дщерь, прекрасная королевна! Или ты недомогаешь, что ты видомъ очень печална?» Она же воздохнувъ жалостно и нача плакати и рекла: «Государь мой батюшко и государыня матушка, нынѣ я вижу васъ, токмо мало порадовалась сердцемъ своимъ, отъ печали своей, которая въ сердце мое вселилась не могу от-

¹⁾ Въ рукописи: «королевну».

быть» ¹⁾. И поѣхавши во дворецъ король, и королевна весма была печална и въ черномъ платьѣ.

Потомъ адмиралъ объявилъ королю: «Я королевну взялъ приступомъ». И просилъ адмиралъ королевскаго величества, что ему обѣщана отдать въ жену, въ чемъ и король свое ²⁾ королевское (слово) не преминетъ. И какъ утро и день наста, къ законному браку совсѣмъ уготовился и пришедъ къ киркѣ; а прекрасную королевну повелѣ убирати въ драгоцѣнное платье королевское. И адмиралъ поѣхалъ со всѣмъ убранствомъ къ киркѣ.

И король приде къ королевнѣ Иракліи и рече: «Возлюбленная моя дщерь, прекрасная королевна Ираклія! Изволь убираться, время къ законному браку». Слышавъ же королевна отъ отца своего, горко стала плакати и паде на ноги его и рече: «Милостивый мой государь батюшко, прошу вашей государской и родителской милости, пожалуй не отдавай меня въ жену сему адмиралу». «Чтобъ тебя не отдать, я не хочу пороль свой оставить; изволь убираться и ѣхать до киркѣ». И видѣвъ королевна, что уже никакъ у отца не отговориться, залилась слезами и воздохнувши рече: «На что мнѣ убираться, когда у меня единого нѣтъ: ежели бъ у меня едино было, то бы я веселилась». Слышавъ же отецъ ея и мать начаша дивитися и ее вопрошати: «Повѣждь намъ, милѣйшая наша дщерь, прекрасная королевна Ираклія». Королевна же въ великой своей печали не отвѣща и поиде во уготованную полату и вышла, и пала въ корету въ черномъ платьѣ. И поѣхали къ киркѣ, и какъ стали подъѣзжать близъ той богадѣлни, идѣже россійской матросъ, Василей, взявъ арфу, нача жалобную играть и пѣть арію:

«Ахъ, дражайшая, всего свѣта милѣйшая, какъ ты пребываешь,

«А своего милѣйшаго друга въ свѣтѣ жива зрѣти не чаешь!

«Вспомяни, драгая, како возмогъ тебѣ отъ морскихъ ³⁾ разбойническихъ рукъ свободити,

«А сен злы губители повелѣ во глубину морскую меня утопити!

«Ахъ прекрасный цвѣтъ, изъ очей моихъ нынче угасаешь,

«Меня единого въ сей печали во гробъ вселяешь.

¹⁾ Три послѣднія слова, пропущенныя въ рукописи г. Забѣлина, внесены изъ музейнаго списка.

²⁾ Въ рукописи: «свои».

³⁾ Въ рукописи: «мирскихъ».

«Или ты прежнюю любовь забываешь,
 «А сему злomu губителю супругою быть желаешь.
 «Точію сей мой пороль объявляю
 «И моей дражайшей воспѣваю:
 «Аще и во отечествѣ своемъ у матери¹⁾ пребыти,
 «Прошу вѣрныя моя къ вамъ услуги не забыть!»

Слышавъ же королевна играюща на арфѣ и поюща къ ней арію, тотъ часъ повелѣ коретѣ стати и разумѣла, что ея вѣрный другъ Василей живъ, повелѣ спросити: кто играетъ. Пажъ прииде и повѣда, яко нѣкій ковалеръ играетъ. Королевна же изъ кореты тотъ часъ сама встала и желала видѣть, кто играетъ. И какъ увидѣла, что милой ея другъ²⁾ Василей Ивановичъ, и пришедъ ухвати его, нача горько плакати и во уста цѣловати. И взяла его за руку и посадила въ корету и повелѣ поворотить и ѣхать во дворецъ. Видѣвъ же сіе министры, и начаша зѣло дивитися, что такое несчастье, всѣмъ превеликое подивленіе. И какъ приѣхали во дворецъ, тогда королевна Василія взяла за руку, (повела) россійскаго матроса Василія ко отцу своему и матери и рече: «Государь мой батюшко и государыня матушка, чего не чаяла до смерти своей видѣть, сіе во очію мою нынѣ явилось!» И нача имъ подробно о всемъ предъявлять³⁾, како онъ ее избавилъ отъ разбойниковъ, и какъ самъ въ Цесаріи былъ названъ отъ цесаря братомъ роднымъ, и какъ ее адмиралъ увезъ изъ Цесаріи и его билъ, въ море повелѣ бросити, и цесарскихъ министровъ и драбантовъ били, — «за которое извольте ожидать отъ цесаря вскорѣ силы за продержость онаго нашего адмирала». Слышавъ то, король и королева⁴⁾ и придоша въ великой ужесъ; и вси ковалеры стали говорить, чтобъ Флоренцы быть не разореной. Тотъ часъ посла каморгера къ киркѣ и велѣлъ арестовать адмирала; каморгеръ арестовалъ. Королевна же тогда просія красотою, яко солнце не одѣянное; черное сняла и въ драгоцѣнное платье убралась и бысть въ великомъ веселіи.

По прошествіи трехъ дней прибылъ изъ Цесаріи генералъ цесарской Флегонтъ съ войскомъ цесарскимъ къ Флоренскому

¹⁾ Въ рукописи: «аще и пою очечестви своемъ и матери».

²⁾ Въ рукописи «другой».

³⁾ Въ рукописи г. Забѣлина: «подробно всемъ...» Исправлено и дополнено по музейному списку.

⁴⁾ Въ рукописи: «королевна».

государству и приказалъ безпрестанно бить изъ пушекъ и въ барабаны; а самъ генералъ Флегонтъ, взявъ присланной листъ отъ цесаря, и поѣхалъ къ королю Флоренскому; и какъ пріѣхалъ, то объявилъ королю, чтобъ приказалъ адмирала своего, которой былъ въ Цесаріи, и брата цесарева Василия зазвать къ себѣ на корабли съ генералами и министры цесарскими великое учинилъ непотребство, повелѣ въ море побросать и прекрасную королевну увезъ, которая была избавлена отъ разбойниковъ онымъ цесарскимъ братомъ Василиемъ,—и за оныя ¹⁾ его адмираловы непотребства чтобъ предъ войскомъ цесарскимъ учинить тиранственное мученіе, съ живого кожу снять. Король же Флоренской рече генералу цесарскому Флегонту, что Василій Ивановичъ живъ и въ его королевствѣ, и возьмъ его за руку. Видѣвъ же Флегонтъ Василия и королевну, яко своему цесарю поклонъ отдалъ и велми тому порадовался. Василей же повелѣ адмирала предъ войскомъ цесарскимъ вывести и съ живого кожу снять, а генералу цесарскому король Флоренской и Василей даша великія дары и всему войску цесарскому жалованье.

И послѣ той казни король Флоренской дочь свою, прекрасную королевну Ираклію, отпусти съ Василиемъ къ законному браку къ киркѣ. И вѣнчались въ той киркѣ, на которомъ ихъ законномъ бракѣ былъ генералъ цесарской Флегонтъ и всѣ генералы и министры флоренскія. И было великое веселіе во всей Флоренцы три недѣли. И по прошествіи трехъ недѣль генерала цесарскаго и съ войсками Василій отпустилъ въ Цесарію, писалъ съ великимъ благодареніемъ и общался быть самъ къ цесарю.

И какъ къ цесарю генералъ Флегонтъ пріѣхалъ и объявилъ, что Василей Ивановичъ живъ и въ добромъ здоровьи обрѣтается и совокупился законнымъ бракомъ и прекрасную королевну Ираклію взялъ, и подаль отъ него присланной листъ, которой принялъ цесарь, въ великой радости былъ, что его братъ Василей Ивановичъ живъ, въ добромъ здравіи обрѣтается. Василей спустя время самъ ѣздилъ къ цесарю и благодареніе цесаря за его прежнюю къ себѣ милость получилъ и возвратился во Флоренцію и поживе въ великой славѣ и послѣ короля Флоренскаго былъ королемъ Флоренскимъ; и поживе многія лѣта и съ прекрасной королевною Ираклією и потомъ скончался.

¹⁾ Въ рукописи: «оное».

VII.

ИСТОРИЯ ОАЛЕКСАНДРЕ РОССІЙСКОМ ДВОРЯНИНЕ.

(Рукопись Археографической Комиссіи № 159 ¹).

Вроссіі, встолничномъ граде москве, был неки знатьнъ дворянинъ, іменемъ димитри, добронаравиемъ, смелством, храбростию іудчивством зело украшенъ іковсякому добродееянію весма был рачителен ібедных приизирал, зачто ему всемогуци богъ даровал сына лепообразна юношу, которому равное красоте ево імя дадеся александръ. Иеще александру вмаломъ возрасте сущу, дивитися было достойно, понеже отприроды данної разумъ внемъ такъ изострился, что өилосоөіі іпротчихъ наукъ достиглъ исклонностьже ево была более взабавахъ, нежели воудинени быть. Егда александръ умеренную силу себе позналъ ідвонадешатный возрастъ приспе, тогда возревновах красоту маловременно жизни света сего зрети, пришел ко отцу своему дмитрию іпросил сице: «любезнейши ідражаши отче, желание мое нестерпимо мучит мя,ежебы отвас милости испросити,—іконечно безсовестная моя былабы дерзость, ежелибы необрасцы многия тому свидетелствовалис: понеже во всемъ свете доединогo обычая імеють чад своихъ обучати іпотом вчуждыя государства для обретенія вещи че-

¹) Цѣликомъ повѣсть эта издается впервые; раньше лишь небольшой отрывокъ былъ напечатанъ Л. Н. Майковымъ въ его «Очеркахъ русской литературы» стр. 204—210; содержаніе повѣсти изложено М. И. Сухомлиновымъ въ «Библіотекѣ для чтенія» (1858 г. № 12). Въ нашемъ изданіи раскрыты титла, введена современная пунктуація.

сти іславы отпускають,— того ради ія, вапъ раб, взял намере-
 ние вначале благословение ікпутешествованію позволенія увас
 іспросити. Знаю, государи, что горячность іотеческая любовь
 ваша кразлуке конечно совѣтоват(ь) nebudeť, однакожь покор-
 неиши прошу, учините мя равно сподобными мне: ібо чрез удеръ-
 жание свое можате мне вечное поношение учинити,—ікако могу
 назватися ічемъ похваляюся? нетокмо похвалитися, ноидворяни-
 номъ назватися небуду достоин! сотворите милость, недопустите
 довечного позору!» Егда услышали отецъ імати сына своего не-
 отступное прошение, слезно увещевали імногими ласковыми раз-
 говоры намерение ево развращали; однакожь крепкое желание его
 онование отчее іматернее слезное рыдание призиало, інемогли
 никак склонитъ. Ідавъ благословение іназнак памети 2 кольца
 золотые здрагоценными камени подзапрещениемъ, ежебы недля
 какоі страсти никому не отдават(ь), вручили ему. Іегда але-
 ксандръ благословение іпозволение получилъ, ісполнился великоі
 радости, повеле седлати коней, благополучно, взявъ ссобою еди-
 ного раба іменемъ евпла, отдому отиде, ічерез несколько днеі до-
 парижѣ столичного еранцузского града достигъ. Іневосхоте втом
 себя показат(ь), стал наквартиру града того укупча іменемъ
 кера, укоторого вдом(е) слышитъ отрабовъ купцовыхъ часто вос-
 поминаемы град лилѣ. Желаниемъ александръ уязвился уконец-
 ное намерение взял, чтоб ради смотра, достойни такоі вели-
 коі хвалы, ехатъ наутре повеле рабу своему быти внамеренныі
 путь готову; івзявъ ссобою потребные, поехали. Ікакъ вблизи-
 сти достигъ іоко его зрети красоту града оногo допустило, то-
 всемъ сердцемъ возрадовался, якобы что ісвое получил, іпотоі
 радости усумнился, рече всебе: «великие іізрядные грады про-
 шел івидевъ,— основание тех радостиже мне никакоі тогда не-
 было ниеже оком,— токмо возмогъ зрети сеи град лилѣ—іпо-
 радовался безмерно: сего признаваю, либо буду всемъ граде ве-
 ликоі чести, іли внесносноі погибели причастен!» Однакожь, при-
 ехавъ, нанялъ квартиру близ пасторских полатъ іжил долгое
 время ввеликихъ забавахъ такъ, что живуще вооном граде лилѣ,
 красоту лица іостроту ума его усмотря, между всеми приезжими
 ковалеры первинствомъ почтили. Новьедин отднеи квечеру наиде
 наолександра незапное уныние, откоторого никоими забавами
 ізбавитися немогъ; івзявъ оледъ ресверитъ, начал іграти імало
 темъ себя увеселил, ноигра ево бы(ла) слышно впасторских пола-
 тах, которые близъ квартиры его стояли; ітакое ево олетъ ре-

вескъ подавал приятное ігране, что пасторская дочь отсна пробудилас(ь) іпослала девку, іменем акиллию, проведать, кто іграетъ, асама села блис окна ісвеликим умелениемъ слушала. Девка, пришед наквартиру александрову, ураба ево еопла спрашивала, кто іграетъ, начто евилъ отвещал: «господинъ мой отунныня забавляется!» Александръ, слышевъ девичей разговоръ, вышел, спросил ея сиче: «что отраба моего требуеши? іоткуду еси ты?» она ему отвещала: «государыня моя элеонора, града сего пасторская дочь, прислала меня наквартиру вашу проведат(ь), кто іграетъ: понежеде ігра оная ввеликое желание кслушанию ея привлекло.» Александръ рече: «покажи мне государыню свою, чтоб я знал осебе, ея какъ сказаться!» Раба усумьнилась ідолгое время вразмышлени стояла іпотом говорила сиче: «ежели прямо желеаиш государыню мою видетъ, ізволте вытти наулицу іузрити ея вспалне, вокне сидящую!» Александръ, слыша сие, скоро наулицу побѣжалъ, іпоровнясь спасторскими полатами, устремился навсе окна смотреть, іузрил ея вокне сидящу, дивился красоте ея. Элеонораж узревъ александра, возмнила быть некоему шуту: того ради отворя окно, рече ему громко: «чего, человек, желеаеши? іли мадел зданию снимаеши?» Александръ отвещал: «ожелани моемъ скоро известно будишъ!» Іпаки наквартиру возвратился іпришед посланной девке подарил 20 червонных іпросил, чтобъ ему помощь учинила, какъ бы згосударынею ея познатца. Онаже обещала возможно вспомогани, аради лутчего совета просила сроку доутра. Александръ, опуствя девку, размышлял много; способнейшаго случая никоего неумыслилс ибылъ всю ночь ввеликомъ диспорате. Наутрееже пришла кнему реченная девка ідала советъ, чтоб написал письмо, которая обѣщалась верно вручить. Александръ исполнился великой радости оданном добромъ совете інаписалъ письмо:

дражайшая Элеонора,

моя государыня!

«Кол(ь) велию печал(ь) беспокоиство вчерашней вашъ вопросъ вомиѣ умножил ідивильюсъ, как возмогла такое великое пламе горячность свысоты воутробу мою вложить, которая меня столко палить, что уже терпети невозмогу! Того ради покорно прошу, буди врачъ болезни моя: ібо некимъ дохтуром отятой быти неможесть. Ащеже спомощию неускоришъ, страшуся, данебуди

мне убитьца! паки молю, необленись, спомощию зде предстани
іежели учиниши, припишу корысти насердеце моемъ іверность
моя догроба неоскудѣетъ, вкотоі іднесъ пребываю ісклонееши
слуга.»

Александръ.

Написавъ ісреченною девкою козелеоноре послал. Девкаже,
излуча время, государыне своей сие вручила: «Государыня моя,
невозымеи наменя рабу свою гнева заневолную мою продер-
зость; понеже писмо сие понудило мя смертныи страх вам го-
сударыне моей вручить. Сего дни, как я пошла повалу, стре-
тился мне тот ковалеръ, кторой вчерашнего числа отуныния
забавлялся, іотдавъ мне сие писмо, приказал вамъ вручитъ(ь) і
сказалъ, ежели невручу іли дам кому прочесть, закаелся жи-
вымъ богомъ, что меня конечно умертвит!»

Ізелеонора, взявъ писмо свеликим недоумениемъ, разсуждала
обнемъ іподписала натомже писме сие:

«Надежду вручаю, прозбы ожидаю, желанное получишъ(ь)
аздравие погубиш!» іпослала стоюже девкою коалександрѣ. Але-
ксандръ ополучени писма возрадовался, іегда несклонность элео-
норину уразумел, притъворил себя, якобы ізумлен стал. Девка
акиллия, виде александра изумьленна, ужаснуласъ(ь), інедождасть
оталександра приказу, ушла іслучившаяся сним элеоноре по-
ведала. Тогда элеонора, хотя ісожалела, аобъявлять ему запре-
тила, ібожелание ея было, чтоб познатъ(ь) ковалерское сердце,
сколко крепко противу женска. Александръ, размышляя оне-
счасти своемъ інадежды, іпритъворил себя такъ, что можно ево
изумьленнымъ тогда назвати было, отчего наконецъ івсущую
жалостъ(ь) пришел. Того ради, іща себе увеселения, пошел загород
інашел место проххладное ивоздух приятныи наоном возлеже ли-
цемъ ко граду, взирая нанъ(ь) інесчастия своя воспоминая, при-
слезился, ітак о размышлени онесклонной элеонориной любви
долгое время пребывъ тут запел арию:

«Дивну красоту твою, граде лиллъ, я ныне зрю: врата
імаш, позлощенныи, а внутри копие изочренны! почто чинишь
сомною прю?»

«Стенами крепчаешими отвсюду откруженъ; здание предивно
імаш, вруце держишь палашь! стобюу уязвленъ!»

«Кнеи похвалы імам днесъ предати, храбрость мою уничто-
жил, печалъ(ь) вомне умножил! покинь(ь) стрелы метати!»

«Всебе драгоценніиши камен(ь) бралиантъ імашь, ах, элеонору девку, полную ярости ігневу! помощи мне втом недашь,—зрю еартуна злящая мною ныне владетъ, несчастья комне течеть, ікогробу уже влечеть! что мне впомощь успеетъ?»

«Презелная несчастья намя днесъ востали, впогибел(ь) ужасную веду(ть івооруженныі встречу ідутъ! бывшу радость отогналъ!

«Приіде марєъ ныне смечем разделить мя надвое! іли ты, сатурнъ, незрящи, долго жизнь неприломиши, нетоликия более!»

Иокончавъ сию арию, пошел стого места досвоеи квартиры; іввеликої тоі печали многия дни пограду ходил. Жителиже того града лилля, хотя іопритчине несчастья его вадать, імного вопрошати покушалис(ь), ноалександръ несказывал. Іпомногимъ александровымъ сумнени, приіде нанъ жестокая горячка, івтом великом жару, невемъ, како впасторские полаты вшел. Іпришедъ предлицо элеоноры, рече: «что сомьною знаі чинити!» іпаде наземлю, ібо немогъ более болезни ради стояти. Тогда элеонора (в)велики преиде ужась ірече: «ах, какая проклатая девица! такового издрядного ічести достойного ковалера несклонностью своєю ігордымъ ответом вконечную погибел(ь) привела!» Івзявъ александра, элеонора срабою своею акиллиєю інесоша наквартиру іположиша наодрь. Тогда элеонора, взирая наалександра, многия слезы испускала, ітак себе смустилась, что чрез великую силу акиллия элеонору оталександра отвела; апришедъ элеонора восвою спальну, проклиная себя, неутешно плакала івтех слезах пела арию:

«Щастие, элеоноре, сама ты погубила! нанесла печал(ь) свои младости! гордым ответом болезнь возбудила, кое причестна ныне сладости!

«Кою ползу гордостию себе бедная сотворила? вчемъ себя более признаваешь? здравия почто ты себя лишила, авгорести уже пропадаешь!

«Приіди, любезнейши! ізми мя отзлеишия муки інедаі напрасно погибати! ускори мне впомощь іпростри руку: неимам, на кого уповати!»

Акилия, видевъ государыню свою, неутешно плачущу, пошла коалександру іобрете его вболезни сущей,—того ради неимела коувеселению государыне своей ничего достать, взяла раба ево еовпла ссобою іпросила, что элеоноре донестъ, бутто александра уже здравъ іпоехалъ для увеселения вполя гулять. Евплаже, неходи ассиліі преслушат(ь), вскоре пошел коэлеоноре

ідонесъ, что государъ ево александръ уже здоровъ іпоехал гулять вполе. Элеонора, слыша сие, хот(ь) мало іпорадовалас(ь), однакожъ познавъ неправду, говорила евыплу сиче: «знаю, светъ мой, что ради увеселения мне александрово здравие объявляешь, однакож вемъ, что александръ присмерти лежит боленъ!»

Акакъ александръ отболезни свободился, рече себе: «безуменъ есть аз! коликие дни препроводил вмук ради негодной любви женской! нынѣ счемъ возвращуся в домъ отца моего? не знавъ поля, не видавъ неприятеля, не слышавъ ружейного стуку, како прислужуся монарху моему? ікоимъ достоинствомъ пожаловати мя повелит? азже симъ нетокмо похвалитися могу, нои приятелю сказати немогу подвеликимъ сдыдомъ!» Однакож желаніе конца мира зрети преодолело, іповеле призвати единого купца, іменемъ ланже, которой александру взнакомъстве очунъ близокъ былъ; іпросил ево, чтобъ здѣлал (пиръ), асамъ бысею позвалбы купно спротчими дамами пасторскую дочь элеонору ксебе. Начто купецъ охотно обещал учинить. Івтрети день повеле столъ готовить ісозвал множество дам іковалеровъ, втом числе элеонора. Іалександръ вто время сидел съэлеонорою заособливымъ маленькимъ столомъ, которой ктому былъ приуготовлен, азабавлялис(ь) вкарты, імежду темъ александръ пель арию тихо для того, чтобъ элеонора одна слышала:

«Что мнишь, элеонора, сомною более чинити? илимя конечно хочешь вогробъ положить?»

«Красота твоя безмерно стрелы испускаетъ, острыми своими взоры сердцу изнуряетъ.

«Знаю я, что ты возможеть все сомною чинити, — приобщи мя верна суца всоюзе стобою жити.

«Излию плачевныі мои ілас ныне пред тобою различныебо помощи ты імаши сомною.

«Видешимя влице ізменна отязвы сердечной елико ныне возможно, недаі мукѣ вечной.

«Неужели я лишаяюся, ах, что вдавне преобрелъ, елико очима тогда ктому быстро присмотрелъ.

Элеонора наалександрово просителное пеніе ответъствовала сиче:

«Кою урону, іли препону себе признаваешь? любовь внас равна, ібо издавна ктому ісклоняешь. Неусумневайся, новозвеселися, — твое есть стобою: уже аз купно аще ітрудно досмыслись собою. Скол(ь) досадно, столко обидно, знаю, что мне бу-

дѣть,—всего лишуся, ктебе склонюся, любовь пребудеть. Надеюсь вечно ібезконечно, тогда между нами невозвращенна інеотменна, ведаемъ то сами.

«Вчемъ быты небылъ, что тебе прибыл(ь) себя изнуряти, втоликой скуке івтязькоімуке дни проводить?»

Тогда александръ обрадовался сердцемъ інемогъ долее терпѣти просилъ всобливую полату іговорилъ сиче:

«Дивлюся вамъ, государыня моя, что медикаментовъ неупотребляешь, авнутренней болезни такъ искусна ісцеляти, якоже свидетелствуюсь, что ниподсолнцомъ неимеется такой дохтуръ, никакими мидикаменты возмогъ бы такую неисцелимую болезнь такъ скоро сокрушить, якоже ты сомною воединъ маментъ часа улучила! коеи чести ты подобну удостою? ікакъ могу затакое твое великое милосердіе услышати, еи недознаюсь! разве повелишь мне корету свою вместо коней возить? разве темъ заслужу?»

Элеонора усмехнулась александрову шпынству іотвѣчала: «недивис, александрѣ, скорому изцелению,—ещебо неимашъ прямой надежды коздравію притти, разве будешь до 3 часа пополуночи безпокоистоват(ь) іпоокончани того комне чрезъ заднее крыльцо придешь? обещаюсь ти написати резептъ, чрезъ которо конечно можешь болезни свободитися іпаче прежняго здравіе получить!»

Александръ рече: «правда, государыня, аще отболезни ісвободихся, ноеще несовершенно ізцелихся! того ради напиши мнѣ правила поступокъ, дабы вчемъ неведениемъ непогрѣшил: понеже знаю, что отмалого прегрѣшения вящая болезнь приключитися можетъ! азже рабъ вашъ токмо едину надежду імамъ навася івручаю здравіе мое тебе—хощешь помилват(ь)—помилуй! нехощешь милватъ—погуби, ібо противу власти красоты вашей никакъ рабствовать немогу.

Элеонора александру рече: «когда комне придешь, дамти правило поступокъ івозму утебя столпъ верности противу обещанія твоего! того ради извол(ь) заблаговременно верность свою склятвою предписати івручи персонално мнѣ, ібо бескрепкого оундамента зданіе бываетъ колеблемо!» Іокончавъ сие, поехали каждой вдомъ свои.

Александръ приехалъ наквартиру, домышлялся, вкакой бы силе верность свою написати, нопрестоннешаго ненапол, кроме сего, чтобъ единое колцо, данное отродители его, приписме элеоноре отдат(ь) авписме написал:

Дражайшая элеонора,

моя государыня!

«Желание ваше верность мою зрети было, очемъ прежде трехъ часовъ мне повелевала, дабы написавъ вамъ вручилъ. Азже необретохъ крепчайшаго обязательства, кроме зде положеннаго кольца, которое мне назнакъ памяти отродители моихъ дано подтяшкимъ запрещениемъ, ежебъ того доразлучения тела моего здушею нидля какой страсти неотдавать. Ивы сие кольцо примите, істолко храните, сколько я вамъ надобенъ: ібо я васъ сособою нивчемъ неразделяю, понеже, какъ вижу, что две персоны едино деіство іедина мысль іравное желание. Ідумаю такъ, что вамъ іочунъ пристоиіно сердца половину воохранени іметь. Засимъ остаюсь верный, неотменны, догроба непрременны коуслугамъ готовъ, кпослушанию скоры, всегдашни слуга

Александръ ¹⁾.

И написавъ ¹⁾ письмо, пошелъ чрезъ заднее крыльцо ко элеоноре в спальню, і какъ элеонора александра узрила, бросилась к нему і между лобызаніемъ говорила: «коиими случаи кел(ь)я моя днесъ осветилась? кое сокровище в деснице моей імею—александра любезнаго вижу пред собою!» І протчихъ ласкательствъ столко плодила, что александру скучно было настоящаго ожидать. І былъ александръ со элеонорою 4 часа вкупе, і отдавъ ей кольцо при письме, паки на квартиру свою возвратился в подобіе тюлпана. І уже александръ і элеонора такую любви крепостию оградили(ь), что, мню, ни чрезъ какие волшебства і хитрости когда любовь ихъ развратити бы(ло) возможно, а паче утвердила элеонора, понеже запретила александру, чтобъ одному от квартиры своей никогда неотлучатся, а всякое веселіе обещалас(ь) ему собою чинити, что и збытсья. І тако александръ со элеонорою три года якобы в неволе любовию былъ связан, но сие невеликую ему скуку доносила, понеже ради элеоноры вся приизирал і делал волю ея, нежели свою, а в четвертыі годъ о поизволени элеоноры, чтобъ ему было невозбранно по граду ездит(ь), просил, еже ему і дадеся. В некое время случилась ехать александру наквартиру свою. И приехал. Близъ воротъ увиделъ письмо, в разныхъ местахъ

¹⁾ Давъ для образца въ предыдущемъ текстѣ этой повѣсти точное воспроизведеніе правописанія рукописи ниже, для удобства чтенія, мы печатаемъ текстъ съ отдѣленіемъ союзовъ и предлоговъ отъ словъ.

упутоно, лежить, которое поднялъ, і пришед в спальню свою, прочел в писме написано:

«Любезнейши александръ, лютеиши огнь сердце мое палаше, не дасть мне скрытъ і принудилъ, аки малейшими строками, вам сердечную любовь мою объявить, которая меня съ единого взору на красоту вапу в постелю положила! знаю, что элеонору вернымъ сердцем любишь,—однакож всеми добротами едино владеет, мною, чрезъ меру,—много бо элеонора того недостойна! того ради слезно прошу, учини меня столько щастливу, чтобъ я хотя мало знакъ любви вашей имела! исцели мою болезнь посещениемъ, или повели мне врата, спальной ваше знать! а ежели милости со мною не сотвориши, то вскоре узриши мя предсобою мертву! остаюсь вернейшая до смерти едвигъ доротея генерал дигитриха гендил пистолия дочъ.»

Александръ о получении писма размышляя двойка: счастья і несчастья іс того родитися может, — і писмо оное объявил элеоноре, которая виде нахалство едвигъ доротеина, сожалел сердцем, что александру ездить по граду волю дала: понеже знала, что едвигъ доротея красотою і емилиею ея превосходит. но александру знати сего не дала, токмо говорила сиче: «стольгъ верности в руках моих имею і верю, что ты, александре клятвѣвую свою ненарушишь!»

Александръ отвещал: «любезнейшая элеонора, о семъ не сомневайся, разве в заблуждени ума что ти противна учиню, а, кроме сего, всячески отбегити и стрещися от нападения гедвигъ доротеи всеусердно буду!»

На утрие александръ поехал за город гулять, а гедвигъ доротея из окна усмотрела, что александръ поехал мимо, тотчасъ послала своего лакея спросить, куда поехал. Лакеи же далеко за александром бежал, но достигнуть не могъ, того ради смотрелъ остоновясь, куда проехал, і увиделъ, что въ поляхъ гуляетъ. Пришед гедвигъ доротеи донесъ; тогда она, призирая честь и емилию, устремилась за александру вскоре в корете гнати. Александръ усмотрилъ позади себя корету, возмнил быти элеоноры, і зшедши с коня дождался. Егдаж увиделъ красоту гедвигъ доротеи, распалился любовию к ней і спросил ея: «куда путь надлежитъ?» Онаж ему отвещала: «уже я, бедная, многия дни в сих поляхъ езжу і ключи ищу любви александровой, російского ковалера, і поныне не могу сыскати!» Александръ же воспомянул элеонору і хотел прочь ехать, но гедвигъ доротея іс

кореты выскачить ускорила, і поймав александра, рече: «ежели не допустишь мя красоты твоей насладиться, зри, что с собою пред твоими очима сотворю!» Извлекше мечъ, которой сокровенъ былъ, в скорости хотела себя заколотъ, і ежелибъ александръ от рукъ ея отяти не ускорилъ, зарезалас(ь) бы. Александръ, на сие зря, усмехнулся, а гедвигъ доротея неумолкла александру слезно докучать, доколе желанное ея не сотворилъ,—не служили когда александру острые ево отговорки, но принужденъ былъ то дѣлат(ь), что велить. И были александръ гедвигъ доротея в поляхъ до самаго вечера і разыдошася. Александръ, приехавъ на квартиру, зело крепко уснул, а элеонора ждавъ ево всю ночь, і пришла усмотрити, дома ли александръ, и егда узрила, і возрадоваласъ, і легла на край постели его, і начала помалу будити. Александръ проснулся, і не уразумеъ, что элеонора с нимъ, рече громко: «Любезная едвигъ-доротея, опасенъ я тебя! да не учинишь александра со элеонорою в распре! иди к дому своему, а я пойду ко элеоноре!» Элеоноражъ прослезиласъ, рече: «о, проклятое непостоянство ковалерское! о змеиное лукавство! о лвиное свирепство! о ехидинъ неизцелимый яд! александре, что ныне со мною сотворил! о жало смертное! о пагуба скорая! о злой сосудъ! о нечистой матери дочь! по что ты мати родила і не сокрушила! о кровопивца гедвигъ доротея! ко(е) ей аз зло сотворила? или склонность моя была неравна чести вашей, по что мя прежде времени погубила?»

И пришедъ элеонора в спальню свою, реки слезъ испустила, одежды на себе разодрала, власы разтерзала, і изменилас(ь) красотою лица ея власы, облаки (?) проливали, рыданиемъ і плачемъ всехъ ко ужесу привела отца и мат(ь) свою, неведующихъ прямо притчины, прослезилися и темъ рвениемъ і биениемъ сама себя положила, а потомъ и горячка нападе нанъ. Александръ в то время оторопел і не знал, что с нимъ зделалас(ь): в великомъ сумьнени лежа, на постели размышляя. В то время едвигъ доротея услышела о такомъ элеонорина вопля, возрадовалас(ь) погибели ея і пришла ко александру с такимъ промысломъ, чтобъ александрову любовь ко элеоноре заглитить (?), а говорила сице: «дивьдюся я тебе, александръ, чего ради не сщадить честь свою? чеснаго еси отца сынъ і достаточный ковалеръ,— по что склонился к любви элеонориной? я тебе советую, ежели пожелаецъ меня любить, порадуясь тому,—ащели і меня недостойну признаваешь, сыщи равную себе, а элеонору оставъ, зделаі ми-

лость і даі каждой по достоинству привестъ і нежели постороннею (пасторскую?) дочъ со мною равняеши!»

Александръ отвѣтствовалъ: «уже вы, государыни мои, другъ друга столько порицаете! что от звону речей ваших голова моя болит! ведаешь ты сама, что я элеоноры ради был боленъ і любовь ея нашелъ чрезъ тяжкую погубилъ(ь) здоровья своего и столпъ верности утвержденъ! не вѣмъ, откуда пришла і возбудила между нами такое смятение, что элеоноре оттого умереть надобно, чего было твоей чести і дѣлать ненадлежало! і что вамъ іс того прибавилъ(ь)? а я любви твоей не искалъ, ты сама у меня испросила, чтобъ я волю твою исполнилъ, отчего ничемъ отговориться не могъ, а моею горячности тебе ни малоі нѣтъ і трудился втуне, истинно те доношу, аще ли хочешь выслушать! неизвол(ь) меня более знать, імя мое забуди! когда мне будешь надобна, і тогда тебя сыщу!»

Гедвикъ доротея пришла в великое сумнительство, і стоя предъ alexandромъ, прослезилась і рече; «ты ли ключъ любви alexandroвой, которой я, оставя честь і фамилию свою, искала, і аще истинною ныне мя привествовалъ—ей, прежде, нежели проклятую элеонору мертву узриши і будешь о элеоноре врачъ, а мне убийца!» И окончавъ сие, возвратилась в домъ свой, горко плакалася, і пришедъ в спальню, черную одежду на себя возложила і зело печали вдалась(ь) такъ, что чрезъ одни сутки не можно было ея персону признать(ь): ибо красота лица помертвела. І пребывъ Гедвикъ доротея многи дни, ожидая смерти себе. Однакож в надежде получить ключъ любви alexandroвой, послала письмо ко alexандру, следующее под симъ:

«Александръ ковалеру хоть (отъ?) любви моей поздравление! знаетъ ли твое сердце, что ко мне ныне сотворилъ? хочу ведать я, уповаю, что вы в т.т. часъ імели высокое разсуждение в голове, когда к вамъ приходила. Меня, не усмотря времени, дерзнули о правде докучать — в томъ прошу прощенья; однакож в строгі твои отказъ меня столько мучить, что ежели паки не пригласишь і не дашъ красоты твоей добротою веселиться, конѣчно, вскоре погибну: ибо мне нестолько свое здравіе надобно, какъ твоя любовь—іли радуюсь, или плачу—вкупѣ с нѣю і пребуду в верности сущей любви твоей раба Гедвикъ доротея.»

Александръ, прочетъ тоі листъ, отвѣтствовалъ сиче: «Коли досады тоі со мною Гедвикъ доротея чинишь, ізрещи уже не возможно! і я удивляюсь, како бы вошло в чью мысль, чтобъ чужую власть нахалствомъ отнять, і смертию своею мниши мя

устрашити, чего охотно желаю, дабы при одной остатца: много бо вам воспрещал об ымени моемъ знати і ныне реку, а когда будешь нужна, і сам просити буду! слуга александра.»

Написал письмо послал. Какъ письмо оное Гедвикъ доротея прочла рече сице: «о прокляты часть рождения моего! о несчастнейши девица под солнцемъ! како ныне домышляюсь александрову любовь сыскати, которая хочеть мя гробу предати! о, элеонора, что сомьною чиниши? почто в помощь мне не ускориши смертию своею? даі мне радость, чрезъ которую могу сыскати александрову склонность! ісчезни проклятая, да (не?) услышитъ мои уши імени твоего!» К александру в то время пришла асьсилия и сказала, что элеонора при смерти і проситъ, чтоб ея посетити последним посещениемъ. Обрадовал слышавъ сие александръ тотъ часть ко элеоноре пришел і пришедъ узрил всмертнои ея болезни лежащу, і лобызавъ ея, говорил сице:

«Первая і последняя надежда меня оставляетъ: красота элеонорина в высоту отлетаетъ! чемъ буду я, бедной, тогда веселиться, когда сердце во мне смутитца?

Элеонора прослезилася, і взирая на александра, рече:

«О лстивыі языкъ! по что мя в болезни смущаешь? знаю, что не из оундамента сердца рыдаешь!

«Надежда твоя всегда при тебе будетъ, ежели смерть меня взяти не забудеть!

«Гедвикъ доротею всегда в любви імеешь, хотя и в верности жить не умеешь.

«Вспомяни, александре, элеонору бывшу, которая в верности умираетъ, какъ я слышу.

«Послушаі, любезныі, не стонетъ ли земля? знаешь ли прямо, элеонора умираетъ кого для? чемъ, александре, любовь элеонорину достал? іли забытъ, когда помощницею звалъ?

«Можнобъ тебе наискорейши всегда учинити — смертною раню сердце мечемъ уезвити.

«Како можетъ проклятая совесть терпети: любезнейшаго друга в несносной печали зрети?

«По чтожъ было любовь во мне іскати, когда неумелъ в верности содержать? предаи ныне смерти, не томи меня боле: ты мя мучишь в твоеи естъ воле!»

Александръ:

«Правда, недостойн есмь на красоту лица твоего не токмо чтоб вооправдание сказати, взирати, но токмо злая красота гед-

вигъ доротеина то учинила, — столпъ верности во мне развратила! І, ей, ей, пред тобою виненъ! І извинения несыщу—того ради, что хочешь со мною делаи, за симъ да умолчу!»

Элеонора:

«Молю тя, александре, последнее прощение прими і гедвигъ доротею с нами беседовать zde учини: ібо, когда смерть жизнь начнет пресекати, не обленюся тогда тебя ей рекомандовати!»

Александру, хотя сие повеление і не весма приятно было, однакож преслусхати элеоноры нехотел,—послать человека своего евпла і велелъ сказать, чтобы к нему на квартиру пришли. І какъ гедвигъ доротея повеление александрово услышала, забывъ стыдъ и честь свою, не взявъ за собою никакого, ко александру прибежала, і пришед пред лице его, смеялась і плакала, чему александръ велми дивился і говорил: «пойдемъ со мною ко леоноре!» Онаж ему отвещала: «для тебя под остриши мечъ всегда есмь готова!» І пришли ко элеоноре в спальню; і егда же элеонора гедвигъ доротею увидела, возрадовалас(ь) видомъ і рече: «о любезная моя сестрица, гедвигъ доротея! кои ветры понудили в болезни сущу посетити? чего бы за великие денги могла достать купити! радуюся сердцѣмъ і благодарю за посещение і дивлюся, что не погнушалась возреть на мое терпение!»

Гедвигъ доротея.

«Любезнейшая сестрица, істинну вамъ доношу, в неведени погрешила,—прощения прошу! ежели бы о болезни вашей, хотя мало что знала, тобы той же минуты к тебе конечно прискакала, а и нынѣ пришла к тебе, неведая твоеи болезни. В намерени приискать другой вашей приязни, александръ мя пред тобою zde поставил, которо здравия твоего немало убавил!»

Александръ:

«Гедвигъ доротея, пожалуйі оставь меня бранити і не покупаіся досады более намъ чинити! ведаешь, что твоя злоба элеонору сокрушила вся надежды, но и света лишила!

«Я надеюсь, всякая бы ехидна ныне прослезилась, ежели бы уразумела, како ты ей поругалась.

«На что доказат(ь) тебе, всегда имею,—и аще элеонора умретъ, мститъ буду, сколько умею!»

Элеонора:

«Любезнейши александръ, или тебе мое что мешаешь? удержи языкъ, да и ми смерти не провещеваешь! ведаете вы оба, что я, бѣсчастнейшая всехъ на свете, не имели(а?) забавы ни в зиме, ни в лете! здесь, хотя и познала жизни конецъ, — надеюсь за мущение воспріяти венецъ!

«Ты, алекса́ндре, со мною на суде станешь і гедвикъ доро-
тою близъ себя познаешь.

«Я посреде вас огнемъ претворюся і в правде, яко столпъ,
утвержуся!»

Изрекши сие, начала отходить и тихимъ гласомъ приказывала александру сиче: «александрѣ, последнее прошу зделои со мною милость: подпиши на гробе верность мою і данной мне от тебя знакъ верности, его же ти вручаю, положи во гробе со мною! проводи и погреби тело мое своими руками і знаи, что непостоянство верность преодолело! і во время погребения испусти на меня, хотя едину слезу из очей твоих, і не воспоминаи зло, творимое тебе мною. От поношения чести моея языкъ свой воздержи!» ізрече сие, умре.

Егда же александръ любезнейшей элеоноры лишился, испустил слезы и говорилъ сиче: «о корень злости! о адская пропасть! о ненасытная утроба! о смертоносны ядъ! о свирепейши левъ! гедвикъ доротея! кого ты проглотила! о злое мое произволение! оставя верность, в змеи в левы образъ облекшейся сотворил волю, и темъ любезнейшую элеонору погубил!» И возревъ на гедвикъ доротею, рече: «зри, убица, что сотворила! ахъ, по что, проклятая, ты нас вечно разлучила! изыди, жало смертное, да не зрят очи твою злобу!» Слышавъ сие, гедвикъ доротеи свеликимъ стыдомъ пошла вдомъ свой и плакала горко. Александрѣ в великой печали по элеоноре на квартиру возвратился. Тогда к телу элеонорину отецъ і мать и ближнии ея собрашася и ужасное рыдание и плачь возвигли. Александрѣ повеле зделать гробъ і подписать на верхней доске сиче:

В: П: Э: А: Р: У: Г: Д:

Которыя литеры значать: «в верности пострада элеонора александра ради ухищрениемъ гедвикъ доротеи.»

Изготова оной, к пастору послалъ при писме, в которомъ написано:

Господинъ пасторъ,

мой государь!

«Уведомился я, что в доме вашемъ великое несчастье вчерашнего дня учинилось и любезнейшая ваша единокровная дочь элеонора в вечное блаженство отиде. Того ради, по обычаю нашему, долгъ свой мертвому телу воздати не обленился,—устроилъ домъ вечный, присемъ посылаю, в такой надежде, что сия, первая и последняя, моя к дочери вашей элеоноре услуга приятна будетъ! и остаюсь верны вашъ слуга александръ.»

Пасторъ, взявъ письмо, прочел, и за такую александрову милость благодарил и, когда день погребения назначился, тогда александръ послалъ раба своего к пасторскимъ воротамъ, что, какъ понесутъ, ему сказать. Слуга, дождавшись выносу, пришел, александру донесъ. Тогда прослезился александръ и облекся в черное платье, за градомъ (гробомъ?) пошелъ, и во время над теломъ службы, взирая на лице ея, плакалъ а, ради скрытности любви, громко говорил: «какъ можетъ матернее сердце живо быть? красоты неизреченной и младу сердцу яко цвѣтъ, которой толко изряднейшия благовонія испускати начесть — во гробъ положить!» И взявъ колцо, которое она велела во гробъ с собою положить, в ротъ и пришелъ ко гробу, якобы простился, и колцо оное подле правые щеки спустил; изгоркимъ плачемъ отиде. Тогда предстоящие подивились жалости его, и егда кто возможеть от слезъ воздержаться; а какъ стали погребати, тогда сказал александръ: «нестыдно ковалеру такую изрядную девицу своими руками землю засыпать!» И взявъ заступъ, никого к тому пуская, могилу своими руками сровнялъ. Пасторъ, увидя александрово к дочери своею последнее благодеяние, поревновалъ доброду сердцу ево и позвал к себе. Александра же мало у него сидел того ради, что не могъ от слезъ никакъ воздержатца. Тогда пасторъ подарил александру златую здрагимъ каменемъ табакерку, которую элеонора очень любила, и проводил до квартиры с великою честью.

Гедвикъ доротея, уедавъ, что элеонора погребена, написала паки ко александру сице:

Любезнейшему александру от любви нашей поздравление!

«Коликия огни во утробе моеи горять и колико дней сердце мое всуе со мною мучиться, еи изрещи уже не могу! коимъ

знаком полезню (болѣзнь?) мою тебе александре домыплюся открыти? разве и сомною равно элеоноре случиться! ежели познаешь верность, тогда коли срамы і поношения от тебя, александре, претерпеваю тобою в томъ свидетелствуюсь! но ни что вась преодолети не возможесть: страсть погибели смерть мою призираешь! доколе терпети? любезнейшая элеонора уже к тебе не возвратится, кою ныне надежду имашь и како веселие паки обрящешь не вемъ. Устыдись, александре, противу моления моего ратоборствовать, которое землю уже стенати принуждает! В верности остаюсь и пребываю! раба едвигъ доротея.»

Александръ, прочеть письмо от едвигъ доротеи присланное, подивился нахапству ея и отвещал сиче:

Гедвигъ Доротея!

«Прозба твоя, надеюсь, волны в море воздвигнути можетъ,— не токмо у меня любовь испросити! буди известно о мое здравии, что при прежнемъ элеоноры ради, нетолко оскудел! ты приди ко мне сего дни в вечеру, а я ожидать тебя буду.»

Александръ.

Гедвигъ доротея, уразумевъ александрово к себе милосердие, возрадовалас(ь), и в означенный терминъ к нему пришедъ, покупалас(ь) александра всячески к любви склонити. Однакож великое разноство было между элеонорою і гедвигъ доротеєю: ибо александръ элеонору мертву паче, нежили едвигъ доротею живу, любить.—И мало поживъ во оном граде лилле, поехавъ, стал на квартиру выше реченного купца, на которой стоял россиской же дворянской сынъ владимерь. І зделолас(ь) незапно между сими одноземцы такая обязательная дружба, что ум і рати другъ за друга обещались. Александръ на утрне поехалъ х королю, бывъ тамо до полудни, паки на квартиру свою возвратился и призвал брата своего владимера к себе і вся в граде лилле случившиися поведаль, а потомъ александръ (Владимерь?) о себе сказывал сиче:

«Тебе, братецъ, счастье великое, какъ из речей ваших уразумел, служило, а мною беднымъ несчастье так силно владеетъ, что случилос(ь) мне раз едва жизнь мою непресеклас(ь), о чемъ тебе ясно донесу:

«Прежде, какъ я отечество поставил, зделал начало волоките своею,—усмотрел я купца некоего дочь, именемъ анну, добраго обычая і науки красоты. хотя и недалноі, однакожъ приятно

пастуръ имела, с которою первоі мне случаи былъ видится на-
игрищъ; і соднихъ ея взоровъ могъ я тогда склонность усмотреть,
того ради пришедъ домою написалъ к ней письмо:

Любезнейшая моя!

«Вчарашни вечеръ мне столко охоты ко исканію знакомства
своими дал, что я с великимъ терпениемъ нынешнего дня до-
ждался, которой мне советовалъ, чтобъ я вамъ себя писменно ре-
комендовать дерзалъ. Того ради васъ покорно прощу, изволти
меня учинить счастлива і в приступе дать мне позволения,—
приобщите в число приятелей вашихъ, между которыми надеюсь
прилежаниемъ моимъ первенства произыскиватъ(ь), і остаюсь вамъ
слуга владимерь.»

Написавъ письмо, послалъ к ней старухою, которая к тому при-
говорена была; чрезъ онуюжъ получилъ тогожъ дня ответъ напи-
санъ на карте сиче:

«в число приятелей уже причтенъ»

Я, увидевъ ея склонность, устремился всячески доискиватца
случаю, гдебъ с нею волю мою исполнить. І прежде праздника,
запаметовалъ которого, пришедъ я, бутто ко отцу ея посещения
ради,—зналъ, что ево не было дома. І излучилъ ея тогда едину
в спалне сядящу, того ради просилъ, чтобъ дала позволения,
когда будутъ все у всеошної, к себе притти, что і получилъ.

Дождавъ(ь)шись я того времени, прямо к ней пошелъ в спалню
і пришедъ, разулся і разделся, какъ дома, и оба в постелю легли
и одеяломъ покрылись, и такъ от утомления крепко уснули, что,
отецъ і мать, пришедъ от всеошної, у спални дверь выломали,
чего мы некотороі неслыхали, і нашли насъ в постели руками і
ногами сплетенныхъ спящихъ разбудили. Ея взяла матъ(ь) і не-
милостивно терзала такъ, что і мне крикъ ея великоі ужасъ на-
несъ, — мнежъ тогда велела одеватца, и какъ скоро я оделься,
мужикъ того дому хозяинъ ударилъ меня полонице такъ сильно,
что тысячщу разныхъ колеровъ огненныхъ лучей очима узрѣлъ!
тутъ же собрались і прикащики ево і советовали разнo: ови убить,
ови утопитъ(ь), ови ноги переломатъ(ь).. Однакожъ утвердились(ь) еди-
ногласно в совете і выгнали меня с великимъ руганіемъ на дворъ,
а здвора на улицу метлами проводили, да ктомужъ, какъ я до-
мои пришелъ, спросилъ отецъ мои меня: «где былъ у всеошной?»—

«Всоборе!»—А не знал, что і онъ в с оборе был. Усмотрел отецъ мон із меня неправду і спросил) « с кемъ ходил і где стоял, і кого видел?» Мнеж нетокмо острые отговорки і ложь вымышляти тогда было можно, но едва от прежняго страху языку удобно было глаголати, того ради повелел меня немилостиво бить, от которыхъ побои шесть недел лежал боленъ. Однакож нестол(ь) было свое, какъ аннино несчастье слышат(ь) жалостно: понеже ея бивъ, за прикащика своего в жену отдали, а я, какъ в прежнее здравие пришел, стал по вся дни мимо двора ихъ ходити; і во един от(д)неи узрилъ ея, одное вокне сидящу, і спросилъ: «домо ли мужъ?» Она мне отвещала: «нетъ дома!» — «А куды поехал?» — «Не знаю!»—І просила меня, чтобъ снею откушатъ вместе. Я по прошению ея преслушати не хотел, вместе снею отобедал і ужень дождался, а по ужине і начевал а осмелился. Но в самую полночь услышали у дверей стукъ і глазъ: «отвори!» Я тот час с постели бросился и спросил ея: «не мушь ли твоі пришель?» Она сказала: «мужъ!» и велела мне быть осторожну, і как он вспалну воидет, чтоб я темъ же путемъ ретировался. Мне тогда страх осторожности недал: пошел я с великимъ поспешениемъ к дверямъ і запнулся за столикъ, на которомъ всякой уборъ стоял, между темъ і посуды другои было, которой с такою приткостію опрокинул, что, надеюсь, ни единъ сосуд своемъ основаниемъ цел остался. Оттого стуку зело оторопелъ; того ради, приклонясь к печи, вынелъ свою шпагу в таком намерении, ежели бы муж ея дознался и стал бы меня искать, конечно заколол бы. Однакож умная анна до того греха меня не допустила и мужу своему говорила, чтоб выгнал кошку, которая ей покоя не давала, да и в ево приход столикъ опрокинула. Муж дурак, властно какъ оссетръ, был сетми лукавои своеи жены лстивыми словами опутан, взял палку и с великим гневом і скриком из под стола и кровати кошку гонялъ, которой никогда там не бывало. Тогда она, взяв меня за руку, и повела в сени: зело остарожно. И мушь ея, за великим криком, отходу моего нимало не слышал. И тако тогда в дом отца моего благополучно пришол и потом многократно к ней хаживал,—однакож ни един (разъ?) бес притчины ни бывало, авогдашъ терзают — иногда с великим страхомъ изыду.

Да случилос(ь) мне в омстердаме одну секретарскую доч(ь) увидит(ь), которая зело лепообразной была, имения ее: мария элизабет,—и столько в нея влюбился, что пуще быт(ь) нельзя, а на-

чался у меня с нею армур сице: поехал я смотрет(ь) оперні-ских деиствъ, — и она тут же случилас(ь). Тогда давал я ей многія знаки, что желаніе мое в ней искати знакомства есть, а от нее ничего не усмотрел. Того ради пришел на квартиру, в великом размышлени был и ходил многіе дни мимо двора секретарского, доколе с посыланною их девкою спознался и подарил ей чулки алые да бошпаки шитые. Тогда написал писмо и со оною девкою к маре Элизавете послал, а в писме написано:

Любезнишейшая Марія Элизаветъ!

«Желаніе мое нестерпимо мучит мя, ежеб у васъ милость і спросити, дабы невозбранно было имети свободные поступки и компанію с вашею персоною. Того ради, покорно прошу, учиня мя причастна дому вашему и допустите ухо мое к слушанію слатчайшихъ розговоровъ вашихъ и сравненію во услугахъ с рабами вашими, о чемъ вамъ верную надежду даю, что честь вашу, яко зеницу ока всегда во осторожности хранит(ь) буду и остаюс(ь) в послушани скоры слуга владимерь»

І на оное писмо ответа никакого не получил; того ради сыскал себе друга ратушского канцеляриста, которой к секретарю всегда хаживал и чрезъ того і я к секретарю стал ходить і стал быт(ь) вхожъ уже и смаріею элизabetою опознался і имелъ волность сидеть и разговариват(ь) с нею, но темъ не былъ доволенъ і взялъ намереніе, чтобъ ближащую дружбу писменно іспросить, в которомъ было написано следующее:

«Любезнейшая марія элизаветъ, моя государыня! хотя с вами в комъпани заседанія і неретько імею, но темъ не доволенъ: понеже изрядная красота ваша мене, подобна магнитъ железо, влечетъ! а приятные мины і сладчайшія разговоры, особливо острыя очей взоры, такъ сердцу моему раны дали, что кроме васъ самихъ никто ізцелити невозможно! Того ради васъ прошу, сотворите милость: понеже давно есть извѣстенъ, что можесть единымъ поизволеніемъ і вприслuche к добротамъ красоты вашей сердце моеи изцелити, а о постоянствѣ моемъ не изволете сумъневаться: понеже мне природа лстити запретила, но верность моя никогда пременна не будетъ! рабъ вашъ владимерь».

І пришедъ к ней, оное писмо вручил, которое она прочла і изодрала, а на утрѣ з девкою ко мне прислала писмо, в которомъ пишетъ:

«Дивлюся я вашему безумію! даешь мне верность свою знати, о которой я і слышетъ не желаю! іли вы изстого обомыне какое зло думаешь, что я с вами безопасно всегда вижусь, сижу и разговариваю і сего времени не изволте знат(ь) меня!

Марія элизабетъ.

Очень мне было тогда досадно. Однакож ходити к секретарю не представал і ея с великою трудностію собою паки принудилъ обходится, і как усмотрел, что она на меня более гнева не имеет, тогда пел я ей песню на миноветь:

«Можноль тол(ь) зрети і получитьи, чего іщ; всегда прилежно? не льщу я быти і утвердити і сожалети весьма есть должно!

«Не могу более жити в покое красоты ради твоеи! ізрядно прошу призрити, огонь угасити, не умножа во мнѣ скорби давно!

«Елика ныне во благостыне утратил случаевъ способнейших! все ради тебе(я?) сокрушил себя іменовъ ради твоих яснеиших!

«Ежел бы можно скавать неложно, како мне ныне ты изнуряешь! чего желаю і уповаю, воли мне в тома, ах, что недаешь? твердая твоя печал(ь)! можно в печали с персоны уразумей! не дознаюся, какъ приближуся, ежебъ возможно в любви вас іметь! не знаешь, іли что побеждаешь красоты стрелою внутрь утробу! ах, сердце пронзеть іслужить, аще творю многия прозбы.

«Храбрость не можетъ вас утрашити ни в чемъ никогда! разве служити слезно просити тогда! Склонися на просьбу мою.

«Много ныне злої сеи притчине! не могу более уста отверзати! ах, ты в томъ винна,—почто противьна, что всему свету можно сказать! черныя очи многия ночи люкою нималого даши!

«Ты умилися, прошу подпсия помощь воздати! ах, что слезы идутъ! Елико вяжеть, но не осяжеть мої плачь любовъ вашу завсегда!

«Хотя імею, весьма не смею, — да не будетъ вам досады тогда!

«Толи мне служить, всеѣмъ сердцемъ тужеть, зело бо скрыта совесть в себе!

«Ты знаи собою, а я с тобою, верность імешь всегда при себе!

«Цырькулярныі кругъ есть советнойі другъ! выходу і входу не имею.

«А равной дружбы ни верной службы всегда служити неукоснеемъ!

«Ах, моя радость, сердцу моему сладость! в тебе верно надежную имамъ в себя! Сокрушены ібо, тогда бо тебе весь во-
охранение!»

С великим прилежаниемъ сию пѣснь слупшала, и какъ окончал, расмеялас, і рекла: «і все мое конечно получишь!»

А я просил, чтобъ безотрочки милость сотворила, но притны і умными своими она разговоры намерение мое развращала. Однакож ея несклонность противу моего моления стояти не могла и, зделавъ желаніе свое, обещался к ней ввечеру притти и, пришедъ с улицы в окно к ней спати на одной постели, но неосторожность наша привела насъ в великую нужду: понеже поутру все уже встали, і отецъ ея, како его обычен былъ, к дочери своей по вся утра приходил. Тогда же, пришедъ и узрил свою дочь саму другу в постеле спящу, і разбудил меня і немилостивно бил и повелел посадити в темной погребъ, а я, бедной, сидя въ погребу, думал, что делатъ(ь) сособоу і самъ не зналъ. Однакож великой мне способъ был, что в погребном окне железная решетка вся перержавила, и с великою трудностію оную выломил і ушел, а потомъ тайно к ней припол и отездъ мой в паришь объявил; она, несчастная, в слезах пела арию сице:

«Не водше сердце мое унывало: злую печалъ(ь) провещевала! совесть моя тогда не познала, что вартуна уже отлетала! аще и с тобою посреде музыки и слушаю песнѣнные музыки, но бедное сердце отрады не имеетъ: оно в печали, аки воскъ, во мне тлеетъ,—тяшкая темность на очеса падетъ, печалъ(ь) зла ко гробу ведетъ.

«Отпору уже не имею дати, но помощи где сыскати?

«Чтоже буду чинити, сама я незнаю! бесчасная аз, слезы испущаю!

«Ныне случаи зло, зрю, нас разлучаетъ— оставшюую радость всю прочь отметаю.

«Кемъ, бедная, всегда веселиласъ(ь), а днесъ незапно лишиласъ(ь)? где избранную беседу имели, тамо не возрю: везде запустели! что ізумленна, сама сотворила,—из рукъ любезнейшаго отпустила!

«Здеиши тот час, в нѣмъже я розжденна! по что лютымъ лвом тогда не пожренна?

С техъ поръ я положил на себя клятву, чтобъ никогда не волючится, а, надеюсь, в свете не найдешь [такого бесчасного волючиты, какъ я был!

Александръ рече: «правда, счастье тебе велико служило, да не за осторожность тебя били, — а за то тебе их благодарить должно, что они тебя осторожно быть учили!

«Незнаешь ли, братецъ, здѣсь в парижѣ такой девицы, чтобъ была умна і лепообразна, с которою бы мне можно спознатца і зсобою вести?

Владимерь, отвещавъ: «знаю! есть у королевскаго говмаршала дочъ, іменемъ тирра; зело прекрасна і всякої чести достоина. Однакож, не надеюсь, чтоб ты ея могъ достат(ь): понеже всех приезжихъ ковалеровъ ненавидить і зело неприступна. Однакожъ отведат счастье своего,—авос либо получишь! А смотрет(ь) тебе ее в королевском саду, в котором она по вся вечера особливо своими девицами до полуночи гуляет!» Александръ, по словамъ владимеровымъ, обрадовался і стал изкатъ случаю, где бы видѣться с тиррою; и, счастиемъ ево, случилас(ь), что реченной тирра идетъ в сад — александръ из саду; і тут ея высмотрил, какъ ему надобно было, і распалился сердечною любовию к неи безмерно. Того ради велель сделать себе женской уборъ і многия дни в саду по ночамъ гулял і тирру высматривал, а потомъ испознался с тиррынымъ пажемъ і одарил его многими дарами драгими вещами, і написавъ писмо, со оным пажемъ к тирре послал, а писмо написано было сице:

Любезнейшая тирра, милостивая

государыня моя!

«Лютнѣ стрелы красота ваша в сердце моемъ вонзила і приятные взоры очей ваших во мне ко исканию высокой драгой любви вашей столько возбудила, что накрепчайшими себя узами, от сего ежебы не предписать, і удержати не возмогъ. Хотя і не без опасности остаюсь, однакождъ, по мнѣнію моему, равняется пагуба тайная или явная себе сокрушати: первое, любить і нелюбити—болезнь, но нѣсносная, второе—сія моя дерзость великое несчастье нанѣсти можетъ. Того ради вответе суще не вемъ (по несчастью, не вемъ, по счастью!) Сие к вам посылаю, однакож отдаю в милостивное ваше разсуждение и буду неусыпно более милости, нежели гнева от вас ожидать! і в том пребываю всегдашнн вашъ государыни милостивоі моеи готовый слуга александръ».

Того ж числа александръ в ответъ письмо получил, в которомъ пишетъ:

«Счастье твое, александръ, великое: наша природная кротость гневъ мой победила,—понеже не только изъ града выгнан, но и смерти за такую твою продерзность достоинъ еси. Нынѣ с тобою милость покажу, а впредъ(ь) отнюдь не дерзай ни о чемъ мнѣ докучать, за что смертную рану на теле понесешь! тирра».

Александръ прочелъ письмо, присланное отъ тирры, і размышлялъ себе сице: «ежел(ь) вы со мною немилость сделать, то б нынѣ учинила! того ради еще письмо к нѣй пошлю і что сделается, да будетъ со мною!» и взявъ бумаги, написалъ сице:

Любезная тирра, милостивая

Государыня моя!

«Обида мне не малая в томъ, что гневъ вашъ кротостию побежденъ явился. Ежел(ь) бы вы жизнь мою пресекли, за великое счастье себе приписал! і посылаю такой силе: или сотвори высокую свою милость, или дай рану смертную, чтобъ меня совесть мучить (мучить?) престала. Аще жъ раба своего неумилостивиж, прошу первое и послѣднѣе со мною благодеяние сотворить: приди і предай мя сама смерти, что мне в порадование будетъ! і пребуду вашей любви верный слуга александръ».

Получа тирра отъ александра письмо, прочла і расмеялась(ь), притомъ же ідивилась(ь) желанию его і умыслила с нимъ смехъ учинить: дождавшисьъ вечера, взявъ съ собою мечъ, на квартиру ко александру поехала, і при ехавъ, вошла к нему в спальню. Александръ с великою радостью бросился к ней і говорилъ тако: «надеюсь ползу получить!» Токмо тирра, не допустя его до себя, рече: «не радуся, александръ! по прошению твоему смерти ты предать приехала!» Слышавъ, александръ страшный приездъ тирринъ, ужаснулся і падъ предъ нѣю на колени, рече: «ты имашъ власть помиловать і погубить мя!» Тогда тирра мечъ изъ ноженъ извлекла і спросила: «алексandre, чего требуешь отъ меня?» Александръ отвѣща: «твоея воли!» І дала ему тирра мечемъ три раны легкіе. Александръ тогда с великимъ гнѣвомъ рече к ней: «делаю со мною, что хочешь, і не медли!» Но тирра, егда узрела ис техъ ран истекшую кровь, рече: «ныне зрю верность твою, иалексandre, і поехала паки в домъ свой, а александръ, яко поруганъ, остался. Однакожъ во утроіе получилъ отъ тирры письмо, в которомъ пишетъ:

«Другу александру от любви нашей поздравление! О(отъ?) трех ранъ истекая кровь сердце мое к жалости склонила і надежду вам дати понудила, — того ради зде положенной знакъ любви, злата шнур узолъ завемы, едина моя смерть розвяжетъ! прими, а в вине моей отпущение дай! і остаюсь верная до гроба тирра».

Александръ возрадовался о получении писма полезного; да въ тож время і пашь ея пришелъ с таким повелением, дабы александръ в женскомъ уборе в вечеру в королевской садъ пришел въ назначенной терминъ. Александръ, убравшись в уборъ женской, і пошел всад і благополучно с тиррой увидался і разговаривал довольно, а более в любви толковали. Тогда тирра александра просила сие:

«Любезнѣиши александръ, чрез многое искание хотя ты мя к любви и склонил, однакож прошу, изволте мне истинное свое желание объявить: ежели ты меня любить хочешь для одного лакомства—і в томъ вамъ запрещаю, изволте безтруда отстат(ь), а ежели ввенецъ девства моего будешь осторожно хранить и сестрически со мною жити, — дайте мне въ том верную присягу!» Александръ отъецавал: «хотьбы вы меня о сохранении чести вашей і не просили, конѣчно бы ея не утрудил: понѣже то мне столю, какъ і вамъ надобно, а ежели мою верность чрез присягу видеть вы хотите,—прошу і вы равно учините і со обеих сторон кровню каждой своей писмом утвердимъ!» І окончав сие, александръ на квартиру возвратился і написал писмо кровию сие:

Любезнейшая моя тирра!

«Знакъ верности моей любовь ваша прежде сего из трех ранъ данных твоею десницею имела. Нынеже возвревновах к тому более себе обязати і четвертую рану на теле своемъ сотворихъ, из которых истекающую кровию сие начертал! А сверхъ того, даю вамъ создателя моего порукою, что до времени законного брака вас от моей стороны содержать к сестрической любви буду і ущербъу ваши чести никакого неприключу, в чемъ изволите быть надежны, что я обязанны і верны остаюсь и пребываю! вашъ александръ».

Письмо от тирры:

«Любезнѣйшему александру моему другу! і бес сумненія, была в любви мне надежна, ежели бы не чрезъ толикие вредные знаки из вас усмотрела. Того ради і я не умолчу знакъ верности моея вамъ дати, — сие кровию перисей (персей?) моих начертати не-обленилас(ь), а ради крепчайшаго обязательства кленуся тебе живым богомъ, что до смерти моеи, кроме другаго вас к любви моеи не допускати не буду и отдаюся в вашу волю і есть послушница і раба всегдашняя ваша тирра».

Оные письма между ими переносил пашъ тирринъ; і на утрие пришед ко александру, реченної пашъ донесъ, чтоб с вечера пришел александръ в королевской сад х тирре. Даждавшис(ь) александръ вечера, в женской уборъ пошел, і пришедъ к ней, под великим дубомъ в саду с тиррою сели і забавлялис(ь) до самой утренней зори, і какъ друкъ в друга влюбилися, что со слезами деиъ (день) разтаться их принудилъ. І прости александръ из саду пошелъ. Абие стретился александру придворной ковалеръ, іменемъ цыцылко, і в лицо признал, но не прямо велми о семъ усумнелся. Того ради і в сад пошел, досмотрелі х кому александръ ходил, і егда усмотрилъ тирру, за которую цыцылко 6 летъ волочился і не могъ склонить, — рече съ яростию сице: «или приезжи ковалеры нас превосходятъ, которые с еранцужсками дамами в женских уборах по ночамъ гуляютъ?»

Отвеща тирра: «много васъ, аки львовъ, около меня рыщете і зубы свои острите, ежебъ пожрети мя, і всячески вымышляете похитити мя! за всехъ ли вас могу ответствовать? іди от меня прочъ, знаю, что не нашол иного начала со мною говорити!» і отвергнулас(ь) от него, а ковалеръ цыцылко понесъ на александра великую злобу і на утрие вызвал на поединокъ. Однакож александръ дал ему две тишкие раны, победителемъ явился, і пришедъ къ тирре, говорил сице:

«Вижду я, что великая мне бѣда тебя ради здес возрасти может, понеже сего дня единого ковалера за красоту имя твое тишкими раными уязвил, — того ради даі мне позволение в дом отца моего ехат(ь)!» Яко слышала тирра александров отездъ, прослезилас(ь) и рече: «где ты, — тамо и я! что с тобою, — то и со мною да будет! покорно прошу, не оставляи меня в такой печали, которая, по отезде твоём, меня гробу предасть!» Александръ рече

«сего дня в вечеру приезжаі ко мне в квартиру в мужеском платѣ и поедим вместе!» Тогда тирра, спешд в ружейную полату, взяла латы, копие и мечъ и приняла в свою полату, потом конюшему пожалова сто червонцов, по(в)елела себѣ лутчего коня оседлат(ь) из двора бы увести. А потом, какъ все уснули, прибравшись, тирра, какъ обычаі ковалеру, вооружилас(ь) и поехала ко александру на квартиру, котороі уже з братом своим владимером к путешествію были готовы. И тотъ часъ поехали так разво (рѣзво?), что тоі ночи более десети мил(ь) уехали. Абие напали на их разбоиники. Тогда съ великоі ярости, како александръ, тирра и владимер, каждой особно, со противники своими упражнялис(ь), доколе еще разбоиники от них не побѣжали, а егда устремилис(ь) бѣжат(ь),—тогда александръ, тирра и владимер, каждой своею дорогою, вслед разбоиников скакали и не милостивно в хребѣтъ поражали: овым главы, овымъ руки от тела отделяли.. И уже небѣ пред очима их никого, тогда стали другъ друга искат(ь) и не обретоша абие, в великоі печали и горести в лесу даже до самоі нощи ездили; и от великоі горести паде александръ с коня на землю и рече: «о, лютое несчастье! что со мною сотворило! ах, бѣдны александре! где любезную свою тирру сыщеші? о без разсуждения ярость иже в тебѣ разбоиникі нападеніем своим возбудили, за которых бѣспаметно гнался и тем любезную тирру утратил? оне(?) небо за что дозу гнева отварило? неужели виною мне будет, что ищущих мя немилостивно поражают? о несчастливы день отезда моего ис парижа? радость при тебѣ александре осталас(ь), — любезная елеонора въ вечны покой ляже спати, терру же, аще и всем сердцем возлюбил, но чрез безуміе свое утратил! умри, умри, александре, да не слышат уши твои злаго несчастья любезною твоею тиррою! о, горе, како избѣгну такие вредительные напасти!» Во время александрова плача ездил в том лесу малтиіски ковалер, силен и славен зело, именем тигриноръ, и услыша глас челоувѣчески, прииде тихо ко александру, и выслуша жалостное сетованіе, рече громко: «брате, несумневайся! но прими от меня ковалерски совет: не честь ковалеру за красоту женску такъ себя изнуряти!» Алксандру сие досадно показалось, — гневом отвечивал сице: «ежели бы ты, господине, ведал того, для (чего) так я зельне страждаю,—по истинне не советовалъ бы еси мне веселу быти! и мне б нестолко было сумнительно, ежели бы не въ таком злом случае разлука между нами случилас(ь)! Какъ может сердце мое терпети! лутче мне

твар(ь)ю быти, нежели возлюбленную забыть! иди от меня проч(ь) и не докучай мне в горести несносной!» Тигнанору сие зело досадно стало, что ево прочь отсылает, — рече: «иди ты, бестия со мною, на поединок, да узришь, кого прочь отсылаешь!» Александръ тотчасъ сел на коня своего и, вооружас(ь), сразились копиями такъ силно, что кони под ними упали. Они ж тем не были довольны, но теми ж копиями, пеши поеторне сразилис(ь), от которого сильного сражения у обеих копейных древца сокрушилис(ь). Тогда тигранор рече: «братецъ, престанем от брани и будемъ друзья: понеже я, сколько где ни ездил и многие поединки с сильными ковалеры, имел и побѣждал, а такого сильного сражения не случилос(ь) видет(ь),—того ради сожалею, да един от нас убиенъ не будет, да лутче станем вмьсте ездит(ь)!»

Александръ рече: последствует тому. И назвалис(ь) братьями в такой силе, что, ежели которой из их убиенъ от кого будет, то оставшей долженъ смерть брата своего тому убицу отмстит(ь), доколе живъ,—и тако тиграноръ александру от печали мало увеселил однокожъ сердцем александръ по тиррѣ зело болел. И ездил вмьсте многое время в лесу,—искали владимера и тирры і нигде не обрете, поехали из лесу дорогою, куды кони везуть: и то для александрова утешения тигранодир многое время в полях ездил. И нещастием их во едину от нощи наехали на них двенатцет(ь) ковалеров и воздвигли с ними жестокою бран(ь), в которой александръ с коня былъ збит, понеже от печали мало ядьше и от того зело безсилентъ. Тигнинор же, хотя и силно боролся, однакож более не могъ ничего зделат(ь), какъ себя защищаль ибо ноцъ зело была темна. Александръ, збив с коня те ковалеры увезли с собою и, отвезши недалеко от тигнанора латы и протчие, оружие обрали и оставили его бѣзоружно, а тигнанор сего не ведяша, устремилсѧ за теми ковалеры гнати и александра проскакал мимо. Дню наступавшу александръ в великом том нещастии не зналъ, что чинить. Однакож укрѣпился мало в себѣ, взявъ палочку, пошел пешъ и, куды идет, не ведает: токмо едино в мысле имяше, гдеб любезную тирру наитит(ь). И по многом хождени нашел ковалера, от боя утомленна и от ран при смерти лежаще, пришед к нему милостыни прошаше, то ковалеръ отвеща ему сице: «видиши ли мя, брате, зело утомленна, уже при смерти лежаще: прошу, егда дух мой изидет, тело мое погреби честно! А что останетца, возми к себѣ, а убицу моему, какъ можешъ мести, которой отсуду ездит не в далном состояни и ищет, не вем

какого александра ковалера!» Изрече сие, умре. Александръ, взявъ тело его, погребъ честно и возложи на себя шело и латы, на которыхъ былъ знакъ: «левъ огнемъ дышетъ» и подписано сверхъ: «ковалеръ гнева». И вооружас(ь), александръ поехал, в великомъ нещастии своемъ размысли. Абие тигнанор незапно со стороны выехал и ударилъ александра в бокъ копиемъ такъ сильно, что из седла вышибъ и говорилъ: «дивлюся тебѣ, господинъ, «ковалеръ гнева», что трет(ь)его дни такую тебѣ рану дал, от которо умрети было надобно,—а ты сего дня паки ты на бран(ь) готов! однакожъ, доколе не предамъ ти смерти, смерть брата моего александра мстит(ь) буду! и от руки моеи умреши!» Востав александръ, узнавъ тигнанора и ничего же рѣче, поехал от него прочь, и мало отехав, слышитъ велики позади себя шумъ. Того ради остоновясь, прилежно услышавъ тигнаноровъ голосъ, которо громко такъ же, какъ и ему, о смерти брата своего говорилъ; и великъ топотъ и вопль потомъ стоялъ. Александръ на тотъ вопль и приехал, узрелъ ковалера убита тигнаноромъ, а прочіе во всю пору конскую скачутъ. Тогда мнилъ, тигнаноръ убитъ, а разсмотрѣвъ прямо было невозможно для того, что вечеръ насталъ. Сожалелъ александръ зело о брате своемъ тигнанорѣ и устрѣмили за теми ковалерами гнати, которые уже от тигнанора бѣгутъ, и наскакавши, воздвигъ великую брань, а тигнаноръ тогда остался позади. И такъ сильно александру, мстя смерть брата своего тигнанора, ковалеровъ оныхъ поражалъ, что наконецъ не токмо противитися ему стали, но и в бѣгу не держалис(ь) от страха, с коней падали; и с которыхъ единъ александра спросилъ рече: «господине ковалеръ, скажи намъ, кто вы?» Александръ отвѣчалъ: «азъ есть «ковалеръ гнева» и мщу вамъ смерть брата моего тигнанора!» и рече сие, поехалъ прочь. И по оной брани о «ковалерѣ гневѣ» великая слава произыде, и каждо его видети желалъ: понеже си сильныя два ковалера, какъ александръ, такъ и тигнаноръ, великой страхъ приезжимъ ковалерамъ нанесли, но слава была об одномъ «ковалерѣ гневѣ», под которымъ знакомъ ездилъ александръ. Оттуда «ковалеръ гнева» поехалъ в парижъ проведат(ь), не найдетъ ли его возлюбленную тирру, и приехавъ на дворъ королевеской, объявилъ о себѣ, чему король зело порадовался: понеже великая тогда была слава во францїи о «ковалерѣ гневѣ»,—того ради ему и досаждати никто не дерзалъ. И былъ александръ, какъ от короля, такъ и от прочихъ, в великомъ почтении, однакожъ ево ничто не веселило: понеже о любезной ево тиррѣ слуха никакова не было. Того ради изъ парижа и поехалъ,

а тенаноръ, слыша славу о «ковалере гнева», разсмѣялся, искал много, чтоб с ним втрети (разъ?) выехат(ь) на поединок и убит(ь), чего ради зделал себѣ латы, под знаком «единорога» и подписал «ковалер побѣды». И по малом врѣмени съехался александръ, яко «ковалеръ гнева» с тигнанором, яко с «ковалером побѣды» в ниделянских пределах, не ведуще другъ о друге. Александру в то врѣмя, в великом мнени бывшу, того ради не усмотрилъ, какъ Тигнанор к нему приехал и рѣче громко: «господинъ «ковалер гнева»! здрав живу! я давно искал случая с тобою еще подратцо: понеже два раза васъ с коня збивал, а ныне хочу смерти ти предат(ь), мстя смерть брата своего!» Александра прииде в велико торопъ от незапного громкого гласа, возрѣ нань і рѣче: «вамъ, господине «ковалер побѣды», здравствовать(ь) желаю! а что со мною подратца хочешъ, о том радуюсь: но после того бою не дам тебѣ воли под знаком «побѣды» ездит(ь), а принужден будешъ другой знакъ на себя возложить!» Тигнанор рече: «аз есмь побѣда — и положу «ковалера гнева» под ноги мои и погашу славу его и ковалер ковалеров содѣюся(?)!» и направи копи, сразилис(ь), от которого сражения кони попадали и копи сокрушилис(ь). Того ради пещи обнаженными мечамі; шурмовалис(ь) и то долгое время билися въ такоі ярости, что другъ друга поглотит(ь) желали. И едва александръ над тигнанором в раз единое всю силою удара, ихъ побѣдитель явился и поверже его на землю; мечем своим подпись на латах загладил и селъ на коня своего поехал во египет для смотрѣнія дивных перамид или древних столпов, иже, поведают, вскорѣ поизшестви монецее созданы быше.

Тирра, по разлучени любезнаго своего друга, в великом рыдани, в лесу ездя, искала, и не обрете: того ради в великоі страх и ужас прииде, опасаяс(ь), дабы звери тела ея не дерзали. «О злое нещастие, ты мя погубило! безумная девица, на свете чем порадуос(ь)? отечества своего лишилас(ь), любезнаго друга утратила, отцу и матери своеи — печал(ь) и бесщастие: любезному александру нестерпимую жалость! себѣ, о бѣщастнейшая, смертную погибел(ь) нанесла! о горѣ, мне, погибшей в темных лесех сих! любезнейши александръ, что ныне о мне думаетъ? чаю, с великою горестию мя по всему свету ищещи!» И, сняв с себя латы, и оружие, оставя в лесу, пошла пеша нищенским образом; и чрез многое время в гишпанию пришла и тамо вдалася пастору во услужение. И тако в великоі печали дни провождала. Одна-

кож пасторша, усмотря ее презрядну и услужну, всегда столу своему приобщала и содержала, не как рабу, но яко дщерь свою.

Александра, пожив во египте, намерился ехать в англию. И егда половины пути достигъ, услыша великую славу и страх «ковалера побѣды». И встречу александру идущия запрещають ехать, а советуют обождати, пока «ковалер побѣды» одетъ в ыную страну: «понеже со всеми ковалеры зело сурово поступает и не дает проезду, а каждому метит смерть брата своего — не вемъ, какого александра ковалера.» Александръ же, ни взирая ни на что, поехал прямо в пут(ь) свой и чрезъ три дни встретился с «ковалером побѣды», которой ему рече: «господинъ «ковалер гнева», где был и куда едишъ?» Александръ вся ему поведал и спросил его: «а ты, господинъ «ковалер побѣды», зачем сюды приехал? и по что на васъ тот же знакъ, которой я вамъ носит(ь) запретилъ?» «Ковалер побѣды» рече: «азъ езжу здес(ь) под неволею, понеже имел единого называемаго брата александра ковалера и между нами положена клятва пред богом, ежели которого убьют, то оставшей долженъ по смерть свою тому убицу мстити, и онои, его названой брат от нападения двенадцети ковалеров ночью видел, я был с коня збит, а убит ли он или увезен куды не знаю: того ради ныне со всеми встречающимися ковалеры бьюсь и мщу смерть брата моего: а что я под знаком побѣды езжу и в том моя правда: понеже сопротивника ни единого себѣ еще не нашел и с тобою хочу ныне в последнее щастие моего отвечат(ь), — авос либо побѣда при мне будет!» И съехалис(ь), и александръ ускорил мечем своим тигнанорово копие отшиб и такъ сильно в груди ударил, что латы просеклъ и из седла тигнонора вышиб, а потом копием тупым концом ударил и поверже на землю его, яко ~~жертва~~. И егда пришел тигнанор в чувство, рече сице: «~~пожорно~~ вас, господинъ «ковалер гнева» прошу имеющенся мой знак на латах возми себѣ и буди «ковалер гнева и побѣды», а мне дай знакъ, како вамъ угодно!» И потом александръ повеле на своих латах приделат(ь) сверхъ лва единорога и подписат(ь): «ковалер гнева и побѣды». Тигнанору велел зделат(ь) на латах весы, оартуною держащие, и подписать: «ковалер правды и щастия». А потомъ александръ об себѣ тигнанору объявил. Тогда тигнаноръ падъ на колени, александра прощения просил и велми сему радовался. Поехати с собою александръ тигнанору не позволил и в намеренны пут(ь)

поехал один. Абие встрѣтился ему купецкой человекъ, принося ему жалобу на проезжих ковалеров, которые наехав имение ево разбоинически отнеди. и ево немилостивно били: Разгневался александръ по словам купца оного на ковалеров и поехал за ними для возвращения отнятого ими имения, и достигоша оных, бранил и порицал, яко злодеевъ; за которые поносительные слова оные ковалеры на александра напали, однакож с великим накладом, отдав ему похищенное ими имение, поехали прочь; которое александръ взявъ обиженному отдал и паки в намеренны путь поехал, воспоминаая всегда любезную свою тирру в такой силе, что ни что ему надобно, кроме ея было. И приехав в англию, многое время тамо жил: понеже от всех зело почтен был. В тож время случилось александру быть на асамлеи англinskого олата у шаутбенахта и, между многими веселіями, з дочер(ь)ю ево некоторые приятныя мины содевал, которые со стороны морские аэицеры приметели и донесли командиру своему с приложением лжи, за что шаутбѣнахтъ на александра разгневался и повеле его посадити в темницу, в которо александръ три мѣсяца сидел и чрез подкопъ с великою трудностію вызволился, и как вышел, тот часъ нанел себѣ корабль и поехал в малтиски остров.

Тигнанор уведомился о нещасти брата своего, того ради немедленно во англию поскакал и, приехав прямо на королевской двор, рѣче громко: «вашу величеству поздравляю и доношу: прислан я от мальтійских ковалеров васъ просит(ь), дабы вы славного во всем свете «ковалера гнева и побѣды», арѣстованного шаутбѣнахтом вашим, изволили свободит(ь), а ежели ваше величество по словамъ моим сего дня реченного ковалера свободит(ь) не изволите, то, во первых учиню шаутбѣнахта вашего, яко бестию, копытом коня моего прѣдам, а на ваше величество все европейские ковалеры востанут!» Слыша сие, корол(ь) разгневался и повеле единому от сильных своих ковалеров против тигнанора выехат(ь) на поединок, которого тигнанор съединого разу на двое разделил, а протчим великой страх нанесъ. Тогда корол(ь) послал к своему шаутбѣнахту, чтоб «ковалера гнева и побѣды» выпустил, которого уже и сыскат(ь) нигде ни могли. А тигнанор с великим лаем и криком приступает и просит от него; и короля в недоумение привел, а шаутбѣнахтъ от страху бѣзвестно скрылся. Тигнаноръ же, егда желанного не получил, поехал в малтию, чтоб всех ковалеров малтійских на англinskого

короля возмутит(ь). І приехав в малтию, такую всем ковалерам вложил о ковалерѣ «гневе и побѣды» жалость, что каждой желал королю аглинскому смерть его мстит(ь). Александръ имѣл в то время на латах знакъ голубя и подписанно: «смирѣние». Того ради тигнанор александра в малти и узнат(ь) не могъ и думал, что другой како приезжаи ковалер. В тож время собралос(ь) мальтійскихъ двадцет(ь) восем(ь) ковалеров да приезжихъ четырьѣ, в том числе и «ковалер смирения», реченной александръ, за которого аглинскому королю хотят мстить. И приехав въ англичю, великую ребелию учинили такъ, что корол(ь) принужденъ был у оных ковалеров для взыскания «ковалера гнева и побѣды» сроку просит(ь). Александръ же о чести королевской сожалеет(я?) дабы державе его какое зло не возрасло того ради в присудствии королском при собрани всех ковалеров рече: «вашему величеству покорно доношу, что вы «ковалера гнева и побѣды» ищите,— конечно уже не сыщете, которым было вам не надлежало такъ ругаться и чинит(ь): «понеже во многих странах сила и ковалерства и слава всем известна! я надеюс(ь), и вы знали, что вся Европа за «ковалера гнева и побѣды» встанет. Того ради сердечно о чести вашего величества сожалею, о чем і совесть моя умолчать не может! и объявляю прямо: розсѣиски ковалер олександръ и «ковалер гнева и побѣды», «ковалер же смирѣния»,— аз есмь един и в темнице я заключенъ был шаутбѣнахтом вашим бѣзвинно па навету аеицеров морских и оттуда чрез труды рукъ своих свободился, о чем ваше величество буди известенъ и вперед(ь) приезжимъ свободный пут(ь) изволте дават(ь), дабы державе вашей какова зла не приключилос(ь)!» Корол(ь) же и протчие ковалеры, сие слыша великой исполнилися радости, особливо ж тигнанор, яко «ковалер правды и щастия» о получении брата и друга возрадовался. Тогда корол(ь) «ковалеру смирѣния» пожаловал ковалерию, и три дни в королевском доме бѣз выходу веселилися. І пришед александръ на квартиру в размышлени рѣче в себе: «не добро учинил есть, что о себѣ объявил, — и будут меня все знати по городи!» зделал черные латы за знаком «сотования», и тако от мальтійских ковалеров уехал. Тогда как от мальтійских, так и от протчих ковалеров во все окрѣстные государства о александрѣ великая произошла слава, которая и до гишпани доиде такъ ясно, что и тирр в слух пришло, которая не могла дале терпети. Пришед к пасторше, і вся о себѣ подробно поведала; потом просила, чтоб ей коня и латы и оружие

промыслила. Пасторша, егда пред собою честнаго отца дщер(ь) и славнаго в свете ковалера невесту узрила, постыдилас(ь) пред нею и вся желанная немедленно отправила. Тирра покорно пасторшу благодарила. Пришед же, просила, чтоб никто о сем ведал; и велела тирра латы свои вычернит(ь), а на груди подписат(ь) светлыми словами «ковалер надежды». И оттуда поехала александра искати и многие дни ездили между лесами и болотами. Абие встрѣтился тиррѣ тигнанор, которой необык мирно жить. Въ тот час тирру выбранил,—она же, бедная, не желаше с ним поединка, но принуждена была выехат(ь). Тогда тигнанор тирру такъ сильно копием в перси ударил, что спад с коня, два часа, яко мертвая, лежала, да в то ж врѣмя, какъ ея тигнанор из седла вышиб, звалился с нея шишакъ и волосы означилис(ь). Того ради тигнанор прииде в жалость: и, дожидал доколе паки в чувство придет. Тогда тирра мало отдохнула рече: «господинъ ковалер, прошу тя последнюю милость со мною учини, поезжай и сыщи любѣзнаго моего друга и жениха александра, которой под многими ковалерскими знаками ездитъ; и какъ найдешь, скажи ему, что «бесщастная тирра, от твоей руки умираю!» Наполнися ж тогда тигнанор виликия жалости, а потом рѣче: «о любѣзная тирра, прошу тя не воспомяни свирѣпство мое к тебѣ и пред братом моим александром, но прости мя, яко грѣшника, и иди со мною купно общаго друга нашего искати, с которым я в англи разлучился и, где ныне, не знаю. Тирра же тогда, аще и зело немощна была, одноконь с тигнанором поехала и отехав недалеко, зело изнеможе и сконя паде на землю. Того ради тигнанор принужден был ея в некоем селе для излечения оставит(ь), а сам поехал александра искати. Тирра же чрез несколько врѣмени паки въ прежнее здраве прииде, не восхоте тигнанора обождати, того ради поехала собою александру искати и четьрѣ мѣсяца в велико печали в непроходимых лесах и в болотах ездила и оттуда стала в англию прониматца, дабы об олександрѣ проведат(ь), где обретается. Абие наехала при пути «ковалера сетования» спяща, и неопознала, что любезной ея александръ, но проехав мало ляже и сама опочити и, как скоро заснула, приехал к нѣи александръ, реченны «ковалер седование», и виде тирру, ако «ковалера надежда» в черных лентах, мню: «в делах своих подобѣнь» и прилежно взирая на нѣ, зело желал, дабы с ним поговорит(ь). Тогда ради по малому будил, но тирра в крепком снѣ не чувствовала сего. Александръ дожидался долго и поехал в пут(ь) свой,

оставя тирру спящу. И тако александръ в великоі печали едет. Абие тиграноръ пред ним ста и рече: «господинъ «ковалер сеговация»! не печался, поїдем на поединок и будеъ знат(ь), кто у нас силнее?» Александръ тигранора узнал: «или никогда от тебя покоя имет(ь) не буду?» Тогда тиграгар александра узнал по голосу и пред ним прощался и любезно целовалис(ь). Тут же александру тигранор и о тиррѣ поведал, какъ ее крепко в нидерлянди, съехался, паразил, и где оставил и под каким ковалерским знаком ездит. Слышав александръ, в недоумение ~~пришел~~ для того, что тирру видель спящу и не разбудилъ, и тотчасъ поехали с тигранором на то место, где она почивает,—и счастьем их едетъ имъ тирра ыстречю и от великоі горести по своем возлюбленном, приклоня главу, неутешно плачет. Возрадовался александръ о получени своей тирры, но не далъ ей никакого привету для того, что намерелся во след ея ехат(ь). И как скоро ея мимо себя пропустили, и еще в виду напали на тирру разбойников шестъ человекъ, с которыми она зело храбро противилась, но александръ не могъ более терпеть: во всю конскую пору устремился к тирре в помощь скакат(ь), за ним же и тигранор, и прискакавши, разбойников побили и тирру отъ руки злые свободили, за что тирра александра ковалерским обычаем зело благодарила, а тигранора стыдилась того ради, что ево узнала. Тогда александръ просил ея, чтоб вместе ехати и, тайно не объявля о себе, до самого вечера ехали, а потомъ умыслили коням отдохнуть дати и сталі. Александръ снял себе шишекъ и рече громко сице: «брате тигранор, возри на меня, како процвелъ есмь вси часъ! Я надеюсь, сия мне радость не просто: или родители мои в день сеи веселитца, или любѣзная моя тирра обо мне слышет и радуется! кокое бы могъ создавшему благодарение воздати, ежели бы живу где сыскал и посмотрелъ бы на нее!» Тирра же, видя пред собою любѣзного своего александра, в радости пролезилась, и сняв с себя шишак, резово к нему придвиглась і в слезах ничто уже рещи можаше — токмо любѣзно обнимала и целовала. І тако в той день всех печалей избѣгли і веселилис(ь) на том месте семь дней. И оттуда александръ намерение свое взялъ, чтоб ехат(ь) в свое отечество, и поехали, а тигранор провожал до самого амстердама и тамъ со александромъ любезно простился. Александръ селъ с тигроу ехатъ в россию в корабль, а тигранор поехал в малтию. И шедшу александру моремъ, четыре дни в пяты воста в море

великої вихир и волны морськіе начали корабль необычно шатать и мачты на корабле ветром поломало; корабельщикъ и вся, яже на корабле, слезно рыдать начали и друкъ з другом прощатца: ибо помощи не откуда ждат(ь) было можно. Александръ в то время с возлюбленною тиррою не утешно плакали и слезы ихъ изочеі, яко волны морские, едина другую побивала. И вси людие, бывшіе на корабле, от сердечныя рыдания изменилис(ь), а корабль от ударения волнъ морскихъ стонетъ. О коль великъ трепетъ и ужас тогда в корабле между человецы былъ! І тако чотыринадцат(ь) днѣ волнами морскими мучими были. И какъ погода предста и треволнение утишилос(ь), корабельщикъ корабля оного не ведал о себе, где обретался, и мачтъ взятъ неоткуда,—того ради стояли на якоре, ожидали мимо идущих на кораблях. І попуцциемъ божимъ наехали на нихъ нападутъ разбоиники варварской стороны і всехъ людей іменіе побрали і привезли ихъ в королевство еейское, а оттуду тирру, яко «ковалера надежды» продали (давъ ей имя курмалонъ) китайскому купцу за чотыреста червонныхъ, а александра и протчихъ пленниковъ мучивъ долгое время в тяжкой роботѣ, и продали александра во елориду; а елоритцкой стороны людие, яко обыкновенные человекоядцы, купя александра, стали кормить, яко скотину на заколение: понеже оныя обычаі имеютъ сицевы: ежели иностранного купятъ, или поймають,—накормя ево и утуча, на празнество убиваютъ и сьнедаютъ. Видя александръ конечную свою погибель, не знал, что чинить: понеже что оружия с собою не имелъ; в великой печали і горести претерпевалъ, токмо надежду имелъ на единого творца небу и земли и всіи твари, і непрестанно на молитве стоялъ и просилъ у бога милости дабы от варварскихъ рукъ свободится. И егда поганской празникъ ихъ приде, приведенъ былъ александръ на заколение, но божию помощію, которой александру подаль смелость у варвара, его же резати ножемъ хотяще, ножъ от рукъ варварскихъ отторгъ і иныхъ стоящихъ близъ его, яко скотину, резалъ и ни единого человека не оставилъ в томъ доме жива и с темъ великимъ ножемъ побежалъ в леса и межъ горами скрылся і бежалъ три дни а потомъ шель чрезъ ишпанию новую і еоиопию до египта в великомъ труде и страхе, а въ египте досталъ себе латы и коня и вооружился ковалерски, а на латахъ зделалъ прежней знакъ «сѣтования» и поехалъ прямо изъ египта в малтиски островъ и, приехавъ, многое время жилъ, дожидался брата своего тигранора.

И дождався, вся ему поведаль случившееся с нимъ и, вспоминая злосудие свое, горко плакалъ, а особливо сожалелъ любезной своей невесты тирры. И тигранор, прибравши(сь) крепкимъ оружиемъ, поехали в китаи и в подлежащемъ пути не малоі труд и горестъ претерпевали и, приехавъ в китаи, стали на квартиру у некоего купца и по наіму проводывали о тирре, которая тамо наречена была: люртохарсь. В то время тирра была в китае в великомъ почтении и называли ея европейскимъ славнымъ ковалеромъ, токмо выходу изъ полат, где она жила, свободаго ей не было. Того ради александръ с великою трудностію докупился тирру видит(ь) и, в некое время пришедъ к ней, вооруженъ и сидел до самаго вечера и ввечеру караулныхъ побилъ и ея с собою вывелъ. И тою жъ ночью изъ китаи с тиграноромъ и тиррою Александръ поехал и приехавъ в государство индейское, а оттуда моремъ во францію приехали (аще в парижи и заехали, однакожъ тирру признать было невозможно для того, что уже тому пятнадцать летъ прошло, какъ ея александръ увез, да она ж в то время за ковалера отъ всехъ почитаема была), а изъ парижа в нидерландию, в которой нашли владимера и, для исцеления владимеровой болезни, возвратился паки в парижи и жили полгода і, егда владимер в прежнее здравие пришелъ, сказывалъ о себе сиче: «когда мы разбойниковъ прогнали и другъ друга потеряли, тужилъ я объ васъ много и пошелъ пешъ, і встретилас(ь) мне некая женщина, в мужескомъ платьѣ, и со мною остановилас(ь), много разговаривала и о себе объявила, что она девица, а для чего в мужескомъ платьѣ ходить, того мне не сказала. Того ради оную зъ дороги отвелъ, веселился с нею,— абы наехали на насъ поляки незнапно и застали ея безъ штановъ, которые она ради законной притчины снимала изъ чего оныя поляки насъ виновныхъ быть признали. Того ради ея освидетельствовали и меня, зато немилостивно плетми били, а ея с собою увезли. Горестно мне очень тогда было, да к тому жъ болно бить: однакожъ пошелъ прямо в цесарское государство, надеялся тамо отбогатиться. І пришедъ в столичный градъ вену, сталъ жить в доме волномъ і познался града того с купцомъ, которой мне всегда докучал, чтобъ я искалъ случая с некоею б...ю, жиющею во ономъ граде, за которою тотъ купецъ более года волочился, но разве приятныхъ словъ, иного ничего не получалъ, а прочие, которые нечего не даютъ, веселятъ ея. Того ради просилъ меня, чтобъ я со оною б...ю въ ево бытность блудомъ собициса, дабы ея впред(ь) порицать было можно, а мне зато обещалъ три ты-

сячи червонныхъ двоинныхъ. Мне жъ с нею не зело было тягостно учинить: взявъ у купца оного на перед денег сто рублей, устремился за реченною б...ю волочитца, которая, видя мое сиротство, без всякихъ убытковъ и далного происку склонилас(ь), а потомъ и ея просилъ, чтобъ не отрекалас(ь) при реченномъ купце со мною позабавитца, на что она склонилас(ь) же и назначила терминъ, но хитрымъ своимъ промысломъ себя в такую срамоть и порицание не привела: понеже накунуне назначенного термина пришедъ купца оного к жене, и презентовала алмазної перстень и ея просила, дабы в будуще день к неі в вечеру приехала посидет(ь). И егда купчиха на презентъ оны прелестила(ь) и на утрее г б...и поехала, тогда б....ъ купчиху подпоила и привела в такоі кураж, что не токмо с незнаемымъ мужемъ одинъ разъ спать лечь, но и законного от себя отчитити готова была. Того ради б....ъ на купчиху свое платье возложила и ввела ея во особливую полату, а потомъ и мне знати дала. Тогдажъ и купцу оному от меня сказано было, чтобъ, мало помешкавъ, за мною шел и пришедъ узрилъ в постеле лежащу и делал, что было мне надобно. Тогдаж и купецъ, к намъ пришедъ, узрилъ в постели лежащу і взирал на нас, неутешно смеялся и радовался, а потомъ обещанные денги мне отдалъ, ис которыхъ б....ъ себе взяла 2000 червонныхъ двоинныхъ, а мне осталас(ь) 1000. Того ради я ей з гневомъ говорил: на что столько берет. Она жъ отвещала: «1000 червонныхъ за искуство мое, а другая 1000 червонныхъ за роботу купцовой жене, которая с тобою, лежала!» Я спросил: «какая купцова жена? мне мнитца, что с тобою, а не с ыною лежал?» Б....ъ рече: «иди со мною, узриши, кому денги отдамъ!» Позналъ я тогда, что того ж купца подо мною лежала жена, у котораго денги взялъ, и зело сему удивился. И оттуда поехалъ я в нижнюю германию и приехалъ в гааетство ческое и пришел в оперу и тамо узрилъ трехъ дамъ среднего характера, за которыми прилежно примечал и, чрезъ некоторые мины каждой о себе давалъ я имъ желаніе мое знати, но не от одной привета не получилъ. Того ради и прочь от нихъ пошелъ, а какъ из опери пошелъ вонъ, тогда я, пришедъ к нимъ политически позволения просил. Тогда они каждая своі терминъ назначили, когда мне к нимъ приходить: однакож того вечера просто того не пропустил,—с одною сед в корету и проводилъ ея до дому, а понеже она меня начевать просила, того ради и до постели доведен; и велела мне роздеться и спать лечь, а потом и она при-

шла, и абие на дворе великої шумъ стался, которой мне великої страхъ далъ, для чего я ея испросил, кто приехалъ и камо сохранился могу. Онаж мне велела под кровать(ь) лести, под которою нарошно или умышленно положены были тернии. И меж теми нашими разговоры муж ея в полату вшел без огня, а я, бедной, принужденъ былъ лести под кровать, а егда свечю со огнемъ принесли, тогда от страху резво под кровать я к стене подбился абие; лежаше подле стены, терниемъ вооружас(ь): сквозъ тонкую сорочку тело мое такъ немилостиво уязвляеть, что едва до утра вытерпеть мохъ. Пришедшу утру, оная дама, отдавъ мне платье с великимъ смехомъ выпустила. Ввечеру пришедшу, пошел я г другої, которую вызвалъ на крылцо, но она не хотела тутъ со мною мешкать—повела меня в особливую храмину, в которой пол был вынет, отворила оную двер(ь), говоря мне: «ізвол(ь) итти в сию храмину,—тамо обрящешъ одръ, на котором дождаіся меня!» Аз же с великою радостію всемъ корпусом чрез порокъ сунулся,—абие в погребѣ учютился, отчего в великої страхъ пришед, а после единъ от рабовъ ихъ, пришед с ключом, меня выпустил. А понеже от природы zelo любопытенъ—сего ради возревновах зрети, что і третия со мною зделает, но не надеялся от нея ізмены. Того ради ввечеру к неі пришед; а пришедъ, долгое время сидели і пили с нею купно,—і между тем, знатно, в питье она вложила сонное лекарство, от котораго сидя заснул такъ крепко, что платье с меня сняли і положили на доску, вынесли на улицу і поставили под дожевої желопъ. Да к тому ж ея посмешеству в ту ноцъ былъ великої гром и дождь, із желоба великая вода такъ крепко меня била, что принужденъ былъ от сна востати і в великое недоумение пришел, отчего такая срамота со мною учинилас(ь). І егда дознался, разгневался велми, да к тому ж обмокъ і прозябъ, пошелъ на квартиру, а на утрие позвал мужей ихъ к себе обедать і обещался (обращался?) с ними такъ хорошо, что и друзьями мне обратилис(ь); а потомъ женъ ихъ к себе призвалъ, бутто на вечеренку, которые и знали, что имъ мститъ буду, однакож поехали в такой силе, буттоб я имъ всемъ троимъ вкупе о семъ не стал упоминат(ь). І егда ко мне приехали, вошли в мою спальню, взялъ я тогда великую шпагу и свирепымъ образом к ним вшел мстити, чтоб впред(ь) протчие нами играть не дервали. Они же тогда со слезами меня просили, дабы милость с ними учинилъ, чего у меня и на уме не было: понеже скиня с них платье и сорочки и зделал на теле ихъ мерские знаки, по-

ложилъ на постелю свою ницъ и запретил, чтобъ отнютъ и что делатца с ними ни будетъ, молчали б, а ежели каторая, хотя мало пошевелитца, смерть объявилъ—і вышел от нихъ, по мужей ихъ послал. І какъ оные пришли, игралъ с ними в карты и между темъ объявлял имъ сиче: «приятели моі, доношу вамъ—имею у себя на квартире такое диво, что вы, надеюсь, ни от ково о такомъ не слыхали, і ежели дадите мне порол(ь), что творить мою волю і нечево притом не говорить и не смеятся в то время, какъ я вам показывать буду?» И они мне в том верны поролъ дали, что делать вся, яже имъ повелю. Тогда, взявъ я оных и пришед в спальню мою, одеяло вскрылъ до поясницы и показав имъ, паки возвратился, играли в карты, а между тем женъ ихъ, отдавъ имъ платье, велел в задние ворота выпустить, и уже мне после сего великое счастие в них служило. І оттуда поехал во граество ерилянское і тамо нашел капитанскую жену, именем левпшу, лепообразну жену, которая имела амур с некоемъ студентом в великоі верности. Поревновал я тому и начал проискывать, како бы ту их спряженную любовь развратить. И многое время чрез подарки и ласковые разго(во)ры за тою ходя, едва начала,—разврати учинил и потом, зазвавъ ея на свою квартиру держал седмъ днеі и велел ея отвести, куда желаетъ. Она ж, знатно, от меня никуды не хотела, просила меня, чтобъ меня при себе держал, а мне она была не весма нужна,—того ради говорил сиче: «кую надежду имам от тебя ожидать: понеже не меня, но злато, лежаще в руках моихъ, любишь! и по что ты прежнего оставя, ко мне прелепилас(ь) и склонилас(ь) на злато, которое вам, яко слону ізюмъ і протчее ягоды наснед(ь), егда его вокопъ ведутъ, представляютъ, дабы за вкушениемъ слатостей не познал погибели!» Тогда левпа съ яростию рече: «не ковалерское, но злодеіское дело с тобою!» Мнешъ (миѣ же?) сие зело досадно стало, — того ради на грудяхъ ея наколол четыре литеры: В. Б. Р. Д., которые значят, «всякая б...ь руганию достоіна» І натерши порохом, з двора збил. И оттуда поехал в брандебурию; і тамо первая мне диковинка на квартире случилас(ь): понеже хозяіна того жена, у которого на квартире стоялъ, необычно ко мне в полату приходи, о ево о здоровье спрашива, ово протчие разговоры начинала, іс чего я более смеялся, нежели слушати желалъ. Однакож наконецъ столко былъ осилентъ, что с великою трудностию оную от себя отогналъ и на другую квартиру переехалъ, надеялся, что лутче

будеть,—понеже такої приездъ и на тот дворъ был, что и ночью покою не давали, особливо жъ любилас(ь) хозяйка дому того с морским порутчиком. Скушно мне очюнь было,—того ради и я стал волочитца и такъ обшелся с нею, якобы прежде между нами союзъ былъ, а потом, залуча ея к себе в полату, і по отпращивани нужды моеї, влил еї в детородны уд зелие, которое тело ея едва не до костей прогрызло. І ради великаго ея крику оттуду бегу вдалься. И правда нелзя было!—не такъ зделал, понеже необычно ломило и не жал(ь),—что ея (ей?) бесщастие приписал, — жалъ тово, что у всех доволство отнелъ! А мужъ ея, тогда знатно об неї сожалелъ, послал за мною в погоню людеї своихъ, которые меня и догнали, однакож взять было меня невозможно: понеже вооруженъ был, да и лошед(ь) подо мною очюнь хороша была, и тем спасся, а потом съ едущими в то место послал я к мужу ея писмо, в котором было написано:

Приятель любезны здравствуи!

«Удивляюся я неблагодарству твоему за мое к вам благоденіе, котораго бы не откого получитьи надеялся: понеже я смертны яд всящєї над главою вашею, іскоренил і такъ сильно поправ, что не помянется впред(ь), а вы тої ради притчины за мною вооруженною рукою посылаете, от котороя едва спасся. При сем вас прошу, дабы вы імя мое, яко вернаго приятеля вашего, изволили в число друзєї своих вложить, в которой надежде остаюсь всегдашни слуга»

владимеръ

А оттуды приехал во англію и имел компанию студентами, с которыми случилос(ь) притти в волно(й) дом. И застали в том дому девицу изрядную, с которою сидел многое время, и каждо(й) первенства желал и, между многими играми, случилос(ь) мне наперед всех квартиру занят(ь), а потом и все, един по едину, кто девице коснулис(ь). Однакож такую хитрость зделала, что всемъ услужила, а каждому первенствовала. Того ради каждой себя пред другим щастливейшим быти мнилъ, отчего і в диспутъ пришли; понеже всякъ собою похвалялся и оттого великая ссора зделаласъ. Тогда некто от еранцузских дворянъ, именем лонжер, был с нами жъ в компани і видилъ такую между нами ссору, сожалелъ; и пришед ко оной девке, и рече еи сице: «ты о себе знаешъ, что греха не боишся и людеи не стыдяшся: того ради возми пят(ь) червонных и дай мне волю с тобою, что хочу делат(ь)!» На что она изволила с таким выговором, дабы телу

ея какоі скорби не дат(ь). Тогда лонжеръ положил ее на стол и в мокры уд поставил свечу, а на грудях в карты играли и тем ссору между нами прекратил. И оттуду поехал я васъ искат(ь), а более надеелся, что вы в париже пойманы. И случилось мне на дороге наехат(ь) полатку, а в ней сидят три человека бѣз-оружны, а іменно от руско барон старкѣ, гдатцкоі барон еоняръ да саксонскоі дворянин силберстенъ; и розговаривают о женах; и я в полатку одную вшед, долгое время слушал их разговоров, ис которых в памяти нечто имею—изволте послушать:

баронъ старкѣ говорил:

«Многол(ь) в свете добрых жен сыщется!»

силберстен.

«Все добрые, которые еще непубликованы!»

баронъ форяръ.

«Сколко хороших ни знаю—все б...и!»

баронъ старкѣ.

«Правда, все жены, которые еще непубликованы, хороши: понеже те доказательствуют всякую б...ь, надеюся: труднее пристыдишь, нежели добрую жену! и ты господинъ еоняръ правду говоришь, что все хорошие жены—б...и: понеже их тонцованіе и прелестивая политика, особливо которые ж на вси ответы, не токмо аммуры содевают, но и нам дают резвую бодрость и смелость милости попросит(ь)!—Да, не можно красной жене не быт(ь) б...ю: понеже множество искателей пред нею и за нею ходят!

силберстенъ.

«По злобѣ, надеюсь, ты, господинъ барон порицаешь! не(у)жели политика всех европейских стран, которые за великіе денги учатся лепообразным женам непристойно? Или и беззазапинательныя их на вся острыя ответы неужели аммуры содевают? мне мнится, всякой острой ответ от ума дается: сами вы виноваты, по что чрез писма, песни и презенты домогаетес(ь), но не всегда получаете!»

барон фонеръ.

«Господин силберстен, мне мнится, что ты самъ собою был, что их выправляешь! Правда, песни, писма и презенты их, яко сети,

в которые они впадают, представляются, и в том они не виновны: понеже возможного ищемъ, и что достанем, то и наше! а как же и тонцованіе их аммуры не содеваетъ—разсуди: перво намъ всехъ случаи в тонцахъ или рукою, или ногою в ногу толкнеть,—и многіе проказы делаются, которыхъ со стороны никакъ присмотрѣть невозможно, а между оною порою зделается, конечно, чрезъ сие начала аммура!»

барон старкъ

«Господа мои, послушайте! и, кроме танцов, можно всякую б... въ глазъ познать: аще кто не верит, зделаі пробу сице: приди к девице или жене и говори с нею со умилением, назираі прямо в очи, что не токмо очи ея будутъ семо и оввамо на слезахъ богати, но и совесть ея собою окажется: понеже такіе из нея приятныя мины раждатися будутъ, что, ежели которыхъ изрещи не постыдится, те своимъ пастуромъ делает и приведетъ каждаго в соблазнъ.

силберстенъ.

«Я удивляюсь, вы противъ совести своей боронитесь можете и порицаете безвинно! Изволте разсудитъ(ь): перво, что всякоі женъ признавать разумъ, ежели которая имеетъ приятно встрѣтитъ(ь), угостоитъ(ь) и проводитъ(ь). Я надеюся, ласковоі женскоі привѣтъ и умныя взоры, которые пристойно к пастору ихъ, столко каждаго веселя, что все, противности оставя, на то взирати будетъ и насладится,—и то назвати надобно модою, а не такъ злословитъ(ь), какъ отъ васъ слышу! разве техъ б... и называть, которые понурою ходятъ и думаютъ въ себѣ: «свѣтъ не мил! даі, боже, нощъ(ь) пришла!»—тому и я не спорю!

баронъ фюръяръ.

«Неправду, господинъ силберстен, говоришь! которые жены будутъ понурою, к темъ не всякъ дерзость имеетъ приступитъ(ь): понеже хотя таитъ аммуръ, с кемъ имеетъ, не зело: скрытенъ, а другому товарищу тамъ и места нетъ, да и пристатъ(ь) нелзя, а ветрохонныя, которыхъ ты к политике приплетаешь, зело сутъ(ь) удивительны: понеже четырехъ имеетъ, а каждому верность обещаетъ! чортъ бѣри ту верность, да и ты, пожалуй, силбѣрстен, об ихъ старатца перестани!»

барон старкъ.

«Хорошо, что трех или четырех имеешь и довольствовати всехъ умеешь! умная та жена и не так всем постыла, а иная такая дура мерзкая, что зделает, а концов скоронитъ не умеють и оттого зделаетца между тем ссора, а она останется в великом поношении! Хотел бы я ведатъ, что их лстит так непостоянничатъ: понеже уже многия в свете обрасцы есть: кто любит девицу или женщину, всегда ей смеетца и оставляетъ, а бѣзумные женщины сие ни во что вменяють и темъ в надежде впредъ получитьи, остаются, что и впредъ получитьи и всегда в непотребных скверных разговорах упражняютьца, иного ничего не от кого слышати, кроме аммуров не желают, а ежели кто им оттого будет советовать воздержатися, и тех бранят и непотребными называют!»

силбирстерн.

«Ни оне, но вы виноваты! по что всегда пред ними унижаетесъ и кажете им, якобы от сердца всякого добра желаете; и хранители честных называетесь, а потом пронырством своим приводите в позор,—они же, бедные, яко не весма вразсуждени далеки, поверя ласканию вашему, отдаются во охранение вам, а вы, яко волки, не токмо от протчих охраняете, но и сами не бережете и в посмеяние оставляете. Тогда им чтож иное делатъ, кроме происку, на упалые места кого получитъ, и сие их не вина но ваше непостоянство!»

баронъ форъяръ.

«Ха, ха, ха! диво, послушай, моі другъ! уже всякая девка давно знает, чего ради мы ниско им кланяемся и всегда ко услугам готовы, но сему всему весели: и компани вина, а не мы! Ибо, ежели которая девица где в компани видила молотца,—приехав домоі, руки ломает, охает и часто вдыхает и потягается; буде же матъ ее спросит, что зделаласъ, и она говорит: простудиласъ! А день настал—из окна не выдет! ис сего я признаваю, что желание ее было да достатъ не умела!»

баронъ старкъ.

«Не токмо персты ломают и вздыхают, но и впредъ случая ищут, гдеб повидатся, а того и смотрят, чтоб другая не пе-

рехватила! А ежели услышит, что другую полюбил, а не ее, то называет ту мерскою и непотребною, да к тому ж, которая уже и имеет любителя—а увидит другаго лутче, того то никак стерпет(ь) не может, чтоб ей себя не показат(ь) или глазами; или руками; а что нибудь да зделает, с чего можно об ней дознатся что она б...ь, а нашъ брат только такую проказ увидит, тот час и прилепился!»

силбиртернь.

«И я бѣ что нибуд(ь) об них сказал, да опасася(ь) впред(ь) имет(ь) щастия в них—того ради, хотя и знаю, да молчу!»

барон еоръяръ.

«И дивлюся я твоему безумию, братецъ!—имеешь веру в мерских женах і боишься тех! пожалуйі, не боися, я тебѣ советую: ежели имеш(ь), которую в любви, приди к ней и разгневайся на нее, и ежели что противно тебѣ говорит(ь) будет — беи ее, сколько надобно будет, и с тем гневом уиди: посмотри, что зделается: понеже не столько тело от ударения болети будет, сколько мыслею онасение, дабы ее не оставил, и у тебя ж прощенья просит(ь) будет!»

барон старкъ.

«На что ж бы им такъ себя показыват(ь)?—лутче же делали таино, а не явно, а мины бы приятныя отложили. Мнеж и то диво, что всякая б...ь, кого она любит, всегда ему новые вести сказывает и называет, бутто бы от него слышила, что он иную любит и ея обманывает. А я надеяс(ь), они о сем своею головою домышляются и думают, конечно, то быт(ь) может, и за то разгневается! не явно ли то бѣшенство их?»

силберстернь.

«Кто их таину ведати может? я и сам много таких знаю, что им натура политику приятныя мины содевати принуждает: и со всяким готовы обходитца, и всегда склонны к многоглаголанию а молчанию николѣ же хотят,—однакож зла в них не присмотрил, но всегда постоянны. И что б... и любимым своим частые вести сказывают и ревнуют, в том есть притчина: понеже, — хотя и одного не слышитъ, но чрез вымышленные свои предложени желает из него усмотрет(ь): понеже совесть тотчасъ обличает и ежели она таковое признает, раз(г)невается, но не так, что ему какую досаду зделат(ь) не надолго!»

баронъ фюръяръ.

«Да, господинъ силберстернъ правду говоришь, да веритъ нечему: понеже некая б...ъ тебѣ рѣпорту о своихъ делахъ не принашевала, и впредъ ненадеися, а что барон старкъ говорил, по что б...и себя оказываютъ, что совесть ея мучит, не может сего утаити: понеже из робячества в то вникла! ой, ой! бѣжатъ бы нам от них было, ежл(ь)бы не рождения детей им запрещало: понеже всякая бы не стыдилас(ь) громко бѣс политики о себѣ сказат(ь), но и ныне не бѣз диковенки в них признавается, ежели которая дает минами своими повод, а нашъ брат не вразумится или не пожелает в ней поискат(ь), какого при своих сестрах называют дураком и протчим с таковым знатца запрещает. Есть же между тѣми много и добрых жен, которых скоро можно признат(ь), понеже те всегда в своем степане стоят, и очи их на слезах семо и овамо не бѣгают, шуток и пшынских рѣчей чужды, а которые с политикою всегда обходятся, и в весели, и в компани часто вникают и знакомство просят, и всегда смеются; и веселы,—уже в ребрах, конечно, бѣси дома построили! да на них смотря и маленькие девочки в то прочат, как поаммурится, да не смыслят, бѣдные, того ради младенческие и мины употребляют сице: часто забѣгают, в очи заглядывают и смеютца, а потом такъ вникнет, что и метлюю не отгонешъ!»

баронъ старкъ.

«Отчего то делается, незнаю! я видел многия наша брат(ь)я отдаются под власть мерским женам и послушны тем бывают... их одних ково любят лутче всего света

силберстернъ.

«Помниш ли, господин барон, когда мы были в парише, сколько твоего было ходатества и старание за придворною дамою шарлотою? по что твоя грубая персона тогда приятны мины на себя возлагала? так барон сий раболепствовал и всякия случы ко увеселению ея проискивал и за единое лобзание множество золота просыпал и всю волю ея исполнял, а ныне того чуждъ называешся? мне мнится того ради всякой любимой своей себя в волю отдаешъ, что натурѣ противитися не може, а что оную лутче всего света ставит(ь), на то старые пословицы не мимо дѣла гово-

рятца: «у милого нет постылаго, а у постылаго нет милого!» еще: «не то ~~милу~~, что хорошо,—то хорошо, что мило!» еще: «много хороших, да милова ~~нет~~» особливож: «кому что мило, тому то и дорого!» а для чего лутче света?»

баронъ форъаръ.

«Ни дивис(ь), господинъ барон старкъ, силберстировоі уликел! понеже, за оскудением ума, что нибуд(ь) и еще збрешет! одумаися, братецъ силберстернь, барон старкъ очин бы доволен был, ежели ты, когда женился, да пустишь его с такими услугами и склонностію к жене своей, которые он для снисканія шарлотиноі милости употреблял: понеже ему не она, но в ногахъ доброта ея, на время была надобна, а чтоб нашъ брат такъ горяче любил б и. какъ ты в пословицахъ старинныхъ намъ объявил,—сему и быт(ь) невозможно! плюн(ь) ему в глаза, кто тебѣ о семъ сказывал: понеже мы все любимъ для одного веселія! а чтобъ лутче всего света ее ставит(ь), — и подумат(ь) мерско! разве которой токмо единымъ видомъ делаетъ и темъ б . . . ь свою обманываетъ, чтобъ болше по немъ сохла, а прямо сердцемъ любит(ь), у него и в уме не бывало! да и нельзя — подумай самъ разсуди: кого любит(ь) и для чего?—всякъ знаетъ, что не ево и ево не будетъ—одинъ убудетъ, а на то место целая дужина всегда в порадѣ стоятъ, а боле они лстятся на денги, но не все ж—иные и сами милушемъ своимъ за работу даютъ — правда, с такими охотнее и знатца! и я бы ей сказалъ, что за нее умерет(ь) готовъ, а когда б дават(ь) ничего не стала, то б и я убит(ь) не пожалелъ: понеже несть конца непостоянству и злости злыхъ жен: но всехъ злоститъ, злостію превосходитъ, страмъ, стыдъ, поношение злоречіе ни во что вменяютъ, едиными аммурами веселятся, да и то смешно, кого которая прежде любила, то и бранитъ и называетъ не потребнымъ,—а(т)ово называетъ, что ее любит(ь) боле не изводитъ. Они же и за то гневаются, ежели увидятъ, что с ыною говоритъ, то и думаютъ по своей слабости, что договоръ делается, и за то пеняютъ и расплачутся неутешно, а на конецъ такъ осилеютъ, что и помощницами нарекутся быт(ь), что случается в правду видити ми, какая в нихъ злость и вредительная язва, за что имъ в похвалу под политикою ныне песенку спокю:

«Уже ни дивно, боле противно жити намъ з девицами мирно! в любви намъ зримъ премного, ей, не убо, сколько хотимъ, (2-жды).

«Но разве в приятности, без всяко чагости, разговором садким и поклоном низким! а верно любить,—тем себя ~~крушить~~—нестъ уже нужды: в том ибо доволность, ~~нам~~ трех одному!» (2-жды)

«Куда ни ~~возра~~, ~~тысечу~~ узрю; ни едину зову—бѣз стыда все текут! Не приглашаю, но всегда лаю и сам не знаю, куда влекут!» (2-жды).

«Ах, страм бы есть взирати, нежели любить! Везде волочатся, по горло початся(?): зрю, без с(т)ыда очима взирают, ищут прилежности, бѣгут бѣз лениности все просят к нам!» (2-жды).

«Я реку громко: «все знаю, сколько им, толко которой хочешь первенством сести, всегда стережется и не дается бѣс прозбы!» (2-жды)

«А какъ оное минется—вся разпадется! тогда мы к ним ступаем, когда хотим—давай немедленно! несть воли им самим, что знаем, то творим: не их, но наша власть! бѣри любую часть, что угодно!» (2-жды).

«Разве что не мило, приятно было и в сердце ныло—забыти невозможно! не трудно ей,—так ненужно, бросит(ь) в навозъ (2-жды)

«Зрим красота, прах бо есть, в них и правды несть, то для сокрушим и прозбы не внушим, любить не хотим, что не таскалася, з другим не зналася: то есть всегда (2-жды.)

«Мне лутче сказатца, з другим спознатца и дат(ь) ласковой видъ, сердцем далеку быт(ь) и любит(ь) в мале, дабы не знали, что прямо есть (2-жды)

«Аще ли, что могла, чинишь, себя слабишь—то в тот час воли не давай: и нередко, по щеке ударяи, дабы, яко раба, предстояла, в том со страхом пребывала неотступно всегда (2-жды)

И более я сих речеи не упомяну: понеже много забыл. И тогда я от реченных баронов поехал, было, в париж, да на дороге заблудился и приехал в бардо и тамо жит(ь) хотел толко три дни. А понеже случилос(ь) мне в некоторой компани сидет(ь), и тамо усмотря аеиперскую доч(ь), бѣспаметно за нею волочился и за неимением пространного времени цел я пред нею песню сице:

«Возри на очи, каковы суть смутны от частых, ах, вворов на красоту! коли б ты знала мои мысли бедны, делающие твою доброту! колиб прямо знала, не бы мучила! вразумис(ь), умилис(ь), покин(ь) крушити: уже бо можеши болезнь признати, сердечне люблю тя: ей неложно!»

«Или назриши мою услугу? всеусердно вам всех благъ желаю, против жару стояти не могу,—того для снискати уповаю—

взираю ныне всюду, начала откуда настало и вдало пламя во утробу, которое мя ведет, ах, ко гробу! сердце болит, ах, терпетъ(ь) невозможно!..»

«Еже возможно, изволъ(ь) сказати: единого от вас ожидаю! долголъ(ь) будешъ(ь) зломъ томити? ибо конца желанія не знаю: прошу, прими себѣ и даі к любви привет, вкупе жити, равным слыти, кои пребудем в любви неотменно до гроба будемъ! слышиш ли? можеш ли отраду дати?»

А какъ я сию песню пел, заметил волокиту мою брат ее и понел на меня злобу, а ее никуда более не пускал, зачем во оном граде боле мѣсяца медлил. А какъ поехал в париж, брат ея реченны выехал на дорогу с людьми своими, поймал и, конечно, убил бы до смерти, ежели б не проезжие ковалеры от рукъ ево избавили. Того ради дав мне две тяжкіе раны шпагою своею, поехал от меня проч, от которых ран я тогда не весма изнемогъ. Того ради ехал до самого того дни, какъ вы меня нашли, і тогда оченъ(ь) был уже болен, какъ вы сами видели!» И тако владимир свое похождение окончал.

Ис парижа александръ, тирра и владимир поехали в розсию и в некое время на берегу стали коней кормитъ(ь). Тогда александръ со владимиром пошли в морѣ мыться; и какъ в воду пошли, абие жестоко вихер на морѣ такъ сильно ударил, что великія волны воздвигъ, а александра со владимиром от берегу во глубину отторгнул. И тако чрез великую силу владимир до берегу едва доплыл і возляже на оном, яко мертвъ. Александръ же, между волнами утомясъ(ь), дну морскому предался и тако бѣдне скончался: Тирра же, во отбыти их, накормила лошадей и оседлав на самоі брег, поехала к морю, в такоі надежде, что они ея на берегу дождаются. Егда же одежду едину узрила, а их никоторого не обрете, в великом недоумени по берегу ездя искала и владимира, лежаща, яко мертва, спросила: «где александръ?» Онъ ей отвѣщавъ: «не вем—жив, не вем—морѣ поглотило, а я едва спасся!» И встав владимир и оделся и поехали александра искать. И в трѣти денъ(ь) обретоша его на песку мертва лежаща. Еже тирра александра мертва узрила, вержеся на землю и долгое время лежа молчае и по малу глас испущати начала и слезы из очей ея, яко источники, вскипели; и уже меташеся, яко бѣснующая, проклиная день рождения своего, терзаше власы и, извлекше мечъ, противу сердца своего поставя, рече сиче:

«Увы, мне, бѣдноі, несчастнейшей в свете! коликия бѣды буду терпети в сем лете! драгоценнейши брѣяны, ах, погубила—александра любезна в морѣ утопила!

«О морѣ волнуема или ты забыло? по что мя прежде, нежели друга, не утопила?

«Ах, что я, бѣдна, вижду пред собою?—александра любезна опоенна водою!

«О, мука, не стерпи я (нестерпимое?) горѣ! ты нанесло на нас, волнуемо морѣ! александра волнами немилостивне убило—меня, бедную девицу, смерть не погубило!

«О несчастнейшая подлицем(?) девица Тирра, влости(?) наченшая(?) от всего мира!

«Кая с тобою радость ныне осталос(?)? чего ради во отечестве своем не сказалас(?)?

«Опусти, александрѣ, хотя слово едино, даи отраду,—начал мучит(?) нестерпимо:

«Обещание дал ты в верности сущей, никоея лести в себѣ не имущей!

«Ныне себя зрю в печали, а иные в покое! долгол(?) буду мучится в сущем зное!

«Обещалася с тобою всегда быти купно—терпети бѣды и напасти неотступно!

«Что с тобою, то и со мною да будет! и невозвратно любов(?) наша пребудет!

«Ныне зрю, вси нещастіи намъ востали; и со всего света бѣды уже напали!

«Где твоя храбрость ныне обитает? европия о нещастіи твоём еще незнает!

«Слава твоя и во ази сияла, а ныне господина своего мертва познала!

«Колико государство прошел еси невредимо, варвар избѣгалъ щастливо и нерушимо!

«Сила твоя была знатна между ковалеры—кто ж поимет нещастію твоему веры?

«Все твои приятели неутешно заплачут, а неприятели, веселяся, скачут?

«Где твоя слава будет ныне обитати? кого мне оставил, на негож буду уповати?

«Кемъ ныне любезнейши побежден явился? о, мне горѣ! по что мя бѣдноі удалился?

«О не (а?) инешастнейшая! коликия беды претерпела всегда в напастях, а веселия не имела!

«Разбойники в лесах нас разлучали, отчего в несносной горести пребывали,—оба же паки другъ з другом соединилис(ь), аще и в печали были, но нелипилис(ь):

«Ныне, ах, любезнейши! по что мя оставил? наигоршеи печали мне бедно(i) прибавиль!

«Кого, бедная, буду ездя искати? ибо любезны мои в вечны сон ляже спати!

«Кто мне в помощи бедной испует(?): ибо александрова сила в земле уже тлеет!

«О, лютое несчастье! что сотворила? почто мя (сѣ) любезным другом разлучила?

«Где бедная тирра пристанище обрящет? откуда силу руку помощи примет?

«Востани и охрани мя твоею десною! ты в покое, а я в напастях стою пред тобою!

«Аще не учинишъ, лягу и я с тобою! по что оставил мя,—не взял с собою?

«Отверзи дверь, да вниду к тебѣ прямо: не терпит тяжкого время мое рамо!

«Умри, бесцатная тирра, зря на любезна, се твоя едина утеха и радость полезна!

И езрече сие, мечем ся прорзила и тело александрово кровию обагрила:

Прекрасная тирра с любезным ляже и ныне в земле имуть общее ложе:

Владимир же наполнился великаго ужаса и плача ис той горести: тела их сшестью наверхъ горы, при краи моря лежащи, погреб и поехал и, какъ на болшую дорогу выехал, встретилас(ь) ему гедвигъ доротия и спросила: «что за человекъ?» Владимир отвещал: «розсииски есть дворенинъ, а еду во отечество свое!» Тогда гедвигъ доротия, аще и замужем была, но прежнюю любовь(ь) Александрову воспоминала; и о нем у владимира спросила, о котором владимир случившееся несчастье с ним все подробно поведал. Тогда гедвигъ доротия просила, чтоб тела их показат(ь) и поехали вместе. И какъ на ту гору приехавъ, из земли тирру и александру вынули. Тогда гедвигъ доротия, взирая на александра, сие рече:

«Скем, любезны александръ, почиваешь? надеюс(ь), что и сам не знаешь: сие непотребны, что еси учинил—французскую славную бляд(ь) с собою положил! верная гедвигъ доротея легла бы с тобою, которую ты обленился взяти с собою! изыди, непотрѣбная тирра! с кем почиваешь, не достойна еси і доснутися, по что не знаешь!

«Любезны владимир, почто тако учинил? или ты мерскую тирру сердечне возлюбил? изми ея от александра и вверзи в морѣ! аще не учиниши, сама потщуся вскорѣ!» Знатно, в ней была великая злоба: ибо тирру извекла из гроба, яростно привлеклоша, абие приткнувся с высоты к низу падоша, главу, руки и ноги перѣломала и в тоі злости жизнь свою окончала.

Тогда владимир не знал, что чинити, горко о александрѣ и Тирре плакал и, мѣжду тем, и гедвигъ доротеиноі ревности смеялся. И собрав их, тирру—одесную, а гедвигъ даротею—ошную александра положил и во слезах рѣче:

«О, несчастны владимир, кого погрѣбаешь? александра любезна землю покрываешь!

«Востани, любезны, иди в дом отца твоего и в пути буди хранител(ь) здравия моего!

«Или прорцы, что мне с тобою чинит(ь)? и даі совет, ежели в пути со мною не блудит(ь)?!

«Вижду днес(ь): страх и ужас и трѣпет объмѣ! с моею радостію пред лицом отца твоего стану—и како могу дати ему смертную рану?—земля будет от матерня вопля станати, кое веселие домыплюсь тогда сказать?

Притом владимир многие слезы испустил. И погребши их, в пут(ь) к дому своему поехал

И в великоі горести амстѣрдам достиже и оттуда морем во отечество свое благополучно доіде; александровым же родите(ле)м несчастье ево объявил, которые, по многим рыданием и плача владимера, вместо александра, наследником учинил(и).

і тако сия гистория скончася

VIII.

ГИСТОРИЯ О ЯРОПОЛѢ ЦЕСАРЕВИЧѢ.

(Рукоп. г. Титова № 3539¹).

.. икакъ пошло кушанье настол царской, тогда царь удивися, что некогда такого кушанья неедаль; ивелими его возлюбил паче мерѣ. Глаголя агарянинъ: «прикажи, великий государь, быть мнѣ у питя!» (въ составленіи напитковъ онъ тоже оказался мастеромъ: поднесъ царю такое питье, что тотъ—) единую чару выпьетъ—аодругой душа горить. И видя оное, царь такъ возлюбилъ всемъ сердцемъ и созва всех своих князей ивесъ синклить исотвори пирѣ, глаголя имъ: «нынѣ, господа мои, слушаите приказу моего: азъ сего человека агарянина нарекаю братомъ своим, выже ему все кланяйтесь и почитайте ево, какъ имени!» Ито все слыша, поклонишася глаголя: «слышимъ!» Иповелевъ скоро написати указы и опубликовати вовсе свое царство ивовсе свои грады далъ знат(ь) исталь снимъ пити иясти содного блюда иплатье носить содного плеча. Ипонекаяея времени глаголя царь: «любезныи мои государь, братецъ агарянинъ, како азъ сколько времени живу ссупругою своею инеимею плода, асвоему граду наследия?» Начто глагола ему агарянинъ: «уже, брате, приспеетъ ношъ—посмотрим позвездамъ ипоплапетамъ небѣснымъ, како покажутъ намъ итебѣ, покажу!» И то слыша, царь смутися осемъ, како знаетъ небѣсныя планеты извездочетие. Икакъ приспе ношъ ипоятъ царя ицарицу исталь смотреть по звездамъ ипланетамъ иусмотреть звезду велми прекрасную, гла-

¹) Эта повѣсть печатается впервые; титла раскрыты и введена современная пунктуация.

голя имъ: «нынѣ вамъ возвещаю радость, что твоя царица зачнетъ вочреве иродить сына, инаречеши ему имя «моаѣ», которой красотою и премудростию будетъ велми премудръ иславенъ; отъ егоже плода будетъ сынъ—той будетъ храбръ исиленъ иподклонитъ подъ свою державу многія грады иорды, ипротивъ его никто неможетъ стояти, ираспространитъ пространство ибудетъ отого благочестие! зри, царь, яко сия звездъ всехъ выше!» Ицарь, слыша, радостію велию наполнися...

... (въ рукописи нельзя разобрать нѣсколько страницъ: очевидно, идетъ рассказъ о рожденіи и жизни царевича, наконецъ, о смерти и похоронахъ царя) ... отца своего починупарскому, ионои агарь повелелъ сотворить могилу, издарагой меди аравицкой вылить гробницу счестію великую.

И остася сынъ моаѣ, да дядя его агар, також ицарица. Ионои агарь, яко отецъ, храняще ибѣрежетъ отъ всякаго порабощенія ивсе знаетъ, кто что думаетъ и мыслитъ, точию никто неможетъ чего сотворити. Ито время приспе ионая царица отиде сего света ипогребоща свеликою честию возле царя. Иостася царевичъ моафъ даагаръ. Иповремени онои агаръ глаголя племяннику своему: «чадо мое, послушай, сотворимъ вограде своемъ полаты драгія изъ мрамора, чистаго камня, иукрасимъ златомъ исребромъ нахвалу граду нашему, начесть иславу!» Глаголя царевичъ: «государь мой дядюшка, что похощеши, то итвори,—аще слова изаповедъ отца своего непременно, что наказывалъ слушать васъ всемъ непременно!» Искоро повелелъ строити полаты драгія, что наудивление всему граду невіи; ивесъ градъ тому дивляхуси отакомъ строеніи иукрашеніи златомъ исребромъ идрагими вещами. Ичто было ичто впредъ будетъ, все вполатахъ повелено выписать—что осехъ полатахъ проидоша слава все земли. Икакъ устроиша полаты, ионои агаръ вошелъ во онія полаты смоаѣомъ царевичемъ—ибысть веселіе велие. Ионія князи ибояры ивесъ (и весь) царской синклить глаголя: «напѣ великій государь, моафъ царевичъ! уже бо время приспе восприяти престолъ отца своего или своему любѣзному государю дядюшке агарію!» Тогда глаголя агаръ: «господа наши, еще время неприспе на 3 годы,—чего ради истроены сїи полаты: мы станемъ жити сцаревичемъ, аонія полаты запечатаемъ изапремъ замками. Аще узрите полаты разтворены иотпечатаны, вскорости идите—итогда будетъ племянникъ мой царемъ иприиметъ престолъ отца своего. Тогда возрадуется весь градъ невели ивсе людіе, амы станемъ

жити вполатах 3 года; не надо намъ ничто: никупания, нипития! исотворите караулъ, чтобъ никто ксимъ полатамъ (не подходилъ?) инепущалибы никого!» ¹⁾).

А какъ приспе ночь, сталъ агарь говорить племяннику своему: «радуисе, друже мой! слушаи словесъ моихъ, что стану глаголати тебѣ! поидемъ со мною в другия земли и посмотримъ царей и королей и протчихъ, како живут. И научю тя всякой науке!» И слыша царевичъ оную речъ, опечались о семъ; только нельзя пременить заповедь(ь) отца своего, глаголя: «государь мой, дядюшко, како полаты запрешь и какъ выидемъ?» Онъ же глаголя: «чадо, только твори повеление мое—азъ сотворю тебѣ ход и азъ избѣру тебѣ деу чистую и премудрую, откого будетъ пространство твоему граду и будетъ у тебя сынъ, велми храбръ и силенъ и славенъ во всехъ земляхъ и ордах!» И то слыша, царевичъ глаголя: «буди воля твоя, государя моего, и самъ бы азъ бѣзъ воли твоеи ничего не могу творити!» И какъ приспе время, оноі агарь глаголя: «чадо, надо избрат(ь) намъ управителя граду нашему!» И повелелъ всемъ князьямъ и боярамъ и всему сиклиту царскому собиратися. И слыша приказъ, стали съезжаться и все собиратися; и какъ собращася нача глаголати: «о всечеснейши великия наши государи, чего ради рабовъ своихъ приглашайте?» И моафъ царевичъ и агарь повелеша имъ внити в полаты, глаголя имъ: «нынѣ вы тако живете—извольте выбирать от себя в тригодичное время и кто вамъ любъ!» Они же, слыша о семъ, удивившася, что имъ сие хочетъ быти, глаголя: «како, великие государи, над царемъ намъ царя избирати?» Глагола агарь: «азъ вамъ рекъ, что до 3-х годовъ не узрите насъ и не увидите!» (далѣе нѣсколько строкъ нельзя разобрать)... Глаголя агарь: «вижу азъ самъ, что сеи князь славенъ и честенъ и рангомъ всехъ свыше, имя ему амонъ—оноі вамъ буди царъ и управитель граду неви!» Оноі же князь слыша прослезися, глаголя: «превысочайшии великия наши государи—где мнѣ, такому человеку, управити такой высокои рангъ понести?» Глагола царевичъ: «зри сам, уже бо свыше тебя несть рангъ: понеже бо дядюшко мой знаетъ, что будетъ тебѣ здело! приими престол и управъ град мой и оную полату! а вы, господа мои, князи, бояра и вси людие, слушайте сего человека во всемъ

¹⁾ До этого мѣста мы, для образца, воспроизвели въ точности правописание рукописи; ниже, для удобства чтенія, печатаемъ съ отдѣленіемъ предлоговъ и союзовъ отъ словъ.

непременно! А ты суди по правде своей, мзды не принимай, а казны нашей не жалеи,—что хошъ, то и бѣри!» И все слыша, поклонилася ему. «И буди ты охранитель и обѣрегатель!» И повеле весь народъ присягою утвердить, и тако сотвориша.

И оной агарь сотворилъ трубы подземельныхъ квыходу, глаголя: «нынѣ, чадо, поидемъ ис полаты!» Заперъ и запечаталъ взя царевича и поидоша оными трубами и вышли по край моря, где стояло судно морское, и наня работнихъ людей саровъ и матросовъ, и поплыши.

И по некоем времени приидоша во витавию. И витавия градъ велми красенъ и зело многолюденъ. И в томъ граде король королевствует, имя ему адидоръ, имея у себя дочеръ лепообразну и прекрасну, славну, премудру, чисту, непорочну. И оной агарь приста ко берегу глаголя: «любъзны племянник мой, ступай!» Оставили судно, глаголя саром и матросамъ: «вамъ, господа, сие наше судно, и вотъ вамъ казны за работу вашу двести червоныхъ!» А сами пошли во градъ, и встрети ихъ некий славныи министр, первыи пред королемъ, видя ихъ чужестранцовъ, глаголя имъ: «господа мои, какие вы люди? Толко единого знаю по персоне, что аравия града, а второго не знаю, какой есть человекъ, что персона ево отменна и лицо его прекрасно. Поведайте мне!» Оной же агарь глаголя: «господине, мы есть разныхъ земель люди и ходимъ по многимъ градамъ и государствамъ, питаемся своими трудами—единъ изъ насъ кухмистеръ, а вторыи питиямъ составщикъ!» Слыша министр, глаголя: «прошу васъ не оставитъ насъ, идите в домъ мой! иживите у меня—аще увижу, по работе вашей дамъ вамъ плату!» И повелелъ корете пристать и поехалъ. И какъ будетъ в полатахъ, призва ихъ к себѣ, глаголя: «увижу вашу работу—буду плату даватъ болшую!» И поставил единого агаря вкучмистры, а царевича (къ?) питиямъ разнымъ; и честова ихъ честию и повелѣлъ имъ отвести особые полаты и дал имъ воуслуги из своихъ рабовъ. И какъ приспе ношъ, глаголя царевичъ: «милостивыи государь мой дядюшко! како ты мне нарядилъ службу, которой я не знаю и какъ творитца!» Агарь глаголя: «азъ во всемъ научу тя, чадо! не сумлевайся о семъ!» и написа ему реэстръ, како какому питию имя и како за которой водкой какой вотке иттитъ, и какъ сочинятъ, и какъ двоить или троитъ. И какъ время приспе кушатъ, понесоша кушание слуги его. И стали на стол становить и разныя пития пити,—удивися министр о семъ: что

какъ и родился, некогда такихъ кушаньевъ не ѣдал и питеи не пивалъ. Удивися зело: «никако мне с небѣсе богъ далъ двухъ ангеловъ, а не людей?» И призва ихъ к себѣ, глаголя: «господа мои, вотъ вамъ платы годовой или месечной—буде в годъ—даю вамъ по 300 златыхъ, а буде по месечно—то азъ даю по 36 златыхъ!» Слыша агарь глаголя: «мы люди работныя, живемъ сколько надобно—еще прискуचितца, поидемъ в ѣныя грады!» И оной министръ глаголя: «господа мои, буде вы отъ кого услышите какое слово, мне скажите—что азъ сотворю надъ нимъ казнь велию!» Глаголя агарь: «кому насъ наититъ(ь)? понеже мы люди смиренны (одно слово неразобрано), мы никакого не найдемъ, а насъ кто найдетъ?»

И живутъ мѣсяцъ, и оной министръ такъ ихъ возлюбилъ душею—паче своихъ сродниковъ. И по некихъ дняхъ министръ сотворилъ банкетъ про самого короля и повелѣлъ учреждати и места готовити и повелѣлъ убраться, где сидеть королю и королевне и убити парчами златыми и коврами драгими. И приехалъ до королевскаго величества, сталъ проситъ(ь) глаголя: «прошу вашего пресвѣтлаго королевскаго величества для своего здравия и для моего ангела ко мне, рабу своему, хлеба кушатъ(ь) и состав своего раба! да прошу и с супругою вашею, а с нашею великою государынею королевою!» И оной король глаголя: «буду азъ в скорости, не оставлю васъ!» И оной министръ скоро поехалъ в домъ свои и повѣлѣлъ убраться супруге своей во стретение королю и королевне с прочими госпожи.

А какъ король прибылъ, тогда в сиповки и в трубы играша и на всякихъ музыкахъ. И оной министръ, стретя его королевское величество и королеву честно. И тому подивися король(ь), что великимъ радениемъ приемлетъ; и посади на королевское место, где ему устроено; и тутъ король(ь) дивися; и какъ пошли питии и вотки разныя—о семъ наипаче дивяшеся, глаголя себѣ: «азъ и король, такихъ питеи не видалъ!» И какъ время приспе садитися за столъ хлеба кушати, велми удивляхуся себѣ, что: «азъ обладатель сему граду, у меня такихъ кушаньевъ нѣтъ, какъ у него министра! какія сии кухмистры и стрябция, что какъ полезно и к душе учреждають?» И какъ столъ отошелъ, глаголя ему король(ь): «господинъ министръ, поведай мнѣ, кто у тебя сии пития и яствы управляютъ, что азъ напредъ сего бывалъ при васъ, тако не бысть, какъ сей банкетъ! удивляюся сему во всемъ и твоему убранству! прошу васъ не оставитъ(ь) насъ: сотворю азъ

банкетъ для васъ, даи мнѣ сихъ кѹхмистровъ и виночерпца, которые у тебя устрояли!» И слыша министръ сталъ предъ королемъ на колени, глаголя: «пречестнейшии и великии нашъ государь, витавиі града содержатель! сии люди не мои, но волные: аще мне послать, меня не послушаютъ! вапу светлост(ѣ) прогневит(ѣ) азъ останусь: у меня живутъ волныя два человека изъ платы; азъ самъ о семъ не знаю: даю имъ помесечно по тригцати по шти червоныхъ!» Слыша король глаголи: «друзе мои, предяви ихъ мне, азъ видель б ихъ, и самъ стану просит(ѣ)!» Тогда министръ повелель ихъ позвати; и скоро сказаша имъ, они же поидоша, и пришедши, поклонившася не просто,—яко царь царю или король королю. Корол(ѣ) же подивившася сему глаголя: «господа мои, избранныя люди, единаго познаваю, которой земли, а втораго признат(ѣ) не могу, яко отменъ есть при прочихъ отъ всехъ людей! прошу васъ ко мне послужит(ѣ) исъ платы: что похочите, то я вамъ и дамъ — толко не оставте насъ, что вы не моеи державы! А усиленнымъ образомъ взять и нарізати васъ нельзя: понеже такоі манеръ в королевстве нашемъ держати исъ платы, кого пожелаетъ!» И то глаголя агар: «ваше королевское величество, мы и сами такие люди—всякому угождаемъ! и рады служить вашему величеству во всемъ верно и непременно бѣзъ отменности!» Слыша о семъ, министръ опечались, что отъ ево отходятъ: уже не едат(ѣ) и не пивать тако!

И какъ король укатился в домъ свой, повелелъ заложити корету златокованную и посла по ихъ с великою честью. И оио агаръ и царевиць, видя корету, и сели, поехали до королевского величества. И какъ король увидель, стрети ихъ самъ чесно. Глаголя агарянинъ: «славныи имянитыи ваше королевское величество! чего ради такъ рабамъ своимъ стречю твориши?» Корол(ѣ) же глаголя: «господа мои, надобно за добро добро и творити!» и повелель имъ отвести особые полаты и приставилъ имъ рабовъ во услуженіи. И бывшу утру, единого поставилъ на кухню, а царевица определить къ разнымъ питиямъ. И оныя нача уготавлиати наипаче превосходнее министерского, все на царской извычай. И посла корол(ѣ) звати всехъ своихъ министровъ и весь царской синклить; и собравшася все князи, и бояра, и министры. И какъ пошли пития разныя, и бысть всемъ на удивление. И размышляше во уме своемъ: «исъ какихъ земель такія питія пришли? мы бы ихъ и купили дорогою ценою!» И какъ время приспе хлеба кушат(ѣ) и понесли на столы кушанья на удивление всемъ: «когда

такъ бывало у королевскаго величества, како нынѣ сотворено!» И какъ стол отошелъ, повелелъ корол(ь) кликнут(ь) всю свою музыку, которая на арфахъ играетъ и послалъ паша своего, чтобъ позват(ь) любѣзную ево дщерь с протчими девицами для танцу, дабы повеселила при такоі радости, что таковыхъ хитрыхъ получихъ во услугу свою. И оныя игроки, пришедъ такожде, и дшер ево с протчими дѣвицами, и нача играти, а оныя дѣвицы тонцы водити. И повелелъ король кѹхмистеру и виночерпцу притти. И какъ царевичъ в полату пришедъ, поклонися по обычаю не такъ, какъ простые люди, но все по царскому сану; и оной тутже агарянинъ, дядя царевичевъ. И такъ вси видя красоту моафа царевича, удивляхуся о красоте его, а случившися при веселіи девицы забыли тонцы водить — засмотрелись на красоту лица моафа царевича. Глаголя корол(ь): «любезные мои, посидите с нами и забавляйтесь, изволте пити питье свое, а не мое, и послушайте игры музыкантовъ моихъ и посмотрите тонцованіе прекрасныхъ девицъ!» Глаголя агарь: «ваше королевское величество! азъ вашимъ величествомъ и твоимъ высокимъ призрѣніемъ о семъ благодаренъ, а сихъ твоихъ игоръ не смотрю! Что какіе сїи игроки, что въ углу играютъ, а в другомъ не слышно. Прикажите королевское величество поиграт(ь) сему моему племяннику! пусть онъ поиграетъ и увеселитъ ваше величество и всехъ гостей!» Слыша царевичъ ужасеся: «что сїе глаголетъ дядя мой? азъ когда я игривалъ? и когда сему учился?» Слыша корол(ь) глаголя: «друзе мои, повесели и поиграи, а насъ въ бѣседѣ потешъ всехъ моихъ любѣзныхъ гостей!» И принесоша арфу, и агаръ даде арфу царевичу и показалъ ему, какъ ступат(ь), и перстит(ь) по струнамъ, и какъ ходит(ь) по ступенямъ. И взя царевичъ арфу, и сталъ играт(ь) и воспеват(ь) концерты велми удивительно, и поидоша тонцоват(ь) прекрасныя девицы и такъ тонцовали, что и сорочки ихъ хотя выжми отъ поту ихъ, а все смотрятъ на моафа царевича, что такихъ танцевъ и канцеровъ не слыхано и не видали. А все напеваеъ агарь. Тогда глаголя король: «вселюбезнїиши прїатели мои, прошу васъ не оставте, прикажи повеселитца твоему племяннику твоему, дабы онъ походилъ, а какую девицу поднят(ь) с собою в танецъ пожелаетъ, ту и бѣретъ!» Слыша агарь глаголя: «пойди, господине мой, и потешъ ихъ величество, азъ стану играт(ь)!» Царевич(ь) же глаголя тихо: «что ты на смехъ мне глаголеши? когда я сему тонцовать учился? то на посрамленіе главы моея!» Онъ же глаголя: «твори, азъ

тебѣ велю, только поими с собою до танцу драгон цвѣть, которой всех краше, и лутче, и слыше всех!» Тогда царевичъ скочил на свои резвыя ноги и далъ по обычаю всемъ комплементъ, и пришедъ до королевны, и взя ея за руку, и пошелъ тонцоват(ь) изрядно и удивительно. Глаголя король всеславныи нашъ государь: «никако сіи люди не простаго роду! сколько мы живем, а таковаго мастера в тонцах не видали и не слышали!» И оноі царевичъ такъ тонцова с королевною, что от поту лица своего не можно терпеть, а ростатца не охото, понеже другъ на друга взирали и любѣзныя мины подавали, точию не можно было словесно говорети о любви, что все на них смотрят и очей своих не сносят. Царевичъ престал от тонцованія, селъ на место свое. Тогда его величество корол(ь) адидор нача глаголати: «вслюбѣзнийшии господинъ агарь, ты еси старшии человекъ! что азъ стану говорить, слушай нас, и не остав(ь) нынѣ: за сию великую потеху даю азъ любѣзному племяннику вашему свою единородную свою дщерь в жены, того ради для прославления граду моему, аще какие будут цари или короли повеселятца на удивление!» Слыша агаръ таковыя слова, встѣ сместа, поклонися его величеству королю до земли, глаголя: «нынѣ возсиях солнце светлое и осветиша градъ витавию, тако и ты, великийи государь, глаголеши, вправду ли или смеяся надъ нами?» Тогда все, бывшии предъ его величествомъ королемъ, единогласно глаголя вси: «не сумневайся, господине, королевское слово николи ложно не бывает,—что молвлено, тако и збудется!» Агарь и моафъ, слыша, поклонихася до земли, и глаголя: «благодарю тя, ваше королевское величество, за ваше кнам всевысочайшее призрение, что оказуешъ милость свою до насъ бѣдных и одолжаешъ такимъ безценнымъ сокровищемъ, за которыя оказыванныя дары будемъ служит(ь) неотменно и за вашу премногую милость!»

И по многомъ веселіи пошли во свои покои глаголя агарь: «любѣзныи мои племянникъ, моафъ царевичъ, нынѣ тебѣ возсияла радость, и ты позволь женитися (пропускъ)... глаголя царевичъ: «воля твоя, что хошешь, то и твори: понеже помню заповѣдь отца своего, слушаюсь твоего жестокого разума!» И утру бышу, корол(ь) повеле платие драгоценное шити. И скоро сотворилось и посла его величество ко царевичу, дабы сорежался женитися и повелелъ убрати корети златыя и скоро сотвориша свадьбу и ликоствоваше долгое время.

Посемъ онои царевичъ у своеи царицы зачал сына, и приде к нему агарянинъ, глаголя: «радуися, свете мой, любезный приятелю со своеи любѣзной супругою алимпиადой царицею! зачела сына и будетъ великъ, и высокъ во всехъ странахъ иерусалимскихъ, александриискихъ, антиохиискихъ, египецкихъ и будетъ страхъ его надъ всеми ордами и падутъ подъ руки его царства и королевства, и многія грады, и распространитца градъ невия, и возрастетъ отъ его руки благочестие, и будетъ на всю и честию жити, и проидутъ отъ его колена цари благочестивыя—только азъ возвешаю и приказываю ея величество царицу алимпиаду хранит(ь) мамкамъ и бѣретчи, яко зеницу ока, а при рожденіи его азъ буду самъ!» И стали жить съ королемъ адидоромъ в великомъ ввесе-
селии и радости заедино в славе велицей. И какъ время приспе, онои агарянинъ, пришедъ ко оному царевичю, глаголя: «радуися, пресветлый славный сыномъ своимъ ерополомъ царевичемъ, славнымъ храбрымъ и прекраснымъ и велми мудрымъ, и будетъ на земли долголетенъ!» А самъ пошелъ до племянницы своеи алимпиады царицы и взя отроча на свои руки лобыза ево любѣзно во уста и очи, а потомъ промежъ крылецъ запечаталъ царскою печатью и разрезалъ дланъ его и всади драги камень, на которомъ подписано: «сеи отрокъ славного царя моафа сынъ ево единородный, матери своеи царицы алимпиады и достохвалного короля адидора» и врезалъ скоро мудростию своею и пластырями запечаталъ и отдалъ бабке питателнице, глаголя: «храните и бѣрегите сего отроча, яко зеницу ока своего!» И моафъ царевичъ радостно наполнился, что ему далъ богъ такового в наследіе сына первенца и нача жити славно, изрядно и постоянно. И оная царица алимпиада такъ жестоко возлюби ево всеи душой и сердцемъ паче своего здравія и света бѣлого по горячности к нему любви.

А когда, живучи уже долгое время и в томъ времени минувши сроку положеннаго тригодичному термину, пришедъ со учтивостию моафъ царевичъ глаголя: «возлюбленныи мои дядюшко, милость ваша, яко отецъ мнѣ родши! уже бо время наступаетъ нашему совету, которой между нами положенъ!» На что агарь глаголя: «чадо, не скорби о семъ, время приспеетъ, никто не познаетъ, только не открывай тайныя своеи супруге и не сказывай, какова ты роду и кто для единого случая до времени!»

А когда время приспело, онои агарянинъ, пришедъ глаголя: «ступай, ступай, чадо, время приспе!» И скоро собравшася и увидоша на то же место, гдѣ было судно, и обретоша и переплыша благо-

получно и оными трубами вниде въ подкопы и внидоша в полаты замка и печати сорваша и растворипася двери. И то видя, караулныя возвестиша управителю амону, и скоро все придоша и радостію великою наполнися, что видя своего государя премудраго моафа царевича и с ним обще агария. И нача глаголати: «како жили и что пили, или что ядоша?» а оной агарянинъ отъ от царя печал(ь) и кручину чрезъ свои премудрости свои о супруге ево царице алимпиаде, яко бы и векъ не женатъ былъ, такожде и о чаде его. Тогда министры, князи и бояра вси поклоняхуся и целова ево, такожде и агарию; и оной моафъ царевичъ принял престол отца своего измаилтянина и бысть царь и государь и нача царствовати.

А какъ вышепереченная супруга ево алимпиада хватися возлюбленного супруга своего, плакаше и рыдала неутешно, что сие сотворилос(ь) и какимъ случаемъ не стало: «или азъ горкая, пришла тебѣ, светъ мой, бѣзчастная не по совести и не по мысли твоей? чего ради понял мя себѣ в жены, а тайныя своя мне бѣдной не поведал, кто ты, и откуда, и како твое имя? Увы мне, бѣдной! увy, мне, злочастной! ах, свет мой, выкатился из очей моих и пронзил сердце мое пребѣзмерною красотою своею, на которую зря, веселилас(ь), а нынѣ бѣдную жестокостію своею оставилъ со отрочатем своим вечно вдовствовать(ь)!» И его величество корол(ь) адидор посла наизыскание во все свои страны земли для признания, какия люди были добронравныя, или шпионы, со своим подлогомъ: «азъ всем их сердцемъ возлюбилъ и дщер свою отдах—нынѣ что сотворили!» И много искали, точию нигде не приобрели. И тому времени минувше лет 15 или болше, и оной король, по времени в житіи жизни своей липаш(ь) сего временного света, в вечныи покои, и погребоша ево честно, а потомъ князи и бояры, министры и сенаторы собрашася во едино мести и сотвори советъ свой, глаголя: «како, братия, посадити намъ на королевство сего отрока, и кто былъ ево отецъ, и какова роду? были подложники, и шпионы, и обманщики — не бысть тако ему королемъ, такожде и королевне!» И скоро устроиша полаты и наделиша ея златомъ и серебромъ и лишили королевства, а сами промеж собою избрали короля и бысть тако.

И когда царевичъ и ростяше, и изучился всехъ книгъ и наукъ, что богъ откры ему, и по неких днех пришед к матери своей, глаголя со слезами: «любезнишая государыня мати моя, алимпиада, дочь храбраго короля адидора! повеждь мнѣ: азъ чей есмь

сынъ и кто мои отецъ?» Она же, слыша, прослезися глаголя: «чадо мое возлюбленное, уже бо азъ злочестивая! отецъ твой, слышно мне, что царь и государь града невия! и за что гневъ свои на мя возложилъ, того я не знаю, что оставилъ меня вдовствовать с тобою! а ты, мое чадо, оставишь меня, наипаче печали предашь сердцу моему!» Слыша царевичъ глаголя: «не печался, государыня моя матушка, твоя печаль(ь) приидеть на радость, что азъ, какъ ни на ест(ь), сыщу отца своего и тебѣ еще был я обладатель, то бы собралъ вскоре воиска и пошел бы во град славный невею и разбилъ бы до основания, что мысль моя тако предлагает, чтобъ воинствовать(ь)! Нынѣ государыня моя матушка, нагружу азъ 6 кораблей и поиду купцемъ и посмотрю отца своего, каковъ есть: еще мне будетъ добро, то, какъ ни на есть, сяду—а буде, что иное увижу,—найму воиска и раззорю вконецъ град невею, а отца своего в полонъ возму и приведу к тебѣ, а у супостат своихъ всемъ смерть предам!» И то слыша, царица глаголя: «чада мое, еще ты млад и не дозрелъ виноград и не дошлой финик,—и помышляеши.. Дело сие великое есть, чемъ тако сотворишь? много потребно и надобно казны нанимат(ь) силу! нынѣ советъ твой предлагаю лутче,—ходити купцомъ и торговат(ь). Аще богъ не оставитъ всякъ своимъ совершенством!» И слыша царевичъ отъ матери своеи, скоро повелелъ устроит(ь) 6 кораблей, на коихъ положилъ удивительное изукрашение и украсилъ елаки и выпали на удивление. И прибралъ саров и матросов и такъ ихъ убралъ на похвалу, глаголя имъ: «господа матросы и сары, служите мне верно, и азъ стану давать плату болшую!» И накупилъ драгихъ товаровъ парчей, штофовъ и всякихъ добрыхъ вещей, что уму непостижимо; и взявъ благословение у матери своеи царицы алимниады и отвалилъ отъ брегу, и весь град, смотря на корабли, удивившася: «некако отецъ ево не простый человекъ! откуда сию премудрость приялъ? всегда отъ природы такія мудрости чинял! напрасно мы ево изнурили отъ града своего,—истинно бъ былъ король(ь) славны!»

И какъ царевичъ поднялъ парусы, побѣже въ невію градъ, а оной агарянинъ нача по звездамъ смотрет(ь) и познавъ, что внукъ ево плыветъ и радостию наполнивъ сердце ево и прииде ко племяннику своему, глаголя: «радуися, царь! азъ тебѣ возвешаю радость, что видехъ сонъ велми полезенъ, что внашемъ граде выросло древо прекрасное; отъ того древа семдесятъ семъ отрослей и велми прекрасно цветами разными; и прилетелъ орелъ, и селъ

на то древо и сталъ щипатъ(ь) вѣтїи и цветы; сощипав улѣтелъ на высоту и нача с высоты вѣтїи бросати и забросал все наше государство, а цветы взялъ с собою и полетел на иншія земли!» Слыша царь и дивившася о сие семъ и не знает, что сие будетъ. Глаголя агарянинъ: «хотя сеи сонъ и былъ—точїю не сонъ, пространство земли твоя, и будетъ благодатъ(ь), и падут все супостаты, и многія грады будутъ в вашу!» И некто славныи министръ первыи придоша до царя, глаголя ему: «перечеснѣишии и великии нашъ государь! чего ради ты себѣ не поймешъ невесту, а намъ царицу и государыню?—авось, намъ будетъ наследокъ и обладатель граду нашему неви!»

Тогда слыша агарянинъ расмеялся: «надобно сие сотворити! где ты знаеши такую чесную и чистую избранную девицу?» Онъ же рече: «пречесныи наши государи! у меня есть дшерь, велми прекрасна и избрана!» Слыша агарь глаголя царю: «сотвори сие обручение для уверения, что онъ хвастаетъ дшерїю своею! а какъ то сотворитца, то себя погибнеши!» Слыша сие минї(т)ерь глаголя: «воистиннии царю даю руку и главу свою, яко чистая и избранная!» Глаголя агарянинъ: «ну, брате, сие слово предъ всеми!» Глаголя племяннику своему: «великии царь, обручайся!» Глаголя царь: «милостивыи государь дядюшка, и такъ вдовствую долгое время!»—«Не для себя, толко обручайся, понеже оной министръ хвастает, тако бо есть писание пишет: хто хвастаетъ—скоро погибнетъ, а тебѣ скоро будетъ радость великая и супруга твоя будетъ предъ тобою, да возсіяетъ пресветлыи мѣсяцъ во твоёмъ граде скоро, и тако сотворитца!» Глаголя министръ: «превысочайшии и великии государь, когда будетъ тебѣ невесте смотрение?» Глаголя агарянинъ: «господинъ министръ, чего ради смотретъ(ь)?—ты бо еси еи отецъ и знаешъ ея, что она чистая, избранная! мы бо веримъ словам твоимъ,—когда время приспѣетъ ко обручанїю, тогда и увидимъ и овенчается!» И скоро по рукамъ удари и повелелъ поздравляти и тако бысть.

И по некихъ дняхъ сынъ ево прибылъ на корабляхъ, яко во образе купца. И агарь скоро сяде на конь, стрече его и лобыза его. Онои же гость глагола: «господине, царевъ слуга, поведай мне, при себѣ ли царь вашъ?» Глагола агарянинъ: «при доме своемъ, толко подожди часа входа мало время, — часъ не тотъ идетъ! аше настанетъ доброй часъ,—и тебѣ добро будетъ во всемъ!» Онои же, слыша словеса ево, подивися и позна ево, что онъ ѿлосов и звездочтець, и самъ мысля, яко: «не тотъ ли арабъ,

что со отцем моим ходилъ?» И поя ево в корабль свои и одари ево дарами. Приня агарянинъ глагола: «сиі твои дары будут предъ лицемъ твоимъ! съ лихвою воздам ти, и будешь высокъ и великъ, а длина твоя распространитца во всех ордахъ и земляхъ, и страх твой будет, отъ руки твоеи падуть многия!» Слыша гость, удивися сему глаголя себѣ: «воистину сеи деть мой и мысль мою знает!» И такъ снимъ веселится. И какъ время приспе, глаголя: «чадо, иди, яко уже приспе время!» И оной гость, взя драгия товары, пошелъ ко царю необсылачис(ь). И какъ приде, положилъ дары на столъ, самъ стал на колени, отдал поклон, яко царь царю или корол(ь) королю, а персонею пресшел, яко онъ самъ цар(ь). И скочил цар(ь) на резвые ноги и, видя такова гостя, подивися сему и приялъ дары. Глаголя царевичъ: «прошу вашего царского величества, великий и от бога избранны и от всего мира почтенны, великий и славный цар(ь)! прикажи государь на своемъ на (го)стином дворе поторговат(ь), дабы ваше царское величество мне, рабу вашему, не возбранно было!» Слыша царъ таковыя речи, подивившася ему и персоне ево, что како приличень во образъ сего. И стоя пред ним агаріи деть ево глаголя: «нынѣ да возрадуется вся наша невия град и буде рука наша на многих землях!» Толко еще ему не поведѣ о немъ, яко сынъ его единородный. Цар(ь) возста от престола своего, лобыза ево глаголя: «любѣзніишиі госте! торгуи бѣзданно, азъ тя вижу, что не плохаго отца сынъ! и буди при мне всегда, со мною хлеба кушай, а таковаго не бывало!» И оной царевичъ размышляя во уме своемъ, яко: «сеи мой отецъ—царь, понеже царицы у себя не имеет!» И оной агар(ь) такъ ево почитаетъ, а сам въздыхаетъ глаголя речъ ко царю: «ваше величество! да скоро разцвететь древо прекрасное и проростут отросли и покрывает весь невею градъ!» А царевичъ сидеть со царемъ не малое время, пошел на показанныя свои корабли. Тогда провождаше ево деть с честию, а оной цар(ь) повелелъ побликовати указами об ономъ госте: «ежели кто на него какимъ словом наидеть, тот человекъ будетъ казненъ смертию», что б вси его почитали от мала и до велика. А царевичъ всегда на каждой день платитъ разное перемѣняетъ, и царь на каждой день присылает по него корету и всегда съ нимъ хлеба кушаетъ.

И по неких днех оная вышеупомянутая царева оброчница посла в гостинь двор своих девицъ, предстоящих передъ нею, нечто потребное купити. И какъ будут в гостини дворе, видя та-

коваго гостя, и засмотрелися на лепоту прекрасного лица ево и забыша купити, что имъ приказано было от госпожи их; и пришли не с чемъ, глаголя: «ох, наша государыня, заповед(ъ) твою преступили, что повелела,—не купили: понеже на гостиньм дворѣ видели некоего гостя, велми зело лицемъ прекрасна, и мы на ево лепоту красату засмотрелися! воля твоя, и с нами что хочешъ, то и твори надъ нами!» Она же, слыша такія речи, глаголя: «прошаю васъ до утра,—азъ своими очами увижу,—тогда и вину вашу отпущу!» И какъ утру бысть, убралас(ъ) во уборъ, яко ея предстоящія какъ ходят, дабы во граде не познали, что едет обручница царева; и техъ девицъ взяла с собою и поехала в гостинъ двор по просту. И какъ будетъ при тои лавке, вышелъ ис кореты и увидя гостя такового прекрасна, и скоро прот(к)нуша серъдце ея, яко огненными стрелами. И яко огонь распалилось серъдце ея, зря такового прекрасного. И ничто не моглоша глаголати и повеле назатъ возвратитися и дашася в болѣзнь и не знает, како сему быть. Повеле втай отца своего некихъ искати мудрыхъ людей, дабы сочинити ис полатъ ея входъ в гостинъ дворъ и в лавку онаго гостя. Избра такового советника, и оной советникъ напелъ такихъ людей хитрыхъ, чтобъ сотворити подкопъ. Она же рече: «азъ, аще кто сеи мои скорби поможетъ, то что хочите казны, то и бѣрите,—токмо повеление мое творити, толко чтобъ скрытно было, — Аще поведаите кому, и дело сие от кого пронесетца, то будетъ смерть мне и вам!» И нача творити и скоро сотворися. И какъ приспе темна ночь, тогда царевичъ лежит и видит, что придоша две девицы поклонившася и глаголя ему: «поздравляемъ тя, вселюбѣзнейши госте, не убоися: понеже мы придоша от своей славной и прекрасной девы госпожи просит(ъ) васъ к себѣ для единой любви и дабы ты утешилъ в серъдце ея пламень: понеже о тебѣ в великой скорби пребываетъ!» Онои же слыша глаголя царевичъ: «како придоша до меня?» Она же сказала, какъ что она сотворила и что казны изнурили. Онои глаголя: «госпожи мои, како мне итти къ вамъ? дело мое неизнаемое,—понеже азъ есмъ другія земли! что надо мнои сотворите, то что бъ мне бѣзвѣстно не пропасть: понеже цар(ъ) вашъ меня знаетъ, и на всякъ день хлеба с нимъ кушаю!» Посланныя же девицы моляще ево, дабы шель с ними.

И воста царевичъ с места своего и пошелъ с ними, дивовашеся сему, какъ устроено. И какъ будетъ въ полатахъ, стрете его царева обручница и охали ево, нача целовати. Царевичъ же нача

глаголати: «госпоже моя, чего ради сие твориши? понеже азъ васъ, света моего, напред(ь) сего не видах, а ты нынѣ для сего зву учинила такие тайные входы, не желая интереса своего?» Она же глаголя: «азъ тя, света своего, видяхомъ въ гостине дворе и с того числа горяще пламень и положилъ искру огня въ сердце мое, которого не имам утушити, и горит, яко огнь неугасаемый, от того времени не могу на светъ смотреть,—только бѣ азъ тебя сердечного друга видала пред собою, надежду свою! чт убо царъ мне и чего ради отецъ мой тако сотворилъ сие?» Тогда оной царевичъ посиделъ с нею мало время, нечего не глаголя, только размышляеть в себѣ, како отецъ мой хочетъ поняти сию невесту? азъ почто приѣдохъ или она что хочетъ творити со мною? аще уведаетъ цар(ь), что сие будетъ?» И посиделъ с нею и пошелъ глаголя: «госпоже моя, азъ нынѣ пойду: понеже приѣдоша от царя по меня, а меня в лавке станутъ искати, то вине в томъ привяж(ь) будетъ гневъ. О семъ васъ прошу, чтобъ какой мне способъ изыскат(ь) и какимъ умышлениемъ тебя, светъ мой, увести в свою землю, а нынѣ до того времени станемъ жит(ь), яко братъ с сестрою!» Она же, не хотя ево отпустить, глаголя: «ах, мои возлюблѣнныи, светъ очей моихъ, аще ты, друга моего, не увижу единъ часъ, не буду жива!» Царевичъ же, слыша, не сталъ много говорит(ь), поѣдоша самъ удивляхуся, и пришедъ в лавку свою.

Понеже утру бывшу оной агарянинъ глаголя царю: «ваше величество, сотворимъ пиръ на князи и боярѣ и всехъ девицъ, При томъ же твою обрученную невесту попросимъ, кой и учитъ танцы водить, да потешат(ь) насъ!» И тако скоро сотвориша и посла всехъ звати господъ своихъ, а по царевича особливый зваты. И какъ приспе время, оной царевичъ убрался в драгоценное платье, что во всемъ граде такового нѣтъ. И какъ съехались многия министры, сенаторы, князи и бояра, и весь синклитъ царской, и оной царевичъ, какъ будетъ на дворъ царской, идетъ ево и самъ царь стретя и взя его за руку. И царевичъ глаголя ему: «пречестны царь! ты не хуже кого! чего ради раба своего тако примаещи за руку,—азъ младъ есмъ, да не подкнетца нога моя!» И тогда стоя агарь глаголя: «мудрецъ мудреца почитаетъ—також, о комъ сердце горитъ!» Слыша царевичъ о семъ размышляя, яко: «сеи человекъ знаетъ мя!» И какъ бысть царски пиръ велми славенъ, на которомъ веселии бысть князи, бояра, такожъ министры и сенаторы (и) княгини и княжны и прекрасныя девицы. И какъ стол отошелъ, повелелъ агарянинъ призвати игроковъ, дабы поиграли

на арѣах, а дѣвицы потѣшили бы танцами. И скоро сотвориша. Егда возыграли, тогда пошли прекрасныя дѣвицы тонцовати, и царь глаголя: «где моя обрученна невеста, дабы она потонцовала и посмотрел бы я ея тонець!» Тогда вышла поклонившася ему. Глаголя царь: «кто тебѣ лепѣ, поиди с ним до танцу!» Она же слыша и пришла до царевича и взя ево за руку и пошла тонцоват(ь) всемъ на удивление. Царь же видя усмѣхаяся на ихъ тонцы и выступца ево и вся поступись, толко опалися жестоко на оного гостя, яко видя ихъ всю совесть. Тогда агарянинъ поя царя за руку глаголя: «ваше царское величество, не сумневайся! на сие зри сам, кто есть и чье сие сѣмья,—азъ поведаю ти—твой едиnorodный сынъ, ярополь царевичъ! нынѣ радуися и веселися, азъ еще покажу отвод обрученноі твоеи невесты, толко тепер(ь) помолчи малое время!»

А когда пиръ и веселие отошло, тогда агарянинъ глаголя: «господинъ министръ, посиди с нами, да поидемъ ноцію и погуляемъ с нами и повеселимся!» И какъ приспе ноць, и пошли в гостинъ дворъ и нарядились в разодранныя рубищи. А оной агарянинъ мудростию своею сотворилъ себѣ лицо бѣлое, аки снегъ, и пришелъ к лавке ко оному гостю, моля его глаголя ему: «господине, нынѣ придохъ мы из венеи града, просились на квартиры и в ношнихъ часахъ никто насъ не пускають и называютъ насъ шпионами и подлыжниками, а слышно намъ о тебѣ, что ты милостив и премилосердъ!» Онъ же глаголя: «позволте итти!» и стал ихъ потчивать. Оной министръ, видя посуду и царя на имя свое смутися зело. Агарь же, смотря на него, смеяшеся со царемъ. И какъ приде время, придоша дѣвицы, глаголя: «царевичъ, пречестныи господинъ, желаетъ васъ госпожа наша неотменно!» Царевичъ же глаголя имъ: «имъ нелзя нынѣ итти: понеже у меня добрыя люди три гостя сидят!» Оныя же дѣвицы поидоша и возвести о семъ госпоже своей. Она же слыша: «не нашей земли! пускаи светъ мой доидетъ с ними, да повеселятца!» Придоша дѣвицы обратно и нача глаголати: «извол(ь) итти и з гостми своими и оныя, да повеселятся!» Царевичъ же, поя ихъ, такожде и министръ идоша запинахуся, и приде ко дщере своей в полаты, стахъ бѣзума: «что сие сотворилось?» Царь же изумеся: «како сие дело сотворено и много, чаю, казны издержано!» Агарянинъ толко смеялся о семъ, и какъ пришелъ в чувство, восприя ево чесно и целоваху ево, такожде ихъ протчия дѣвы, и у оного министра и светъ померче во очию ево, не токмо что

глаголати или отвещати. И нача играти в тавлеи и во шахматы и сидели долгое время. Тогда агарь глаголя: «пречестныи и милосердныи господинъ, полно сидеть и время намъ итти до твоеи лавки,—намъ надо управити свое дело: понеже не до сна, и такъ у вашей чести забавились долгие часы, уже в домах и куры поють, денные часы настають!» Она же пришед глаголя имъ: «у меня изволте начеват(ь), дабы мне повеселитца з другомъ моимъ сердечнымъ!» И то слыша, отецъ ея сїи словеса, а агарянинъ, смотря на царя, расмеяшася, глаголя: «прошу тя, милостиваго государя, о чемъ глаголати буду?» И то слыша царевичъ, скоро поидоша во оныя подкобы и пришли во оную лавку. И подчивал их царевичъ, глаголя: «не погневаетесь, господа мои, ходите и впред(ь)!» А какъ вышли и придоша в царевъ домъ, глаголя министру: «ежели ты что дшере своей сотворишъ, то зле умрещи,—повелю ты разнымъ мукамъ предат(ь)!» И какъ министръ приехалъ в домъ свой, такъ почтен, что и на светъ очами своими не смотреть и легъ на ложу свою ничъ, плакая и рыдая, и супруге своей о том не поведал и не знает, что сие будетъ. Утру бывшу, агарянинъ глаголя: «нынѣ вашему величеству поведаю о сыне твоём, а своимъ внуке: сїи есть гость сынъ твой царевичъ ярополъ! только прикажи уготовити мылну и позвати ево, азъ рождение ево покажу тебѣ, что азъ клал приметы царския!» И то слыша, царь прослезился рече: «ахъ, милосердныи мои государь дядюшко! аще сие сотворишъ, то сотворю тя купидомъ!» Агарянинъ же рече: «ни, чадо, купидонъ диавол,—азъ веру держу богу отцу и сыну. Азъ тебѣ о немъ многократно возвещал, ты же не вня себѣ в разум! чего ради азъ изнурихъ ты такія лета, что супруги не имель, и она такожде не име мужа,—все для ево, како планеда показала!» И посла скоро великихъ синклитов, дабы звали его чесно со царемъ в мылню итти. И царевичъ ярополъ слыша ужасеся, чего ради сотворяется о семъ, какъ сталъ угоденъ царю или что сие да будетъ,—радость или иное что, а не просто понеже посланы большїи синклиты, глагола имъ: «господа, скоро буду до ихъ величествъ!» Они же глаголаху: «понеже, милостивыи нашъ сиятес(ь?), бѣзъ вашего сиятельства не повелено намъ ехать!» Царевичъ же убралъ себя вскоре, яко на смертныи часъ, и поехалъ. Тогда видя, отецъ идетъ, стречаху и лобыза его, яко вси смотряху дивяшеся, а потомъ вошли в полаты, нача веселитися; глаголя агарянинъ: «чада, да идем в царскую мылню, авось узриши отца своего и деда!» Глаголя ярополъ: «где сему

быти?» и поидоша в мылну. Агарянинъ повелел платъе слугамъ честию положить и поидоша втроемъ в мылну и раздешася и показа ему печат(ь) царскую, а потомъ взя дланъ царевича, разрезалъ и вынулъ камынь, на немъ литеры. И царь, видя, падоша на нозе дяди своего агарянина, глаголя: «нынѣ ты мой, государь дядюшко, уподобися ты древнему и мудрому еилосову нектонаоу!» и прия сына своего нача целовати. Такожде и деть ево агарянинъ глаголя: «нынѣ, царю, радуися! да вознесетца рука твоя! сеи родился не царствовать царствами, но ходити и распространяти земли, яко сеи родился воинъ и в мудрости своей крепокъ!» И поидеша из мылны и посла по оного министра, дабы приехал в скорости. И оной министръ ужасея велми и не знает, что ему будетъ, и поехал в скорости; и какъ прибылъ, тогда цар(ь) взял его предъ лице свое, глаголя: «како ты, брат мой, кемъ ты хвастал и похвалялся? виделъ ты самъ, что деялось?» Онъ же паде на нозе ево, глаголя: «ваше царское величество, мой всемилостивейшии государь, прости!» Тогда рече цар(ь): «впред(ь) толко симъ не похваляйся женскою и девическою слабостию! знаешъ женской пол подобѣтъ огню и ты хвастал!» — «Где намъ сие знат(ь)! весь народъ знает, а отецъ и мат(ь) не знают!» И то слыша, министръ плакаше и за нози ево держаще и лобызаща, глаголя: «прости мя, великий государь!» Царь рече: «азъ ты прощаю о семъ, что никто не знаетъ, толко мы да ты, а сеи гость — сынъ мой единокровный, яропол царевичъ! есть у меня и царица алемпиада — толко проси прощения государя моего дядюшки!» Министръ же падоша у ногъ агарянина, глаголя со слезами: «прости мя, всемилостивейшии государь!» Агарянинъ же рече: «азъ ты прощаю, толко дшер(ь) свою не истезуи, чтобъ бутто и ничего не бывало: нынѣ все сие по планиде сотворилос(ь)!» и отпусти ево с честию и бысть радость и веселие, яко откры богъ царю сына.

Потомъ же вскоре собра триста воинов, и скоро посла по парицу, да послал сына своего яропола царевича. И тогда царевичъ вскоре собрался на своихъ готовыхъ карабляхъ и товары все убръ и съ радостію великою побѣжа. А бывшая царева обрушеница уведомила, яко не гость, но сынъ царевъ былъ, велми стала тужит(ь) о семъ, яко: «что будетъ мне за сие, что азъ сотворила, подкупъ сочинила!» и повеле раззорити вконецъ; а сама приидоша ко отцу своему, падоша у ногъ его, глагола: «согрешихъ, отче, предъ тобою, яко незнающе красотою сотворила

бѣзъ повеления твоего!» Онъ же глаголя: «дщер(ь) моя, мне до тебя дела нетъ! какъ соблаговолитъ ево царское величество, а нынѣ азъ, что тебѣ будетъ добро или зло, о семъ не вемъ!» А какъ оной яропол царевичъ прибылъ кораблями во градъ свой в витавию, такъ жестоко поступилъ, напалъ на градъ и сталъ сетчи и рубить бѣзъ милости техъ, которые отрешили мать ево, а короля ихъ повелелъ изрубити в мелкия части, и всехъ страхомъ и ужасомъ во граде наполни. А самъ прииде к матери своей и паде на колени, глаголя: «радуися пресветлая главо и родимая государыня моя матушка, азъ обрелъ тебѣ прежнее древо, которое ростяше во граде нееве: азъ обрелъ отца своего и деда, а твоего супруга! радуися и веселися, яко нынѣ вдовство твое погибѣ!» И скоро утверди градъ присягою и поставилъ имъ своего короля, а самъ взя мать свою и посади на корабль и побѣже скоро в невею градъ, ко отцу своему. И потомъ падоша вѣсть, что бѣжитъ на корабляхъ сынъ ево ярополъ с матерію своею, с лепообразною алимпиадою, повелелъ убрати корети златоконнаныя и убрати такъ чесно и удивительно. И нача стречати сунругу и сына своего. Агарянинъ тут же, и протчія князи, бояра, министры и сенаторы, и весь синклитъ царски, и благородныя жены и фрелины, и прекрасныя девицы, и вышемнимая невеста царева. И какъ вышли во стретение, тогда вышла ис корабля сунруга царская, прекрасная алимпиада. Тогда нача царь лобызаты свою царицу алимпиаду, глагола царь: «любѣзная моя сунруга, не погневайся на мя, яко многія лета была в вдовствѣ, тако и азъ!» Потомъ все поклонилася царице, а ярополъ царевичъ началъ весь синклитъ царской дарит(ь) дарами самихъ и женъ и ихъ и пришедъ до министерской дочери глагола тихо: «радуися, цвѣте прекраснейшая! нынѣ паче сего разсцвѣтаеши!» и поидоша до полатъ пещи. И народъ смотря кричаще: «вивотъ нашему царю и со царицею и сыномъ ихъ, а с нашимъ государемъ царевичемъ!» И бысть радость и веселіе на многи дни.

А когда время миновало, глаголя агорянинъ: «любѣзніиши внуче мои, ярополъ царевичъ такожде...»¹⁾ и отецъ ево тут же глагола: «нынѣ в витавію градъ принялъ себѣ на руки, нынѣ приими венею свою!» глаголя цесаревичъ: «нынѣ, милостивыи мои родители, азъ желаю на сие сотворити и обое хочу итти по землѣ и распространити себѣ пространство, и желаю себѣ

¹⁾ Очевидно, пропускъ въ рукописѣ.

викторию получить, и подъ руку свою многия грады подклю-
нити, азъ бы былъ великой монархъ и обладатель всехъ странъ.
Толко прошу васъ соберите мне воиска конного и оружен-
ного сто тысячъ, азъ самъ стану выбирать войско в невели граде,
а въ витавию пошлю указы до короля, набѣру воиска сорокъ
тысячъ, чтобъ были люди храбрыя!» И слыша отецъ ево и дедъ,
глаголя дедъ: «азъ тебѣ поведяхъ, яко не простъ сеи будетъ и
ко войнѣ храбрыи!» И скоро написаша указы в витавию до ко-
роля писано тако:

«От славного и именитаго невели града или ти града содержа-
теля яропола цецаревича пишу до васъ, набѣри храбрыхъ вой-
новъ вскорости до 40000 тысячъ и со всемъ убранствомъ и скоро
пришли до насъ,—азъ хочу итти во аравию на царя аравицкого!»
и скоро посла гонца скорого.

И по времени оной ярополъ цецаревичъ, пришедъ ко отцу
своему и матери и к деду своему агарянину, глаголя, что: «мои,
всеславаишии родители! нынѣ вамъ есть объявити, како мне сыну
своему! подумайте о прежнемъ моемъ деле, что и сами вы ви-
дели, а мне сия министерская дочь полюбилась,—азъ поведаю
вамъ истинную свою, яко грѣха не знаю, — толко мне придохъ
по мысли!» И то слыша отецъ и мать и дедъ ево глаголя: «даемъ
тебѣ, чадо, на сие благословение! нынѣ обручаися и буде твоя
обрученная невеста!» И повеле всемъ синклитамъ съезжаться на
советъ. И скоро сотвориша и повеле оному министру приехатъ
с супругою и со дщерью своею. И оной министръ скоро по-
ехал в немалой печали, понеже не знаетъ, что будетъ. И какъ при-
былъ и съехались все, тогда цецаревичъ пришелъ и взялъ ея за
руку и привел ко отцу своему глаголя: «сия дева моя!» Тогда
слыша вси князи, бояры, министры и сенаторы и веселъ синклитъ,
поклонившася, глаголя: «буди воля твоя, великого государя!» и
взя руку отца ея и обручися и бысть радость велия. Тогда
яропол глаголя: «возлюбленная моя! толко азъ нынѣ пойду во
аравию, аще твое счастье будетъ и подклоню под державу свою,
то азъ возрадуюся тогда и совокуплюся с тобою!» И взялъ ея,
поцеловалъ и посиделъ с нею малое время, толко вмысле мысля
свое дело и всем граде побликоваше указами, чтобъ знали и по-
читали сию девицу, яко воистинну обручница царева сына.

И по мале времени из ыталиі придоша силы 40000 тысячъ;
такъ убралъ мечами и оружиемъ и луками, что на удивление.
Тогда цецаревичъ, видя, удивившася и похвали короля воистинну,

яко онъ ему верно служаху, а потом и в неве граде собра 100000 тысячъ, и ярополъ цецаревичъ убрал войско свое велми чесно прапоры и знамены и начальником избра князя фудая, сотвори над всем войском воеводоу. А оудай воевода, хотя и млад да крепокъ и зело силенъ храбръ и к воинскому делу искусенъ; а сам ярополъ цецаревичъ въ 40000 и собра всего войска 140000 тысячъ, а сам приде к деду своему, отцу и матери своей; сталъ самъ пред ними на колени и прослезися, глаголя: «честные мои родители! прошу васъ, дайте мне честное и бѣспечальное свое благословение, чтобъ мне утешитъ(ь) свою мысль! и молитесь о мне богу-отцу и сыну, дабы прияти от васъ бѣз слезъ благословение ваше!» Тогда мати ево нача слезы испущати, агарянинъ же уня, глаголя: «предстани!» лобыза ево, глаголя: «чадо, пожди до утра ход свой,—азъ посмотрю по планиде, что покажетъ, то и скажу тебѣ, добро или зло!» И оной цесаревичъ; такъ ему мысль припала, яко всю темную ночь не уснуша и все думает, какъ итти и какъ творити с супостатами своими; и показаша темная ночь велми долга. Утру бывшу, скоро приде дедъ ево агарянинъ глаголя: «радуися, чадо, да прославитца имя твое и падеть страх и ужасъ на все языцы и тако будеша, яко древнии славнии царь александръ македонски: планета показала велми удивленна! радуися, вторыи древнии александре! ступай, чадо, не мешкая ни единой минуты!» И скоро яропол войска своего и пошел ко отцу своему, и матери такожде и к деду агарянину, и принявъ от нихъ благословение в вознамеренной свой путъ(ь), и скоро поехал к невесте своей прощатся и глаголя: «другъ мой, возлюбленна душой и сердцем моим! азъ нынѣ возымех свое намерение ехатъ(ь) в другия государства и подклонитъ(ь) оныя под свою державу, а ты, моя любѣзнішая, о семъ не плачи, толко того не сотвори, какъ мне позавидех красоте моей, по слабости своей!» И тако и кончавъ свое, в предбудущия благополучіи, стемъ поцелова свою дражайшую, поехал скоро в войско свое и по прибытіи своемъ, приказал ударитъ(ь) в бубны и политавры и во все воинские игры такъ сидно, на подобие, яко бы гром возгреме. А потомъ нача иградъ(ь) поход на сиповках и на свирелях. И тако уподобися плачу и рыданию велми заунывно и жалости человеческой. И какъ распустили знамена, прапоры и протчія ко украшению, а паче ко ободрению войска своего, которое происходило весма ужасно, а в силах от потоку конского напали туманы великия, что невозможно

в силах видети лица человеческого. И то видя царевич раздели силу свою на две партии и учреди чесно. А по учреждени цесаревичемъ войскъ своихъ, поидоша для смотра, распоряжения и разделения в силах сына своего. Его величества отецъ и деть, его агарянинъ, провоздаще его долгое время, смотря на все ево учрежденное воинство; возвратилис(ь) с похвалою ярополу цесаревичу, глаголя: «буди над тобою мир и благословение отнынѣ и до веку!» И дедъ ево агарянинъ такожде: «чадо, ступай не мешкаи, — азъ буду смотреть по звездамъ и все познаю, что будетъ над тобою творится, и буду за тя Богу отцу и сыну молитися о твоємъ сщастіи!» И потомъ простяс(ь) с нимъ поехали в свои царские чертоги.

А потомъ цесаревичъ пошелъ в озамеренной свои пуд(ь), и сколько шелъ времени велми пространно, и воинов своихъ храняще, яко зеницу ока своего. И падоша вѣсть во град аравію, яко: «идетъ невіи града яропол цесаревичъ со много в храбрости своей силы, да и к тому ж грады твои берутъ без бою!» И такъ идетъ славно и страшно, что царъ аравіискій ужасошася; скоро повеле собирати войско свое бѣзчисленное в подобие, яко в поле травы, а на траве цветовъ—такъ в силе его храбрыхъ и сильныхъ воиновъ, а потомъ нача самъ себѣ драти лице и власы со главы и браны своей, глаголя: «что сие сотворилось, яко муха могилная поднялас(ь) на мя, славного и імянитаго царя аравіцкаго? азъ самъ поиду и такъ сотворю—своего супостата силу его племни замечу, а самого возму в полонъ; и такъ сотворю з живаго кожу соиму и в скорости собравъ войско своего 100000 со всемъ на то ратное дело убраннымъ своимъ. И оной яропол цесаревичъ, идучи в пути своемъ, град тиръ, град тарсию и уже недалече до антиохіискаго столнаго града доидет, то да не спасется и аравіиское царство. И какъ приде близъ аравіи града и сталъ за 300 попришъ и написалъ листъ по бѣлому бархату такимъ образомъ.

«Аравіискому царю царемъ, королю королемъ, велми превознося себя пишесья высоко, яко древній и прежні еараонтъ, хотехъ побѣдити израиля,—такъ не сотворилось в море черномъ утонуша и како древній былъ цар(ь) поръ индейски, силны и храбрыи во бранехъ—и тотъ погибѣ от копія царя олександра македонскаго, а ты нынѣ возвышаешься собою, яко былъ супостатъ дьяволъ, гордихся единымъ словомъ, погибѣ, сказа: «и азъ уподоблюся вышнему!»—за сие словеса снйде во адъ, тако и ты не надея на силу свою: твоя сила, яко паутина, ветромъ колеблемая,

столь крепка и силна, яко летит какая малая гадина приткнетца— тогда и повредит себя! ты же отстани гордыни своей и смири сердце без бою и бѣз кровополития! здайся, заклинаясь своим богомъ! живи по прежнему на престоле своемъ и царствуи, толко живи в подданстве под рукою моею и ни боися ни от кого никто тебя ничемъ не пошевелить! и аще сих моих словесъ не послушаешь, то самъ узриши, что тебѣ будетъ! твои соколы, а мои мухи, и узриши самъ, яко чрезъ краткое время мухи оборотятся орлами, а соколы воронами! и сицевымъ словомъ пишу повелитель градовъ невели, тира и тарсиі ярополь цесаревичъ. Отдаю свои верныя пороля царски во всемъ непременно». И запечатавъ листь и выбравъ избраннаго ковалера, одарив его, и посла глаголя: «друзе мой! не боися, тебѣ ничего не будетъ! толко слушай разговор, внимаи и толкуи!» И скоро пробѣже, и какъ скоро пробѣже под град аравию, тогда подхватиша ево и поставиша предъ царя аравиискаго. И оной посол поклонися, яко царю, и положи на столъ писанье. Тогда царь повеле распечататъ(ь) и приказал всемъ вслухъ читатъ(ь). А егда прочитали, тогда распалися сердцемъ своимъ и смутися зело воумъ своимъ, глаголя: «богъ мой махометъ, что творишь на пострамление меня, да еще такому змию! когда бывало, чтоб невели жестоко столь поступила? а нынѣ какой выродокъ пошелъ на воину?» Глаголя послу: «господине, посла не казнят, но всегда дарятъ! толко писатъ(ь) не хочу змию ядовитому! скажи ему, что азъ буду с силою своею—тогда тебѣ здамся! узритъ и самъ, что ему будетъ змию!» И одарилъ посла и отпустил. Тогда посолъ глаголя: «великий царю! како царя государя моего и его величество ярополя цесаревича называеши змиемъ? онъ тя никако не именоваша!» И слыша словеса сии от посла, разярился глаголя: «казните ево, супостата моего!» И тогда предстоящия предъ нимъ, слыша и глаголя: «нести, царю, нигде такого обычая, чтоб посла казнитъ(ь)! аще сие сотворишь, то уже и все земли возстанут на ты,—посла никогда ни казнят и не вешаютъ, всегда дарятъ: понеже посолъ приходитъ исподневоли! а что приказано говоритъ(ь), то и исполняетъ!» И повеле его царь согнать с очей своих и оной посолъ побѣже скоро в войско свое. А какъ пришедъ предъ царя, и сказа вся бывшая, како глаголя царю и какъ хотѣлъ ево смерти предатъ(ь), а толко сказал, что «самъ вскоре буду с симъ,—тогда и усмотритъ меня в храбрости моей!» Слыша ярополь цесаревичъ такая словеса от посла своего, и поидоша в поход и сталъ

от града за двенатцат(ъ) миль и повелел войску своему от града того с той страны копати ровъ на двенатцат(ъ) верстѣ; ширины ровъ одина верста, глубины—четыре сажени, и ставить копия и засыпат(ъ) пескомъ, якобы ничего нетъ, и стоя опасно.

А царь аравиіскіі собра своего войска 1000000 и побѣже скоро. И какъ будетъ близъ силы, яраполъ учредил свое войско, дабы обоити кругомъ и рубити силу. Той же аровиіскіі царь воскрыча громко: «махомете, махомете, богъ нашъ! помоги намъ!» И ударили в бубны и в политавры мешахуся. А какъ яраполъ пошелъ, и удари в бубны и в политавры, яко громъ велики сочинися. И оной царь воскрыча: «ступай, ступай на сего моего неприятеля!» И какъ наступили ко рву, яраполъ набѣжи съзади. Тогда аравиіское войско попадаша в ровъ многое множество; яраполъ же цесаревичъ нача достальныхъ рубити, аки траву коосою клонити. Царь же аравиіскіі, видя сию над собою побѣду, побѣже не со многими толко, въ 30 человекъ, самъ испужася глаголя: «воистинну, сие ево войско—орлы страшливыя! увы мне! что сотворих, сколько погубих силы! лутче бы мне во первыхъ покоритися!» И повеле град засыпат(ъ) пескомъ и каменіемъ и железными решетки, и укрепил град накрепко.

Тогда яраполъ цесаревичъ побилъ силу аравиіску и взялъ в полонъ 80000, а самъ скоро ко граду приступилъ, при томъ же многія грады, села и улусы разорил в конецъ до основания. А какъ подступи ко граду аравіі и нача такъ мужественно и сильно поступати, что и стены градскія тресошася. Царь же, видя незгуду и гибѣль граду и войску своему, нападе на него страхъ и ужась. (пропускъ) Воскрычаху единогласно: «рады мы служить его величеству яраполу цесаревичу!» И скоро. решетки отпустили, пески и камынія розсыпали и врата градскія разтворили и пустиша ярапола цесаревича. Царь же, видя скоро, исполат просился (бросился?) до ярапола цесаревича и падоша на колени, глаголя: «прости мя, великій и славны витязъ, яраполъ цесаревичъ! не дай мне смерти: азъ буду под твоею рукою, и буди хранитель и обѣрегатель!» Потомъ все князи и бояра и весь синклитъ царской стречаху ево с великою честью, и оной яраполъ цесаревичъ оного царя поставилъ по прежнему и возвелъ на престолъ, толко утвердилъ присягою. И царь, радуясь, что сталъ под рукою ярапола цесаревича, славного и храбраго в бранехъ витезя, ярапола венеискаго.

Потомъ яраполъ посла вѣсть во градъ невею о полученной

имъ вѣкторіи ко отцу своему: Тогда бысть в нееве граде радость и веселие, что дѣть ево знаетъ агарянинъ, како взятъ град, в которой день и часъ и како силу побилъ. А когда курьеръ отъ ярапола прибѣже с полученною их вѣкторіею, и видит, что происходитъ радость во граде нееве. И какъ подаде известіе отцу ярапола цесаревича, на что (отецъ) ему глаголя: «господинъ курьеръ, донеси его величеству, что мы давно (знаемъ) о сеи полученной вашей вѣкторіи!» Торжественную радость с веселиемъ окончали; и скоро написа листъ.

«Драги и вселюбѣзніи сыне! имени себѣ божіею помощію и нашимъ благословеніемъ буди здрав! только просимъ васъ о томъ, яко оставилъ свою любѣзнейшую невесту параклиту: понеже со отбытію вашего по васъ весма сокрушилась,—уже измѣнилась красота лица ея, какъ о томъ самъ изволицъ знати!» И посла в скорости обратно до ярапола цесаревича и одариша великими дарами царь и протчія синклиты.

А когда вскоре посолъ прибѣжал и положил листъ на столъ, и оной ярапол, прочетъ, радости наполнился: «сеи мои дедъ—прежній еилосовъ нектонавъ» И бысть радость великая во граде томъ. Яраполъ цесаревичъ повелелъ слити себѣ латы да шить из злата драгаго, а на латахъ приказал вылить искуснымъ и штуколярнымъ мастерствомъ бога саваофа, а на щите—деда своего агарянина. А самъ набра во граде воиска аравіискаго 100000 еще вприбавокъ воиску своему, и набраша воиска всего 1140000, и сталъ собиратися еще во антиохію и вышніе грады, дабы подклонити под державу свою. И разделил силу на три части и разрядилъ воеводе, которому итти вперед, иному—посреди, а самъ пошелъ позади, понеже для всякого случая.

И какъ убралися, поехали, что от конского потопа и от верблюдовъ земля потреслася. И какъ забили в бубны и политавры, такъ загремело, яко гром великой на небѣси, и поидоша в путъ свои. И идуши же путемъ, и которыя грады малыя все стрѣчаху и подписывахуся ему принцы и князи уделные под имя его, ярапола цесаревича, и провождаху ево чесно. И какъ проидоша вѣсть во антиохію, яко «идетъ храбрыи и славныи витязъ яраполъ цесаревичъ нееве града, которой под руку свою подклонил многія грады и большую орду взявъ аравію и нынѣ идетъ до вашего царского величества».

Тогда слыша, антиохійскіи царь устрапился, глаголя: «не восстал ли древній александръ?» И послалъ собиратъ воиска сво-

его по всемъ градамъ, чтобъ были вскорости; и собра войска 30040000,—и скоро придоша, яко вранов налетеша. Царь же возрадоваша(ся), глаголя: «нынѣ радостно мне есть, яко силы у меня уподобися песка морскаго! и нынѣ не боюсь, како меня возметъ,—азъ не токмо боемъ, но каменiemъ (пропускъ)... силу за мечъ!» И приказъ сотворилъ в силе своей: «есть ли храбрыя богатыри и витези?» И тогда много сильныхъ и уделныхъ собрашася 3000 воиновъ храбрыхъ в доспехахъ рыцарскихъ; и единъ вышелъ богатырь, вышиною высокъ, шириною широкъ, яко левъ, воскряча громко: «великий царю антиоше! азъ единъ на много тысячъ иду битися на копияхъ и на сабляхъ! надеюся на мою силу, и буду тебѣ слуга верной!» И царь радовашеся о семъ велми.

А когда яраполъ цесаревичъ пришелъ близъ града антиохискаго за триста верстъ и много малыя грады раззорилъ и приклонилъ под руку свою цесарскую, а самъ выбралъ воеводу смелаго и разумнаго и всехъ порядковъ знающаго, глаголя ему: «нынѣ ты учредис(ь) итти посломъ во антиохию к царю анхиоху с листомъ на поклонение и на уверение братіи нашеи!» Онъ же апор воевода не отрицахуся, глаголя: «буди воля твоя, моего государя,—что повелишь, то и сотворю, ваше царское повеление!», И скоро повеле писать грамоту:

«Великаго и славнаго града невели, витави, тира, тарсиі и большія орды аравіи и протчихъ городовъ царь и повелитель и обладатель многихъ странъ и земель монархъ и содержитель! и страхъ мой на всехъ земляхъ и ужасъ находить,—ты же, царь антиоше, сотворимъ межъ собою любовь, дабы брани у насъ межъ собою не было! толко подпишися под руку мою и царствуй во веки до кончины своей, и буди в дани, и отдавай мне дань какъ азъ самъ положу на тя, и живи под именемъ моимъ смело—некто на тя не наступитъ!—а буде станешь противится или гордится противъ нашего величества, то узриши самъ, что тебѣ азъ сотворю на вечную славу и похвалу себѣ сотворю. Писавыи до васъ яраполъ цесаревичъ остаюся здравъ» И запечаталъ листъ и отдаде послу и далъ ему 3000 воиновъ, вооруженныхъ и в великомъ убранствѣ воинскомъ велми удивительно, и отпусти ихъ честно.

А когда апоръ приня от цесаревича посолскую грамоту, и поклонися до земли и восприя путь свой. И какъ посол апоръ будетъ близъ антиохіи, и скоро завидя его с высокихъ башенъ с наугольныхъ, караульные сказаше: «како были появились в поле близъ града нашего?» И скоро посла царь тысячу воиновъ, аще:

«какие люди, буде, подозрныи от царевича—творити баталию! а есть ли буде посоль посланъ,—то их берите чесно!» И скоро оны побѣжаше, а вышереченной посол апоръ повеле разоставитъ шатры. А когда приехали воины и спросиша у них честно: «господа, какие вы люди? и откуль? и зачѣмъ придоша под град нашъ и чего ради?» И оной апоръ вышел изъ шатра своего, глаголя имъ: «пойдите и скажите его величеству царю антиохіискому, азъ приехалъ посоль от великаго и славнаго побѣдителя, и государя своего ярапола цесаревича, о некихъ словахъ объявити вашему царю!» И то слыша, посла весников до царя, а другия остались при немъ. И оны весники пребѣже возвестиша, яко идетъ посоль отъ славнаго витезя ярапола цесаревича. И царь, слыша, повеле во граде убрати и все свое войско ему показати. И какъ посоль будетъ близъ града, и стрете его самъ царь с протчими князи и бояры с великою честію прияхомъ. Идуша градомъ воинскимъ, ево посоль идетъ, смеется, глаголет: «царь! яко во твоѣмъ граде много галокъ, удивляюся сему!» Царь же глаголя: «что сие видиши у меня? и единой галки нѣсть!» А какъ пришелъ в податы, сталъ предъ нимъ на колени и положилъ на столъ листъ и отдалъ поклонъ, при томъ глаголя: «азъ—рабъ вашъ от своего славнаго и іменитого, и храброго, и силнаго ярапола цесаревича проздравляти васъ! сїи указы приими и просмотри, что писано! А мне, холопу вашему, даи отвѣтъ во всемъ!» И царь подивися апору послу ево речамъ и повелѣлъ читати указы и дивляхуся сему, что «сеи малыи птенецъ хоцетъ орлиное гнездо раззорить? или его силы много?» Слыша, посоль глаголя: «ваше величество, не силою берутъ, но мудростію берутъ! и силы много побивает! хотя и мало, да стоитъ храбро и смело!» Глаголя царь: «господиъ апоръ посоль, како мне, такому славному и іменитому царю, здатися? азъ не могу сего сотворити—без бою здатися: все земли насмеются!» И повелѣлъ писати противу:

«Отъ славнаго и іменитого бога антиоха пишу до васъ, цесаревичъ, такимъ образомъ: чего ради пришелъ еси? или хоцещи принять от меня драгія дары, или какои градъ азъ тя жалею за твою младость и красату лица твоего! приими от меня дары, или какои градъ желашъ и отступи от моего государства живъ и здрав! ты ли еси градъ мой сожиздалъ? и ты ли богатилъ древнихъ родителей моихъ? тако не сотворю, чтобъ тебѣ, младому, в дань итти—лучше смерть прииму, а сего не сотворю! силы у меня, яко лесу, где тебѣ противу меня стояти? ѿ мною многія цар-

ства не противятся, бояшася страху моего и силы моеи! азъ во единой годъ собѣру силы до 100 миллионов,—а ты еще млад! или ты крепко восталъ из гроба, древній александръ? лутче сохрани здравие свое! а что ко мне шель — азъ все за любовь подоиму(?) и воинѣмъ твоимъ дам плату! а буде сих моих словесъ не послушаешь,—то скоро погибнешь: у меня много есть противъ тебя сильных и храбрыхъ богатырей! отступи, нежели брань иметь азъ тебя убию и силу твою всю прирублю и подвигнусь на грады твои и раззорю до основания и болши град отца твоего невию!» И постави литеры: О. Ц. А. Аскіі. Литеры значат: антиоха града царъ антиохъ антиохиіски. Запечатав, отдалъ послу и одарилъ дарами великими, такожде и воинѣвъ его и проводи из града честно, самъ глаголя: «зри, славными посолъ, вотъ сколько у меня силы в два мѣсяца собрано! еще сеи мало и еще пошлю, то уже в скорости будетъ!» Глаголя ему посолъ: «воистинно, государь, много воробевъ, а у нашего государя силы толко 100 тысячъ не з болшимъ, а все соколы летучія,—пощиплютъ твоих воробевъ до гола!» Слыша сие царъ, толко не взя себѣ в разумъ, что апоръ посолъ ему говорилъ.

И какъ апоръ посолъ принялъ от царя писма и усмотрелъ в силе его неустройство, поклоняс(ь) царю, поехалъ со своими товарищами в радости и с веселиемъ, яко царъ сеи не мудръ. И бѣгуща в скорости, а какъ прибѣжа до своего государя ярапола цесаревича и положилъ книги, что послано от царя, и оноі цесаревичъ прочетъ, а самъ расмеяся писанию ево. И скоро той же ноцію сочинилъ поход ко граду и становился, не дошед за 15 верстъ и раставил шатры в поле, яко маков цвѣтъ рацвелъ. А какъ знаки, олаки и знамена распустилъ и приказъ отдалъ, чтоб по пяти человекъ делали бы люди и с камени лебаstra, а нутро было бы пусто: чтоб во всякого человека садить по воину, и тако бы каменной человекъ былъ бы на винтах и на шурупах, а нутре бы оные шурупы тот бы человекъ вертель, а онои бы камень бѣгалъ, яко человекъ. И скоро сотвориша такъ. И онои цесаревичъ повелелъ къ камню по два копия острыя и длинныя, а на боках по две сабли, а (на) коленях по два крюка острыхъ; и подо всякого человека по два верблюда вести их. А самъ еще подвигнулся и сталъ за шесть милъ антиохиіских и повелелъ единой ночи устроить малои городокъ земляной верстъ на 30 и поставилъ каменных людей, и в каждомъ по человеку, и приказъ отдалъ: «слушайте, когда сражатся обѣ силы, и вы вер-

тите шурупы и колеса!» А войско разделилъ на трое, а самъ сталъ на зачине. А когда царь антиохъ узре в поле силу стоящую: «ох, сила моя ступай! не бѣрежь здоровья своего!» И поидоша из града такъ много, что захватиша земли на три миль. И какъ сошлись блиско, тогда царь самъ выехалъ и послалъ славных и храбрых богатырей и того вышепомянутого воина и сотворилъ над всеми начальникомъ и управителемъ. И какъ забили в бубны и в политавры, во обоих сражающихся силах на подобие, яко силыны громъ, загремеша; и кони одного царя антиоха падоша на землю от страха, ибо такового бубнаго ударе- ния и в политавры игранія не слышали, а у ярапола цесаревича (кони) стояще ободряхуся, толко ушами потиху шевелеша. А какъ скоро обѣ силы сражишася и подступи блиско ко оному граду зем- леному,—а войско цесаревича нача струменты вертети, и камен- ные люди заходили и забѣгали и с места отидоша ногами бѣ- гати, губами хлопати, головами вертети, копьями колоти, саблями рубити, крюками таскати и смешали всю силу и всех храбрыхъ воиновъ побиша. Яраполъ со всех странъ напустился силою своею и смешалъ всех в скорости, что от крику и вопля челове- ческаго земля стонаше....¹⁾.

...и все в целости. Такой мудрости наполненъ—и от тако- ваго сражения и побоища солнце потемнеше и свету не бысть, а от крови человеческихъ бегуща ручья и потоки, и цар(ь) ан- тиохискии, сие видевъ, ужасеся,—бегуща во град, самъ крыча: «во- истинну воста нынѣ древний александръ!» Повеле град затворити, глаголя: «понеже намъ, что и во граде делат(ь)?» А яраполъ цеса- ревичъ скоро побѣже во градъ с войскомъ своимъ, и взя градъ. И повеле предстати бою и с каменных людей вытти. И побиша войска антиоха царя многое множество и яраполъ облада цар- ствомъ антиохискимъ. И какъ предста сечъ, усмотре в поле че- ловеческихъ телъ, яко горы превеликия, а конского трупа велми ужасно много лежаще, и повеле яраполъ силе своей ямы и рвы глубокия копати и класти тела человеческия и засыпати песками. И тако сотвори и царь антиохискии сталъ пред яраполомъ це- саревичемъ.....²⁾.

«...земле. Силен еси во бранехъ и мудръ к воинскому делу и храбръ! и несть такового воина силнаго и премудраго, яко ты

¹⁾ Вырваны три строчки.

²⁾ Вырваны четыре строчки.

еси не человекъ, яко богъ нашъ!» И такъ творили яраполъ цесаревичъ воеводамъ своимъ отда приказъ, чтобъ каменныхъ людей изломати до основания, дабы никто не зналъ сего. И взялъ царя и посадилъ ево по прежнему на престолъ, глаголя: «не боися, буди нынѣ подъ рукою моею: азъ тебѣ писалъ, а ты не послушалъ! эта бы сила намъ и впредъ(ѣ) пригодилась!» Царь прося прошения, и положи дань на него по 3 милиона на годъ: а чего пожелаю, то отправлять и творитъ(ѣ) во всемъ волю мою!» И утвердилъ присягою подъ державу свою, и бысть радость великая и ликовствоваше долгое время, а воиномъ своимъ далъ пространство и оставилъ силу свою во антиохіе, а самъ взялъ с собою силы 400,000 и пошелъ во отечество свое, дабы совокупитися законнымъ бракомъ, а ходилъ только семь летъ и провожда ево царъ(ѣ) и весь градъ чесно с великою честью и славою неизреченною.

И пошелъ яраполъ цесаревичъ во отечество свое и падоша во все грады, стречаху ево и провождаху градъ от града; и доидоша вѣсть в невею, яко идетъ сынъ царевъ яраполъ цесаревичъ. Царь же и дедъ ево со всемъ своимъ градомъ поидоша во стретіе за много верстъ, повелелъ убраться дорогу и услати парчами, сукнами и коврами златыми; и с собою пояща обручницу ево невесту. И какъ стретя его, глаголя ему отецъ и дѣдъ ево, приносяще ему поздравленіе: «радуися, древній александрѣ! радуися, царю поре индейски! радуися, царю даріи перскій! радуися, царю аравіиски, тарсіиски и тирскій и иныхъ многихъ градовъ обладатель и повелитель! только сокрушилъ свою любѣзнейшую невесту: уже много время проидоша!» Тогда глаголя цесаревичъ: «где она? бысть ли во стретіе?» Она же глаголя: «здѣсь, чадо наше любѣзное!» И повелелъ привести и приведоша. Она же поклонилася ему, глаголя: «нынѣ солнце воссияхъ и образъ значитъ и обогрѣхъ меня тепломъ своимъ! како 7 летъ тма бысть, нынѣ азъ вижу светъ во очию моею азъ! светъ мой великій и славный витезъ яраполъ цесарь, всехъ земель обладатель!» И оной цесаревичъ поя невесту свою за руку и поцеловалъ и поидоша пѣши во градъ и весь народъ стречаху ево и проздравляша, глаголя: «радуися, древній александрѣ! царю царемъ!» И какъ приде во свои полаты царскія, сталъ веселиться и радоватца и повелелъ готовить(ѣ) и учреждати свадьбу. И скоро сотвориша. И какъ совокупился законнымъ бракомъ, такъ сильно и чисто приидоша оба, хотя что твориша и подкобы(ѣ), а дела никакого не бысть и

бысть радость великая и неизреченная; и оная супруга ево зачала во утробѣ детище.

А яраполъ цесаревичъ нача во уме своемъ мыслити, яко: «что мне за женою своею лежати! еще мысль моя не утешилас(ь) и не исполнилися! пойду на турецкого царя салтана, да и еще отведаю счастья своего!» И скоро послалъ указы во свои грады, чтоб в скорости сила ево собиралас(ь) во град невею: «ибо я возымелъ намерение свое итти на царя султана турецкого!» А самъ, пришед к отцу и матери своей також и деду глаголя еще: «азъ, милостивый государь мой, батюшко и государь мой премудры дедъ агарянинъ! объявляю вамъ, что припала мысль моя и желаетъ душа моя к войскому делу,—не могу более терпеть, чтоб мне дома жить и царствовати! азъ пойду на царя салтана турецкого, еще потешусь и утолю мысль свою и распространю землю до европы!» Слыша отецъ моафъ, глаголя: «чадо мое, азъ уже лета моя приходят ко старости, а дедъ твой уже скоро престареетъ!» Агаръ рече: «азъ знаю свою кончину,—еще, царь, пусть ярапол цесаревичъ поидетъ и потешится! какъ планеда ему показа, тако и будет творить. А когда наспеетъ время, тогда и будетъ царствовати на престоле рымстемъ. Толко немногия годы станеть царствовати. Будеть наследникъ ево у супруги во чреве, а нынѣ, какъ хочетъ, такъ и творит на море и на земле и ходить станет на месте своемъ, а нынѣ буди благословение и в пути и везде!» И какъ войско ево собрашася многое множество, и ярапол цесаръ отобра войска толко 100000, а тех отпусти во свои дома, самъ глаголя: «будетъ и того, яко древній пророкъ давидъ пишетъ, тако и сильной богатырь крепостию своею!» И скоро простился со отцемъ своимъ, матерію и дедомъ своимъ и с супругою цесаревною, толко ей глаголя: «храни и бѣреги чрево свое по глаголу деда моего!» И пошелъ в поход ко индіе.

Идущимъ же ему путемъ, во всех градах наполняшася страху и ужасу и велми бояшася ево царие и короли—и все ево величество стречаху и почитаху, а потомъ провождаху его с великою честью и с неизреченнымъ веселием. А что чего пожелаетъ, то все готово и дають непременно, потому что напустил на все орды и земли страх. И наехалъ ярапол цесаревичъ к такому пустому месту и непроходну, а в том месте много змиевъ лютых, поядающихъ и пожирающе, а главы у них великия: иные о двух, о трех, о четырех, яко неудобно никому оных протти, и птица летучая не пролетаетъ. И яраполъ цесаревичъ ста на ме-

сте ополчися и стоял 3 дни, и силы ево стало умалятися на всякую ночь по 100 и 200, а со оружиемъ подступити нельзя, яко пожрутъ и оныя змїи крылаты и ужасны, а воротится назад не честь. И хождаше ярапол цесаревичъ по полям и по лесам и нашелъ гору высокую, ис которой течетъ ключъ невтяної. И повелелъ наливати бочки и возити и ставити рядом бочку возле бочку. И какъ навозиша кругомъ, гдѣ те змїи живут, а самъ с силою своею отидоша от того места и повелелъ навозити хворостия сухова и зажетчи, а потомъ пасти на коня и бѣжати к полкам. И тако сотвори, а какъ загорелось хворостия и дошелъ огнь до бочекъ, и велми загореся толь сильно, и земля загореся немного лактеи глубины, и все змїи погореша и ни единъ не остана. И он чистилъ путь свои.

Потомъ яраполъ цесаревичъ пошел в пуд(ь) свои (въ) великой радости. И тогда все ево мудрости дивовахуся, како его величество весма мудръ. И какъ будетъ близъ индейского царства велико преславного государства, что много в немъ чудесъ и всяких узорчетыхъ вещей, состоящихъ высокихъ ценъ. И доидоша вѣсть ко индейскому царю, яко идетъ цесаръ грозны ярапол с силою своею. И то слыша царъ индейски ужесошася, глаголя: «что сие сотворишася, яко древнїи царъ воста александръ? что творити?» И умыслы битися, а град повелелъ укрепити хрещами, песками засыпати и каменiemъ завалити, а на стенахъ такожъ повелелъ великия каменїя и бревна накатити и силу поставити по стенамъ во весь градъ свои кругомъ. И отдаде приказъ женскому полу, чтобъ ставили котлы и варили б воду, и лили за стену, и бревна б спускали, и камене б бросали, како подступит(ь) и когда приидетъ ко граду. И яраполъ стал от града за пят(ь) миль индейскихъ и стоитъ день и другой, и нечего не бысть из града, а посла послат(ь) не изволил; и мудростию своею повелелъ делати деревянныхъ людей и садит(ь) на кони и пускат(ь) ко граду,—аще сихъ людей с коней щибут, а кони назад, хотя малое число будутъ для отповеди, а силу свою хранит, дабы утраты не было, что како от змїевъ. И скоро сотвориша и посажаху на кони, яко бы людее в платьѣ и вооруженные. И какъ побѣждали ко граду и нача со града каменїя метати и бревна спущати и воду лити; и оныя кони, которыя падоша, а иныя в полки прибѣгоша. И позна цесар(ь), яко: «много погибнетъ моего воиска!» И по мале времени повелелъ готовитися воиномъ своимъ к ночи. И какъ наста ночь и двинулся ко граду за

едину милу и повелелъ сочинить подкопъ во град, чтобъ стать среди града и вытти с силою своею, а лошадеі отогна в степъ с малыми людьми. И скоро сотвориша в две ночи такія подкопы, а на третью ночь самъ пошел наперед с воинами своими; нощію вышли и стаха среди града. И воскресча яраполъ цесаревичъ: «во первых караулы прирубиша!» А какъ вышли все, наипаче громчае того воскресча, на подобіе грома, и нападоша на конныхъ людей и смеша их на подобіе грязи. И царъ индеескій, видя сие, убояшася бегуща, не знаетъ, где скрытися, побѣже во отхожіе полаты и взя масла и обліся и зажегъ себя и згоре.

Тогда цесар(ь) яраполъ взя град и предстася рубити индееское войско и нача царя искати и не наиде—только увиде, что полата горит огнемъ—и тако положиша, яко по своему закону сожегъ себя напрасно. И оную индею утвердилъ под свою державу и определил и(зъ) своихъ воиновъ большаго воеводу царствовать. И пожилъ в индіи малое время и пошелъ на салтана турецкаго. И падоша вѣсть, яко «идеть цесаръ грозный и силенъ, яраполъ же—взя град индію мудро без бою, а нынѣ идеть на ваше величество!» Слыша салтанъ убояся и послал во все свои грады указы, дабы собирали войско с головы на голову противу ярапола. И собра в скорости силы 3 милиона; и какъ сила придоша—яко лесу. Царъ же салтанъ, увидя, зрадовася, яко много силы и: «что мне сотворитъ яраполъ? буду с нимъ имети! яко сего цесар(ь) недавно востахъ,—никако первый царъ александръ македонскій от мертвых!» И повелелъ в скорости град и крепости строити великія, и разоставил по всемъ дорогам по 5 милъ турецкихъ караулы крепкія, пашей и таншей. И на всякой день в печали быша и в радости пребываша: «знаю себѣ и всему воинству своему гибѣль от премудрости яраполовой!» и велики тужаще. Еще пришелъ к нему паша съ войскомъ своимъ, а силы с нимъ 100000, а оныи паша велики сильныи и храбрыи воины. И пришедъ ко царю. Царъ же стрете ево, самъ лобыза, глаголя: «друзе мои, помози ми с симъ древнимъ воиномъ и с нашедшимъ на мя супостатомъ побитися! и дай мне помощи, дабы от такого младаго цесаревича посрамленъ не былъ!» А оной паша, именемъ абаксимъ, глаголя царю: «азъ стану стояти за ваше царское величество и буду во всемъ помогать!» Царъ же рече: «абаксиме, буди ты над всеми силами болшей управитель!» И тогда придоша весники, яко: «цесаръ индеески идеть блиско, а которыя твои грады по пути о(нѣ) все склонил под свою державу цесарскую, что же страхъ ево и ужусь

во всех странах произойде!» Паша же абалексимъ, слыша сие, повеле готовиться, силе своеи, чтобъ вся в готовности была на брань; и повеле латникамъ и колчужникамъ особливо итти на перво. А вышеупомянутой цесарь ярапол, пришедъ под град византию и сталъ за 15 миль турецкихъ и повелелъ ополчиться и разоставилъ в поле шатры свои велми честно и на удивление и преукрашение, наподобие разныхъ цветущихъ цветовъ в поле. И какъ увидя войско яраполово, пришедъ янычана ко царю своему возвестиша и глаголя: «приде под град нашъ византию грозный и силныи в храбростяхъ славныи и в воинскомъ деле искусныи яраполь цесаревичъ и остановился за 15 миль велми удивительно и преукрашенно! какъ соблаговолишь о семъ? мы насилу от него утекоша, а мы хождаще для рыбной ловли и внезапно узрехомъ и бѣгуща скоро! а силы с нимъ много, сказать, не знаемъ, что мы бояхуся, дабы насъ не поймали—и мы бѣгохомъ до вашего величества возвеститъ тебѣ о семъ!»

Тогда салтанъ призва любѣзного пашу абалексима глаголя ему: «друже, блиско ополчися супостатъ мой, како войску итти, или во граде держатися?» Глаголя паша: «лучше, государь, на бои итти, а во граде хуже! или, государь, пошли посла къ нему, такимъ образомъ противъ меня далъ бы поединщика,—аще избьетъ мя, то ты скоро, государь мой, ступай под руку ево бѣз бою!» Слыша салтанъ тако и сотвори, и повелелъ написать листъ златомъ, а в листе пишетъ тако: «премудрейшему, славному, сильному и большихъ градовъ обладателю и повелителю, царемъ царю и королемъ королю! превысочайшии цесарь римский македонски яраполу цесаревичу пишу до васъ: ратися намъ ненадобно—только азъ пишу до вашего величества: у меня есть исполнѣ, и вы такожде изберите в силе своей такового ж и спустимъ мы обоихъ и чей чьего избьетъ, буде вашъ избьетъ—азъ бѣз бою подъ руку твою подпишусь и в данъ пойду — а ежели мой вашего избьетъ, то тебѣ отступитъ от града моего и впредъ не ходитъ ни детямъ твоимъ! а я тебя награжу и что ты шелъ до меня, то все отдамъ — и взать и впередъ, какъ в томъ ваше величество соблаговолишь! писавый до васъ царь салтанъ салтановичъ отдаю комплементъ» и запечаталъ и послалъ пашу своего и с нимъ 300 янычанъ.

Тогда посоль, какъ скоро приде, удивившася убору над полками и скоро подхвати ихъ и недаша смотрети на силу и приведе предъ цесаря. И цесарь, взявъ листъ от посла, распечатавъ и сталъ чести, а потомъ размеяся, глаголя: «что поединщикъ? сотворю

такo скоро—лучше бы мне дати баталию—азъ бы повеселился!» И скоро на той же грамоте написа: «царю салтане, како пишеши богомъ великимъ? нынѣ несть того! и хвастася ты исполиномъ! завтра высылаи! азъ изберу в силе своей такового ж мужа храброго и сотворимъ по любви! толко напишемъ прежде заручные за своими руками писма и утвердимъ присягою: азъ утвержду богом и отцемъ и святымъ духомъ, а ты своимъ богомъ махометомъ!» И даль послу и отпустилъ чесно і одари по обычаю посолства драгими дарами, в подобие протчихъ царей и самодержавцовъ, и притомъ сказать, чтобъ завтра сие дело было исправно, «а ежели продолжится, то подступлю под градъ ево с силою своею и раззорю градъ византию до основания почвы!» Тогда прииде во градъ византию предъ царя султана и возвестиша вся видимая в войске ево: украшения, множество силы и храбрыхъ воиновъ, и какъ убрано в поле—уподобися, что несть таковыхъ цветовъ, какъ у его величества цесаря ярапола; размаршировано на брань в день воиновъ храбрыхъ и ужасныхъ, зрениемъ, яко лютыхъ и лютеишихъ лвовъ, свирепыхъ в воинскихъ делахъ—яко «единъ можетъ побить многое число янычанъ нашихъ!» И слыша оное, царь(ь) султанъ смутися зело во уме своемъ и взя листъ, распечатав и наполнивъ страха и ужаса просмотри и позва пашу своего, глаголя ему: «смотри, что написано—еще мне сего не сотворити, тогда уже и живу не быти! готовся скоро: завтра поедешь на битву смертныи чась!» Паша же, слыша сие, изменися в лице своемъ и нападе на него страхъ и ужасъ в сердце его, что приходитъ конецъ жития его. Глаголя царю: «невозможно ли помешкатъ(ь) втораго дни?» Онои же султанъ воскрычалъ громко: «или ты желаеши смерти моеи и погибѣль граду моему? поди в кумирню и помолися богамъ нашимъ—артемиду и аполону и дию и большему богу махомету, да помогутъ тебѣ!» Онои же паша пошелъ невеселъ, а цесарь ярапол глаголя своимъ воеводамъ: «господа мои! есть ли в силе моеи сильные и храбрые витези? а буде нетъ—самъ азъ пойду противъ одного исполина!» Слыша оное все единогласно воскрыча: «како государь, сие глаголеши, что вы сами поедете? тебя, государя нашего, не станетъ, а мы бѣс тебѣ вси, яко овцы бесъ пастыря, разыдемся! како в нашей великой силе такового храброго мужа и избранного (не найдется)!» И скоро посла приказы во все полки; и скоро выбралось рыцарей храбрыхъ много; и представи предъ цесаря. И цесарь ярапол, видя оныхъ, радовахуся, яко много в силе храбрыхъ воиновъ. Глаголя цесарь: «кто будетъ готовъ битися единъ на единъ? еще кто из-

биеть исполина—тот будетъ отъ меня почитаемъ!» И все глаголаху: «все мы рады за ваше величество умерети!» Ярапол же глаголя: «господа мои, мне надобѣнъ единъ, чтобъ былъ храбръ и силенъ—яко уже на смертныи часъ поедетъ—самъ ли возьметъ, или главу свою положитъ!» Тогда выступилъ единъ исъ предстоящихъ предъ нимъ единъ воинъ, именемъ абалексимъ. Пришедъ поклонися глаголя: «азъ готовъ, яко левъ, на ловъ ехати заутра и битися со онымъ исполиномъ!» И яраполъ цесаревичъ, хотя видетъ храбрость ево, даде абалексиму щитъ, копие палицу и латы свои, можетъ ли онъ поднять. Онои же воинъ абалексимъ принимаше все единою рукою. И то видя, цесарь радовашеся о силе его глаголя: «помози тебѣ владыко в деле твоёмъ о семъ!» и взя абалексима себѣ в шатеръ. И какъ наста день, и скоро подступи ко граду. Такожде и царь султанъ выехалъ изъ града и положили на столпъ писма свои. Тогда исполинъ выехалъ тол(ь) храбро, что конь ево до земли не дотыкается, яко левъ рыскаетъ. А потомъ и яраполъ цесаревичъ высла своего воина. И какъ цесаревича воинъ выехалъ такъ храбро чесно, что всемъ на удивление. И приехавъ предъ цезаря своего ярапола, скинулъ шеломъ съ главы своея и поклонился до луки сиделныя, глаголя: «благословляи, великий государь, побити супостата своего хвасливаго мужа!» И какъ поехалъ тогда и не стало видети света. Такожде и онои исполинъ. И такъ храбро разкакались на конехъ своихъ и ударились копиями такъ силно, что какъ великой громъ и земля подъ ними поколебашеся. И тутъ обѣ стороны, смотря, подивившася храбрости ихъ. И билися долгое время, что копия в рукахъ поломались по насады свои, и взяли свои острыя сабли и стали рубитися; и сабли ихъ в рукахъ по тылу обламались, а другъ друга не ранили; и потомъ стали битися палицами своими и оныя палицы по черенъ обломались, еще другъ друга с коня не пцбли, и скочили зъ добрыхъ своихъ коней и стали битися рукопашнымъ боемъ и воинъ ярапола цесаревича, разярась яко левъ, и подбѣжа (къ) исполину и подня ево себѣ на руки и бросилъ выше себя и селъ ему на груди и возделъ сердце и печень, и бросился на коня своего, и оное сердце и печень подхватя своимъ копиемъ, поехалъ с радостію. И какъ приехалъ ко столбу, где положили писма ихъ, и тотъ взялъ писмо царя султана турецкого и привезъ ево государю своему, подаде. Яраполъ цесаревичъ, видя со славою и честью приехавшаго, нача лобызати и постави ево надъ всеми силами и даде ему чинъ оертьмаршеломъ. А салтанъ турецкий приехалъ до шатровъ цесаревыхъ и сталъ предъ нимъ

на коленях и со слезами прося прощения, глаголя: «о великий и славный яраполъ цесаревичъ, прошу вашего величества, дабы винность мою проститъ и гневомъ своимъ со престола моего отринут не былъ!» Тогда яраполъ цесаревичъ прия ево чесно и рече ему: «нынѣ, друже мои, буди под державою моею и служи мне верно и неизменно! и нынѣ не боися никого!» И поидоша во град византию нача радоватися и веселитися на долгое время, а силе своеи повелеша на всякий день выставляти погребы медвяные, понеже турки вина не пьютъ и не любятъ пити допьяна. И живящи цесарь во граде византии 6 месяцев и хочеть воспріяти намерение ехатъ еще в ыностранныя государства и более себѣ получитъ викторию. Ажно прибѣжал до его величества куріэръ и въеде прямо во град византию и скочи скоро с коня своего и вниде в полаты и поклонися яраполу цесаревичу до земли пред ногами его и подаде листь за златою печатью и скоро распечатав и сталъ читати; а в листе писано тако: «от бога избранному и великому многих земель обладателю и повелителю славному и в делах храброму рожденному сыну моему возлюбленному яраполу цесаревичу! пишу до васъ, сыне мои, не мешкаи с получения сего листа ни единого часа—ступай во отечество свое: понеже азъ и дед твои агарій уже при скорби! и мы ожидаемъ приезду вашего, дабы, не видевъ васъ, смерти не вкуситъ! а сынъ вашъ еще малъ и млад—кому могу бѣз васъ свое царство вручить? аще возжелаещи хотя мало родителеи своих видеть, то приезжайи вскоре! еще ж всего наиболше попомни, чадо, тебѣ любовь деда своего агарія! и за симъ буди благословенъ на веки!»

А когда цесарь прочеть листь отца своего, скоро повеле во златыя роги трубить, чтоб собиралось войско ево к походу, а инных оставилъ во граде византии, глаголя имъ: «живите и храните град мой, византию, а кто пожелаетъ—женитесь! а пейте и еште готовое! такожде храните и бѣрегите царя султана во всяких до него случаях и слушайтесь его, яко меня!» Тако ж сказа и царю, чтоб их хранилъ и бѣрегъ и давал бы имъ жалованье болшее не такъ, какъ своимъ янычанамъ. «А вы, мое храброе войско, веруйте богу и отцу, а махometу не веруйте!» И потом восприя путешествие свое во град невею, взя с собою силы толко 20000 тысячъ; и пошелъ в походъ свой с великою честью, радуясь и веселясь; и провожаху его величество царь султанъ ту-репки со своим синклитом, с пашами и тайшами за 60 милъ

турецких и простился. И оной яраполъ цесаревичъ следовалъ в пути своемъ долгое время; и какъ в томъ пути приде к морю, а место пустое, и на томъ месте ни града, ни села, ниже хоша какого народа нигде нетъ, а толко обросло великими лесами. И ярапол цесаревичъ ополчился на оном месте и повеле карабел-щикам строити морския суда, а снасти на оных учреждилъ травенныя: понеже ни шелку, ни пенки не бысть—которых судов было построено двенатцат(ь); и нача грузитися; и разделиша карабли воинам своим; и повеле парусы подымати; и побѣже во отечество свое, во градъ невеку. И бѣгоша уже немалое время; и бысть на море великой штормъ, от которого восколебашеся карабли и нача их по валам носить, яко по горамъ высокимъ; и стало уносити карабль от карабля, что единъ другова не позна,—толко же остался господинъ цесарев карабль; и принесе его ко берегу и разбиша. Оной же цесарь яко единъ спасошася и людеи всех разметася по островамъ; и вышед цесарь на берегъ, стоя и плакаше горко: «куда азъ пойду и где найду хоша единъ карабль? и что стану ясти и пити?» И воста с места и поидоша, куды ево очи несут. И агарь, еще посмотри по планедамъ, и позна, что над цесареем сотворилось—и бысть печаль велия. И сказа отцу матери и супруге ево—и бысть плачь и стонъ великий во граде. И посла отецъ во все страны искати. Тогда поидоша все по край моря. То цесаревичъ хождаше долгое время и питаешся корением и рыбою, какую наидеть по край моря. И оныя воины нападоша на след человеческой и нача оным следомъ ехати и узреща под древомъ лежащего и спяща, подпершися дланию своею. И видя воины государя своего, ярапола цесаревича, вскочиша с коней своих и с тихостию будиша его, глаголя: «востани, великий государь нашъ, кнамъ рабамъ твоимъ!» Онъ же убудишася глаголя: «хто вы есте? не привидение ли в печали моеи?» Оне же глаголаху: «мы, государь, рабы твои! посланы искати от отца и от деда твоего! а у насъ во граде о вашемъ величестве великой плачь и стонъ, яко уже погибоша! и посланы для изыскания васъ, государя нашего, во все страны вверхъ и на нисъ моря!» И тогда цесарь возрадовася, яко еще не погибоша, и взяша, и посадися на коня, поехали. И едучи имъ дорогою, услыша по край моря человечески шумъ и речи, и поехала на оной шум; и видя несколько караблей своих стоящих; а какъ воины ево, увидевше, велми возрадовались, глаголя: «нынѣ радуися, цесарю нашъ славнейши, нынѣ мы на острове взяли градъ прекрасныи, а во

на коленях и со слезами прося прощения, глаголя: «о великий и славный яраполъ цесаревичъ, прошу вашего величества, дабы винность мою проститъ и гневомъ своимъ со престола моего отринут не былъ!» Тогда яраполъ цесаревичъ прия ево чесно и рече ему: «нынѣ, друже мой, буди под державою моею и служи мне верно и неизменно! и нынѣ не бойся никого!» И поидоша во град византию нача радоватися и веселитися на долгое время, а силе своей повелеша на всякий день выставляти погребы медвяные, понеже турки вина не пьютъ и не любятъ пити допьяна. И живящи цесарь во граде византии 6 месяцев и хочеть восприяти намерение ехатъ еще в ыностранныя государства и более себѣ получитъ викторию. Ажно приближал до его величества курьеръ и въеде прямо во град византию и скочи скоро с коня своего и вниде в полаты и поклонися яраполу цесаревичю до земли пред ногами его и подаде листъ за златою печатью и скоро распечатав и сталъ читати; а в листе писано тако: «от бога избранному и великому многих земель обладателю и повелителю славному и в делах храброму рожденному сыну моему возлюбленному яраполу цесаревичю! пишу до васъ, сыне мой, не мешкаи с получения сего листа ни единого часа—ступай во отечество свое: понеже азъ и дед твой агарий уже при скорби! и мы ожидаемъ приезду вашего, дабы, не видевъ васъ, смерти не вкуситъ! а сынъ вашъ еще малъ и млад—кому могу бѣз васъ свое царство вручить? аще возжелаещи хотя мало родителей своих видеть, то приезжай вскорѣ! еще ж всего наиболше попомни, чадо, тебѣ любовь деда своего агария! и за симъ буди благословенъ на веки!»

А когда цесарь прочеть листъ отца своего, скоро повеле во златыя роги трубить, чтоб собиралось войско ево к походу, а инных оставилъ во граде византии, глаголя имъ: «живите и храните град мой, византию, а кто пожелаетъ—женитесь! а пейте и еште готовое! такожде храните и бѣрегите царя султана во всяких до него случаях и слушайтесь его, яко меня!» Тако ж сказа и царю, чтоб их хранилъ и бѣрегъ и давал бы имъ жалованье болшее не такъ, какъ своимъ янычанамъ. «А вы, мое храброе войско, веруйте богу и отцу, а махometу не веруйте!» И потом восприя путешествие свое во град невею, взя с собою силы толко 20000 тысячъ; и пошелъ в походъ свой с великою честью, радуясь и веселясь; и провожаху его величество царь султанъ турецки со своим синклитом, с пашами и тайшами за 60 миль

турецких и простился. И оной яраполъ цесаревичъ следоваль в пути своемъ долгое время; и какъ в томъ пути прииде к морю, а место пустое, и на томъ месте ни града, ни села, ниже хоша какого народа нигде нетъ, а толко обросло великими лесами. И ярапол цесаревичъ ополчился на оном месте и повеле карабелщикам строити морския суда, а снасти на оных учредить травенныя: понеже ни шелку, ни пенки не бысть—которых судов было построено двенатцат(ь); и нача грузитися; и разделиша карабли воинам своим; и повеле парусы подымати; и побѣже во отечество свое, во градъ невеку. И бѣгоша уже немалое время; и бысть на море великой штормъ, от которого восколебашеся карабли и нача их по валам носить, яко по горамъ высокимъ; и стало уносити карабль от карабля, что единъ другога не позна,—толко же остался господинъ цесарев карабль; и принесе его ко берегу и разбиша. Оной же цесарь яко единъ спасошася и людеи всех разметася по островамъ; и вышед цесарь на берегъ, стоя и плакаше горко: «куды азъ пойду и где найду хоша единъ карабль? и что стану ясти и пити?» И воста с места и поидоша, куды ево очи несут. И агарь, еще посмотря по планедамъ, и позна, что над цесареем сотворилось—и бысть печаль велия. И сказа отцу матери и сунруге ево—и бысть плачь и стонъ великий во граде. И посла отецъ во все страны искати. Тогда поидоша все по край моря. То цесаревичъ хождаше долгое время и питашеся корением и рыбою, какую найдетъ по край моря. И оныя воины нападоша на след человеческой и нача оным следомъ ехати и узреща под дровомъ лежащего и спяща, подпершиися дланию своею. И видя воины государя своего, ярапола цесаревича, вскочиша с коней своих и с тихостию будиша его, глаголя: «востани, великий государь нашъ, кнамъ рабамъ твоимъ!» Онъ же убудишася глаголя: «кто вы есте? не привидение ли в печали моеи?» Оне же глаголаху: «мы, государь, рабы твои! посланы искати от отца и от деда твоего! а у насъ во граде о вашемъ величестве великой плачь и стонъ, яко уже погибоша! и посланы для изыскания васъ, государя нашего, во все страны вверхъ и на нисъ моря!» И тогда цесарь возрадовася, яко еще не погибоша, и взяша, и посадися на коня, поехали. И едучи имъ дорогою, услыша по край моря человечески шумъ и речи, и поехала на оной шум; и видя несколько караблей своих стоящих; а какъ воины ево, увидевше, велми возрадовались, глаголя: «нынѣ радуися, цесарю нашъ славненши, нынѣ мы на острове взяли градъ прекрасны, а во

оном граде царствует девица, именемъ яраподия, велми прекрасна. И мы нынѣ не взяхом, но тебя искахом; и нынѣ обретохом! поволѣишь ли, государь, ехати во градъ?» Онъ же глаголя: «нынѣ мне не время! и вы какъ ея во граде оставили?» Они же глаголя: «оставили воиска 10000 тысячъ, встали на карабли и побѣгоша и на томъ месте сотворили столбъ каменной!»

А когда будетъ близъ града, стречаху ево все и радовашеся; и повеле черной уборъ отрешити и надеша цветное платье. И оная супруга с сыном своимъ стречаху; цезарь же яраполъ, видя сына своего возраста храброго и ума осезятельного, возрадовахуся, что «будетъ замена и сохранение градамъ моимъ!» И какъ пришелъ в полаты отца своего и видя лежаща отца и деда своего агаряя, глаголя: «нынѣ дождались света своего! нынѣ прииди смерть и похити насъ вкупѣ!» Изрекоша речя, и умре отецъ и дедъ ево. И то видя, яраполъ цесаревичъ прослезился и плакаше долгое время, а потомъ повеле из злата сотворити две гробницы и утвердилъ столпъ ис камени чистаго мрамора и поставилъ на высокое место и погребѣ их чесно и на всякий день приходяше и отдаваше поклонение—единому—за рождение, а второму—за одолжение. А самъ вошелъ на престолъ отца своего и бысть царь ярапол невелиски, яраполски, аравииски, тирски, тарсиски, индейски и славной антиохии и иных градов удельных князей и принцов обладатель и повелитель. И сталъ царствовать со супругою своею и чадомъ своимъ, ни от кого не бояшася—что везде людие и грады ево, а к тому ж славою и честью произошелъ. От всех странъ и земель посылающе ему дани. И жилъ яраполъ цесаревичъ много летъ, такожде и отиде в вечной покой, а царство и протчии грады приказалъ сыну своему такожде творити, яко отецъ. Ево храбростъ(ь), ево честь — иная история: слава отцу ево и похождение прочеся.

ИСТОРИЯ О ЯРОПОЛЕ ЯРОПОЛОВИЧЕ БЫТЬ ТАКО:

По смерть ярапола цесаревича остался в нееве граде царствовать сынъ ево, славный и храбрыи яраполъ яраполовичъ, и мат(ь) ево. А после смерти отца своего дванадесяти летъ обучился еилосоеніи и ко всемъ наукамъ, и живяще в славе велицей. И тако мать ево любяще, яко зеницу ока, весма храняше и бѣрегоша.

И какъ приде возраста своего пятнатпати летъ, сталъ во стремя отца своего ярапола цесаревича. Тогда яраполъ яраполовичъ все по своему переменял и часто сталъ в поле ездить и обучатися к воинскому делу, и какъ бы искусно себя показат(ь), какъ грады брать и како приступы учреждат(ь) и в воинскомъ деле распоряжение иметь.

И в некое время поехалъ искати по край моря всяких разныхъ вещей и наехалъ на столпъ и, стоя подле его долгое время, удивлялся, самъ глаголя: «слути мои! что сеи столпъ стоитъ? чего ради и кемъ поставленъ?» Они же глаголаху: «великий государь! какъ ходилъ родитель вашъ с силою своею, с того времени поставленъ сеи столпъ! а того не знаемъ, для чего поставленъ, и сказат(ь) не знаемъ!» Тогда ярапол яраполовичъ призва из войска своего старших и нача спрашивать. И оныя объявили ему: «ваше величество! которые про сеи столпъ знаютъ, оные во граде находятся!» А какъ услыша прочие, тогда скоро, по приезде во град, повелелъ сыскать таковых знающих про тот столпъ воинов, которые при отце ево находились в походах. И нашель оных малое число, и те уже весма престарелы. Глаголя имъ: «господа мои! поведаите мне, какъ вы ходили со отцом моимъ на караблях моремъ? чего ради на бѣрегу, на высоком месте, поставленъ столпъ? и я того ради сему удивляюся!» Оне же глаголя: «мы, государь, ставили сеи столпъ для приметы,—что мы взяли на острову морском град, зело красенъ и богатъ, в небытность родителя вашего, а в том граде владела младая девица, в котором граде и оставили мы войска десят(ь) тысячъ, а ея не взяли,—того ради чѣс ростомъ мала, летъ седми, и для того поставили примету!»

И то слыша, ярапол яраполовичъ возрадовашеся не малою радостію и оных воинов одари и отпусти их, а сам скоро повеле набирати войско, которые служили отцу ево и их дети. И вскоре набра войского (sic) тритцат(ь) тысячъ, самъ приде к матери своей глаголя: «всемиловитая государыня, моя матушка! прошу васъ не оставит(ь) насъ! дай мне свое матернее благословение: азъ хошу итти по край моря—увидет(ь) градъ отца моего, кой взят незапно, и что есть в немъ иная принцеса, которая им владеетъ! азъ о сем до сего числа не знаю!» Слыша от него мати такая речи, восплакася: «чадо мое, любѣзныи ярапол яраполовичъ! предаещи печали сердцу моему! какъ азъ, горкая, много при отце вашемъ вдовствовала, а нынѣ уже наипаче! и много мне будет слезъ проливат(ь), и весма рыдаю! ах, сладкое мое чадо! аще

же желаешъ, поплемъ войска своего и выбѣремъ избранныхъ людей—чего ты желаюши, то тебѣ и привезу! а ты, чадо мое, буди при мне и весели мя в печали моеи!» Онъ же глаголя: «никако, государыня моя матушка! без очей своихъ что посылатъ(ь)? аще я самъ пойду и что сотворю, то с верностию! толко прошу, даи мне благословение,—аще ты не отпустиши, будещи роду своему убица!—азъ в печали своей отиду от сего мраморного света в жизнь вечную! тако мысль моя припала погуляти и потешится!» Слыша мати ево с плачемъ глаголя: «чадо! како меня оставляеши в несносной таковой великой печали? толко прошу недолгое время ходити, и пиши до насъ куранды месечныя: где станешъ обретатися, а я всегда буду радоватися!» И потомъ поклонясь матери своей и повеле войску своему готовитися и повеле 6 караблей изготovitъ(ь), что поидетъ моремъ ко оному острову, глаголя себѣ: «отецъ мой грады бралъ на земли—азъ стану искатъ(ь) на островахъ градов на мори!» И скоро утверди путъ(ь) свои и соредилъ карабли и нача сорежати. И весь градъ ево провожаху, такожъ и мать ево, нача плакати и рыдати. Онъ же глаголя: «не плачи, моя милостивая государыня матушка!» И скоро взоселъ на карабли и повелелъ парусы подняти и побѣже скоро. И какъ станетъ против того столба и побѣже прямо. И бѣжаше три дни, не виде ни града, ни острова. И послаша воиновъ своихъ для пресной воды на питание. И оные воины поплыша, и видя островъ малы, и приплы ко острову и хождаше искаше ручей и видя трехъ человекъ и скоро бегуща за ними. И вскоре оныхъ поймаще, глаголя имъ: «какие вы люди?» Они же отвеща: «мы люди града рафоля, славной и прекрасной великой государыни принцесы еодоры! а отцы наши бывали невели града и великого цесаря ярапола моаеовича. И какъ карабли разбиша, тогда государя нашего унесоша бурей морскою, а отцы наши на своихъ карабляхъ сеи градъ взяши и посадиша во граде насъ, десятъ(ь) тысячъ воиновъ. И мы от оныхъ отцовъ родились!» Тогда воины, слыша отъ своихъ, глаголя имъ: «господа, вы есть наши, а нынѣ нашъ государь на корабляхъ—ездимъ и васъ ищемъ,—не можемъ натти: понеже столбъ найдоша, а острова не видахомъ: понеже с нами великого государя сынъ ево яраполъ яраполовичъ воинствуетъ!» Они же глаголя: «мы приплыли для промыслу рыбьево,—только пожалуйте помедлите у насъ, или изволте воду наливать в бочки, которая у стану нашего течеть ключъ-вода, и сия добрая!» Оне же, слыша, возрадовашеся, что воды привезутъ и весниковъ, которыя покажутъ градъ. Оныя же рыбаловы

нача грузитъ(ь) соимы свои рыбою и нагрузиша три соимы. А оныя воины нагрузиша водою и побѣжали. И видя на караблях, яраполъ яраполовичъ глаголя: «у нашихъ воиновъ прибыльъ есть,—какие то взяли три судна!» И скоро прибѣжа (къ)кораблямъ и возвестиши, яко нашли трехъ человекъ нашихъ воиновъ, бывшихъ детей ихъ ис того града. Тогда яраполъ яраполовичъ, слыша сие, радостию наполнися и повелелъ оныхъ вскоре представити предъ себя. А какъ представиша, они же, видя его, не знающа, толко поклонилися глаголя: «недалече, государь, нашъ градъ сеи! толко пожалуй и, государь, уволь насъ напередъ бѣжать съ рыбою! а вы на насъ смотрите и идите во следъ в лехкихъ судахъ малыхъ воиновъ за нами и пустьъ в подзоръ бѣгутъ, а мы, какъ будемъ во граде, возвестимъ отцамъ своимъ! А вамъ, государь нашъ, такъ итти—будетъ великой уронъ силе твоей!» Тогда слыша яраполъ и сотвори тако,—отпусти ихъ и далъ имъ злата и сребра много и за ними отпусти воиновъ своихъ. И какъ бѣгуща недолгое время и видя островъ велми прекрасенъ, а сквозь того острова течеть река великая. И видя воины градъ, удивилися зело красоте ево, и оныя рыбаловы глаголя имъ: «пойдите в камышки и помедлите малое время до нощи, а мы о семъ возвестимъ родителемъ своимъ!» А сами поидоша во градъ, сказавше отцамъ своимъ. Они же рече: «пойдите и скажите воинамъ, дабы государь нашъ шелъ на своихъ карабляхъ, а мы все в готовности будемъ!» И оныя весники сказаше воинамъ. Воины скоро побѣжаще хъ караблямъ своимъ, возвестиша все подробну скоро. И яраполъ яраполовичъ скоро повеле парусы подымати и побѣже. И какъ ко граду прибѣжалъ, тогда ево воины, которые во граде, отвориша врата и пустиша. И нача по граду бѣгати, и бысть страхъ. А оныя воины зъ детьми и зъ женами своими стречаху глаголя: «радуися нашъ великий государь!» Тогда слыша, принцеса ужасошася и скоро повелеша взяти блюдо золотое и накласти драгихъ каменіевъ и скоро понесоша. И видя яраполъ красоту лица ея глаголя: «госпоже моя! сеи градъ—мой, взятие отца моего!» Она же глаголя: «великий государь! и азъ есмь твоя!» И взя ево за руку и поведоша в полаты и нача пити и ясти и веселитися. И яраполъ цесаревичъ глаголя: «пречеснейшая дево! слушай словесъ моихъ! азъ прибылъ во твои градъ, понеже мысль моя приспе,—нынѣ азъ хочу ты себе пояти в жены!» Она же глаголя: «пречесный и великий государь! уже и тако долгое время служанку свою оставилъ!» И утвердилъ градъ, а прекрасную

принцесу поня себѣ в корабль и следовалъ до своего отечества и прибѣжа к матери своей и бысть во граде ево радость.

А когда предсталь пред матеръ свою глаголя ей: «государыня мати моя! азъ ездилъ и нашелъ лѣбедь бѣлую и возымель поняти ея себѣ в супружество!» Тогда мати ево глаголя: «чадо мое! буди благословенъ на веки!» Тогда оной цесаревичъ посла ей стречю, девицъ искусныхъ и протчихъ госпожъ разумныхъ. И какъ оныя придоша на карабль и видя лице ея велми прекрасна, засмотрешася, глаголя: «нынѣ, радуися, всемилостивейшая наша государыня великая принцеса! буди до насъ милостива, какъ матушка нашего ярапола яраполовича!» И вси ей поклонилася до земли,—она же, всемъ повеле уста и руку целовати. И поведоша ея с радостію великою и сретоша ея со тинпанами и со гусли. Тогда яраполъ цесаревичъ скоро приде и взя ея за руку. И она мати яраполова стречю невест(к)е своей, поя ея за руку и лобыза глаголя: «любѣзная моя невестка! бѣреги мя нынѣ при старости моеи! азъ ты стану любить, яко сына своего роднаго!» Она же слыша, падоша пред ногами ея, глаголя: «премилосердная моя государыня матушка! азъ уже роднаго своего государя отца не помню и от матери осталась мала и глупа! нынѣ познаваю вы, милостивая моя маты, прошу бѣреги мя!» И бысть радость велия и воцарилсѣ, и бысть цесарь и всеми землями обладатель и повелитель. И како отецъ ево писалсѣ, тако и онъ. И какъ радость минувше, и зрит яраполъ цесарь: «однако жъ бѣжитъ куриеръ!» и скоро металсѣ во дворецъ, самъ падоша на колени, глаголя: «ах! всемилостивый государь яраполъ цесарь! что ты изволишь пити и ясти веселитисѣ? а того, государь, не знаешъ, что салтанъ турецки не устоялъ в данномъ своемъ пороле, в которомъ по жизни государя вашего батюшка(и) выбилъ (?) чрезъ посланного поединшника, которонъ турокъ престолъ свой здалъ сыну своему, а сынъ ево не таковъ сталъ в житиі жить и часто поношисѣ (сиша) отца своего, глаголя: «где слыхано, что ты приложилсѣ в дань, а я нынѣ (не) хощу тако быть!» А которая сила оставлена была государемъ батюшкой твоимъ,—повелелъ из града выгнать(ь), а иныхъ и под мечъ склонилъ, а достальная сила наша разыдошасѣ по другимъ градамъ, которая под державою твою. А самъ яряся глаголя: «нынѣ бы азъ переведалсѣ с ним!» Тогда слыша цесарь яраполъ яраполовичъ воздохнулъ из глубины сердца своего, глаголя: «сеи есть бусурманъ—не знаетъ вышняго бога!» И бывшая радость вся претвориласѣ(ь) в печаль. И вскоре повелелъ(ь) войско собирати по всемъ своимъ градамъ и

набралъ войска 100,000 тысячъ, и повелелъ устроити карабли, чтобъ ему не темъ трактомъ, какъ отецъ ево ходилъ, чтобъ притти незапно такъ, какъ придетъ яко левъ изъ вертепа. И скоро сотвориша 20 караблей и повелелъ собратися и сорежатиcя. А самъ пошелъ к матери своей, глаголя: «премилосердная и милостивая моя матушка! нынѣ дай мне благословение—пойду на супостата своего! толко прошу сожителницу мою не покинь!» Она же слыша прослезися, глаголя: «любѣзныи сынъ мой, ярапол цесарь едиnorodныи! что ты изволишь говорити о супруге своей: понеже мне, яко ты,—бес тебя чадо стану зрети и радоватися на нее, яко на тебя! толко прошу и молю, чадо, похрани матери своей тело, чтобъ мне при тебѣ умерети! аще сего дела не сотворишь,—несть сынъ мой! аще пришло куриэра, то скоро буди до нас! хоть какая тебѣ нужда,—покинь, призваи нынѣ, сладкое чадо и свет очей моих! не можно ли сего сотворити—послатъ(ь) болшаго воеводу, а тебѣ, чадо, зде быти?» Глаголя ярапол: «всемиловитая моя государыня матушка! ежели послатъ(ь) мне, то не будетъ ничего (потому) что турокъ силою своею великою всехъ побьет, а бѣс пастыря овцы все разыдутся, а онои воевода придетъ в робость, то всю силу потеряет,—а какъ самъ буду тут, во очию моею будутъ стоять!» Потомъ пришед до супруги своей, глаголя: «любѣзная моя цесарева! живи и во всемъ слушай матери своей и моеи!» Она же слыша такую речъ, падоша на кирпичной пол и столь жестоко разилася(ь), что изъ рту и изъ ушей бысть кровъ(ь): «ох, несчастливая азъ, |горкая! на семъ мраморномъ (?) свете! что сотворилось—выкатется зракъ изъ очей моих! ах, надежда моя! како оставляеши и како покидаешъ? и насколько летъ быти разлучной отъ любви твоеи сердечной? ох, всешедрыи боже! возложи сию разлуку на нашего супостата и неприятеля, которой разлучаетъ со милымъ другомъ!» И плакала горко. Глаголя предстоящій: «великий государь! какъ былъ прадеть твои агарянинъ всего при походе, не велеша плакати, но радоватися, а онои былъ ѳилосов и зналъ знамение небѣсное и земное, и что творитца, и что деется, и позна смерть батюшку твоему и себѣ!» И то слыша, ярапол цесаревичъ запретилъ и нача сорежатиcя с радостію велию, и пошли на карабли и раздели, ко- ему воеводе на которыхъ быть карабляхъ. А самъ в замке. И провожда мати ево и супруга и все граждане с великою честію. И какъ пришел на карабль и воскрыча громко: «ну, вскоре творите поход!» И какъ забили в бубны и в политавры, яко великой громъ загремеша. И поднявъ штандарты и распустиша на карабляхъ ѳлаки

и ямичахъ на удивление всему граду невенскому, что вси людие дивожанеша, яко лутчше. И подняша парусы и побѣжаща по морю. И все людие невені града остапашася.

А когда ярапол яраполовичъ бѣгуще моремъ 8 днен и прибѣгоша ко острову тому, где строили прежнихъ карабли отцемъ ево, глаголя тогда воины ево: «нынѣ, государь, не далече трактъ итти намъ сухимъ путемъ до града столного византи!» Потомъ еще бѣжаще 5 днен и присташа ко берегу и видя, хождаше табунны великия коней отца ево и скоро вышли ис кораблей ополчашеша. И нача оныхъ коней имати и обучати каждой воинъ по 3 коня, а еще оныхъ множество остапеша и разбѣгошася. И тут цесарь ярапол яраполовичъ подивившася сему. И какъ въ путъ(ь) свои шествовалъ и отдалъ приказъ воинамъ своимъ: «идите смирно и тихо, чтобъ насъ никто не видалъ и идите опасно!» И сколько время ехаше и узре градъ турецкой апонъ, весьма великъ, и проити ово нелизи. Тогда ярапол воинамъ своимъ глаголя: «пойдемъ и возьмемъ!» И тогда увидя изъ града идущу ко граду силу великую, не стѣши битися и отвориша врата градския и вси людие града апона изыдоша во стретение отъ велика и до мала, стречаху и кричашу: «здравствуй, нашъ великій государь, ярапол славныи цесарь! мы бо не отступимъ отъ тебя, государя нашего!» И приня ихъ честно и разоставиша силу по квартирамъ. А по величеству того града токмо силою яраполовою захвативша едину третъ(ь), а 3 долии остапашася. Токмо становили по два человека, а славного цесаря ярапола яраполовича в особые богатые убранные в полаты. И стоялъ цесарь 2 мѣсяца. И в то время доидоша вѣсть ко царю турецкому султану, что боленъ градъ апонъ взятъ и заседаетъ и немъ пришедшии грозныи цесарь ярапол яраполовичъ. Царь же султанъ повеле весниковъ казнити смертию, глаголя: «цесарь(ь) яраполъ помер!» Тогда жъ пришедъ другия весники сказаше: «о пречесныи великні царю султане! заседаша градъ твой великій апонъ славныи и храбрыи во бранехъ яраполъ яраполовичъ, славного жъ и храброго во бранехъ отца ево ярапола сынъ, и хочетъ итти до нашего великого града антиохі¹⁾ за то, что ты не сохраниши данной отца своего король—нынѣ яро будетъ и отмститъ ево твое смятение и ругательство: слышно намъ о семъ, и мы вашему величеству возмещаемъ!» Тогда слыша турецки царь(ь) глаголя: «нынѣ разумехомъ, яко сынъ ево!» И повеле скоро писати указы, дабы со-

¹⁾ Вероятно, км. «византии».

биралася сила во град столный византию, а самъ утвердил караулы великия во все страны турецкия. А оныя указы дошли пашам и тайшамъ, царемъ и княземъ, которые под державою ево. И оная сила собралася многое множество. И придоша во град византию и собралася войска 1000000 миллионов; придоша восемь пашен. И то видя, цар(ь) салтанъ салтановичъ возрадовался, глаголя: «нынѣ радуюся и веселюся!» Мало еще спустя, приде некий царь с силою своею, а с нимъ два паши силныя и храбрыя войны, а войска с нимъ 104000 сто сорокъ тысячъ. И цар(ь) салтанъ велию радостію наполнися, яко: «нынѣ надеюся на бога своего махомета—не боюся нынѣ сего: силу ево давомъ задавлю!» И оной яраполь яраполовичъ сталъ соряжати с войском своим и пошелъ из града апона. И такъ идетъ смело, и не дошед до града византии 7 миль, и вскоре послалъ посла и написа листъ, а в листе пишетъ тако:

«Невейского града, аравииского, тирского, тарсииского, индійского, витанского, иныхъ многихъ градовъ повелителя и обладатели цесарь яраполя яраполовича. Пишу до васъ бѣзумному царю турецкому, что ты бѣзумиемъ своимъ сотворилъ мне трубацію и людей моихъ прирубилъ, а инныя бѣз вести пропало! како отецъ твой далъ на себя (обѣщаніе), что дават(ь) дань и давалъ! что смертное бысть побоище, и ты; супостатъ мой, что сотворилъ?—заповед(ь) отца своего преступилъ! нынѣ азъ пришелъ до васъ и за твою насмешку узриши самъ, что азъ тебѣ сотворю! не надеися на силу свою, яко сила твоя — паутина мизгирева! азъ нынѣ на то придохъ, что грады твои раззорити до основания, а силу твою под мечъ склонити! а за твое преступление и превознесь еси, яко гордыя фараоны! и я во что вменилъ отца своего заповедь! О семъ писавыи до васъ цесарь антиохійски и невейски и иныхъ многихъ царствъ и градовъ и великихъ земель обладатель и повелитель ярапол яраполовичъ!» Взя листъ, запечаталъ и выбралъ достойного мужа, глаголя ему: «иди, смотри, слушай, внимаи, разумеи!» И далъ ему четыре на десят(ь) храбрыхъ юношей, одари ихъ великими дарами и отпусти вскоре.

И какъ посолъ с юношами принявъ листъ, и отдали поклонъ до земли. Седохъ на кони и поехали. И какъ стали подезжат(ь). близъ града византии, увидевши турки, подхватя ихъ и представили оныхъ предъ салтана. Тогда салтанъ, видя посла, повелелъ своимъ пашамъ принести листъ, распечатавъ повеле читати. И слыша царь в листе укоризныя слова, разярился, повеле посла посадити

в темницу со отроками и повелелъ своимъ, чтобъ имъ продавати воду по рублю ведро и харчевые припасы всякой дорогой ценой, а самъ собралъ пашей, и тайшей, и везировъ глаголя имъ: «каковы придумаете о семъ злодее моемъ? что пишетъ мне на укоръ? и азъ не отпущу посла его—сказню смертию!» Тогда предстоящия предъ нимъ паши, и тайши, и везири глаголя: «никако, государь, нигде сего не слыхано и не видано—чтобъ пословъ казнити и морити голодомъ: оной творитъ по повелению государя! И ты такожде пошлешъ, что у насъ сие будетъ и тошнее сего! А колми паче уедають о семъ иностранныя государства,—изъ разныхъ нации орды все возстанутъ на тя, и житие твое будетъ худо, а къ тому уже и намъ отъ всехъ земель не пособитися будетъ! Лутше, государь, отпиши ему, что творите бои(?) или иное что! толко дай известие въ семъ посланіи! А ежели государь не сотворитъ сего, то онъ премудростию своею, что сотворитъ, яко отецъ его творилъ: то всехъ насъ попленитъ и убьетъ, а намъ тебя, государя нашего, жаль и за твое царское величество рады умретъ!» И то слыша царь глаголы ихъ, повелелъ посла выпуститъ(ь) и определитъ(ь) (въ) посольскіе полаты и ихъ поитъ(ь), кормитъ(ь) и честоватъ(ь), яко протчихъ пословъ, а самъ сталъ писати листъ такимъ образомъ:

«Превысочайшему великому и возвышенному царю царемъ, цесарю цесаремъ, грозныи въ бранехъ и силныи витезъ ярапол ярополвичъ! чего ты ради возвышаешия, яко богъ великій? или ты изъ мертвыхъ восталъ? и пишешь мне грубно, якобы ты такъ, яко богъ,—а силы у тебя противъ меня немного! А у меня силы, яко песку морскаго! И тутъ я не превозношусь и не похваляюсь! али ты противъ нашихъ боговъ: аполона, артемиды, дея—большей нашъ богъ аполонъ и махометь? О семъ прошу съ тобою ратися, а не хочу итти тебѣ въ дань подъ державу твою и платитъ(ь) тебѣ дань, какъ отецъ мой пошелъ отцу твоему. Азъ того не сотворю, но имею съ тобою баталию! И кто кого побьетъ, то въ тогдашнее время что сотворитца! Писавши до васъ турецки царъ(ь) салтанъ». Запечатавъ и отдаде послу глаголя: «лучше бы отошелъ и силы бы напрасно не тратилъ!» И одарилъ посла съ юношами и отпустилъ. И жилъ посолъ въ граде византии двенадцатъ(ь) дней. И какъ посолъ получилъ листъ и прибылъ предъ государя своего и подаде листъ и нача на словахъ во первыхъ рассказыватъ(ь), что было надъ нимъ и тако: «государь нашъ, говорилъ салтанъ—лутче бы отъ града отступилъ, нежели силу свою напрасно тратилъ!» Цесарь яраполъ, тогда распечатавъ листъ, прочетъ, а самъ расмеялся глаголя: «съ силъ

ным и з гордымъ богъ противится! Никогда не отступлю—прииду в славе отца своего и получю историкю!» И какъ ночь настала, приступили ко граду ближе и отабарился за три милы, и приказал силе своей за едину милу копати ямы глубокаишия, и во оныя наливати смолы и класти хворостие и во все страны на три версты яму возле ямы и засыпати песком. Только на едином месте повелелъ поставитъ(ь) телегу ордынскую, а во оной телеге, дабы былъ воинъ со огнемъ—зажегъ бы едину яму и в телеге, а самъ бы бѣжалъ в полки!» И единой ночью сотворилосъ(ь) тако. И какъ турецки царь силу цесареву повелелъ захватитъ(ь) и ударитъ(ь) в бубны и в политавры и приказал отворити врата и выславъ всех на брань. И какъ вышли, что силы сполна такъ много, какъ песку морскаго. А когда ополчились и забили в бубны и в политавры и распустили знамена, и какъ ударили во все бубны и в политавры, и бысть, яко громъ,—только стали метаться. И какъ(ь) ярополъ цесаръ(ь) повеле войску своему убраться чесно и удивительно и velmi украшено. И какъ ударили в бубны и в политавры и бысть, яко громъ великий, что невозможно слышати от грома того никакого гласу. И оной яропол цесарь раздели войско свое на три части и пошелъ до тех ямъ, а оныя турки, не зная, что цесаръ(ь) премудростию своею сотворил, идуть бѣзопасно ко оным ямамъ, а яропол цесарь сразился с турками. А оной воинъ, который в телеге былъ, зажегъ в телеге и въ яме зелие и смолу. Загорелся, яма от ямы, и бысть великой пожаръ и дымъ и не стало свету отъ курения зелья. Тогда яропол цесаръ(ь) зашелъ по дыму наперед и нача турецкое войско сетчи и рубити, яко лесу на ниву клонити: иныя горелца и иныя въ ямы падаша в огонь, а протчия бѣгуща—то всех их под мечъ клонят, а от стону и от крику человеческого земля вся стонаше. И на всех нападе страх и ужасъ. Рекоша турки: «ох, премудрейшии воине и цесарю! кому тако опричь васъ сотворити? что силы было—единымъ днем побилша!» И то видя, турецки салтанъ убояшеся, повеле град и врата укрепити, дабы не вошелъ. Что сеи страх и ужасъ на всех бысть, и оной цесарь ярополъ ярополовичъ повелел ни единого оставлять живаго—всехъ побилша, а самъ сталъ за две милы и сталъ пленятъ(ь) и рубити их улусы. И не оставил ни единого. Видя же во граде, людие все страхом одержимы, и которые были во граде пашы, и таишы, и везири приидоша ко царю и глаголя: «что сотворим нынѣ? яко сеи цесаръ(ь) пуще отца своею премудростию! никакъ с неба падоша

богъ их руски силны! что ты сотворилъ еси? яко мы во граде живы будемъ, — лучше намъ волею своею здадимся и отворити врата, а тебя мы выдадимъ руками! ты сие сотворилъ зло—понеже лутче бы намъ дань даватъ(ь), нежели нынѣ злую смерть принять!» Глаголя царь: «стойте крепко во граде, да не дадимся! а вы меня хотите изменить? хочетель всех повелю казнити смертию!» Слыша сие слово бысть во граде плачь и стонъ великой, а в поле бысть великой же страх, смрад и духъ от тель человеческих и горечь, первое от смолы, второе от крови и от тель человеческих и от конских. И сталъ великой духъ в полках цесаревыхъ и стали мереть. Тогда цесаръ(ь), видя сие, повеле от града отступить за 60 миль и сталъ в чистом месте и в темных лесах, покуда очистят трупы человеческия и конския. И в таком сталъ месте прекрасном, что всякой оwoшь, а которыя турецкихъ припасы и казну всю взялъ с собою. А какъ яраполь отступилъ от града, царь турецки еще послалъ указы, чтоб брали силу, з головы на голову — еще хочет датъ(ь) баталию. И еще собра войска 3 милиона 80 тысячъ. Придоша по другую страну; того ради что стоит цесаръ яраполь грозный—все страхотъ одержимы. И как уведомился цесаръ, яко придоша силы много, и стал совет советовать(ь): «братию, какъ быти, дабы силы не утратити? азъ не уступлю такъ—не отоиду.... что супостата своего. Поколѣ что не отсидется ему во граде! поидем под вторую страну. где сила ево стоит. Посмотрим, сколько или б ктобъ **присмотрел** силу ево мне (и) возвестить!» Тогда вышелъ воевода, **именемъ иванъ**, а по их званию яганъ, глаголя: «прикажи, государь, азъ изведу силу ево и даи мне на волю, сколько возму людей с собой, и выберу 20 человекъ и поеду в полки их и посмотрю! только прикажи намъ надети турецкое платье,—азъ языкъ ихъ и заговоры знаю! еще просим, даи намъ коней сто, и мы погонимъ коней, будто для их надобности от некоего турецкого князца и тако сотворимъ и силу ево усмотримъ, а ете кони будут сами назат!» И то слыша цесаръ подивившася разуму ево глаголя: «помози тебѣ, друже мой!» И скоро нарядились, будто б оной яганъ пашъ турецкой, а другие—в подобие янычанъ. И взявъ кони и погнаше в силу турецкую. И зазря сила, встревожилася, яко идет грозный цесаръ(ь). И видя люди немного своих янычанъ и пашу сидящаго, и скоро учинили стречу, поклонившася глаголя: «откуда, силный паша? Онъ отвеша: «до вас прибылъ и пригнал коня; и было у меня много силы, понеже попалъ на це-

сарскую силу и силу мою побииша—только осталось коней и насъ малое число!» И турки рады—не знают— что шпионы. И взяша ево чесно в полки свои. И оной воевода, ходя по их полкам, смотря и видя всю силу, переписа на картине; самъ глаголя: «братия, надобно послать до корму своих янычанъ — понеже намъ будетъ глад! станемъ ясти их!» Они же глаголя: «пречесны паша! извол(ь) тако творити!» Пришед, селъ на коня, глаголя имъ: «прикажете, господа, из своих дать мне янычанъ до 10 человекъ—оныя ваши янычана останутся для пашения лошадей, а я со своими назад буду!» И скоро сотвориша тако и погнаша кони и прискакаша въ полки, глаголя: «слеталъ азъ, государь; и вот тебѣ привелъ весниковъ — сиі поведаютъ тебѣ!» Тогда цесарь яраполъ, смотря, дивившася, какъ сотворилъ и силы более прежняго. И повеле янычан пред себя поставить, глаголя имъ: «скажите сущую правду и ничего не утаите—уже азъ васъ не отдамъ и живите у меня во услугах, яко мои воины, и вы такожде!» И оныя янычана рады бысть и сказа сущую правду,—понеже люди все плохие и не ученые и взяты в скорости з головы на голову. И слыща цесар(ь) раздели их по полкам и одари их златом и украси их платнемъ. Они же радовахуся, яко богъ избави их из руки врага. И какъ ярапол отступилъ с места и пошелъ храбро. И слыша в турецком войске, все ужаснулись и стали все изумлены. И оной цесарь яраполъ стал за пятнатцат(ь) милъ и разоставилъ шатры, и такъ украсил, что удивительно смотрет(ь). И какъ наспе ночь и повеле яраполъ своему войску делати по три человека шары великия, а оныя шары были бы внутри пусты и насыпати серы и лити смолы и делат(ь) во оных шарах ѳитили и зажигати. «И какъ сразимся и бросати в полки их—и нам будет лутчее, а к тому ж и урону силе мало будет!» Слыша воины глаголя: «великий государь! со тщанием сие сотворимъ!» И сотвориша в скорости, и оной цесарь глаголя: «господа мои! какъ поедемъ на битву, тогда оныя шары возити на конех, каждой на своемъ коне—а 2 человека просты! Только сразимся—и вы бросайте—уже сами покатытся в полки!» И того цесарь выступилъ въ поход, и завидели турки, яко идетъ грозный яраполъ, и скоро устремишася и не биша в бубны и в политавры, скоро сели на кони побѣжали скоростью, дабы ево с места збить. А цесар(ь) бросился на них, а оныя нача под ихъ бросати шары с ѳитилими. И загорешася катишася в полки турецкия, и бысть великой пожаръ, и гореша кони, и сами ту-

рецкое войско. А цесар(ь) кругом их обшель и стали рубити, яко капусту кроштити, и смешася все полки и не знают, какъ от огня укрытися, или отъ мечей избавитися, или от копиев свободитися. И тут цесар(ь) всех побиа, что ни еднь не остана, яко от крови ихъ великия ручьи протекоша. Такую себѣ славу получили. И цар(ь) видя, паде на него страх и ужасъ глаголя: «о богъ, что мне не помогаешъ? воистинну их богъ силенъ во бранех!» И самъ не со многими людьми побѣгоша из града на море и бегуша во иерусалим, дабы дать укрытися. И бысть на море буря земная и нача их бити и биша их сутки и разбиша. И тут салтанъ цар(ь), яко еараонъ, в море утопаша, и которые были с ним все утонуша,—только остана два везиря и пришли в византию и поведаша вся бывшая и какъ побиа силу. И скоро поидоша во град и все стречаху ево, а во граде бысть плачь, и стонъ, и вопль неутешны, жалобу творяще на царя своего салтана: «онъ навель сию печаль на нас, что растались с отцами своими, также и супругъ своих отстали и братей!»

А когда цесар(ь) ярапол приде во град с войскомъ своимъ и послал из града людей градских, чтоб тела мертвых погребли, дабы духу не было. И тако сотвориша и убирали 8 дней, а сами удивляхуся глаголя: «како сколько было силы падоша, а у грозного цесаря только сто тысячъ урону бысть!» И пребысть во граде и пришедъ, сказаше, что: «повеление ваше сотворили!» Тогда глаголя яраполь яраполовичъ войску своему: «аще кто желает женитися, бѣрите во граде семъ! азъ пойду во отечество свое к матери и супруге и пойду по морю воинствовать!» А во граде утвердилъ всех и сказалъ пашам, и тайшам, и везирам: «вы от себя избирайте царя, а мне присылайте дань, что мною положено будетъ! и ежели опят(ь) сотворити, то азъ буду и до основания раззорю! а я нынѣ оставляю силы своеи вамъ для всякой опасности 60 тысячъ! азъ с собою возму сорок тысячъ!» А какъ поехалъ и какъ мати ево наказывала посылат(ь) куриэровъ и жилъ во граде 2 мѣсяца и сталъ сорежатися. Поидоша темъ же трактом, какъ шелъ вперед. И скол(ь) времени идоша, тогда градъ от града провождаху с великою честию и славою неизреченною. И какъ яраполь проидоша все грады и земли, и пошелъ к морю въ 40 тысячах и нашель остров, и ополчися на немъ, и разоставил шатры. И какъ приспе ношь, стался шум великой и шипъ, и в людех крикъ, и многие люди, кто бѣз руки, иной бѣз ноги, а (у) инного и главы нету! «Ахъ! к(то) сие тво-

рит(ь), увидеть невозможно!» И скоро о семь возвестиша глаголя: «великий наш(ь) государь! были твои баталии жестокия и великия, и тут людие не тратились—нынѣ сею ношю до 100 человекъ утратилис(ь): кто бѣз ногъ, иной без рукъ, а инныя бѣз главы!» Тогда цесарь яраполъ яраполовичъ глаголя: «како сие дело удивительно! и смотрите следов,—какой есть, звериной ли, или птичей, или змеиной? узрети,—то скажите мне: азъ сам посмотрю и познаю!» И тогда бывшу утру и начаша смотрети—следу никакого не бысть. И искаша долго, толко по край моря наидоша главу, руки да ногу человеческую. Тогда пришедъ сказавше: «великий государь! искахом и ничего не обретохом, толко нашли по край моря главу, руку да ногу человѣческую, а болше ничего нет!» Слыша цесарь, удивишася сему, что «такое аще здесь стоять, то много силы потерят(ь)», глаголя: «сию ношъ отдаите приказъ, чтоб никто не спалъ, всякой бы свои огонь клалъ,—авось узрите, кто тако действуетъ! и в те поры скажите мне, а буде от сего места отстугити: понеже конемъ корму не будетъ!» И слыша воины приказъ государя своего воинов¹⁾, каковы люди, не будет ли урону. И умысля, како быти и определил из полков своихъ триста воинов: «идите и отведайте из луков, или копьями, или саблями—Чего они боятся? аще вамъ в немочь и силны будут, то все приступъ учиним! а вы подайте мне вестъ!» И оные воины придоша ко граду, а град весь железной: устроены ис такого железа, яко на подобие сребра чистаго сияеть и врата медныя, меди казулчетой, которую из моря выбрасывает на волнах. И стоя воины никакo имъ возможно приступитьсѣ: понеже лушное стреляние, копья и сабли—ничто не бѣреть. И нача толкаться во врата медныя. Тогда во граде бысть шум великой и прилетеша оныя люди, языку в разговоре несть,—на подобие, яко гуси, гоготаютъ,—ничего не умѣютъ; и бросаешся изъ их един на воинов и побиша единымъ махомъ до 30 человекъ, крыльями своими убиша, а крылья их, яко острия бритвы. И то видя, воины побѣгоша от оных людей, яко их не преодолеши—вельми есть силны. Прибѣгоша в полки и возвестиша о том цесарю яраполу, яко весма. силны и храбры. И тут ярапол цесар(ь) скоро повеле рубит(ь) сухой камышъ, такожде и траву сухую, а камышникъ сухой повелель носити к тому граду и кругомъ окласти. А какъ день настанет, тогда во граде ни единого оных

¹⁾ Передъ словомъ «воиновъ» очевидно, пропущено слово, напр. «выслѣдить».

людей нетъ, и отлетают до единого человека, а куды отлетают, того неизвестно. А во оном граде женского полу ни единой несть. И какъ оныя б люди были все женской и мужской пол, то б все были воины. И скоро воины цесаря ярапола повеление исполниша и все о том цесарю сказавше, что «устроили твое повеление!» И какъ ночь настала, тогда цесар(ь), сам вооружась, сел на коня своего и повелелъ войску своему итти за за собою—300 воинов вооруженным, а войску приказъ отдаде, чтоб были на случаи в готовности—неравныи случаи будет происходить(ь). И поехалъ и повелелъ оное хворостие и камышь зажечи, и бысть пожаръ великой, и раскалишася стены града, и оныя люди начаша метаться и бросаться от жару! такого, и крылья у них гореша, врата же растопишася, и все те люди в том огне пригореша—войско же его в недоумении весьма похвалили: «премудростию своею какие вредные случаи изводит! что сотворил! и от кого такую сильную науку восприял еси! все яко от своего разума и силою своею творяше помочь!» И какъ утихло, тогда пошелъ во град и видя их многое множество летяще горелых, смотря их и видяше женски полъ между ими. И хождаше по граду долгое время и наидоша пещеру и видя, что оная пещера насыпана драгога камня сапориу. И повелѣ строити суда и бѣжати моремъ для изыскания своих прежних кораблей. И жить тут две недели, и сотвориша суда малыя, якоб сести по 100 или по 200 человекъ. Толко построиша государю своему болше судно, дабы в него многлюдно вошло во оныя суда с великим богатством. И поплыша моремъ и плыша 12 дней и узреша на острову велии прекрасенъ градъ и зело удивителенъ. И еже увиде на оном острову ходяще скотъ разного роду, тогда цесарь яраполъ яраполовичъ глаголя войску своему: «ступайте прямо на сей островъ!» А какъ сей град завидели, и еще до него плыша три дни, а когда приплыша до берега, и скоро войско ярапола яраполовича поместашася на брегъ и ополчишася, и поидоша полками, и поидоша с споспешествованием ко граду. И видя того града жители такую украшенную силу, возвестиша своему градодержавцу, глаголя «великии нашъ государь! яко некая сила приидоша ко граду нашему, а о чемъ, и чего ради, и кто таковыя, и чья сила—не сведомы!» Онои же живущей в том граде принцъ повелелъ вскоре град утвердити. И какъ цесарь яраполъ яраполовичъ прииде ко граду и остановился за 3 версты от града и разоставил шатры и распределил полки свои. А град устроенъ из дикого камня и

велми крепокъ зело. И сталъ цесарь яраполь яраполовичъ говоритъ(ь): «господа мои храбрые воины! какъ намъ градъ сей испытати? аще намъ в семь приступомъ приступити,—то намъ приступомъ не взяти, что камень весма крепокъ, и оружия, и снаряду такого нѣтъ! я вамъ согласую, во первыхъ, изведатъ(ь), кто в немъ управитель, и какия люди? а нынѣ намъ сей градъ разбити вскоре никакъ не возможно!» А какъ оной принцъ, смотряи со стѣны града своего со своимъ войскомъ, нача дивитися такоі силѣ и изукрашению. А в томъ граде оружия никакого нѣтъ и не знаютъ, что есть оружие, а толко у нихъ, вместо оружия, камень пущаютъ—и темъ бьютъ зверя, и птицу, и темъ питаешся. И яраполь посла войско¹⁾ своего для пробы десятъ(ь) тысячъ ко граду. И видя граждана, яко сила ево идетъ. И какъ много принцова сила собишася на стѣну, и яраполово войско остановились за едину версту. Тогда спустиша со стѣны из ремней своихъ камение и столъ(ь) много, яко градъ или дождь уподобися тому, и такъ мелко, что вся сила смятошася, и побилъ 200 тысячъ единымъ залпомъ. И видя оной воевода скоро отступи далѣе и скоро мертвыя телеса погребеша, а о семъ возвестиша государю своему, како многия были баталіи, а урону силѣ такового не бысть—а нынѣ великой уронъ сотвориши, что уже и всемъ живымъ не быть. Тогда слыша, яраполъ яраполовичъ прослезился, глаголя: «Боже мой, отецъ и сынъ и святой духъ! что сие творитца надо мною! а отступить не могу—понеже бралъ многия грады: такового случая не бывало, како нынѣ надо мною творится и сколько потерялъ силы своей!» И повелелъ войску своему копати подкопъ, и стоялъ мѣсяцъ, и подкопъ сотвориша среди града. И какъ время приспе и поидоша во градъ и скоро из подкопу вышли и воскрыча все единогласно и нача рубити и сечи, и бысть во граде страхъ великъ. И оной принцъ, слыша такое дело и несчастье себѣ, скочилъ изъ полатъ своихъ на землю и умертвиши. Тогда цесаръ(ь) повелелъ предстать отъ сечи, и поидоша в полаты, и видя преукрашение драгими камыками. И какъ утру бывшу и лежитъ силы многое множество, а которые остались живые люди—женска полу, и еще обретоши муского полу двадцатъ(ь) тысячъ. И браша оныхъ в дополнение своимъ воинамъ

¹⁾ Обычное въ повѣсти склоненіе слова «войско» (им. войское, род. войского, дат. войскому) выше мы не разъ передѣлывали на современное.

добрых и избранных людей, которые 2000 побилъ каменнемъ. И тут цесарь засель во граде и сталъ спрашивать: «како сему граду имя и какои имъ владель (принцъ)?» Они же глаголя: «пречесненшии и великии и славнии цесарю! мы не помнимъ, кто строиль сей град, и кто управител(ь) былъ—мы живемъ во граде, а имя граду не знаемъ, а промеж собою выбираемъ управителя повсегодно!» И тѣ слыша ярапол яраполовичъ отъ нихъ такие речи, скоро изъав изъ своихъ воеводъ и утвердилъ градъ присягою и посадилъ управителя.

Потомъ жилъ во граде немногое время, сталъ оныхъ жителей спрашиват(ь): «поведайте мнѣ, слышали ли вы по градъ невею? далече ли растояниемъ и сколко ходу. Они же глаголя: «мы живемъ, государь мой, многое время, а не знаемъ, где невея градъ! и драки у насъ ни съ кемъ не было—только съ вашимъ величествомъ, а оружия у насъ нѣтъ, и не знаемъ, а мы на твоихъ воиновъ удивляемся!—ныне станемъ такожде исполняти по твоей воли!» Цесар(ь), слыша, опечались о семъ, како зашелъ далеча отъ града своего, какъ не попалъ на свои тракты, и повелелъ строити карабли. И какъ устроиша, повелелъ воиску своему грузитися златомъ и серебромъ и драгими каменьями и пошелъ на карабляхъ моремъ и бежалъ долгое время. И видя островъ великой и преукрашенной древесами различными заморскими и разное благоухание отъ оныхъ исходяще вонъ, велми полезно человеку. А на томъ островѣ завиделъ градъ каменный, башни и стрелницы устроены и велми изукрашены. И сталъ у того острова, отредилъ 5000 тысящъ воиска ко граду оному. И какъ сила придоша и стаа близъ града, увидя того града людие, что придоша за сила и стояша у острова много караблей; и убояшеся, возвестиша о семъ своему градодержавцу. Онъ же посла изъ града воина силнаго и храбраго витезя, да спроситъ и осведомится: «кто таковъ, и откуда, и како пришелъ?» И выехалъ изъ града храбро весма и скакаше на конѣ, яко соколъ. Приехавъ къ силѣ и снялъ съ себя шлемъ свои со главы своеи, глаголя учтиво: «бутте здравы, господа, како сѣмо прииде?» Они же глаголя: «мы бѣжамъ по морю и видели сѣи островъ преукрашенной нашъ велика! государь удивившася зело, и увидевша сѣи градъ, и отредилъ насъ, что за градъ спросити, кто во граде управитель, кто и како ему имя». Они же глаголя: «нашъ государь — славнии цесар(ь) яраполь яраполовичъ, которои многие грады и царства подъ руку свою взялъ и приклонилъ многие орды! нынѣ идохомъ во отечество свое, во градъ невею!» И то слыша,

воинъ глаголя: «отступите вы от града нашего — мы живемъ во граде люди волные и никого не боимся! а управитель нашъ— из насъ же, которого полюбимъ, того и выбираемъ! а насъ во граде 40000 тысячъ, а все люди храбрыя и сильныя! И слыша воины цесаревы глаголя: «и у нашего великого государя силы на сих караблях сто тысячъ, а в других градах оставлено сметы нетъ!» И оной воинъ ударил коня и улетелъ от них, яко соколъ, во град свои и рассказал вся бывшыя: хто приде и какой человекъ. Слыша воины глаголя: «что хочет?—творити баталию с нами, или хочет град взяти?» Онъ же глаголя: «азъ того не знаю,—только воины ево храбрые же!» И послал ис полков весника до цесаря, и какъ выехалъ храброи воинъ и что говорил. Ярополь глаголя: «како ево единого не взяша такой силою? азъ бы спросил под подобострастием!» И скоро повелелъ войску своему готовится скоро, только повелелъ для опасения караблей оставилъ тысячу, и самъ пошелъ ко граду и ополчился. И видя то из града, яко уже приступил цесарь и разоставилъ шатры на удивление. Самъ взя свои лукъ крековистой и написал яглыкъ: «господа волные люди! здатися бѣз бою и бѣз драки и бѣз кровопролития великого! или скоро выезжайте из града на бои, что не бояшеся великих миллионов — а вы хвастайте и похваляетея 40000 тысячами! нынѣ изволте ехати ко мне на битву, или отворите врата града своего, да внидемъ с миромъ и кровопролития никакого не будетъ!» И во уши стрелу на титиву положилъ и выстрелил такъ сильно, что поставилъ среди града. И то видя, подхватили стрелу, и взяв писание, прочтоше всех земель люди есть и нача думатъ(ь), како делать: битися или здатися. Глаголя: «пойдем битися, нежели намъ здатися! аще здадимся — нечестъ будет наша!» Такжеже написаша и спустиша стрелу; только не тако пала стрела, яко цесаря. И узнаша, яко некрепки силою. И скоро подхвати стрелу и принесоша цесарскому величеству и повелел читати, а во оном писме пишетъ тако:

«От болшаго управителя и от людей волныхъ славному именитому цесарю ярополу яраполовичю посылаем здравие! только заутра в половине дня зж(д)и гостей своих и уготови намъ всяких кушаньевъ, чемъ бы намъ прокладится,—понеже мы люди гладныя, давно не едали,—человеческих глав давно не снимали! рады мы съ тобою веселитися. Яко сладкого меда пити—такое съ тобою битися! аще твоя рука на нас будет—те(бѣ) мы покоримся под державу твою, а буде мы тебя побѣдимъ — и порубимъ, а

иных въ полонъ возмемъ, а карабли твои возмемъ на дуванъ!» Тогда цесарь, слыша такое грубое писание, возярился крепко, глаголя: «прежде бога нашего судите, кому владыко поможет!» И оное письмо передра, бросилъ, а сам собралъ воинов своих и отдал приказъ, чтоб скоро камышъ душляной и сухой возили, и копали бы рвы неглубокие, и клали бы камышъ во оные рвы, и насыпали дубки серой и жупелом, и смолою—наливали на две версты в длину и в ширину, и у всякого бы рва по человеку, и какъ выедут изъ града, то бы зажигали мелкое хворостию, а самы бы отезжали в полки. И тако единой нощи сотворилось. И какъ полдень наста, растворили врата и поехали наперед храбрые и сильные богатыри, а за ними сии полномощные такъ прытко, что от коней их земли колебашеся. И какъ выехали все из града и градъ затворили. А остались младыя и престарелыя и женской полъ. А какъ отехали от града три поприша и стали оныя рвы позади и в середине,—что уже бѣжати не убѣжати от огня сильного. Оныя же воины цесаревы зажгоша, а сами текоша в полки своя и скоро отъ серы, и от смолы, и от жупелу загорахаша, и бысть пожар великъ; и кони их смятохеша, и сами гореша, и бысть великий страх и ужасъ на всех, и храбрость их утолихаша. А цесарь ярапол наступилъ, яко юрелъ на малых птицъ, и раздели созади и спереди и средины и со всех странъ, сиречь кругомъ—где огня нет. И нача ихъ сечи и рубити, яко лесъ и яко добрые косцы косити траву. И бысть крикъ и вопль: «ах, премудръ есть сей цесарь! кто сие творит,—яко ис премудрых премудръ! и яко древнии цари того не творили!» Тако цесарь побиха войско храброе, а своимъ воинамъ утраты не учинилъ. А инныя кричаху: «помилуй насъ, государь храбрыи, в бранех чесный цесарю!» А иные послаша по воду, дабы утолите огонь, но пуще огонь разгораетца. И всех побиха и ни единого человека не оставилъ за то, что хотеша кушатъ. Глаголя цесарь, на мертвыя тела зря: «теперь вы сыты и пьяны—надолго будите спати!» А самъ пошелъ во град, а во граде велий стон и вопль неутешны. И видя у них много золота и серебра и драгого каменя и всяких драгих заморских вещей, велми дивихаша о сем. И повелелъ: «в карабли грузите!», а самъ оставил во граде воинов 20 тысячъ и повелелъ имъ жениться, и обогати их, а самъ недолго во граде бысть и побѣже на караблях. Уже вси карабли украсил: и парусы парчевые, и снасти шелковыя. И сколько времени бегуша морем, и видя издавеча

бегуша судно морское, облаки и выпали, яко земли венеискія—возрадовашеся. И какъ побѣжа, нача в трубу крычати: «какое сие судно и откуда бѣжитъ. Они же глаголаху: «града невели— посланы отъ всемилостивейшихъ цесаревнъ на изыскание великого и славного и храброго ярапола цесаревича: понеже матушка ево по немъ болезнуетъ, и в великой скорби находится, а инныя посланы сухимъ путемъ!» Они же глаголя: «приставай здѣсь, нашъ государь!» И скоро присташа караблями и вышли и, видя государя своего, падоша к ногамъ глаголя: «радуися, древній царю александру! во храбростехъ своихъ много бо приялъ ордъ и землю!» И бысть радость, что градъ ихъ недалеча и вожи уже есть. Глаголя яраполъ: «давно ли вы изъ града?» Они же реша: «вторыи, нашъ государь, мѣсяцъ бежимъ!» И скоро с того места побѣже, и даде имъ богъ способныи ветеръ попутной. И бѣгутъ скоро и спешно, денно и ношно. И бѣгуша две недели и прибѣжа ко граду, и видяша все убранство корабельное, удивляхуся изукрашению и сказаша вѣсть, яко: «пришелъ великій нашъ государь цесарь(ъ) яраполъ яраполовичъ здравъ и благополученъ! И то слыша, супруга ево и мати забыша свою болѣзнь(ъ) повелѣла посадити в кореты златоксванныя с невескою своею и учини в стрѣчу великую всемъ градомъ, и бысть радость великая и неизреченная веселіе на долгое время.

И нача дарити своихъ министровъ, князей, и бояръ, и весь сиклитъ свои царской златомъ и серебромъ и драгими каменіями. И мати ево впаде в недугъ и, видя свои смертныи часъ, призвала сына своего ярапола цесаревича глаголя ему: «нынѣ, чадо мое, дождалась твоихъ пресветлыхъ очей—буду погребѣна тобою и в томъ славлю бога своего! и буди благословеніе мое и царствуй во веки с супругою своею, а с моею любѣзною невескою: много она о тебѣ плакаше и рыдая, — азъ ея утѣшала! нынѣ оставайтесь з богомъ, и отцемъ, и духомъ!» Изрекла речи умре и бысть во граде плачь и рыданіе. И оной цесарь повеле слить(ъ) златую гробницу и вставляти в нее драгое каменіе и сотворилъ церемонію со всемъ своимъ войскомъ и провожалъ, и повелѣлъ положи(тъ) на тотъ же столпъ, гдѣ положены отецъ и дѣть ево агарянинъ подле отца своего, и повеле засыпатъ(ъ) златомъ и серебромъ. И положилъ на себя залогъ на 2 года все в печали бысть и черное платье носить и кликъ прокликать(ъ), дабы мерскихъ никакихъ игоръ не игради. И какъ проидоша оныя годы, и нача веселитися и радыватися и о такой ево храбрости, и о силѣ, и о разумѣ ево. Во

всех градах и въ царствах писаше похождение ево и бояшеся ево все орды и грады царства.

Тогда онои яраполъ яраполовичъ, живяще во славе своей тихо смирно, и живяше, на престоле своем сядяще, семь летъ со своею царицею. И какъ цесарева ево бысть чревата, тогда видя цесарь радостію наполнился и повеле послатъ(ь) куранты во все свои страны и грады, есть ли оилософы, чтобъ с получения курантъ приезжали во град невею и познали бы, что будетъ от цесаревны—«аще будетъ мужески полъ,—то еще поеду и погуляю по другимъ градам, ища счастье наследию своему и оборона,—аще же скажутъ, яко женски полъ, то некуда не поеду до смерти своей и стану житъ(ь) в покое и тишине, а между темъ избирать изъ своихъ сиклитовъ.

И какъ в коихъ странах и градах получили указы и нача приезжати премудрые мудрецы и оилософы, а такового не бысть, какъ былъ дедъ ево агарянинъ. А по приезде ихъ яраполъ яраполовичъ восприя ихъ с великою честию. И какъ прибылъ изъ антиошескаго государства князеи, именемъ валбаулъ, великои науки оилософъ. Толко приде к нему, поклонися, глаголя: «всечеснейшии и великии цесаръ(ь) цесаремъ, царъ(ь) царемъ! королъ(ь) королемъ! славнии и імянити яраполъ яраполовичъ! по признанию моему приездъ мой во град невею возымелъ ваше царское величество и супругу в апу цесаревну и со вновь рожденнымъ сыномъ вашимъ викторомъ яраполовичемъ поздравитъ(ь)! да будетъ наследникъ вашъ силенъ и храбръ и во бранехъ искусенъ, от котораго пройдетъ великое христианство!» И то слыша, цесарь удивившася словамъ ево, размышляя, како, не смотря по звездамъ, призналъ. И приялъ ево с великою честию, глаголя ему: «любъзнии мои друже! како сие дело мне возвешаещи?» Оилосов же глаголя: «познаваю бо по звездамъ и по планетамъ небѣснымъ!» Еще ему цесарю рекше оилосов, яко: «еще познаваю послее виктора будетъ у васъ дщерь, именемъ асилья! И будетъ велми лепа и красна, и для красоты ея будутъ во граде семъ цари, короли, князи, бояра и храбрыя витязи во службу тебѣ и сыну твоему!» И онои цесарь наипаче наполнился великия радости, и оного оилософа нарекъ древнимъ дедомъ своимъ агаремъ, а потомъ сталъ сожратца что еще ему погулятъ(ь), и на море и на карабляхъ поплаватъ(ь), и славу себѣ великую получитъ(ь). И велелъ воиску своему готовится и на карабли собиратися, глаголя: «радуется, невея граде! яко нынѣ наипаче распространится и како творити,

и како жити!» И пошелъ на кораблях и шелъ недолгое време и вышелъ на брегъ и пошел сухим путемъ. И сколько времени шелъ—мѣсяца з два и пришелъ ко граду, и видя град великой и преукрашенной, толко не зная, какія люди в нем живут и ополчися за семь верстъ и стоялъ двои сутки. Тогда видя из града, возвестиша князю своему глаголя: «великиі нашъ князе! придохомъ сила великая под град нашъ, а хто приде, того не знаемъ. Онъ же повеле послати трех воинов, да уведятъ — аще задержит двух, а единого отпустятъ—и скажите тако: яко послы мы от великаго князя без писма, како ваше величество не имени, ни отчества не знаетъ!» И оные воины поехавше. И видя сила ярополова, подхватиша и приведоша предъ цесаря, и цесарь стал их спрашиватъ(ь); они же реша: «мужия, а во граде наше(мъ) князь ансидор, и послалъ насъ государь уведомитъ(ь), хто ты еси?» Яраполъ цесарь глаголя: «азъ есмь яраполъ яраполовичъ, славныи и силныи король, многихъ градовъ повелитель и обладатель многихъ царствахъ и государствехъ! о семъ скажи, что храбреиши в бранехъ паче всехъ!» И слыша воины глаголя: «что намъ, государь, всемъ ли ехатъ(ь) назатъ, или двумъ остатися? а третяго отпусти съ отвестиемъ к нашему князю ансидору!» Цесарь же глаголя: «я посылаю всехъ, закладъ не бѣру, — понеже вси вы у меня будите в скорости!» и одари ихъ великими дарами и отпусти ихъ. Оные же воины прибѣгоша во градъ, сказаше вся бывшая о семъ, Онои же князь ансидор, слыша, собра всехъ начальниковъ своихъ, князей и бояръ глаголя имъ: «нынѣ возвещаю вамъ—приде из невеликаго града цесарь! и како вы придумаете, яко здатися, или ратися?» Они же глаголя: «како государь? невелика град силна и дална! како приде? и зачѣмъ? надобно послати посла о семъ, что у насъ есть во граде живутъ из другихъ земель три воина, силныхъ и точныхъ в бранехъ, — ихъ пошлемъ до его величества: аще у него такія люди будутъ и битися единъ на единъ,—и ежели нашихъ побьетъ, то отворимъ ворота и приедемъ с честью,—аще не побьетъ, то дадимъ ратъ(ь) и кровопролитие великое!» То слыша, князь о семъ разумевъ, глаголя: «господа, толко у него силы много, когда не избѣретъ такихъ людей силныхъ и храбрыхъ — и намъ битися не набитися! онои цесарь(ь) силою своею давомъ насъ задавитъ! зрите сами в поле, како украшены: яко маковъ цветъ!» И то слыша, князи и бояра более ответу не даде, и князь посла воина своего и написалъ листъ, а въ листѣ пишетъ тако:

«Малыи князь уделныи до вашего высокого лица униженный раб пишу! невозможно ли вашему величеству проитти мимо, а меня раба своего уволит(ь)! аще хощеши силе твоеи прокормление—воздашь, что похотят! азъ здесь живу, такового града не слыхал и ни с кемъ бою не бывало, о семъ прошу, како изволишь!» и запечаталъ листь посла до скорости.

И оной воинъ приехал к силе и повелелъ скоро о себѣ донести. Скоро пояще ево и приведоша до шетра цесарева. Цесарь прия листь и сталъ читат(ь) ево, расмеялся глаголя ему: «господине воине! скажи ему, лутче учинити стречю! а мне, что сеи градъ? понеже мне цари и короли по многой баталіи все повинуются? А вашъ князь, что мне? — яко единой минутой похищетъ будетъ! а писат(ь) мне не охото!» и отпустил ево съ ево грамотой и одарил ево. И какъ воинъ прибылъ, глаголя: «нетъ, великий князе не моги дерзнути, яко храбры и силны и ужасно зрети! а сила его великая, а все воины, и в великом убранстве! и неизволил писат(ь) к малой земли, и говорил: «азъ бирах королеи, и царей, и многихъ князей, и баталіи были многи: (побѣдилъ?) турокъ, и аравии, индея, антиохию—и те все пошли подъ державу ево! а ты, государь, извол(ь) отворят(ь) ворота и стречать ево бѣз урону нашего! какъ где стояти против ево силы!» И то слыша, князь ужасеся. повелелъ отворити врата градския и повелелъ войску своему готовитца в поход свои.

И оной князь стал стречат(ь) с воинами своими, глаголя ему: «радуися, древний александре македонски и антиохійски! извол(ь) иттит(ь) во град с силою своею и прокладитися отъ пути своего! нынѣ даюсь тебѣ под державу и стану жити под именем твоим!»

Тогда цесар(ь), слыша, глаголя: «нынѣ буди мои и живи по прежнему! азъ нынѣ не иду во град: понеже время мое приспе! толко поведай мне: есть ли впереди грады?» Онъ же слыша глаголя: «мы, государь, градовъ не знаемъ,—толко далеча от нашего града островъ великой и славной, а на том острове живетъ царь силныи и многое множество у него силы! толко сухимъ путемъ не доидеши, но караблями: понеже моих людей много зорят и увозят!» И то слыша, цесар(ь) повелелъ силе своей стояти близъ града в лагерях и ополчитися. И такъ разставили шатры и расцвело поляно маковыми цветами и всякими различными, что удивительно. Но семъ цесар(ь) пошел во градъ и повелелъ строити карабли двадцать, кои изготовили в два мѣсяца, а от того

града набралъ саров и матросов и обучил их карабѣльному делу, какъ ходитъ(ь) и какъ творить по морскому случаю и сотворил на каждом корабле по компасу. И какъ бѣжати начал по трахту, где такой град стоит, и оныя карабли устроиша в скорости. И оной цесаръ(ь) подивившася сему строению и одари их своею казною и стал въ карабли соряжати и убирати. И скоро нагрусился и пошел на карабли и провождаху ево вси от мала до велика. И оной цесаръ(ь) повелел поход бити в бубны, и в поли-тавры, и во свирели; и в сиповки, что все граждана устраши-шася и удивившася, что не слышали и не видали такового. И оной цесаръ(ь) повелелъ парусы поднять и простился со княземъ, а князь, смотря издалеча, удивляхуся сему глаголя: «еще богъ помогъ мне тако сотворити и избавитися от смерти!»

Тогда оной цесаръ(ь), бѣгуща денно и ношно, и набѣжа карабль, опасно хождаше в море, и скоро оной полониша; и взя людей две тысячи, стали их спрашиватъ(ь): «чеи сеи карабль(ь)? понеже не торговой, но инои! поведаите ми бѣз мучения!» Оне же глаголя: «града мы великого и славнаго азмория, того ради, что блись моря силного и грознаго царя мездурея. Того ради имя ему дано, что нет никому спуску—что бьетъ и побивает своими руками! и мы ево, ходим по морю для опасу, аще по насъ—то разбиемъ, аще не по насъ—возвещаем—то не увидет!» Глаголя цесарь: «далече ли сеи град вашъ?» Они же реша: «недалече!»

Великий государь и цесарь повелелъ спустити десятъ(ь) чело-векъ, дабы возвестити царю своему. Они же бѣгуща скоро...

IX.

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОМЪ КУПЦѢ ІОАННѢ ИОПРЕКРАСНОЙ ДѢВИЦѢ ЕЛЕОНОРѢ

(Рук. Имп. II. Библ. Q. XVII № 235¹).

Въ новгородскомъ уѣздѣ росіискаго государства, во градѣ старои русѣ живяше нѣкій купецъ, именемъ іоанъ евдокимовъ, имѣяше жену именемъ евдокію, въ богатствѣ своемъ невесма достаточенъ, идля своего торгу отъ ѣзжалъ всанктъ петербургъ. А когда торгомъ своимъ собралъ капиталу болѣе, то вздумалъ преѣхать изъ старои русы въ санктъ петербургъ, что по прозбѣ пріятелей иучинилъ, и попереселеніи своемъ нача торговати кораблями повсѣхъ приморскихъ городахъ. И торгуя въ правдѣ и послушаніи препровождаше все дни свои ико всемъ свои братьи купцамъ, такожь и честнымъ господамъ услугу чинилъ, чемъ кому возмогъ подостатку своему.

Тои купецъ имѣлъ усебя сына, іоана же имѣнемъ, еще въ малыхъ лѣтѣхъ; и егда отлучался куда для торгу, то всегда бралъ съ собою сына своего для увеселенія, а паче для науки. Сынъ же его іоанъ ростяше при отцѣ своемъ инавыкаше къ торговле. Акакъ приспѣ возраста своего седьми лѣтъ, то отецъ его поручи ево нѣкому благоразумному мужу безъногому для обученія росіійской грамотѣ читать и писать. Іоаннъ же, приидъ

¹) Повѣсть эта печатается впервые; раскрыты титла, введена современная пунктуация.

къ тому учителю, живяше у него во всякомъ послушаніи и уча-
 шеся съ прилежаніемъ, а когда учитель пообычаю своему въ
 праздничныя дни отъ ученія давалъ свободу для гулянія, тогда
 іоанъ никогда, якоже бѣ обычаи прочимъ отрокомъ, для гуля-
 нія отъ двора своего не отхаживалъ, авмѣсто того, зашедъ въ
 нѣкоторое сохранныя мѣсто, учащеся. И потому своему прилѣж-
 ному ученію вскорое время грамотѣ читать и писать обучился
 и часть математическихъ наукъ изучилъ. А потомъ пришедъ ко
 отцу своему и нача говорить ему: «государь, мои батюшка, по
 приказу вашему учитель обучилъ меня читат(ь) и писать, та-
 кожъ и часть математики умѣю!» Отецъ, видевъ сына своего
 обучена книжной науке, взялъ его отъ учителя и велелъ быть
 присебѣ для записокъ поданныхъ (проданныхъ?) товаровъ, по ко-
 торымъ запискамъ собиралъ онъ заотправленные товары денги.
 Іоанъ же живяше прі отцѣ своемъ во всякомъ послушаніи и бѣз-
 лѣности тру(ди)ся въ торгѣ; акакъ пріа возраста своего въ
 пятнадцать лѣтъ, тогда отецъ ево для обученія иностранныхъ
 наукъ отослалъ во французской городъ паришъ и вручилъ одному
 знатному купцу, именемъ анисъ мальтикъ. Іоанъ же, пріѣхавъ въ
 паришъ къ реченному купцу мальтику, который принялъ его
 благосклонно и приказалъ ему быть при немъ. Іоанъ же жи-
 вяше у купца того немалое время и во всемъ ему послушливъ
 являшеся и пребываше тихъ и кротокъ. И хозяинъ же, усмотревъ
 иоанновы во всемъ острыя поступки и вѣрныя услуги, призвавъ
 ево къ себѣ, поручилъ ему приходящихъ товаровъ пакгаузныя
 ключи и учинилъ ево у себя прикащикомъ. Онойже купецъ имѣлъ
 усебя единого сына, еще во малыхъ лѣтѣхъ, и дву дочерей и одну
 препорученную ему гишпанскаго купца дочь девицу, именемъ
 елеонору, весьма добродородну и красну лицемъ. Іоанъ же пребы-
 вавъ каждой день на канторѣ, порученной ему отъ хозяина, ко-
 тор(а)я кантора была подлѣ каморы елеонориной. И водно время
 случилос(ь) іоанну быть на канторѣ для отправления въ росію
 почты; хозяина же ево вто время на канторѣ небыло. Написавъ
 письма и запечатавъ въ ковертъ, хотѣлъ итти вонъ, нечаянно
 вздумалъ: «пойду и посмотрю елеонору, о которой многократно
 слыхалъ!» И пришедъ ко дверямъ каморы елеонориной, отворя
 тихо немного двери, увиделъ елеонору въ одной исподницѣ
 предъ зеркаломъ стоящую и убирающуюся въ драгоцѣннѣе платьѣ;
 и видѣвъ красоту лица ея, которая пробилъ у него сердце, яко
 острою стрелою, и говоритъ самъ себѣ: «недаромъ де говорили,

что елеонора прекрасна, чему я неимѣлъ вѣры, а нынѣ исамъ вижу, что красота лица ея нелицемѣрная! ищастливъ бы былъ тотъ человѣкъ, скоторымъ бы имѣла елеонора амура!» А (послѣ) заперши тихо дверь, пошелъ вонъ засвоимъ дѣломъ и, идучи, думалъ, какъ бы возможно съ елеонорою случай къ любви имѣть; и многіе втомъ дни препровождалъ, авсе имѣлъ въ мысли елеонору, какъ бы съ нею любовь (любовь) имѣть, чего ради всякіе ей услуги показывалъ, авсе наамуръ склонялъ. Многую сумму денегъ изнурилъ, а любви съ елеонорою неполучилъ. И нѣкогда случилос(ь) іоанну, вышедъ испокоевъ и стоявъ на крыльцѣ, разговаривать разные речи съ елеоноринымъ камердинеромъ селибрахомъ [имя ка(ме)рдинеръ(а?)] и разговоры съ нимъ у(по)требляя іоанъ для того, чтобъ какимъ нибуть способомъ чрезъ него, или кого другаго, съ елеонорою любовь получить. И вто время случилось елеоноры потому крыльцу итти съ тремя знатными девицами. Іоанъ, видѣвъ ихъ, учтиво и поклонился и, попросе- ствіи ихъ, началъ говорить селибраху, чтобъ онъ постарался ему купить къ натуральной трости набалдашникъ. Селибрахъ оную рѣчь ево уразумѣлъ и обѣщался тѣмъ ему услужить. Елеоноражъ, идучи по крыльцу и видѣвъ селибраха, разговаривающаго соіоан- номъ, отозвавъ камердинера, сказала ему: «поди ты ко іоанну, немѣшкавъ!», а притомъ дада ему одну бошьшую (большую) бу- кашку, которую приказала іоанну пустить нагалстукъ, чтобъ он- того не видалъ, а потомъ (сказать): «ах! господинъ іоаннъ, сколь хорошо ты убрался, только впи съ галстука снят(ь) не дога- дался!» Селибрахъ поприказу елеонорину учинилъ, и данную отъ елеоноры большую букашку іоанну нагалстъ тихо поло- жилъ и вышереченные елеонорины слова ему говорилъ и въ тотъ же часъ у него букашку съ галстука схватилъ. Іоаннъ же, пришедъ отъ того въ великой газардъ, отъ чего здѣлался в лицѣ его превеликой жаръ, и едва отъ стыда на ногахъ усто- ялъ. Елеонора же вто время, закрывъ лице свое платкомъ, сильно смѣялась и тихо говорила: «или сеи селибрахъ имѣетъ великую смѣлость въ (поступ)кахъ своихъ, что онъ такъ васъ обижаетъ! я мню, что конечно чрезъ сіе вамъ онъ вѣсти объявляетъ!», а по окончаніи сихъ словъ усмѣхнувшись, пошла в свою камору. Іоаннъ же, усмотрѣвъ во перьвыхъ къ себѣ елеонорину склон- ность, апотомъ пошедъ въ свою камору и былъ въ великомъ раз- мышленіи, думал, какъ бы наилучче особое пріятство съ елео- норою присовокупить, и немогъ инаго никакого ктому дѣлу

способу нани токо, чтоб чрезъ письмо поутру увѣдомить и просить приѣзности, и «ежели неполучу милости отней, то скоро поѣду коотцу своему въ росію!» Ипотомъ размышленіи легъ на свою кроват(ь), только не могъ уснуть чрезъ всю ночь, авсе думалъ о еленорѣ, какъ бы съней сердечную и вѣрную любовь имѣть. Акакъ сталъ быть день, Іоаннъ, вставъ съ постели своей, оделся въ богатое платье, сѣвъ за столъ, къ еленоре красными чернилами (написалъ) письмо, которое было писано сидцевымъ образомъ:

Любѣзнѣйшая еленора,
милостивая государыня!

«Вчерашнего числа ваша милость первыми своими пріятными словами изволили одолжить ивнутри сердца моего огненное, огненное пламя воспалить и въ великое уныніе привѣсть! и нынѣ прошу сіе мое письмо разсмотреть и въ моемъ уныніи хотя малое веселіе учинить и принять меня, бѣднаго, ксебѣ вѣлюбовъ, за что до смерти моей вамъ всякіе вѣрные ирабскіе услуги чинить готовъ! а порукою даю я посебѣ всецѣдраго Бога, да въ ево милости любѣзно поживемъ лѣта многи. Ежелижъ неизволишъ комнѣ милость показать, товоуѣки небудете очей моихъ въ париже видать! ожидаю отъ васъ отвѣта, остаюся искатель вашей любви въ пріязнь склонный и вѣрный слуга

Іоаннъ».

Понаписаніи писма запечаталъ своею печатью чернымъ сургучемъ, накоторой изображенъ былъ корабль съ вензелемъ И. Е. Потомъ, пославъ за еленоринымъ камердинеромъ селибрахомъ, которой нимало мешкавъ пришелъ къ нему, аіоаннъ въскочи смѣста своего припаде къ колѣнѣмъ его на(ча?) ему говорить: «любѣзныи мои селибрахъ, покорно прошу тебя показать сомною милость, какъ ты мнѣ прежде обѣщался содержать тайно, что отъ меня тебѣ приказано!»—«О, милостивой государь, отвѣчалъ селибрахъ, почто такъ себя изв(о)лите трудить и непомоему достоинству прошеніе приносить? я вамъ, государь мой, и прежде обѣщался служить, а нынѣ наипаче, кленусъ тебѣ небѣснымъ богомъ, что до послѣднаго моего издыханія, въ чемъ мочь моя будетъ, вамъ служить буду, и что отъ васъ мнѣ приказано тайно хранить и никому несказывать!»

Іоаннъ, взявъ состола письмо, отдал селибраху и говорилъ: «любѣзныи селибрахъ, отнеси ты сіе письмо къ госпоже своей елеонорѣ и вручи ей честно и чтобъ она на мое письмо поскорее о(т)вѣтъ прислала!» и подарилъ ему десять гривенъ серебряныхъ. Селибрахъ, взявъ письмо и подарокъ, общался госпоже своей вручить и впредь всякую услугу чинить. Потомъ, поклонясь іоанну, пойдъ отъ него и пришедъ въ камору елеонорину, увидѣвъ еѣ сѣдѣющую одну въ великомъ размышленіи и началъ ей говорить слѣдующую рѣчь:

«Милостивая моя государыня, сего часа шелъ я мимо каморы іоанновой и слышелъ его поюща арію весьма печальну, которую я выслѣпавъ, нѣсколько въ памяти моей имѣю. Ипоокончаніи ево аріи отворилъ я дверь въ камору ево, увидѣлъ іоанна, сѣдѣща на кровати и держаща въ рукахъ письмо. И онъ призвалъ меня къ себѣ, просилъ, чтобъ я то ево письмо вручилъ вашей милости!» Потомъ селибрахъ подаль госпоже своей елеоноре іоанново письмо, елеонораже, принявъ отъ селибраха письмо, той же минуты распечатавъ, прочитала, потомъ разсмѣявшись мало, сказала: «о, боже, что въ семъ человѣке находитца, отъ котораго я быть ненадѣялась!» А по окончаніи сихъ словъ взяла перо и написала наоборотъ тогожъ письма сицевымъ образомъ:

Господинъ іоаннъ!

«Дивлюся я такой твоей смѣлости, что изволишь меня утруждать! вѣдаешь и самъ, что небѣзвеликаго труда мнѣ стобой любовь содержать! хотя ты желаніе свое въ скоромъ времени и получишь, толко мню, что въ томъ здоровье свое несколько погубишь!»

Елеонора

И написавъ письмо, запечатала въ конвертъ своею печатью краснымъ сургучемъ, на которомъ изображенъ былъ вѣнзель Е. А., и отдала камердинеру своему селибраху, приказала отнестъ и отдать іоанну. Селибрахъ же, принявъ письмо и поклонясь, поиде изъ каморы вонъ.

Елеонора по отшествіи селибраховѣ пѣла арію наминаветъ:

«Колико нынѣ, во злѣйшей годинѣ» и прочая.

Іоанну же въ то время, когда елеонора пѣла арію, прилучилось итти мимо ея каморы, у которой немного было дверей отворено. Остановясь слушалъ немалое время и, какъ выслушалъ, пошелъ въ свою спальню и селъ на кровати. Въ то время во-

шедъ къ нему селибрахъ и подалъ отъ елеоноры писмо, которое принявъ, распечаталъ и читалъ. Апопрочтеніи внемалое размышленіе пришелъ, однакожъ малую склонность елеонорину къ себѣ усмотрѣлъ. Потомъ благодаривъ селибраха и сказавъ ему, что(бъ) онъ шелъ за своимъ дѣломъ, ибо «я имѣю нѣкоторую нужду!» Иселибрахъ, поклоняс(ь), поидъ отъ него досвоихъ покоевъ.

Поотшествіи селибраховъ пѣлъ іоаннъ слѣдующую арію на-миноветь:

«Ей, престань крушится, можешъ веселится!» и проч.

Елеоноражъ, отперши тихо мало дверей, которые были отъ елеоноры воіоаннову камору и слушала арію. Акогода іоаннъ окончилъ оную, елеонора пошедъ къ поставцу, взявъ серебряной подносъ идвѣ чистаго серебра чашки, которыя были весма високой работы, иналила въ нихъ сладкой вотки, потомъ взявъ серебрянную стопу, наливъ въ ней старенбургскаго богатаго пива, и взявъ подносъ въ правую руку истопу влѣвую, отворила укамеры дверь.

Іоаннъ же, увидѣвъ идущую къ нему елеонору, тузь минуту въскочилъ сосвоей кровати, а елеонора, вошедъ вкамору, говорила слѣдующія речи:

«Любѣзныи іоаннъ! зри въ рукахъ моихъ сіи три сосуда чистаго серебра, изнаполненные напитками, понеже чрезъ мѣру пріятныя твои аріи побудили меня бѣзъ всякаго стыда отворить укамеры твои двери! И прошу, чтобъ непричестъ мнѣ въ вину, ибо безъ всякаго резону вошла къ тебѣ въ камору!» Апоокончаніи сихъ словъ, сѣла ко іоанну на кровать и нача паки говорить ему: «любезнейшіи іоаннъ! покорно прошу васъ съдѣлать мнѣ одолженіе,—изволь выпить сію чашу вотки беззадержанія, а я другую выпью—ещежъ и сію стопу обще выпьемъ пиво, и не будемъ боятца никакого дива!» Потомъ іоаннъ съ елеонорою по чашкѣ вотки, такожъ истопу пива выпили илюбѣзно цѣловались (понеже въсіе время, какъ елеонора была у іоанна, хозняка дому того, а еѣ тетка исъ детьми своими, а еѣ сестрами, въ домѣ небыла,—сидѣла уодного пріятели въ гостяхъ. Елеонора оставалась одна дома, будто находитца весма больна головою); потомъ елеонора начала говорить слѣдующую речь:

«Любѣзнейшіи мои іоаннъ! прошу комѣ непременно писать, итакъ можешъ къ любви склонность сыскать!» Въ то время вошелъ къ нимъ камердинеръ еѣ селибрахъ, объявляетъ выше-реченныя тетки еѣ (съ) сестрами пріѣздъ. Елеонора жъ больше

речи непродолжала, простясь соіоанномъ, в(с)коре для встречи теткы и сестръ побѣжала; ивстретивши ихъ, поцѣловались. А большая сестра, зовомая анна марія, догадалась, что елеонора соіоанном олюбви совѣщалась, и вошедъ въ свою камору, въскорѣ краткое письмо написала, и въ скорости ко іоанну сосвоим камердинеромъ дальбахтомъ послала, которое письмо писаніе имать сичево:

Господинъ Іоаннъ!

«Почто сіе ты сотворилъ? вѣдаю я, что ты елеонору къ себѣ прельстил! хотя ты счастье съ нею получалъ, только здравіе свое погубил! буде здравіе свое обѣрегать желаешь, почто склонности мо(е)и къ себѣ неприобщаешь? прошу здравія своего побереги, аменя къ себѣ въ любовь прима (sic). Остаюсь искательница любви вашей

Анна марія

Камердинеръ, приѣмъ отъ госпожи своей письмо, итогожь часа вручилъ іоанну. Іоаннъ, сіе письмо прочитавъ, внемаломъ размышленіи былъ, апотомъ вставъ скровати, говорилъ далбахту: «господинъ далбахтъ! изволь отъ меня госпоже своей объявить, что я въ краткое время имѣю честь обо всѣмъ писмомъ представить!» И далъ далбахту пять гривенъ серебра. Далбахтъ, поблагодаря ево, поиде къ госпоже своей, а пришедъ къ ней, объявилъ вышереченные іоанновы слова, а заданные ему подарки преднею іоанна благодарилъ.

Іоаннъ же, поотпешествіи далбахта, легъ насвою кровать и всю ночь вослечахъ безъ сна препровождал. Акакъ сталъ быть день, воставъ онъ съ постеле своей, инаписалъ къ елеоноре письмо, которое имать писаніе сичево:

Любѣзнѣйшая Елеонора,

Моя государыня!

«О, коль вельми вчерашнего дня оказанная любовь твоя меня побудила и великое пламя горячности въ сердце мое въложила, которое никакіи доктор неможеъ врачевати и никакою росою погасити, отъ которой я нынѣ умираю, асвами особенное нечто говорить желаю! ежели соизволишь меня несчастнаго въ сеи послѣдній смертный часъ посѣтити, то изволишь все препоны наши усмотрети, и убійцу изволишь познати, которая желаетъ насъ стобою погубити! болѣе писать немогу, понеже умъ главы моея

помутился и свѣтъ въ очахъ моихъ помрачился! прошу меня уврачевати, данебудешъ, яко убійца, страдати, аежели притти ко мнѣ ускоришъ, то припишу на моемъ сердце корысть и вѣрность моя до гроба неоскудѣтъ!»

вашъ, милостивая государыня,

вѣрныи въ любви іоаннъ

Понаписаніи запечатавъ письмо черным сургучем и призвавъ къ себѣ преждедеченнаго елеонорина камердинера селибраха, отдал ему письмо и велелъ отнестъ къ елеонорѣ и притомъ подарить селибраху шелковыя чулки, асамъ паки повалясь насвою кровать, аки внѣ ума. Селибрахъже, поклонясь, поиде къ госпоже своей и принесъ къ елеоноре посланное съ нимъ отъ іоанна письмо ей вручилъ, и все подробно ей объявилъ о немъ. Елеонора, распечатавъ письмо, прочитала и отпечали вослезахъ едва сказала: «ахъ, небѣса, что такъ сотворяютъ? насъ свозлюбленнымъ іоанномъ разлучаютъ! итогожъ часа пошла ко іоанну. Растворивъ двери у каморы ивидить іоанна, лежаща накроватѣ, въ великой болѣзни, и, облившись слезами, пала ему нагрудъ и любѣзно ево цѣловала. Потомъ, снявъ со своей руки золотое кольцо, отъ любви ево подарила и слѣдующую речь говорила: «любѣзнѣйшіи мои іоаннъ! что над тобою учинилось? отчего на-сеи кроватѣ лѣжать прилучилось? о бѣзчастная елеонора! нынѣ видишъ любѣзнаго своего на одрѣ лежаща присмерти!» И залившись слезами, немогла болѣе отъ горячеи любви слово промолвитъ. Іоаннъ же, видѣвъ елеонорину вѣрную и сердечную любовь къ себѣ, селъ на кроватѣ своей и говорил слѣдующую рѣчь:

«Любѣзнѣйшая елеонора, вчерашнего числа запалила ты огненный пламень въ сердце моемъ, котораго никакіи доктуръ излѣчить неможетъ, аты, моя дражайшая, хотя сей часъ иускорила, но наипущей жаръ во мнѣ умножила, а въ болезни моей способу неучинила. Прошу сіе мое дерзновеніе преложить воблагодареніе! хотя вы моя любѣзная исватья (?), прошу васъ извольте скидывать платья, и насеи моеи кроватѣ ложитца, и какъ вамъ пріятно, такъ будемъ веселитца!» Елео(но)ра, видя іоанна въ великомъ жарѣ любовію къ ней знатна, неотрекласъ скинуть съ себя платья. Когда на кровать ко іоанну ложилась, тогда въ любви ему наипаче пріятна явилась, инесколько времени въ любовныхъ забавахъ пребывали. Потомъ съ радостію здравы иве-

сѣлы встали, полюбѣзномъ союзѣ. Елеоноре іоаннъ многіе речи говорилъ иприсланное отъ анны маріи писмо объявилъ. Елеонора оное писмо прочитата ипопротченіи, заплакавъ, слѣдующую рѣчь сказала: «о, несчастная фортуна, что такъ учиняешь? по-что насъ сълюбѣзнымъ разлучаешь? о, насытая утроба извѣрское анны маріи сердце! что втомъ тебѣ заприбыль—насъ съ дражайшимъ ивозлюбленнымъ мною іоанномъ разлучати? или желаешь убійцей мнѣ быть?» Іоаннъ въ то время елеонору держалъ у себя наколенехъ, иговорилъ: «любѣзнейшая елеонора! изволь быть бѣзопасна, я нежелаю, кромѣ васъ, другую любить! и чтоб анна марія могла нашу любовь разорвать, тому отъ меня никогда небывать, хотя сей часъ готовъ сме(р)ть въ жить(?) авамъ, дражайшей моей, нехощу измѣнять!»

Исіе выслушавъ, елеонора, простясь любѣзно со іоанномъ, пошла въ свою спальную камору, аіоаннъ, проводя ее задверъ и возвратясь, сѣлъ накровать и пѣлъ слѣдующую арію:

«Дражайшая елеонора! занай (sic) ты, что я вѣренъ,
и до смертнаго часа ей нелицемѣренъ!
Хотя анна марія насъ съ тобою разлучаетъ,
но сердце мое любить еѣ нежелаетъ!
Твои земфиры меня усладили,
пріятность вълюбви моеи изтебя взвеселили!
Отъ смерти меня нынѣ оживила,
иотъ злыхъ неблагодарныхъ анны маріи отлучила
и къ себѣ по смерть мою превратила!
Изволь вѣрить и правду измѣрить
всегда въ пріязни до смертнаго гроба жизни!

Елеоноражъ, попришествіи въ свою камору, выслушав сію арію, пѣла въ слезахъ слѣдующую арію наминаветъ:

«Кую препону, или премену, въ мнѣ признаваешь?
Любовь въ нас равна, ибо издавна, іоаннъ, знаешь!
Сколько досадно, сколько обидно, самъ ты, другъ, скажешь.
Проклятая анна марія'зло нанас совѣщаетъ
истобою меня навсегда разлучаетъ!
Но что нбудетъ, тому неслужить—насъ неразлучить!

Когда Елеонора и Іоаннъ пѣли, тогда анна марія стояла удвери и, выслушавъ обоихъ аріи, приш(л)а въ превеликой газардѣ. Узнавъ любовь елеонорину со іоанномъ, вельми сердцемъ распалилась и, пришедъ въ свою камору, совѣтовала со своею сестрою нервою, какъ бы іоанна съ елеонорою разлучить.

Нерва нача сестрѣ своей говорить сестрѣ своей: «государыня моя сестрица! я незнаю инаго способу, какъ толко итти мнѣ къ елеонорѣ въ камору и притворитца, бутто я ей люблю сердечно и посмерть мою обещаюсь быть вѣрною—и немогуль чево изъ еѣ слова признать, или какого писма сыскать! и ежели что ус(л)ышу, или увижу, или жѣ какое писмо найду, то все вамъ объявлю!» Аннажъ марія весма сестру свою благодарила за ее благои совѣтъ ипокорно просила, чтобъ немедленно исполнить.

Нерважѣ попрозбѣ сестры своей немешкавъ поиде къ елеонорѣ въ камору и, пришедъ къ ней, любѣзно поцѣловались съ елеонорою, а потомъ, сѣвъ на ее кровать, начала ей говорить: «любѣзная моя государыня, сестрица елеонора! покорно прошу васъ содержать меня, бѣдную, въ вашей приязни и вѣрномъ дружествѣ, ая вамъ обещаюсь господомъ богомъ до смерти моеи быть вѣсною иво всемъ послушною, ичто мнѣ отвасъ втайности сказано будетъ, никому необъявлять, ибо сестра моя анна марія меня невзлюбила!»

Елеонораж, слышавъ отъ нервы таковое прошеніе и къ тому жѣ обѣщаніе, нелицѣмерно въ приязни содержатъ) ивъ дружествѣ обѣщалась. Акакъ сїи рѣчи они говорили, то нерва усмотрела подъ подушкою нѣкоторое писмо, писанное елеонориною рукою иадресованное на имя іоанново; въ тѣхъ разговорахъ взяла ево къ себѣ, апоокончаніи сихъ словъ, простясь любѣзно съ елеонорою, ипошла къ сестре своей въ камору. Ипришедъ отѣдала сестре своей анны маріи означенное писмо.

Аннажъ марія, взявъ отъ сестры своей писмо, вельми возрадовалась неизреченною радостію, что сыскала способъ, какъ разлучить іоанна съ елеонорою. Нерву весма за то благодарила итого жѣ часа пошла къ матери своей, иэлеонорино писмо подавъ, говорила: «милостивая государыня матушка! посмотри, что елеонора дѣлаетъ!» Мать же ее, взявъ отъ дочери писмо, нимало медля иничего неговоря, пошла къ мужу своему и отдала елеонорино писмо, аіоаннъ въ то время былъ у елеонорѣ въ каморѣ, веселясь любѣзно, какъ имъ угодно, асего злоумышленнаго дѣла не знали.

Анисъ мальтикъ, взявъ отъ жены своей писмо, распечатавъ читаль, ипопрочтеніи въ немалое удивленіе пришелъ ихочетъ итти въ кантору ко іоанну, авто время случилось тутъ стоять для некотораго дѣла елеонорину камердинеру селибраху, что

видя, онъ тужминуту коіоанну побѣжалъ инеобычной хозяйской приходъ въ контору ему сказалъ, аіоаннъ, простясь съелеонорою, скоро въ свою камору побѣжалъ иприбѣжав легъ насвоей кровати, дабы хозяинъ немогъ того признати.

Потомъ въскорѣ приіде ко іоанну въ кантору хозяинъ ивидитъ ево, напостелѣ лежаща и отъ любви въ лицѣ великой жаръ имуща, а іоаннъ, увидѣвъ пришедшаго къ нему хозяина, втотъ часъ вскочи скровати и поклонясь ему пообычаю. Хозяинъ же нача ему говорить слѣдующую речъ: «коль вящая любовь помезду двумя бываетъ ивсегда живота лишаетъ! аты, бѣстыдныи іоаннъ, что мнѣ отвѣщаешъ? или елеонору напомощь призываешъ? Затоли я тебя, недостойнаго, жаловалъ, что ты надомною учинилъ такую пакость, обесчестивъ весь домъ мой и поругалъ дѣвичество елеонорино?» Іоаннъ же ничего неотвѣщаше, ибо отъ страха изъ памяти вышелъ. Ахозяинъ, взявъ ево, арестовалъ, и много надъ нимъ езжалою толстою плетью наругатца сталъ. Елеонора же сіе чрезъ селибраха услышела, закричала, ипотомъ, пав насвою кровать отъ памяти отошла. Икакъ приіде въ чувство, горько плакать стала и вслезлахъ говорила: «о, бѣсчастная елеонора! потеряла своего любѣзнаго іоанна! что сіе онемъ вѣщають! о проклятыи анисъ мальтикъ! отойди прочъ, что втомъ тебѣ будетъ прибыль? почто любѣзнаго іоанна со мною разлучаешъ ипочто такъ сильно оскорбляешъ?» И выговоря сіи рѣчи, нестерпя отъ горячеи любви побѣжала ко іоанну ипришедъ видитъ ево арестована инемилостивно плетью стегана, падъ на іоанна говорила сице: «господинъ аниса мальтикъ! за что такъ іоанна оскорбляешъ? изволь отнего отойти прочъ, понеже неможеть терпѣть сердце мое, видя такое наругательство надъ любѣзнымъ моимъ другомъ!» Мальтикъ видитъ ихъ горячую любовь, такожъ видитъ у іоанна направио рукъ елеонорино золотое кольцо ивтотъ часъ своими руками у него оное кольцо снялъ, и отовсего его отказал, апотомъ, напоследокъ, сказалъ: «иди, дуракъ, изъ дому моего! ичтобъ я тебя въ предъ въ домъ моимъ невидаль!»

Іоаннъ же отъ великихъ побоевъ едва ивсталъ, потомъ убрався, поиде къ елеонорѣ и въ послѣдніи расъ съ нею простился, которое ихъ прощаніе іслѣзное раставаніе, небезъ сожаленія всему тому дому видѣть. И поиде іоаннъ, простясь съ елеонорою изъ дому хозяина своего.

Елеоноражъ, поотшествіи іоанновѣ, пала на свою кровать и отвеликой жалости изъ памяти отошла, акогода мало пришла въ

чувство, стала неутѣшно плакать и жалостно кричать, оплакивая жизнь свою.

И какъ оной плачь и жалостный глас еленорин услышелъ мальтикъ, пришедъ къ ней въ камору, и видитъ ее необычно плачущу, что иему было небѣзсожаленія. Потомъ началъ созвѣрскаго своего сердца еленору бранить и немилостиво ругать,— еленоражъ не дадѣ ему отвѣта. И ругавъ долгое время, вышелъ отъ нѣе, а потомъ въскоромъ времени еленору не по ее желанію отдалъ взамужество того государства занаходящагося вслужбѣ лейбъ гвардіи ундеръ офицера.

Іоаннъ же, какъ услышелъ, что любѣзная ево еленора отдана въ замужество, то тогожъ часа шедъ на морскую пристань инаявъ себѣ корабль, поехалъ во отечество свое. И поприѣздѣ пришедъ къ своему, нача жить воблагополучіи, толко всегда имѣлъ въ мысли возлюбленную свою еленору, которая никогда измысли его невыходила.

ЧЮДО ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ О ЦАРЕВНѢ ПЕРСИКѢ, ДЩЕРИ ЦАРЯ МИХАИЛА БОЛГАРСКАГО.

(Рукопись Кіевск. Дух. Акад. о. л. 48¹).

Егда болгарская монократорія всякими счастливыми случаемъ изобиловаше, тогда во оной монократоріи бѣ царь зѣло преславенъ именемъ Михаилъ. Сущу же ему украшену совершеннымъ возрастомъ, начаше ему предлагати ближніи его министры, да по обычаю христіанскому пріобщится законному браку. Онъ же, преславный монократоръ и лицомъ зѣло прекрасный, неотречеся совѣта ихъ; но повелѣ имъ, да со всякимъ тицаніемъ обрящутъ ему дѣвицу равну ему, яко въ добродѣтельныхъ обхожденіихъ, тако и въ красотѣ лица. Министры же, сія слышавше отъ царя своего, великія радости исполнишася и начаша сотщаніемъ искати по всему царству дѣвицу, достойну царскому браку. И въ нѣкоемъ градѣ обрѣтоша у князя дщерь его, именемъ Александру, воистинну предивной красоты, юже посланніи видѣвше, зѣло удивилишася красотѣ ея и, преписавше персону ея зѣло искусно, послаша къ царю своему. Царь же, егда узрѣ персону, зѣло почюдися красотѣ ея, и вскорѣ повелѣ привести ю къ себѣ, со всякою честію царскою. Приведенъ же ей бывши предъ царя съ великою честію, егда же узрѣ ю царь, абіе великія радости исполнися, и вскорѣ сотвори брачное веселіе ве-

¹) Повѣсть издается впервые; раскрыты титла, введена современная пунктуация. Благодаря лкбезности проф. Н. И. Петрова и Г. В. Александровскаго, списокъ сдѣланъ для насъ въ Кіевѣ, гдѣ находится подлинникъ. Въ С.-Петербур. Публ. Библ. есть только начало этой повѣсти.

ліе, и мнози тогда короли и князи въ его протекцыи быша тамо. Браку же совершившюся и веселію мимо шедшу, и по брацѣ годищному времени прешедшу, роди царица Александра дщерь, именемъ Персику, о коемъ рожденіи веліе пиршество сотвори царь Михаилъ. Таже, Богу сохраняющу ю, нача въ возрастъ приходити. Егдаже бысть царевна Персика шести лѣтъ отъ рожденія своего, нача ю мати ея царица Александра сама поучати книгамъ божественнаго писанія, бѣ бо преисполнена всякія премудрости, и изучена всякаго любомудрія виѣшняго, а наипаче того духовнаго. И быше ученіе ея поистинѣ въ сердцѣ дщере ея вкоренено. Дѣвица бо сущи остроумна, вся глаголемая ей добрѣ разумѣваше и в скорѣ времени изучися всякаго любомудрія, яко духовнаго, тако и виѣшняго; а наипаче поучаше ю мати ея, да непрестанно во умѣ своемъ имѣтъ ангельская словеса, еже есть: «радуйся, обрадованная, Господь съ тобою!», еже она, яко остроумна сущи, добрѣ воспріять реченное; и бысть зѣло премудра, въ мѣру пришедши совершенныхъ философовъ. Бывши же ей лѣтомъ тремъ-надесятымъ отъ рожденія ея, мати ея царица Александра паде въ болѣзнь велику зѣло; и бысть болѣзнь ея тяжка вельми, яко уже ей и къ смѣрти приблизитися, призва къ себѣ единородную дщерь свою Персику, юже, яко зѣницу ока, храняше. Поистиннѣ бо, яко зѣница красна—ей же подобной ни во всемъ кружѣ земномъ бысть. Пришедши же ей, нача мати ея царица Александра поучати ю многими слезами: «пресладчайшее мое чадо, возлюбленная дщи Персика, вѣси довольно, яко не дахъ никогда же покою духу моему по вся дни, дондеже ты изучю всякаго блага, и всякое тщаніе покажахъ, да вижду ты добродѣтелями украшену, аки прекрасную маргариту. Нынѣ же, яко зриши мя, уже отхожду сея жизни; ты же, по умертвіи моемъ, потщися вся глаголанная мною добрѣ исправить. Егда же исправиши, тогда похвалена будеши, и вси возглаголють о тебѣ, яко благаго корене благая вѣтвь! А наипаче не удаляй отъ себе всецѣдную заступницу Богородицу, яже тебѣ великая мати бысть, и будетъ во всякихъ случаяхъ, сохраняя и спасая тя! поминай же и мене, мать свою по умертвіи моемъ, яко добрѣ трудившуюся о воспитаніи твоємъ и возвращеніи!» Призва же къ себѣ и мужа своего, царя Михаила, и начатъ ему глаголати болѣзненные глаголы добрая его жена сие: «преславный царю Михаиле! вѣси, яко во всякой честности дни наша препроводихомъ въ благоговѣйномъ христіанскомъ

должномъ супружествѣ, и никоего порока принесохомъ себѣ, молюже тя, послѣднее сіе прошеніе мое исполни». Сіе же царь слышавъ, со многими слезами рече ей: «рцы, возлюбленная моя, еже хочещи глаголати?» Она же рече ему: «видиши ли, господине мой, уже мя отходящу отъ здѣшнія жизни; тебѣ же младу сущу и никоимъ образомъ нѣсть лѣтъ, да второму браку не обрищисия. Егда же пріобщисия второму браку, и уже сей бѣдной сиротѣ дщери нашей будетъ вторая мать и не имать о ней уже никакова попеченія имѣти, но въ презрѣніи имѣти ю будетъ, ты же убо сущій отецъ ея, имѣй о ней всякое попеченіе и радѣніе, да бѣдная сія сирота не уничтожена бы была! Вѣси бо довольно, яко по вся дни тщаніе имѣхъ о ней всякое, да будетъ совершена!» Царевна же Персика, предъ ними стоя, горько плачущи. Тогда отецъ ея Михаилъ царь, видѣвъ ю горько плачущую, рече къ ней: «Всеблагій Богъ не имать тя оставить; также и азъ. Елико возлюбленная мати твоя и азъ имѣхомъ о воспитаніи твоёмъ и наказаніи всякое тщаніе и радѣніе, также и по смерти матере твоея имамъ тя сохранить и во всякой чести соблюсти!» И сія изрекши словеса со многими слезами, отыде отъ царицы. Царица же, оставшися въ комарѣ своей со дщерию своею, лежа на смертномъ одрѣ, нача ко образу Владычицы нашея Богородицы со многими слезами болѣзненные глаголы вѣщати: «о, Всеблагословенная Владычице моя, Пресвятая Богородице! Ты—Едина Мати осиротѣвшимъ и бѣднымъ Заступница! Призри и нынѣ на болѣзненные слезы моя и моленіе, въ сей часъ приносимое; не забуди сію сироту, дщерь мою, яже, яко агница незлобивая, по смерти моей оставлена будетъ. Ты ей вмѣсто мене мати буди: не имамъ бо кому иному вруčiti ю по смерти моей, кромѣ Тебе, Заступнице моя, Пресвятая Владычице Богородице!» И тако изрекши умильная сія словеса, обращшися къ дщери своей, рече: «спасися, возлюбленная дщи моя, и мене поминай! мать свою не забуди! Вѣмъ бо, яко уже ктому мя неимаша узрѣти; ни азъ тебе!» И давша ей образъ Пресвятыя Богородицы и рече ей: «сію имѣй непрестанно помощницу себѣ!» И тако умре премудрая царица Александра, остави неутѣшный плачъ дщери своей Персикѣ, и царю Михаилу, и всѣмъ гражданамъ.—Бѣже въ Пфлагонстей странѣ король славенъ, именемъ Киръ; имѣ пріязнивою любовь отъ царя Михаила. У сего краля Кира бысть сынъ, именемъ Евгеній, отрокъ благоразуменъ. Отецъ же его, Киръ, посла его ради всякаго свободнаго ученія въ Римъ, да тамо

обучается всякихъ благоразумныхъ нравовъ. Отрокъ же, отбѣхавъ въ Римъ, пребысть тамо время довольно въ училищахъ и изучися зѣло высоко, яко всѣмъ сверстникомъ и учителемъ его удивлятися. Посемъ начаша учителя его писати листы ко отцу его королю Киру, объявляюще о сынѣ его, яко добръ изучися, всякихъ свободныхъ наукъ. Отецъ же его, краль Киръ, повелѣ въскорѣ прислати къ себѣ сына своего Евгенія; самъ же противу поиде непріятелей, ратующихъ тогда страны ихъ, по повелѣнію царя Михаила Болгарскаго. Королевичъ же Евгеній, по приказу отца своего краля Кира, въскорѣ прииде въ кралевство Пефлагонское. Людіе же, видѣвши его лицемъ прекрасна и ученіемъ, аки лучами украшена, зѣло удивихася и великій триумфъ сотвориша ему. Мати же его кралева Гликерія, узрѣвши его, великія радости исполнися, видящи сына своего благоразуміе и красотою обогащена. Въ то время, егда Пефлагонскій королевичъ Евгеній въ римскихъ училищахъ упражняшеся, а царь Михайлъ Болгарскій вдовствоваше и въ печали велицѣй пребываше о смерти царицы своей Александры—приступиша же къ нему министры, якоже и прежде глаголюще ему: «Высокодержавный царю Михаиле! Царство наше, аки кринъ процвѣташе тогда, егда премудрая царица жена твоя Александра здравствовала; нынѣ же воистину потемнѣ, едину ти суцу. И нынѣ возможно ти есть паки и второму браку приобщитися!» Онъ же, сія слышавъ, рече имъ: «не возможно ми есть забвеніемъ покрыти любезную мою жену-царицу Александру!» Они же рѣша ему: «аще и не возможно есть забвеніемъ покрыти, но токмо да царство наше славнѣйше будетъ!» Тогда отвѣщавъ имъ царь: «потщитесь изыскати въ красотѣ подобну бывшей царицѣ Александрѣ!» Тогда министры поидоша спѣшно повелѣннаго дѣла исполняти и проидоша многія страны своего царства. И не обрѣтоша. Таже поидоша и во иныя государства искати. И въ нѣкоемъ государствѣ отъ африкійскихъ странъ обрѣтоша нѣкую великую княжню, зѣло прекрасну, именемъ Люцію. Посланніи же, видѣвши ю, зѣло удивихася, и въскорѣ персоню ея переписавше, и къ царю своему послаша. Царь же, узрѣ персоню и красоту ея, подивися и повелѣ въ царство свое привести ю съ честію. Посланніи же, поемше ю, съ великою честію ведоша въ болгарское царство къ царю своему ко браку. Приведеннѣй же ей бывши предъ царя Михаила,—царь же, видѣвъ ю, подивися красотѣ ея и повелѣ въскорѣ браку быти. Сотворяему же браку, и веселію велику,—

тогда на томъ брацѣ бѣ и царевна Персика. Егда же узрѣ ю мачеха ея Люція и абіе подивися красотѣ ея; и отъ того часа вложи въ ню діаволь ненависть на царевну Персику. По прешествіи же брака нача Люція завистию на царевну снѣдаться, аки ехидна, зрящи себе красотою хуждыши ея быти. И, яко змія, скрываше ядъ свой, аки бы любяше ю; внутрь же, аки копіемъ, завистию хотяше ю збости. Царевна же, аки незлобивая агница, по наученію возлюбленныя своея матери царицы Александры, яко матери, повиновашеся. А наипаче, яко присную мать свою, Пресвятую Богородицу непрестанно въ помощь свою призываше и къ ней, аки къ ту сущей, глаголаше: «Ты мя, не остави, мати Божія, Преблагословенная Дѣво Маріе, Богородице!» Царь же Михайлъ паке отыде съ королемъ пефлагонскимъ Киромъ и съ прочими на брань противу ратующихъ ему; вручи же и дщерь свою Персику царицы своей Люціи, да всякое попеченіе имѣетъ о ней, яко сущая мати. По отпествіи же царевѣ на брань, абіе бестудная та ехидна не сохраниши ложа мужа своего, но оскверни е: обрѣвши нѣкогого отъ рабъ своихъ, нача съ нимъ блудно жити. На незлобивую же царевну Персику уже явно ядъ свой завистливый изливаше; нача бо къ царю Михайлу лжесоставныя грамоты писати на царевну, аки бы она ей ни въ чемъ не повинуется и яко бы въ дома блудническія ходитъ и тамо многія дни и нощи провождаетъ. Царь же, таковая писанія пріять и прочте, удивляшеся и помышляше въ себѣ: «како дщи моя, благоговѣйна сущи, сицевая восхотѣ творити?» Обаче преклонися царскій разумъ женской лести, и ятъ вѣру блудницѣ той проклятѣй; писа къ ней, да обращаетъ ю отъ таковыхъ обычаевъ и да не попускаетъ тако творити. Проклятая же та Люція, пріимши писаніе отъ царя, паче надымашеся и разгарашеся на царевну Персику. И хотяше ю совершенно погубити, умысли сиче: призвавши сквернаго своего любодѣя и повелѣ ему царевну Персику въ незнаемыя мѣста отвѣсти и тамо руцѣ ея отсѣщи. Скверный же любодѣй ея общася сотворити вся реченная отъ нея. Единою же прииде Люція къ царевнѣ Персикѣ, скрывши ядъ свой зміинъ и глаголя ей: «что здѣ, любезнѣйшая дщи моя, аки птица, въ заключеніи сидиши? и никамо отъ чертоговъ своихъ не исходиши? Изыди нынѣ со мною на мѣсто прекрасное и тамо едины прохладимся!» Царевна же рече ей: «любезная мати моя! николиже навыхохъ внѣ стѣнъ полатъ нашихъ исходити, — еще при матери моей. Нынѣ же ни отцу

моему существу здѣ и како восхоу изыти? Отецъ бо мой, аще увѣсть мя исходящу, всячески гнѣвъ на мя воздвигнетъ!» Люція же рече къ ней: «не ужасайся, возлюбленная дщи моя; никакъ отецъ твой сего не увѣсть: едины бо токмо изыде!» Повелѣніемъ бо моимъ придетъ единъ отъ слугъ съ коньми и тайно пойметъ тя; и прохладившись со мною, паки тайно возвратишься!» Незлобивая же царевна Персика ятъ вѣру потаенной зми и обѣщася съ нею изыти. Люція же, обрѣвши способное время, повелѣ наложнику своему тайно къ чертогамъ царевны съ коньми пріити; и восхитивши ю, вести въ далечайшая пустая мѣста, да тамо и рукъ лишити ю и оставить умерти. Наложникъ же ея по наученію пріиде къ чертогамъ царевны и даде ей вѣсть. Она же, тайно изшедши, сѣде въ корѣту, никому же вѣдающу. Наложникъ же царицынъ нача гнати зѣло быстро. Она же озрѣвшись, видитъ себе токмо едину, въ пустая мѣста везому, рече ему: «камо везеши мя?» Онъ же рече ей: «повелѣнное мнѣ отъ царицы творю?» Царевна же позна бѣдство свое, нача горько плакати и призывать Пресвятую Богородицу въ помощь себѣ, сие глаголя: «такъ ли ввѣрена есмь Тебѣ, Пречистая Мати Божія, да безвременно погибну? Но заступи мя милостію Твоею!» И непрестанно со слезами глаголаше: «Богородице Дѣво, радуйся!» Наложникъ же царицынъ, привезши ю въ пустая мѣста, ко границамъ кралевства нефлагонскаго и изведе изъ карѣты. И возьмъ ножъ, отрѣза ей руцѣ по локти; и остави ю ту на земли, аки мертву. Самъ же, возьмъ съ собою руцѣ ея, во увѣреніе царицы, и погна паки къ царицы. И егда достиже царскаго града и пріиде къ царицѣ. Царица же вельми возрадовася. Царевна же по пріятіи великаго мученія бысть, аки изумлена: воста отъ земли, нача бѣгати по непроходимому лѣсу, и лице свое, красотою сіяющее, о дрѣвеса одравши. Таже весьма изнемогши, паде на землю, аки мертва; токмо устнама движа, призываше на помощь Преподобную Дѣву Марію. Мачеха же ея писа ко отцу ея, яко «дщи твоя безъ вѣсти, незнаемо, гдѣ подѣся!» Царь же, сія увидавъ, рече: «якоже восхотѣ, тако и сотвори!»—Въ то же время вышереченный краевичъ Евгеній рече матери своей краевѣ Гликеріи: «Возлюбленная мати моя! Доселѣ быхъ въ римскихъ училищахъ, аки птица, заключенъ. Нынѣ же, Богу изволившу, здѣ на свободѣ уже есмь. Повели ми на ловъ изыти со слугами нашими!» Она же рече ему: «якоже хоцещи, чадо, тако и твори; иди невозбранно!» Краевичъ же, поемъ слугъ и псовъ, якоже

обычай, и изыде въ лѣсы. Смотрѣніемъ же Божиимъ отлучися нѣкакo крaлевичъ отъ слугъ своихъ со единымъ дворецкимъ и со псы; и блудиша по пустыни три дни. Въ четвертый же день улучиша пси на лежащую уже близъ смерти царевну Персику; въ той бо день привезена бысть на мѣсто то и отъятіе рукъ пострада. И начаша лаяти прилежно, аки на нѣкій ловъ. Рече же крaлевичъ дворецкому: «иди и виждь, что тамо есть? Аще ли звѣрь, то убіемъ и насытимся!» Дворецкій же, вскорѣ шедъ, узрѣ дѣвицу, лежащую, аки мертву, токмо уста движущу и кровію обaгрившуся, ужасеся. И пришедъ ко крaлевичу, рече: «чудо нѣкое обрѣтохомъ, господине!» Крaлевичъ же рече: «что есть?» Онъ же рече: «дѣвица нѣкая, прекрасна зѣло, лежитъ безъ рукъ и уже близъ смерти есть!» Тогда крaлевичъ самъ поиде на мѣсто оно. И узрѣвъ ю, прекрасну сущу, и въ златомъ одѣяніи; аще бо и кровію истоцися, обаче красота ея не увяде. И рече крaлевичъ: «чудо нѣкое есть,—ибо не отъ простыхъ, мню, сію дѣвицу быти и не оставлю сію тако быти!» Слуги же, оставшіися, пришедше во градъ и спросиша: «пришелъ ли крaлевичъ во градъ?» Граждане же рѣша, яко не пришелъ. Слуги же повѣда крaлевѣ, яко «сынъ твой крaлевичъ заблудился въ пустыни со дворецкимъ!» Крaлева же, сія слышавши, нача рыдати о немъ неутѣшно. Крaлевичъ же со дворецкимъ сотвориша сиче: два коня совокупивше и одежды съ себе снемше, на коней положиша; и на ня возложиша царевну и поидоша. И шедше мало, обрѣтоша вскорѣ путь. И рече дворецкой: «сей путь ведетъ во градъ напѣ!» Рече же ему крaлевичъ: «возми коня и бѣжи скоро во градъ и возвѣсти вся, яже о насъ!» И снемше царевну, положиша на земли. Обрѣтъ же чистую воду и прохладивъ ю. Оной же легчеа бысть; и абіе въ себе пришедши и возведѣ очи свои на него. Егда же крaлевичъ узрѣ ю, воззрѣвшую на него, паче уязвися сердечною любовію къ ней и часто взирая на красоту лица ея, удивляшеся и размышляше въ себѣ: «како приде сія въ таковое мѣсто?» Дворецкой же, вскорѣ пріѣхавъ во градъ и возвѣсти крaлевѣ, яко крaлевичъ обрѣтеся и обрѣте нѣкую пречудную дѣвицу безъ рукъ. Крaлева же, сія слышавши, великія радости исполнися и вскорѣ повелѣ послати драгоцѣнныя корѣты и постели, и рабы многи. Дворецкой же, поятъ всѣхъ сихъ, вскорѣ пріѣхавъ ко крaлевичу. Крaлевичъ же, самъ подъемъ царевну, положи на драгоцѣнный одръ, въ корѣту, на то уготованную. И язвы на рукахъ ея чистыми платы обяза и сѣде при ней; и поидоша ко

граду. Егда же придоша во градъ, бысть радость велія во градѣ о пришествіи его. Кралева же Гликерія велимъ веселіемъ объята бысть; егда узрѣ единочадаго сына своего здрава. Посемъ же, егда узрѣ Персику, позна ю быти не отъ простыхъ, но отъ великихъ родителей. Нача вопрошати сына своего кралеви́ча, како и гдѣ обрѣте ю. Онъ же вся подробну о ней возвѣсти. Таже призвани быша искусніи врачи и вскорѣ уврачеваша ю. Она же бысть здрава и весела, аки никоеяже болѣзни пострада. И по исцѣленіи ея начаша ю кралева и кралеви́чъ вопрошати: «когого рода еси? и како приде на мѣсто то? и како руцѣ ея отъяты суть?» Она же рече имъ: «лютыя мя болѣзни постигоша; и отступи отъ мене память моя, и не вѣмъ, когого рода и како сія пострадахъ!» Имя же себѣ повѣда: Елисаветъ. И нача любити ю кралева, аки истую свою дочь ради предивныя красоты ея. Воистину бо прекрасна бысть зѣло! Кралеви́чъ же зѣло любляше ю и желаше имѣти ю себѣ супружницею. И бѣ она первая во всемъ дворѣ королевскомъ. Егда же начинаше кралеви́чъ, что отъ ученія своего, иже въ Римѣ изучился, глаголати съ нею—она же вся реченная отъ него яснѣ разумѣваше и предлагаше ему. Кралеви́чъ же, сія видѣ, паче любляше ю и почиташе премудрости ея ради. Возвратися же король Киръ отъ брани и приде во свое королевство. Тогда изыде внѣ града сынъ его кралеви́чъ Евгеній. И узрѣ отецъ его, король Киръ, и великія радости исполнися. Кралеви́чъ же сѣде со отцемъ своимъ во едину корѣту и нача ему повѣдати, како въ Римѣ учился и како приде въ Пефлагонію. Таже повѣда ему, како «въ пустыни заблудивши, обрѣтохомъ дѣвицу прекрасную въ драгомъ одѣяніи; рукамъ же ея отсѣченымъ. И нынѣ въ нашихъ полатахъ есть; и полна всякія премудрости!»—Егда же король приде въ домъ свой, тогда отъ всѣхъ стрѣтенъ бысть честно. Потомъ же Евгеній изведе Персику предъ отца своего. Она же, пришедши предъ короля, нача его премудрыми словесы поздравляти. Король же, слушая таковыхъ словесъ премудрыхъ и, зря на красоту ея, зѣло удивляшеся, и возлюбилъ ю, яко истую дочь свою. Таже и сей вопроси,—како руцѣ ея отъяты суть. Она же и тому такоже отвѣща, якоже и прежде. И бысть любима ради премудрости своея. И всякія великія дѣла король Киръ безъ ея совѣту не творяше; и всѣми любима и почитаема бѣ. Король же Киръ и кралева Гликерія, зрящи сына своего Евгенія, зѣло радовашуся о красотѣ и премудрости его.

Евгеній же многое желаніе имѣвъ (въ) сердцы своемъ, ежебы пояти себѣ въ жену прекрасную Персику, но не можаше о томъ возвѣстити отцу своему и матери: стыдѣяшебося премудростію обложенъ. Отецъ же его и мати начаша ему глаголати, да пойметъ себѣ жену, яковаго любо князя дщерь. Онъ же всѣхъ презирая, глаголаше: «аще бы и кесареву дщерь обѣщали дати мнѣ въ жену, — никакоже изволю!» Посемъ же Евгеній впаде въ скорбь велику зѣло. И того ради посла отецъ его и мати искусныхъ врачей, да исцѣляютъ его. Врачеве же, пришедше, осязаша жилы его по обычаю своего и никоея въ немъ болѣзни не обрѣтоша тѣлесныя. И рекоша отцу его и матери, яко нѣсть въ немъ никакія болѣзни; но только есть нѣкая печаль сердечная. И тако отъидоша. Мати же его приде къ нему и рече ему: «рцы, любезнѣйшій сыне мой, кая ти болѣзнь сердечная снѣдаетъ сердце твое?» Онъ же рече: «прелюбезнѣйшая мати моя! Аще хочете видѣти мя здрава, то извольте мнѣ обручити въ жену прекрасную дѣвицу Елисаветъ. Аще же ни, то вскорѣ узрите мя мертва!» Мати же его, сія слышавши, поиде ко кралоу Киру и повѣда ему все. Отецъ его приде къ нему и рече: «возлюбленный сыне мой Евгеніе! Со всякимъ бы тщаніемъ сотворили сіе. И люблю ю зѣло, аки свою истую дщерь, якоже и тебе. Но се едино токмо: еже безъ рукъ. Аще сіе державный царь увѣсть, всячески обезчеститъ насъ!» Евгеній же рече: «аще не тако, отче мой драгій, будетъ, то вскорѣ узриши мя мертва!» Отецъ же его отъиде и нача съ кралевою совѣтовати, глаголя, яко «невозможно намѣренія его премѣнити; но сотворимъ волю его!» Таже приде ко Евгенію мати его и рече: «буди готовъ къ браку съ прекрасною Елисаветію, чадо мое!» Онъ же вскорѣ отъ одра воставъ, аки бы никоея болѣзни имѣлъ. И не по многѣхъ днехъ сотвориша бракъ свѣтелъ Евгенію. Граждане же вси возрадовашася о томъ, яко таковая прекрасная верста совокупися. И начаша зѣло любезно жити. Не по многѣхъ же днехъ зачатъ царевна во чревѣ. И егда приходяше время родити ей, тогда приде повелѣніе отъ царя Михаила Болгарскаго, да вси короли приведуть сыновъ своихъ. Приде же то повелѣніе и къ пефлагонскому королю, да приведетъ сына своего Евгенія ради испытанія ученія, егоже въ Римѣ изучился. И прочихъ всѣхъ призва того ради дѣла. Егда же краль Киръ приде съ сыномъ своимъ Евгеніемъ къ царю Михаилу, — егоже егда узрѣ царь Михаилъ толь прекрасна суща, — зѣло удивися. Потомъ нача быти

проба о ученіи коемуждо ихъ. Въ той пробѣ показа себе Евгенийъ зѣло искусна и всѣхъ превзыде во ученіи. Тогда царь Михайлъ паче его возлюбилъ. И пришедъ въ полату свою, нача обѣдати. Тогда король посади Евгения выше себе. Царь же рече: «аще бы имѣлъ азъ дщерь, то бы далъ ему въ жену; и царствовалъ бы со мною!» Тогда отецъ его король Киръ рече ему: «имать уже жену, державный царю!» Тогда царь рече ему: «уже не нарицай его себѣ сыномъ, но мнѣ да будетъ сынъ!» И повелѣ публично всѣмъ возвѣстити въ царствіи своемъ, яко Евгенийъ уже нѣсть королевичъ пефлагонскій, но царевичъ болгарскій. И начаша ему многими лѣты поздравляти. Веселію же тому не ускончавшуся, прииде вѣстникъ ко Евгению, яко жена его два сына роди. Возвѣсти также о семъ царю Михаилу; царь же наипаче радостенъ бысть. Царица же Люція, видѣвши Евгения, зѣло распалися похотію плотскою на него. Евгенийъ же писа къ матери своей, да со всякимъ опаснымъ храненіемъ бережетъ жену его и чада. И король Киръ восписа къ ней, якоже и сынъ его. Евгенийъ же, запечатлѣвъ оба письма перстнемъ своимъ и вдаде вѣстнику своему, да несетъ въ Пефлагонію. Царица же, призвавши Евгения къ себѣ, наединѣ нача льстити его, яко да сотворитъ съ нею блудъ. Онъ же рече: «не подобаеъ ми тако творити,—первое сего ради, яко мати ми нынѣ наречеся;—второе, яко прелюбодѣйство—грѣхъ великъ есть и не хоцю скверните ложе жены моея—третіе, яко свою жену прекраснѣйшую тебе имамъ!» Люція же, сія слышавши, позна быти Персику, патчерицу свою. И упоивши его зѣло пїяна. И егда усну Евгенийъ, Люція же, снявши перстень съ руки его и призвавши вѣстника Евгениева съ письмами—и такожде упоивши его пїяна и взя у него письма и изодра. А въ тѣхъ мѣсто другія написа сїце: «Отъ короля Кира королевѣ. Аще пришедъ обрящу живу невѣстку свою съ чады ея, абіе тебе и съ нею смерти предамъ!» Такожде и отъ Евгения восписа: «любезная мати моя! аще, прїѣхавъ, обрящу жену мою живу—то абіе узриши мя мертва предъ очима твоима. Но молю тя, да вскорѣ ю злѣй смерти предай!» И яко лукавая та змія, запечатавши тѣ письма, вложи пїяному вѣстнику, отнюдуже взя. Вѣстникъ же, егда проснувся, не разумѣ бывшаго—скоро поиде въ Пефлагонію. Такожде и перстень возложи Люція на руку Евгениеву, спящу ему и не вѣдущу ничтоже. И отїиде, не улучивши блуднаго своего намѣренія, еже хотяше со Евгениемъ сотворити. Вѣстникъ же Евгениевъ, аки съ правыми письмами,

посланъ отъ Евгенія, не вѣдый потаенныя хитрости, лукавыя змѣи Люціи. Вскорѣ прииде въ Пефлагонію; и вшедъ въ домъ королевскій. И первое поздравивъ кралеву и Персику съ чады ея, — потомъ же вда имъ письма, присланныя отъ Кира и Евгенія. Кралева же, примши письма, и прочте. И мня, яко вправду написаны суть отъ Кира и Евгенія, и внѣ бысть ума. И нача горько и болѣзненно рыдати и власы главы своея терзати. Тогда, забывши и чинъ королевскій и конечно бы въ той часъ сама себѣ смерти предала, аще бы отъ рабынь и предстоящихъ своихъ не была сохранена. Персика же, слышавши сицевыя болѣзненныя плачи—аще и еже въ скорби сущи отъ рожденія чадъ, но нача вопрошати, что тако болѣзненно рыдаетъ. Кралева же рече ей: «о, возлюбленная дщи моя! Уне бы намъ было, дабы не познали тя! яко тако нынѣ злую вѣсть получили о тебѣ!» Персика же, утраившись, рече: «что тако, возлюбленная мати моя?» Она же показа ей присланныя грамоты отъ краля и Евгенія. Персика же, видѣвши ихъ, восплакася горько и рече: «воля Божія да будетъ! Твори вскорѣ, еже ти повелѣнно есть. Аще бы азъ была праведна предъ Богомъ, не бы тако изволилося владыкамъ моимъ о мнѣ помыслити. Твори вскорѣ!» Кралева же паче себе хотяше смерти предати, нежели неповинной Персикѣ, что зло сотворити. Но та належаше, да сотворитъ повелѣнное. Услышано же бысть сицевое дѣло во всемъ градѣ томъ, яко Евгеніева жена королевичева имать смерти предатися и съ чады ея безвинно. И начаша граждане вельми плакати, краля и Евгенія не милосердыхъ нарицающе. Дворецкой же, обрѣтый ю прежде съ королевичемъ въ пустыни заблудившись, приступи ко королевѣ и рече ей: «всемиловитая госпоже! Не возложи рукъ на неповинную сію агницу, съ незлобивыми птенцы—чады ея, еже бы умертвити ю! Но азъ, поемши ю съ чады ея, везу тамо, отюду же пояхомъ ю!» Кралева же рече ему зъ болѣзнію: «вези ю, аможє хочещи!» Онъ же, поемши Персику, всади въ нѣкую худую корѣту, повезе ю съ чады своими тамо, отнюдуже пояша ю, которымъ отхожденіемъ велій плачь оставивши при королѣ живущимъ и всѣмъ гражданамъ. Дворецкой же, привезши Персику, и посади ю на томъ же мѣстѣ, откуда поята бысть. И остави при ней хлѣба и воды мало. Самъ же со многимъ плачемъ возвратися. Она же, сѣдючи и горько плачущи, нача призывати въ помощь Пречистую Богородицу, сие глаголя: «Таколи ввѣрена Тебѣ есмь, Пресвя-

тая Владычице Богородице? яко оставила мя еси, бѣдную! Се убо нынѣ время помощи Твоея! Прииди и помози убо мнѣ, бѣдницѣ вскорѣ и помилуй мя! Не даждь погибнути ми напрасно, аще не мене ради, то ради сихъ незлобивыхъ младенцевъ, чадъ моихъ!» Сичева я словеса и множае сихъ изрекши въ болѣзни своей сердечной и зѣльной печали, и тако плачущи на земли и усну. Скорая же въ заступленіихъ Пречистая Богородица абіе предста ей лицомъ свѣтлымъ, держаше отсѣченніи руцѣ ея въ рукахъ своихъ. И рече къ ней: «дщи моя возлюбленная! Что тако скорбно стужаеши Ми? Или уже мниши, яко Тя оставихъ? Поистиннѣ убо непрестанно съ тобою пребывахъ. Не скорби убо! Се имаши руцѣ!» И приложи принесенныя съ собою руки къ рукамъ ея отсѣченнымъ; и абіе сотвори ю, якобы никогда руцѣ ея отсѣчены были. Токмо малу слѣду осталось увѣренія ради. Сама же невидима бысть. Персика же, возбнувши отъ сна, зрѣть себе имущу руцѣ; и акибы никогда ей безъ рукъ быти. Нача удивлятися, мня мечтаніе нѣкое быти; и нача новодарованными руками прекрещати лице свое и узрѣ, яко весьма здоровы вельми. И отъ всего сердца своего со слезами много благодаривши Пречистую Богородицу Марію и воставши, нача по лѣсу проходить. И собиравше зеліе пустынное и тѣмъ питаешся.

Царь же Михаилъ, по многомъ веселіи отпусти краля Кира и Евгенія въ Пефлагонію, повелѣвая, да вскорѣ возвратится къ нему съ женою своею и съ чадъ. Краль же съ Евгениемъ, пріѣхавши въ королевство свое и внидоша во градъ. И узрѣша всѣхъ людей сѣтованнымъ лицомъ ходящихъ и черная носящихъ и никоей чести входу ихъ дающихъ, почюдѣшася вельми и глаголюще: «что сіе есть?» Таже внидоша во дворъ свой и узрѣша всѣхъ плачущихъ, паче почюдѣшася. Вшедше же въ полаты и узрѣша королеву, яко близъ смерти отъ печали лежитъ, вопросиша: «что сіе есть?» Тогда показаша листы, писанныя отъ нихъ. Они же, пріемше, прочтоша и абіе быша, яко изумлени. И кійждо, возьмъ мечъ свой, хотяше себе пробости. И конечно бы сами отъ себе прободены были, аще бы отъ предстоящихъ не бы удержани были. Тогда дворецкой приступи ко Евгенію и рече: «Всемиловѣйшіи владыко! По полученіи письма вашего, въ коемъ повелѣно отъ васъ матери вашей, а нашей государыни, жену вашу, а нашу госпожу смерти предати и съ новорожденными младенцы, — мы оную

смерти не предахомъ. Но азъ, поемши ю, отведохъ и съ чады ея, на оное мѣсто въ пустыню, отнюдуже пояхомъ ю!» Евгеній же, слышавъ сія, ни мало не помедли; повелѣ вскорѣ коней готовить и самъ потече въ пустыню, сице глагола: «аще и мертву обрящу ю, тамо и азъ умру!» Бѣжавшимъ же имъ по пустыни, абіе смотрѣніемъ Божиимъ уллучиша пси на Персику и начаша лаяти зѣло. Тогда Евгеній рече дворецкому: «иди и виждь, аще пси уже уллучиша на мертвую возлюбленную мою?» Дворецкой же со всякою скоростію побѣже на мѣсто, идѣже пси притужаютъ. И пріѣхавъ, абіе узрѣ Персику руцѣ имущу и весьма здраву и почюдися. И поздрави ю и побѣже къ Евгенію и рече: «всемиловѣйшій владыко! Поистинѣ днесъ чудо паче перваго, яко обрѣтохомъ возлюбленную жену вашу и съ чады совершенно здраву. Паче же чудеснѣе, яко и руцѣ имать!» Евгеній же вскорѣ побѣже и, егда прибѣгши, скочи съ коня. Видѣ ю здраву и руцѣ имущу и красотою лица, яко солнце, сіяющую, бысть аки изумленъ отъ радости и припадши къ ногамъ ея. Она же, подѣмши рукама своими, рече: «вѣмъ, яко не ты сіе сотворилъ еси, возлюбленный мой господине! но нѣціи завистливіе,—тіи хотяще мя погубити. Но азъ паче прославихся; тіи же вскорѣ погибнуть! Се бо зриши мя руцѣ имущу, еже ми дарова Заступница моя Богородица; се убо вѣждь мя, кто есмь азъ? Нынѣ повѣмъ ти вся, яже о мнѣ. Азъ есмь Персика, дщи царя Михаила Болгарскаго. Завистію же матеи моя Люціи сицевая злая пострадахъ. Тая бо уязвившися красотою моею, повелѣ мя въ сіе мѣсто отвезти единому отъ рабъ своихъ, и здѣ рукъ лишити. Сія же руцѣ дарова нынѣ мнѣ Владычица моя Богородица, къ нейже непрестанно прибѣгахъ. Грядемъ убо, возлюбленный мой господине, во градъ!» Изшедшимъ же имъ изъ лѣса, пріидоша къ прежде обрѣтенному при пути мѣсту. И посла дворецкаго своего во градъ, да приведетъ драгоцѣнныя кони и корѣты и да повѣдаеть о обрѣтеніи и о чудесномъ здоровіи Персики и съ чады ея. Дворецкой же, пришедъ во градъ, возвѣсти вся подробну; и вси на дворѣ королевскомъ радости исполнишася. И поемши кони и корѣты, вскорѣ пріидоша въ лѣсы ко Евгенію со многими слугами. Евгеній же, поемъ Персику и съ чады ея, поидоша ко граду въ радости велицей. Егдаже быша близъ града, и увѣдаша вси граждане, яко Персика возвращается во градъ и съ чады,—и вскорѣ изыдоша въ срѣтеніе имъ. И бысть радость велія во гражданѣхъ о пришествіи ея.

По малѣхъ же днѣхъ начаша исполняти повелѣніе царя Михаила, дабы къ нему итти. И собравшася, поидоша честно, во множествѣ уряденіи коней. Егда же придоша въ болгарское царство, тогда царь Михаилъ повелѣ сотворити триумфальный входъ нареченному сыну своему Евгенію и женѣ его. Егда же быша въ полатахъ царскихъ, царь Михаилъ уже старъ бѣ. И егда узрѣ Персику, зѣло почудися красотѣ ея и рече: «воистинну никогда таковое благообразіе видѣхъ!» Персика же нача своего отца поздравляти всякими премудрыми витійскими украшенными словесы. Поздравивши же, рече: «знаеши ли мя, царю, кто есмь азъ? И какова рода?» Царь же рече ей: «никако вѣмъ!» Она же рече: «азъ есмь единородная дщи твоя Персика. Завистію же мачехи моея Люціи изгнана и къ тебѣ лжею оклеветана, аки бы мнѣ, яко блудницѣ безъ вѣсти погибшей. Она бо отъ зависти своея повелѣ мя слугѣ своему завести въ незнаемыя мѣста и рукъ лишити. Слуга же и сотвори тако. А сія руки, ихъ же видиши, дарова мнѣ Владычица моя Богородица!» И показа ему знаки оставленные. Ты же, царю, повели слугѣ тому, иже мя рукъ лиши—имя ему рекши, да принесетъ тыя мои руцѣ, ихъже мнѣ отрѣза!» Призванъ же бывъ слуга, нача отрицатися таковаго дѣла. Потомъже царскимъ страхомъ и мукѣми принужденъ, абіе изрече всю истину и принесе руки ея, ихъже въ лѣсу отрѣза, уже изсохшія. И вси почудишася такому дивному чудеси. Потомъже призвана бысть и скверная та царица Люція. И пришедши, аки бы не позна Персики. Персика же рече ей: «возлюбленная мати моя! знаешили, кто есмь азъ?» Она же рече: «никако не знаю; но токмо вѣмъ, яко дщи моя по Евгенію сотворилася еси!» Персика же рече ей: «поистиннѣ дщи твоя есмь, Персика, юже ты завистію змінною поощряема, повелѣла еси слугѣ твоему рукъ лишити. Но Богъ милостію своею спасе мя!» Люція же, сія слышавши, бысть, аки мертва. Тогда царь Михаилъ вскорѣ повелѣ ю и со слугою ея привязати ко ошибу конскому и по стогнамъ града влачити ихъ. И тако Люція смертію безобразною погибѣ, еюже хотѣ и иныхъ погубити. Евгенія же, утвердивъ на царствѣ болгарскомъ пребывати и съ Персикою, дщерію своею во вся дни живота своего о Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ, Емуже слава нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь!

XI.

ПОВѢСТЬ БЫВШАГО ПОСОЛЬСТВА В ПОРТУГА(Л)СКОЙ ЗЕМЛИ; ИСТОРИЯ О ПОРТУГАЛСКОМЪ И БРАНДЕБУРГСКОМ МУДРЕЦАХЪ.

(Рукопись Имп. Ак. Наукъ изъ собр. А. И. Яцимирскаго¹⁾).

В португалской земли былъ краль, имѣя у себя дщерь чюднѣ доброты, велми прекрасну і прелѣпу лицемъ, премудру умомъ і разумомъ преуспѣвающу во всѣхъ девахъ. Ея же нарицаху: «вторая премудрая никастрата». Великия же ея ради доброты і премудрости і красоты лица ея мнози іностранніи царие и крали пословъ своихъ присылаху ко кралю португалскому, да дастъ дщерь свою единому от нихъ в жену. Он же всем одинако обѣща. «Аще кѣи царь, іли краль, восхоцет дщери моея в жену, тои да приплетъ премудра чловѣка, да нѣмому добръ отвѣтъ дастъ, по томъ і иная отвѣщаетъ! Тои да примет дщерь мою в жену себѣ!» І того ради мнози цари і крали посолства с нимъ чинити не хотѣша: понеже невозможно чловѣку знати у немого вѣдание. Слышавъ же о добротѣ португалской кралевыи, брандебурской земли краль присла. І тои, якоже і протеи, ко кралю португалскому, яко да дастъ ему за сына его дшер свою, кралевыи, в жену. Краль же португалской і тому даде отвѣтъ, якоже і выше явлено. Слышавъ же краль брандебурскій от пословъ своихъ таковая, призва к себѣ разумных купецъ своея земли і повелѣ имъ ѣхати въ португалскую землю і заповѣда

¹⁾ Печатается впервые; раскрыты титла и введена современная пунктуация. За предоставленіе списка повѣсти для нашего изданія приносимъ благодарность П. Н. Шефферу.

имъ, да не на лице королевны португалско видѣ(в) ше знатнымъ или истиннымъ слышаниемъ отъ видящихъ ю, напишутъ, да не точно написану доброту ея видѣть¹⁾. Купцы же, бывше дати(?) в португаліи, королевскаго же повелѣніемъ же увѣдати і португалскои королѣвны видѣти не возмогаша і возвратишася ко кралоу своему бездѣльны. Краль же брандебургской повелѣ по всеи своей королевской державѣ кличъ кликати, яко да изыщется таковыи мужъ, кто бы немому отвѣтъ далъ, обещааяся таковаго великими богатствы обогатить, славою же і честью почитать. По неколице же времени отъ проста нѣкто, і несълавна рода, і весма неимы ни отъ кого чести, рече ко взыскавшему: «азъ—мніи і послѣдніи королевские державы челоувѣкъ, могу і немому отвѣтъ дати!» Вскорѣ же таковая по извѣщенію і самому кралоу, изрече краль же, якоже прежде обещаая, паки дѣломъ вскорѣ ісполнити обещааетъ; і въ скорѣ во славу і чести велицей посломъ в португалскую землю посылается. Сему же тако і португалскому королю о приходѣ его увѣдевшу, по обычаю тоя земли приемлется і по достоинію в посолская жилища устрояется. По времени же король повелѣваетъ быти посолству, ту же нигдѣ таи і самъ себя, да видитъ таковая. В первый день во единой отъ королевскихъ полатъ единому прямо, другаго, по обычаю, мало подалѣ ставшу.

Португалскои единъ отъ перстъ своя десницы постави прямо себѣ къ высотѣ.

Брандебургской тои же перстъ такожде къ высотѣ і обрати его къ землѣ.

Португалскои единымъ перстомъ показа прямо ему.

Брандебургской два перста показа ему.

Португалскои обоими руками браду свою поглаждая.

Брандебургской такожде обоими руками власы на главѣ своей многажды потре.

По семъ единъ другому поклониися, Такожде і оба—королю, хотяще разытиса до утрия.

Пославъ же король брандебургскаго посла і своего вопросити о показаніи перстовъ і поглаженіи брады, се рекъ мудрецъ: «показаніемъ перста в высоту вопросихъ его: «кто сотвори небо и свѣтъ?»

¹⁾ Т. е., чтобы они не видя своими глазами королевы о красотѣ ея не судили-бы на основаніи однихъ отзывовъ, или портретовъ, а сами бы собственными глазами ее увидѣли.

«Онъ убо в высоту показа і к земли обрати премудро, отвѣща ми, яко «тои же и землю сотвори». А еже азъ перстомъ показа прямо ему,—вопросих его: «кто сотвори адама?» Онъ же два перста показа ми, отвѣщая, яко: «тои же і еву сотвори!»

А еже обоими руками браду поглаждая, вопросих его: «кто даде санъ человѣку?» Онъ же терниемъ (вм.: треніемъ) власовъ главы своея, отвѣща ми: «тои же даде і главѣннїи власы!» Слышавъ же сїя, король похвали его о мудрости і отпусти его.

Повелѣ же другаго отвѣтъ дающаго поставити предъ сѣ, да извѣстнѣ скажетъ о отвѣте, еже отвѣща мудрецу.

И рече: «твой мудрецъ, державный королю, показаніемъ перста, хотяща жива кверху поднѣти,—азъ же не точию по егову сотворю, но и къ самой земли приклоню и ударю о землю и зъ землею смѣшу!»

«Онъ ми показа единъ перстъ, хотя ми око ісколоти,—азъ два противо показа, рѣхъ: «и оба ока ісколю!»

«Онъ ми браду поглаждая, хотя мою браду дрѣти,—азъ же і главный власъ трохъ, рѣхъ: «не точию браду твою, но и главнїя власы всѣ выдеру!»

Король же, сїя слышавъ, подивися і отпусти его. Предстоящимъ же своимъ рече: «видите толику мудрость, яко в помованїи рукъ обоихъ добрѣ есть і истинно! Отвѣти же обоихъ разни, но аще празни, но по настоящему дѣйству же і помованію кїждо же по своему смышленію надѣяся тако істиннѣ быти!» И сїя рекъ, разыдошася до утрия.

Во вторый день паки имъ предъ королемъ, по обычаю, ставшимъ, португалскои мудрецъ, двократно и трикратно пожимая і потирая персты рукъ своихъ, Брандебурскои, якоже у рукъ, тако же и у ногъ пожимая і потирая.

Португалскои, прїимъ воду і десницею поливая на лице свое.

Брандебурскои, такоже прїимъ воду і вземъ десницею своею мало земли і с водою перстъ поливая на лице свое.

Португалскои десную руку показа, таже лѣвую.

Брандебурскои едину лѣвую показуя двократы і трократы. И по семъ абие, по обычаю, единъ другому поклонися. Такоже і оба королю—і разыдошася.

По обычаю же своему, король единого отсылаетъ, а другаго вопрошаетъ о бесѣдѣ ихъ.

И рече: «азъ пожиманіемъ рукъ вопрошахъ его: «кто сотвори множества народа?»—онъ, руками і ногами пожимая, отвѣща ми,

яко: «со множествомъ народа и бесловесныя вся сотвори богъ!»: руками—объявляя множества народа, ногами же—бѣзсловесное всѣ, поливаниемъ же воды на лице свое вопрошахъ его: «кихъ вѣщающихъ на земли,—чистыхъ ли человѣкъ и достойныхъ богу,—или недостойныхъ?» Онъ же перстию с водою поливалъ лице свое, отвѣща ми, яко: «множае сѣкверныхъ человѣкъ и недостойныхъ богу!» Азъ десную руку показавъ, потомъ лѣвую, вопрошахъ его: «мужеска ли полу вѣщаши или женска?» Онъ же, едину точию лѣвую показуя, отвѣща, яко: «болѣ есть женскаго роду».

Слышавъ сия, король от мудреца своего, похваливъ его и отпусти.

Потомъ другаго вопрошает и рече: «честныя твоя королевские державы мудрецъ хочетъ мя бити и персты рукъ моихъ ломати,—азъ не точию у рукъ, но и у ногъ переломаю! Онъ, воду лия, на ся хочетъ мя в водѣ потопити,—азъ надѣюся и всего в грязь втоптать! Онъ, рuce мои показуя, хочетъ мя бити,—азъ единого точию преодолѣю ему рукою!» Слышавъ же сия, краль подивися о отвѣтѣхъ его и отпусти его до утрия. В третій же день паки имъ предъ королемъ, по обычаю, ставшимъ, и бесѣдѣ бывши.

Португалской, примъ жезлъ и подержа его мало, стоячего, та же положи на землю и паки взять.

Брандебурской, такожде жезлъ примъ и броси на землю, и не прикоснуса ему.

Португалской сосудъ воды около нѣкия малыя персти круговидно обнѣсе и постави, по семъ малую персть земли около воднаго сосуда онесе и землю на свое мѣсто положи.

Брандебурской тую же воду около малыя персти обнесъ и постави. Малую же персть земли всыпа в сосудъ, и отшед, и стана своемъ мѣсте.

Португалской малую персть земли окружая малыми и великими круги своя руки—Брандебурской единѣмъ точию перстомъ уткну въ землю. По семъ паки, по обычаю, единъ другому поклонися и разыдошася.

Король же, яко же и прежде, единаго отсылаетъ, а своего вопрошаетъ. И рече: «жезлъ, стоящій положихъ и паки взяхъ,—вопрошахъ его: «коего древа болши—стоящаго ли или лежащаго?» Онъ повержениемъ жезла отвѣща ми, яко лѣжащаго болши, нежели стоящаго. Азъ убо водою в сосудъ и малую перстию земли спросихъ его: «воды ли болши, или земли?»—онъ: «водою», от-

вѣща ми, яко да вода всю землю окружаетъ, но обаче земли болши понеже воды внутрь себѣ имѣють горы великия, еже землю въ воду вложи,—азъ убо землю перстомъ окружахъ».

Вопросихъ его: «велика ли земля предъ водами?»—онъ отвѣща ми, яко «пространство ея подобно сему единому ткненію перста.» Слышавъ сия, король сего отпусти, другаго вопрошаетъ. Вскорѣ же абие отвѣщаетъ: «твои убо мудрець, державный королю, хочетъ мя жезломъ бити і паки хочетъ въ совѣте со мною быти,—азъ не тако, но единою ударю—і не будетъ живъ. Твои мудрець о смерти спрашиваетъ: «отъ земли, іли отъ воды будетъ?» Азъ, немного говоря, возму і в воду брошу. Твои мудрець спрашиваетъ мя: «много ли мнѣ земли на поможение тѣла надобно?»—азъ хочу его во единомъ точию перста ткненіи вмстити».

Слышавъ же сия, король зѣло удивися вымышленному его отвѣту, і тако скончается немая ихъ бесѣда.

В четвертый день паки, по обычаю, предъ королемъ имъ ставшимъ, португальской рекъ: «имали ли языкъ, да глаголеши ми, о нихъ же, імамъ вопрошати тя?»

Брандебурской языкъ мало показа, отъ устъ своихъ ничто же глаголя.

Португальской: «высоко ли отъ насъ і далеко ли небо?»

Брандебурской: «дивлюся твоимъ глаголомъ, яко бы не вѣдая вопрошаетъ: небо не далече отъ насъ і весна близъ есть,—громъ убо, егда тамо грѣмить,—мы, живущіи на земли, велми его гремяние явно и чудно слышимъ!»

Португальской: «сколько есть расстояния отъ востока до запада?»

Брандебурской: «не вѣмъ, что вопрошаешъ! не вѣси ли, яко единымъ днемъ солнце переходитъ отъ востока до запада і ничто жѣ имать далнаго расстоянія!»

Португальской: «коли есть глубина морская величествомъ?»

Брандебурской: «отъ множества рыбъ увѣримся, яко море не велику глубину имать, они бо единымъ днемъ по верху воды і во глубинѣ, сна ради, бывають: понеже они не спятъ на верху воды!» І паки, по обычаю, единъ другому поклонившася, такожде і оба королю и разошася.

В пятый день, паки предъ королемъ по обычаю ставше, Португальской рече: «кто не родився умре?»

Брандебурской: «по истиннѣ тои есть, которой состарѣвся в матернѣ чрево вниде!»

Португальской: «кто есть той человекъ, ниже с небеси сниде, но от человекъ родися, ни от земли созданъ, а человекъ бысть?»

Брандебурской рече: «по первом вторыи і от деснаго взято шестое, і в томъ единомъ той устроенъ бысть, без него же і родитися не мощно!»

Португальской рекъ: «кто родися не умре?»

Брандебурской рече: «по истинѣ не сохранения ради заповѣди таковая пострада, но восхотѣ видѣти погибель ближняго!»

І тако, по обычаю, единъ другому поклонися, тако же і оба—королю и разыдошася.

В шестыи день, паки имъ пред королемъ, по обычаю, ставшим, вопросы португальской мудрецъ глаголя: «и сия двѣ души прежде адама сотворены?»

Брандебурской: «истинну глаголеши, яко обоя нами видима сноха, убо і елиоеамова!»

Португальской: «кто преждѣ адама со брадою сотворен бѣ?»

Брандебурской: «по истинѣ той, иже стремителное, паче нежели тихое и простое, любить! І от рыбъ нѣцый велегласие ихъ велми слышати любить, яко и близъ брега витати имъ!»

Португальской: «что от чего—курица ли от яйца, іли яйцо от курицы?»

Брандебурской: «вѣмъ, яко от ісперва въ 5 день птицы сотворени і от нихъ нача плодиться яйца і, по обычаю, нача плод быти!»

І паки, по обычаю, им королю поклонися и разыдошася. В седмыи день, паки имъ пред королемъ, по обычаю, ставшимъ, вопросы его португальской мудрецъ, рече: «что есть в тебе и что у тебѣ и что съ тобою?»

Брандебурской: «імамъ в себѣ душу, і слово—у себѣ, и плоть—съ собою!»

Португальской: «от чего сотворени птахи и птицы?»

Брандебурской: «птахи есть двояки,—едины от водъ, яко понырающіи і в водах жити любящии, друзіи же от воздуха, якоже лѣтающіи. Есть же нѣцый от земли,—иже не могущіи лѣтати, яко звѣрие вси!»

Португальской: «кия птахи извѣри во своихъ ся началствующ и крольми зватися?»

Брандебурской: «во птахах—высоко парныи орелъ, во зверях же—жестокіи і несклонныи от гнѣва лѣвъ, в рыбах снѣдаемыхъ, само убиваемая бѣлуга, въ нѣснѣдаемыхъ и зміина прирожения,—

великіи китѣ імениты, иже і притворныи во слезахъ коркодилѣ!» І паки, по обычаю, разыдутся. Король же повелѣ брандебургскаго мудреца отпустить, своего же удержати і вопросы его: «Что ти ся мнитѣ о мудрецѣ семѣ? егда благоразуменъ есть, или неразуменъ?» И рече ему мудрецъ: «мню, яко не точию в португалской, но и во многихъ далнихъ градахъ, такова мудреца не точию нѣсть, но і не бывало і не слышано!» Король же рече къ мудрецу: «8 дней беседѣ бывши нѣмой і глаголанной, і на кѣждо день по три вопроса твоихъ к нему слышано; во всехъ же разумности отвѣща, аще і в нѣмовныхъ твоихъ вопросѣхъ! не тако онѣ, но ни весма своіственнo отвѣща тебѣ, но обаче тобою нигдѣ не обличен і сего ради совершенъ во отвѣтахъ и благъ іскусенъ являщеся!»

Показа же ему і написание отвѣтовъ его и проче разумѣти, яко нимало своіственъ, но вопросомъ его похуливъ убо его і весма недостаточна в разумѣ нарече.

И рече хъ королю: «вѣждь, державныи королю, яко отнынѣ в малыхъ словесехъ онѣ мною препренъ будетъ і униженъ, точию повели ми его в свои домъ часто призывать на обедъ, да тамо о всякихъ вещехъ и дѣлехъ бесѣдуя с нимѣ, возмогу препрети его і уничтожити!»

И глагола ему король: «мнѣ же точию мнится, яко всяко нынѣ настойтъ ми время еже прежде глаголанное свое ісполнити слово,—еже дшерь свою тому обещалъ дати в жену, к тому бы могль нѣмому отвѣтъ дати і се нынѣ то збытся—всяко хочу дати дшерь свою за сына брандебургскаго короля!»

Рече ему мудрецъ: «державныи королю, потерпи мало,—всѣ твое слово на іномѣ нѣкоемъ ісполнится!»

Глагола ему король: «аще надѣешися препрѣти его,—твори, еже хоцещи, і от моихъ королевскихъ обиходовъ взимая потребная. Егда ли препренъ тобою будетъ, вѣдыи, яко велми от менѣ пожалованъ будещи і честью великою почту тя,—дшерь же моя паче всѣхъ дщереи царскихъ і крелевскихъ славна будетъ!»

Пріимъ же мудрецъ от короля своего волю.

По нѣкоемъ времени посла к нему слугу своего, яко да обѣдает у него. Се же і бысть. Бѣседующама же има, по обычаю, по времени же рече к нему: «чимъ ты, друже мой, імамъ потчивати,—яко не імамъ много различныхъ ядеи?»

Отвѣща ему брандебургской мудрецъ, рече: «предлагаемая намъ, ядимъ і, елико імамъ, тѣмъ довольни будемъ!» Вѣскорѣ же

господинъ дому повелѣтъ принести сосудъ вина, да пьютъ е. Се же і бысть: налия въ чашу і держа в руке своей, і рече к мудрецу: «Повѣждь ми, друже, что есть: стоитъ море на пяти столбахъ? близъ того моря стоитъ царь с царицею і на море смотрятъ? царь рече: «море—утѣха моя». Царица рече: «море—погибель моя!»

Брандебурской: «море убо не на пяти столпахъ, но на трехъ точию вижу, а еже царя і царицы рѣчи,—с вечера—веселие, с полунощи—сонъ, во утрѣи—болѣзнь!»

И пивъ самъ португалской мудрецъ, поднесе же і брандебурскому. Тои же, прѣимая, рече: «приемлю, яко друга, боюся же, яко врага!»

Усумнѣвся же португалской от словеси семъ, и рече ему: «единнымъ хвалиши словомъ, а другимъ браниши!»

Отвѣща ему: «ни, не буди то! азъ о приемлемой чашѣ рекъ: «приемлю, яко друга во утѣшение і веселие плоти своей, боюся же, яко врага, да бы ми в пьянствѣ чимъ не погрѣшати предъ богомъ, людемъ же добрымъ не досадити: вся бо сѣя случается от пьянства!»

Услышавъ сѣя, португалской мудрецъ преста от мнѣнія і бѣ, якоже і прежде, і начаша купно съ радостію обѣдати.

Обѣдающимъ же іма, изобретѣ португалской мудрецъ время, еже вопрошати его о родѣ же чину і сану, рече: «повѣждь ми, добродѣю мои, во своей ты землѣ брандебуріи при королевской милости в коемъ бѣ чину і сану? Не точию не видѣхомъ подобна тебѣ мудростію, но ни слышахомъ!»

Отвѣща ему брандебурской: «Азъ при милости королевской послѣдній рабъ і велми малаго чина же і богатства, но сказываютъ нѣцы, паче же единъ нѣкоторые вданны ми ново, сѣмо посылая, яко у отца моего служилъ много лѣтъ і былъ, де, отецъ мои при королевской милости велми честенъ, купно же і богатъ, і азъ благодѣйствія отца моего не помню, понеже остался его малъ велми».

Между женъ, которыми яду ми (?), принесоша от слугъ его двое сыръ велми великъ і поставиша предъ нимъ по обычаю.

Вопроси его португалской мудрецъ: «в вашей землѣ у честнаго короля вашего сицевымъ величествомъ сыръ бываетъ ли?»

Отвѣща брандебурской: «азъ убо не вся глаголю, еже гдѣ что вижу! і не всѣму вѣры іму, еже что гдѣ слышу! нѣсть азъ посланъ, до сѣвоей земли что повѣдаю, на ней же преславнѣ,

а отъ сицевыхъ великихъ сыровъ маниемъ (?) нѣчто от стариннаго отца моего слуги слышавъ, яко в дому отца моего велѣи, повѣдаютъ, сыръ великіи бывали!»

— «Имаши ли здѣ слугу того, отвѣща?»

— «Имѣю при себѣ!»—Возвавъ его, мудрецъ вопроси: «у отца сего господина въ дому сицевы великія сыры бывали ли?»

Отвѣща слуга: «У господина нашего, у его отца, таковы величествомъ сыры бывали: нѣкогда осмую часть сыра далъ работникомъ, а всѣхъ было пятьдесятъ человекъ, і егда они на работѣ будучи, во время обѣда разломиша его, обрѣтоша в немъ два жеребенка, да двугодовалого теленка!»

Португальской мудрецъ вельми ему подивися і вопроси паки: «откуда в немъ жеребенокъ і теленокъ обретется?»

Отвѣща ему слуга: «таковъ имѣютъ обычаи в брандебуріи: егда в тыя великія творила накладутъ множество творогу і настелютъ по немъ холстовъ і по нихъ коньми і коровами топчютъ. І тѣснующися отъ множества коней і коровъ подавляхуся в сырѣ!» Слышавъ сия, вельми подивися і вда ему малыи нѣкіи напитки и отпусти. По многѣхъ же інныхъ ядеи принесоша лопатку, вельми велику, еже і поставиша предъ нимъ.

Вопроси португальской мудрецъ: «у отца твоего сицевыя великія скотины бывали, яко жъ лопатка скотия?»

Отвѣща ему брандебурской мудрецъ, рече: «азъ доброденствія великихъ богатствъ отца своего не помню, нѣчто (но что?) похощеш слуги моего спросить, се і бысть!»

Рече слуга: «у господина нашего, у его отца, бывалъ таковъ быкъ трехъ лѣтъ і того быка на единой лопаткѣ селитвы было, сорокъ пять дворовъ жильцовъ!»

Вопроси португальской мудрецъ слуги, рече: «како толико превыше мѣры сказуеши, скотину быти сице,— на единой лопаткѣ толико селитвы, на всѣхъ же костехъ быка того колико можетъ быти селитвы?»

Отвѣща слуга: «вѣру ми іми, доброчестныи господине, а я буду правду сказывати: той быкъ всегда самъ о себѣ, единъ пасящеся; і на 8 верстахъ около себе по вся лѣта траву подъялъ; того быка вышелѣтній орел убилъ,— і чрезъ годишное время зверие сходящеся, ядяху его; лопатка же быка того случися пасти на угоднѣ мѣсте и нарочистѣ і поселишася на неи по совѣту господина нашего его отца сорокъ пять дворовъ со всемъ строениемъ; по неколице же времени лисица зѣло малую

нѣкую тои лопатки части мяса обрѣте і тои под нѣкою храминою; і сего ради часто приходѣше, гложушѣ лопатку, і абие не како потрясе ею,—і всѣ дворовое строение падесят до основания!»

Слышавъ же сия, португалскои мудрецъ рече: «всякъ чловѣкъ от своихъ словесъ осудится и оправдится! се ты неправедными своими словесы і ложными самъ ся осуди!» Рече ему слуга: «честнѣишии господине, вѣсть твоя честность, яко писание орломъ называетъ самого бога? вѣси же, кто можетъ ему противитися,—тои бо порази быка того страхомъ своимъ; чловѣка лукава і лстива называетъ лисицею,—от лукаваго бо і лстиваго чловѣка то селение разорися!»

Оба диво брандебурскому королю, яко в томъ селеніи нѣкии чловѣкъ имѣетъ в дому своемъ великия скарбы от давныхъ лѣтъ сохранено, і сего ради разорися селение то, і ничто же сему дивно; сему же мудрецъ повѣривъ і, по обычаю, отпусти его.

По совершеніи же стола въ послѣдней яди принесоша дыню велми великую, яко едва мощно чловѣку подяти. І, по обычаю, поставиша на столѣ.

Вопроси португалскои мудрецъ, глаголя: «у отца твоего сичевы бывали ли дыни?»

Отвѣща ему брандебурскои мудрецъ, рече: «яко же прежде, і нынѣ реку ти: не помню того, аще ли волиши,—вспроси слуги моего,—вѣсть, іли не вѣсть онъ сему же бывшу!»

Вопроси же португалскои і мудрецъ слугу о дыни. І рече слуга: «нѣкогда пре множествѣ гостей даде дворецкому своему ножъ свои, яко да, часть нѣкую изрѣзав, от дыни принесетъ. Сему же бывшу, і егда вырѣза часть, яко бы осмую точию. І абие некако упусти изъ рукъ ножъ внутрь дыни; і убоися господина своего велми, яко да того ради ножа мучити его будет: понеже бес того ножа никогда не кушивалъ. От великаго страхованія і боязни остави часть дыни, і обнаживъ себѣ от обычныхъ одежды, і ринувся в дыню, да тамо, либо утонетъ, либо ножъ сыщет. Повѣданное же бысть господину нашему, абие самъ со многи гостми приде видѣти, і повелѣ кричати гласомъ великимъ, яко да услышитъ глас, да изыдетъ і не бѣ ничто же. Вскорѣ повелѣ добыти колоколъ во пятьдесятъ пудъ вѣсомъ і на тое дынную утлину повѣсити; и звонища жестоко; і едва в другіи день на колоколны звонъ изыде, нося съ собою і ножъ—і тако свободися от гнѣва господина нашего!»

Слышавъ же сия, португалскои мудрецъ велми дивися и рече: «ни в писаніихъ о толикихъ дыняхъ читалъ, ниже слыхалъ!»

По отядѣніи же повелѣ португалскои мудрецъ единому от служащихъ своихъ принести капусту кочанъ, еже і бысть. І бѣ велми великъ видѣти.

Вопроси брандебурского мудреца, глаголя: «у васъ, во брандебуріи, сицевы велицы кочаны капусты бываютъ ли?»

Отвѣща ему брандебурскои рече: «азъ нѣкогда в преѣзде ѣхалъ, видѣхъ пятисаженую избу, покрыту, яко нѣкакою тонкою кожею, і вопросихъ: «чем она покрыта?» Отповѣдали намъ, яко капустнымъ листомъ. И азъ сему не повѣрилъ: вѣмъ, яко капуста такова величестомъ не бываетъ. Они жъ крѣплящися тако быти, показаша ми для істиннаго увѣренія і цѣлыи кочанъ. І бѣ видѣти веліи, яко храмина великая,—і от сего увѣрихся істинно.

Португалскои вопроси: «(можешь ли) познати единовозрастныхъ и единоодежныхъ отрочат, да бы разумѣти мужскіи полъ и женскіи?»

Отвѣща брандебурскіи: «дивлюся о семъ, яко бы о нѣкоемъ мудромъ вопрошаеши! Повели убо среди двора своего іли храмины просыпати нѣчто ко угождению малымъ дѣтемъ! И повѣле(и?) имъ разсыпная збирати, да ту разумѣеши,—кое мужескіи, или женскіи полъ. Сему же бывшу и не познавше ихъ, паки вопроси: «по чему познати ихъ?» Рече: «которыя в подолъ собирають, вѣды буди, яко мужескіи есть полъ; кия же в пазуху кладутъ і в рукав завертываютъ, тія суть женскіи полъ.» И свидѣтельство ваше сие бысть тако, яко же брандебурскои мудрецъ сказа.

Прохладився упокоениемъ разнаго питія, возведоша в пре-высокіи храмы мудреца і вопроси паки: «в вашей земли такую высоту храмы бываютъ ли?»

Отвѣща брандебурскои: «азъ нѣгдѣ видалъ, і самъ у нѣкогого в гостяхъ бывалъ и храми его толико высокіи,—егда из верхнего жилища смотреть, кто внизъ,—тои земли не видить! і мнѣхъ азъ, яко выше зимныхъ облаковъ, и сквозъ ихъ земли не видить. И егда в тѣхъ хоромѣхъ во окнѣ свѣщу поставитъ,—за много поприщъ сродники к нему приежали: тои бо имъ знакъ—егда увидит в хоромѣхъ огнь!»

Португалскои: «мнитъ ми ся, яко не правда сие!»

Брандебурскои: «вѣру ими ми, яко тои есть і слуга мой ста-

ринной вѣсть!» І позванъ бывшу слугѣ его і вопрошену, рече слуга: «видѣлъ я таковы храмины высоки, что нѣкогда плотники храмины крыли и близко небѣсныя звезды видѣша, земли жъ отнюдь не видали. І тѣхъ храмовъ на самой кровли красно-пѣснивыя сирины ходятъ и нынѣ бо есть прилѣтаютъ; и огонь во храмахъ тѣхъ велми за много поприщъ видомъ бываетъ, і на тои огонь смотря, многия люди к нему в гости приѣзжаютъ!»

Рече португалской: «дивлюся вамъ, яко едино от моихъ показаніи дивно вамъ есть!» Таже повелѣ принести вина, да пьютъ, еже і бысть. І абие принесоша скляницу с питием, бѣ бо в ней яблоко велие.

Португалской: «повѣждь ми, како ту яблоко изросте, іли како сѣмо імущему садъ творити?»

Брандебурской: «Егда младо раслено яблоко вложить в ню, і оставити в ней по обычаю расти, не отемля от сущыя яблони!» І пивъ от принесеннаго то пития, паки повелѣ принести свежей огурецъ, да заядаютъ питие: бѣ бо время зимнѣ сеже бысть.

Португалской: «обрѣтают ли ся гдѣ в зимнѣ время свѣжіе огурцы, якоже нынѣ zde видиши?»

Брандебурской: «не дивно сему! Егда во младую капусту огурецъ положенъ будетъ, да капуста, по обычаю, растетъ, внутрь сего его імѣя, — да колико время капуста блюдома — і огурецъ соблюдеться!»

Португалской: «повѣждь ми, отчего в мирѣ брани, і свары, і гнѣвъ бываетъ?»

Брандебурской: «два пустынника нѣгде жили единъ глух, но зрячъ, — другіи слѣпъ, но слышитъ. Принѣсе же нѣкто ім хлѣбъ недопеченъ, дая глухому, рече: «пріими, отче, хлѣбъ да сыр!» Онъ же, пріять, неразумно — другіи же, аще і слѣпъ, но обаче слышитъ, яко дали имъ хлеб да сыръ. По времени они начаша ясти, рече ему слѣпныи: «сеи хлѣбъ есть, — гдѣ убо сыръ?»

Рече ему братъ: «единъ подали хлѣбъ, сыра же не было!» Слѣпныи же разгнѣвася, рече: «не самъ ли азъ слышахъ, яко, давыи, рекъ: «пріими, отче, хлѣбъ да сыр!»

И оттого межъ ими начася быти велии гнѣвъ за потаение сыра хлѣба. Слѣпъ, — кто будет не разсуждая таковыи, всякому славу (слову) вѣритъ і неправедному даянію внемлетъ и оттого скоро на гнѣвъ подъ визається и гнѣвается, і сварится, — глухъ

же, кто без оговору что прїимаетъ і смутному слову не внимаетъ,—смутителъ есть той, іже с при глаголаи еи(?) семъ лишняго слова,—оттого бо всяка смута і гнѣвъ бываетъ!»

Португальской: «виновенъ ли бесъ всякому (огрѣшенію нашему или ни?)»

Брандебургской: «нанесенными мыслями виновенъ есть, а не дѣломъ!».

Португальской: «почему разумѣти, яко дѣломъ не виновенъ, но точию мыслями?»

Брандебургской: «у нѣкоего пустынника молитвою связанъ бѣсъ, стрежаше рѣпы его. І нѣкогда прїиде челоуѣкъ, нача рвати рѣпы, яко да возмет ю себѣ; і бѣсъ его окликалъ, дабы не рвалъ рѣпы и хотѣлъ сказати пустыннику,—онъ же мнѣ, яко в прїивидѣніе чудится, а не істинное глаголаніе. И егда хотяше отити, не можаше поднѣти носила от множества рѣпы. Изчезе шедъ бѣсъ, сказа пустыннику о немъ. І изышедъ пустынникъ, потяза его о крадѣніи рѣпы. Онъ жъ, кланяяся ему, прося прощения и рече: «прости мя, святъ че(ловѣче) божіи,—бѣсъ научи се творити! Абие воскрича бѣсъ: «о неправеднѣ! не трижды ли оглашу тя: «не рви рѣпы,—скажу старцу! почто ты напрасно мя злословиши і клеветиши на неповиннаго краденію твоему?» І паки челоуѣкъ той рече: «простите мя, старче, бога ради,—от своя мысли смущенъ бе о семъ!» І абие простивъ, отпусти его с рѣпою. По семъ, мнитъ ми ся, яко невиненъ намъ бѣсъ дѣломъ, но мыслию точию!»

Португальской некакѣ харатинцу вземъ і в руку свою держа, заваду себѣ творя, і абие вопроши: «что есть: ни небо, ни земля, а видомъ же свѣтъла,—на томъ садятся птицы черныя; главы у нихъ червленныя; тыхъ птицъ три назидаютъ, два назираютъ, единъ повелѣваетъ і от тыхъ птицъ многи спасени і от королеи въ чести бываютъ, нѣция же погибаютъ?»

Брандебургской: «ни небо, ни земля, ни іна, кая тварь, видомъ бѣла с черными птицами і с назиратели, і с протчими твоими сказаніи, во многихъ государствахъ і королевствахъ обрѣтается. І, мнитъ ми ся, велми нѣчто мало есть, идѣ же быти, того не было, но аще індѣ, того і по малу, но обаче вездѣ есть! червленныя же главы не вездѣ обрѣтаем ся, но точию в росіи,—тамо бо ихъ велми любятъ і зѣло любительни к сказанію птицъ тѣхъ паче многихъ языкъ, но своихъ точию любомудрствомъ, не толико же дуракомъ.

Португальской: «не истинно ми вѣщаеши о семъ,—мню, яко ты сего не вѣси. Рцы ми о семъ истинно, что есть, то хочу бо ты симъ посрамить!»

Брандебурской: «ни небо, ни земля, ни іная, кая тварь видомъ,—свѣтла бумага; черныя—слова книжныя, іли писма, главы червленныя—пропись въ книгахъ. Слова красныя—сие бо, кромѣ руси, мало обрѣтается. Три назидаютъ—треми персты пишуть, два назираютъ—очи; единъ повелѣвается—умъ. Многие от того писания спасаются, і в чести бываютъ—нѣщии ж погибають.

Видѣвъ же португальской, яко добро отвѣща, рече к нему: «простымъ яко словомъ оскорбих тя»!

Португальской, видѣвъ от домовыхъ своихъ рабынь нѣкую, рече ему: «о комъ кощунники і суесловцы говорятъ: «совѣщавшеся, пятеро взяша единаго. Свѣдоша его в темницу. Вѣдомыи же в темницу, радуся, ідыше; отгуду же и сходя, плача и дряхлуя, идет немощент!»

Брандебурской: «азъ о семъ здѣ отвѣща не глаголю, но егда возвращуся во своя, то сотворю то дѣло: імамъ бо у себе супругу,—здѣ же о семъ не отвѣщаю; і не взираю на ню: ібо нами-зание очесъ убиваютъ душу; добро всякому члвку доволну быти своими оброки и чужихъ кладезеи не касатися, да свои не пролиются!» Успокоивъ его многими различными питіи, провож-дая из дому своего, увидѣвъ котелъ,—в немъ бо про свои обиходъ пиво варяше, бѣ бо велии зѣло, вопросы брандебурскаго мудреца, глаголя: «в вашей странѣ сицевы котлы бываютъ ли?»

Отвѣща брандебурскіи: «видѣлъ негдѣ котелъ, в немъже ядъ варя всѣмъ живущимъ в дому его; і в томъ котлѣ два человѣка плаваютъ,—единъ гребетъ і веслом править, другие же от края веслом крупу, положенную в котлѣ, отгребаютъ, да не пригоритъ в котлѣ положенная крупа. В то же время повару годенъ былъ, нѣкія ради потребы, топоръ і кликалъ велми гласно другаго повара, дабы ему топоръ ему подалъ шибением на устехъ: самому же не досужно іти по топоръ, понеж расстояние не было кругъ котла того. І поваръ броси ему топоръ, но в котелъ впаде, егож при мнѣ выняли, егда испразнили его!»

Португальской: «что есть: стоитъ древо, без скорения, а на немъѣтъ ети различны, под(д)ревомъ стоитъ корыто, на древѣ сидитъ птица, воронъ без крылъ. Та птица цвѣты урываетъ і в корыто бросаетъ, зъ древа цвѣтовъ не убываетъ, корыто не наполняется. Воронъ сытъ не бываетъ!»

Брандебургской: «днесь совершеннѣ и познахъ благоразуміе твое і все совершенной смыслѣ, яко всего много. І пространной глагол вопрошаетъ мя, а в трехъ лакотнаго жилища не оставихъ, но симъ многую і пространную бесѣду покрылъ! По истиннѣ сие от великаго благоразумія глаголеши: понеже, колико жити на земли, а описати смертной і о исходѣ души от тѣла помышляти надобно всегда! Но, прошу тя, завтра къ себѣ снѣсти пирогъ без муки і воды, ни печенъ, ни варенъ». И единъ другому поклонися, по обычаю, честъ и разыдошася каждо во своя дома.

Во утрѣи же брандебургской мудрецъ посла своего слугу к португальскому мудрецу, звати его на снѣдение вышепомянутаго онаго пирога. Сему же бывшу, абие обещася к нему быти.

По времени же отверстникъ своихъ яви двумъ при оной пирогу. Португальской мудрецъ иде с ними ко брандебургскому мудрецу і прилучившимся брашномъ і питиемъ почте я. Послѣди же постави і пирогъ, на негоже і званъ бѣ, и рече: «сеи пирогъ без муки і воды, ни печенъ, ни варенъ!» Ядущимъ же имъ пирогъ, онъ і показася имъ, яко велми от добрыя муки постныя устроенъ і в кривием маслѣ жаренъ. І ничто же ему о томъ глаголя; по времени же отидоша от него.

Во утрѣи же день португальской мудрецъ иде к королю і рече ему: «велможный і всечестный король! прости мя, яко просихъ тя о ономъ мудрецѣ брандебургскомъ, да его каковымъ словомъ во многомъ реченіи обвин(н)а чиню! І велми довольно глагола с нимъ в дому,—ни единым словомъ вины не многихъ обрѣсти, но во всемъ мудръ бѣ: дѣлательно отвѣщеваше нынѣ. Какъ твое державство о немъ разсудить?» Король рече: «всяко дошло время вдати ми дщер свою за королевича! Ихъ точию во единомъ не молвленномъ отвѣте вопрошу: егда онъ не тако отвѣща, яко бо ты вопрошал, аще дастъ отвѣтъ по вопросу, то реку ему, дабы королю своему сказалъ, яко отрокъ хочет быти, во оно время ты бы готовилъ сына своего ко браку. Аще же не отповѣсти по вопросу истиннаго вопроса,—во всемъ откажу! Вопросы и отвѣты во всѣхъ написахъ, х королю пошлю; твоихъ же вопросовъ і его отвѣтовъ в дому твоёмъ бывшимъ, написахъ вдаі и ми се же». І бысть. Рече паки к нему мудрецъ: «велможный король! вопросы его о пирогѣ, его же аз со инѣми двѣма ѣли у него,—он о немъ сказалъ, яко без муки і воды, ни печенъ, ни варенъ, ни жаренъ! Намъ же явися,—самыя добрыя пшенишныя муки на кривием маслѣ жаренъ!»

Во утрѣи же день повелѣть король предѣ собою поставити мудреца брандебурскаго и рече ему: «не довлѣтъ ми исполнити слово, обѣщанное о дщери, яко тыя во отвѣтѣхъ немолвленныхъ мудрецу моему отвѣтъ не тако далъ, яко же онъ вопрошалъ, но противно нѣкако і весма непристойно вопросу точию помыванія рукъ тако являшеся!»

Брандебурской рече: «велможныи королю, азъ, мню, по своему размышленію отвѣща, а его вопрошение і истиннѣ извѣстнѣ вѣмъ молку, аще велиши, державныи королю, дати бумаги и чернилъ, то извѣстнѣ вопросы і отвѣты, коего разуму, написаху ти, еже і бысть. І видѣ король, яко ничто же разныствуетъ противу его мудреца.

Паки вопросы его король: «скажи ми, мудреце, каковъ у тебя пирогъ ялъ мой мудрецъ?»

Отвѣща: «твоя воля, державней королю, за бывшѣе у него пирование звалъ его к себѣ в гости, точию пирога ясти, каковыа мы дѣлаемъ для поспешенія,—безъ муки і воды, ни печенъ, ни варенъ, ни жаренъ!» И рече король: «странна нѣкая незнаемая влагаеши во ушеса наша! повѣждь ми вскорѣ і на дѣле покажи, како таковыи пирогъ счинити! Аще тако сотвориши, будеши от меня велми пожалованъ і с честию великою во свою землю отпущенъ будеши! І о чемъ же приежалъ, правда будетъ!» И отвѣща ему мудрецъ: «воля твоя буди, державныи королю, но прикажи мнѣ к такому строению приставнику быти, і, еже вопрошу у него, всѣ бы было готово!» Еже і бысть. І абие в подобающѣе время содѣла пирогъ той; во время же кушанія по обычаю столовому поставиша той пирогъ предъ короля і вопросы приставника о строеніи пирога: «егда безъ муки есть, яко же мудрецъ рекъ, — мнѣ мнится, яко от обычныхъ пшеницы і кравиемъ маслѣ пряженъ!» Приставникъ подаде ему о пирогѣ писание, имущѣе сице: «Сказаніе, како дѣлати пирогъ про свои обиход, безъ муки и воды, ни печен, ни варенъ, ни жаренъ»: масло кравие, млеко, яицъ свѣжихъ пятьсотъ втолгыцати в сосудъ бѣлокъ і желтокъ; скорлупы яичныя велѣтъ вымыть в теплой водѣ, в двухъ, или в трехъ, і вымывъ скорлупы начисто, сушить ихъ в печи на вѣне желѣзномъ; і высуша ихъ, толчи в ступѣ мелко велми, і истолкыши, смолоть мѣлко, что перецъ мѣлуютъ; і просѣявъ гривеннымъ ситомъ дважды или трижды, чтобъ была велми мѣлка; і на той мукѣ замѣситъ тѣ желтки, и розоскавъ сочень, приготовить сковорода по мерѣ сочня; і положить

той сочень на сковороду, і начинка была бы готова; слои нали
ти яблoкъ, да предсыпать подъ яблoкомъ шаераномъ; і на шае-
раномъ; і на шаеранъ слои ягодъ винныхъ, і под ягодами пе-
ресыпат(ь) шаераномъ, і паки слои ягод, ізюму каѳимскаго, і по
изюму тѣмъ же шаераномъ пресыпать, да корица тертая; і весь
такo пирогъ сначинками, і ягодами, ісполня положить в горшокъ,
і ешѣ положить в горшекъ масла кравия, з гривенки іли болши,
і поставить в жаркую печь, дондеже все масло попьетъ, і тако
добрѣиши пирогъ состроити!» Прочетъ же, король писание ра-
зумѣл, яко, кромѣ всехъ обычныхъ припасовъ содѣлавъ, ко вку-
шенію же велми потребенъ,—абие, сего ради пирога і мудрыхъ
ради отвѣтовъ брандебургскаго мудреца, велми почтилъ честію
великою і пѣремногихъ богатством, і пусти его ко своему госу-
дарю і повелѣ ему сказати, да уготовитъ сына своего ко браку;
і вда дшерь свою, і бысть между іми велия любовь во много
лѣтъ.

СКАСКА О ХОЗЯИНЕ И РАБОТНИКЕ ¹⁾.

Некоторый человекъ, живушій вдеревне, четыре версты отгорода отстоящей, имель вспылчевый весма нравъ, которымъ многих крестьянъ оскорблял, приводилъ внегодование; и водинъ день далъ онъ своему работнику несколько денегъ, приказалъ наонье купить себе десятокъ яицъ исварить такъ, чтопъ они небыли весма густы иочень житки. Работникъ, съ ездя въ городъ, купилъ сказанное число яицъ. Хозяинъ его велель ему ихъ сварить всмятку, приказывая ему строго, чтопъ непереварить оныя. Работникъ началъ ихъ варить яйца, и опасаясь своего хозяина гнева, чтопъ въ густую ихъ непереварить, вынималъ искострюлки поодному для отведанія. На конецъ узналъ, что оставшіе три яйца довольно сварены, положилъ натарелку и понесъ оныя къ хозяину. Сеи, увидя лежащія на тарелки тѣі толко яйца, вскричалъ: «какъ разве я тебе приказалъ столко купить?»—«Милостивейшій государь», ответствовалъ бедный наемникъ сострахомъ: «я искупилъ столко, съ колко вы приказать изволили. Однакожъ, исполняя ваше приказаніе, чтопъ они были съварены всмятку, какъ вы приказывали, то я пробывалъ ихъ исемъ яицъ изнихъ напробу употребилъ!»—«Ахъ, плутъ!» вскричалъ вспылчевой хозяинъ: «дакакъ ты ихъ ел еси?»—вопросъ повторялъ онъ раза три. Бедный наемщикъ, незнавъ,

¹⁾ Эта повѣсть впервые напечатана съ многочисленными иллюстраціями въ XVII или XVIII в. церковнославянскимъ шрифтомъ. Единственный экземпляръ этого изданія, не отмѣченнаго ни въ одной библіографіи, находится въ библіотекѣ Румянцевскаго Музея и воспроизведенъ нами буквально, съ введеніемъ современной пунктуаціи и съ раскрытіемъ титлъ.

что начать, решился показать надпоследними тремя яицами, которые тотчасъ выхлебнулъ и проглотилъ, сказавши: «вотъ, сударь, какъ яихъ елъ!» Хозяинъ, сколь небылъ раздраженъ гневомъ, и однакожъ присемъ съ лучае немохъ удержатся отъ смеха, простилъ ему сию вину. Съ пустя потомъ несколько времени, объявилъ онъ работнику, что намеренъ надругой день ехать въ гости къ сестре съ воеи. Работникъ, имея великое въ сердце своемъ усердіе къ хозяину, спросилъ его: «неприкажете ли въ зять съ собою хорошаго завтрака, или ужина?» Но хозяинъ, запретивъ обременять сими припасами съ воихъ лошадей, ибо надеялся дозахождение сонъца приехать къ сестре. Работникъ же, зная борзый бегъ хозяйскихъ лошадей, припасъ изрядной для себя ужинъ и съ пряталъ его подалее; посемъ началъ готовить коотъезду все нужное къ дороге опричь пищи. Потомъ отправились они впути своимъ хозяиномъ такъ рано, что не успела еще утренняя зоря прогнать нощную тму для того, чтогъ ранее прибыть имъ къ на значенному месту. Однакожъ внадежде своей обманулись, ибо вместо, чтобъ доехать доонаго, принуждены были начевать наполе подле сенаго стога. Работникъ влезъ вмешекъ, началъ ужинать, ахозяинъ услышалъ, что работникъ есть, спросилъ: «чемъ ты, работникъ, утоляешъ голотъ?»—«Сеномъ, сударь!» отвечалъ онъ. «Да поделись сомною!» Работникъ, тотчасъ выскочивъ измешка, выдернулъ клочекъ сена, подалъ хозяину. Сеи, положи несколько сена вротъ, узналъ втужминуту, что оно для его зубовъ весьма упруго. Иподивясь съ пособности къ сему и работничьихъ зубовъ (крѣпости), отсталъ отсего ужина. Наконецъ, голодный нашъ хозяинъ почувствовалъ стужу, происшедшую отсевернаго ветра, спросил уработника: «начемъ ты, работникъ, лежиш?»—«Намешке, сударь!» отвечалъ. «Да что утебя вголовахъ?» «Имешокъ!»—«Авногахъ?»—«Мешокжа, сударь!»—«Чемже ты одетъ?» «Тождъ мешкомъ!»—«Тфу, что зачортъ!—Дадаика мне хотъ одинъ!»—«У меня, сударь, усамаго одинъ,—одинъ, который все нужды мои исправляетъ!» И такъ, отголоду истужи свеликимъ трудомъ препроводилъ хозяинъ сию ночь. Чьто жъ касается до сего работника, тоонъ весьма спокойно спалъ вмешке. Нарасвете они отправились въ свои путь, ипродолжая онои приказывалъ хозяинъ своему работнику следу(ющее?): «Какъ скоро мы приедемъ вжелаемый мъ ною домъ, тоя, севъ настулъ, закричу тебе неизвестнымъ (языкомъ?) слова, аты въ тужъ минуту скажи

сестре моей, что я понемецки приказываю накрывать столы!» Работникъ обещался исполнить его приказаніе. Они тогожь дня пріехалъ (sic) вдереvню. Не успелъ вотьти въ комнату, то изакричалъ неизвѣстныя ему слова. Но работнику захотелось проучить своего хозяина, что бы онъ впредъ съ незнающими по немецки неговорилъ, что исполнилъ такимъ образомъ: онъ тотъ часъ шепъ нулъ сестре его наухо, чъ тобъ она поскорѣя приказала топить баню, а хозяинъ, сидя несколько часовъ, принужденъ уже былъ закричать исповственнымъ своимъ языкомъ, асестра предлагала ему, поего прежнему нанемецкомъ языке приказанію, чтобъ изволилъ итъти въ баню. Иработникъ повелъ его. Хозяинъ, лишъ толко въ ступилъ въ двери, то изакричалъ: «вить я тебе съказалъ, что сії слова означаютъ, дабы накрывали съ толъ!»—«Ахъ, сударь!» отвечал работникъ: «если бы такъ ине приказали, то быя, конечно, исполнилъ ваше повеленіе, что исами изъволите знать, что я понемецки говорить неумею!» Толко и было.

ХІІІ.

СКАЗАНИЕ ОЦАРЕ ВАСИЛЕ КОНСТЕНТИНОВИЧЕ ПОИМЕНИ ГРАДА КОСТЕНТИНА.

(Рук. Рум. Муз. № 2432¹⁾).

Жилъ себѣ царь василей всвоем градѣ Костентине; соженою своею живяше, адѣтеі уних небыло. Иначе Господу Богу молитися сослезамі, что(бѣ) им Господь Богъ далъ дѣтища, «наслѣдія царству моему». Ицарь беспрестанно намолитвѣ, ижена ево, царица ирина, втудѣх ивпосту чуть жива ходит. Услышал Господь молитву царицыну, — поради себѣ сына инарекоша имя ему костентинъ; ивосне евися (кто?) царице (и рече): «береги сына чесно! силнея ево небудет, абусармановъ одолѣет!» Истали бѣречь чесно иселнея ево. Ацар ея василеі стал иную вѣру думать инехощет молитися иположил хулу набога ипослал послов своих вдолматова царство (съ письмомъ): «Великіи Государь, Царь долмать Евсеѣвичъ! пишу аз, восточныи цар, василеі костентиновичъ, тебѣ, царю, сице: хощу аз вашу вѣру принять, асвоего господа Бога вамъ напоруганія отдамъ! івы придите комнѣ ссилою!» Токожде ивразные царства вестъ таиную послана. Икакъ вестъ пришла дотѣх неверных царей, то всѣ тому ради бысть. Скоро пошли кцарю василю; ипришло спаремъ силы 40000 дада богатыря, ростомъ трех сажень, толстота

¹⁾ Повѣсть эта печатается впервые; введена современная пунктуация и раскрыты титла.

(пропускъ) сажень, очи—аки чашни, воршинъ уних носы, уussy локтевые, главы котельные, бороды помельные. Другой цар сним пришел крымскій ханъ. Ухана силы дватцать тысящъ, дасним три черкашенина наемные, велми силны. Стали насионских горъ, поступили костентинъ град, стояли пятеры сутки, атого вцарстве думъ (?) незнали, стали иумов отстали, инезнает, что творити. Аоне ждали отцаря христовой адачи. Ивтепоры бояры пошли кцарю ирече ему: «озлохулниче христов! что тако творити? хоцешли предати царя небѣснаго христа бога нашего? хоцешъ отдати вруки?» Тогда царъ нача их бити. Ивтои час возмугися народъ,—пришедъ, взя царя заруки ипосади ево втюрму, вспаской монастырь. Асами стали неверным леств чинить икормъ подавать, асами нача войска копить. Исобра войска своего тритцать тысящъ. Втоиже час евися гражданом мать Божья: «подите, народъ, изграда вонъ! дапоможетъ вам Господь Богъ побити неверных царей!» Тогда князи костентиновския пошли навылоску ивознесли руже нанебо: «О, Господи, Господи! Боже нашъ! ты создалъ нам святое свое крещение, амы (должны) истинно верно служить госпуду богу! Араба твоя, государыня наша царица, ктѣбѣ вѣру держить для того, что намъ царевича мудра исила порадила!» Ипошли всоборную церковь ивзяли сослезамы наруки ипонесли наградную стену ипоставили высоко, асами рекли гласно: «азлогонители, христовы хулники! приимите сограда распятаго господа бога!» Ионе, злочестивыя враги, срадостию кограду придоша илесницы приставиша. Ивтои час вышли изграда, войско ипрогнали, ипобили много. Ивышли долматовы богатыри ихановы ивбили воград войска, изаперлися накрепко. Исами просятъ христа напоругание иупросили, асами идутъ пограду князи сплачемъ, пошли коцарице иувидили итемницы два разбойника: перша дайвашка. Уперши руки мѣд(ь)ю проволошиною перевиты наногах—сапоги соромятныя, потковы мѣдныя. Аивашка наногу припадываетъ, башмоки турецкия нанемъ желтыя, чулки зеленыя шелковыя, говорятъ, что втрубу трубятъ: «великии наши государи, князи ибояри! донесите наши слова нашей государыни царицы, чтомы силу невѣрною двое всю положим инестанут творит(ь) пакости!» Иуслышели князи, кинулися кцарицы: «государыня царица ирина! скажем, тебѣ повесть доброю! Есть унасъ втемницы, сидятъ два разбойника, перша дайвашка, велми силны, хвалятся одни силу неверную побить ицарей отграда отогнать и(за)христа постра-

дать, чтоб их ослобонить!» Ицарица рече: «пожалуйтя, освободитя иприведитя комѣ их, кцарицѣ!» Ицарица рекла им: «он, еси, разбоиники! можетел вы нас оборонить изахриста пострадать?» Ирече еи: «великая государыня царица, ирина дмитревна! нам глас небеси явился, чтоб тебѣ припечали небыть, ацаря твоего, мужа, господь приказал смерти предать зато, что он призвал неверных царей ихощеть христа напоругание им отдати! атебѣ ссыномъ радостно царствовать вовѣки!» Потомъ царица возвела руце нанебо: «огосподь мой ибогъ мой! что воздам ти, твоему образу святому, толко рада воздавать хвалу тебѣ ирадоватися осынѣ своемъ! ачто ты хоцешъ тако итворишъ!» Пришед втож время князи ибояри ивзяша измонастыря царя иприведоша наместо уготованное ирастопиша смолы, ироспяна ему рот, ивлиша ему врот, ипредаша ему смерть, асами взяли роспятого господа бога, пришли изграда кневерным царям ирекли им слова: «государи цари, Долмать ихантъ! аще ваши войны наших двух разбоиников побикют, томы распятого господа вам отдадимъ, аесли наши разбоиники ваших воинов побикютъ, то вы отдаите свои царскія главы намъ напоругания.» Ицари тому ради стаща, (потому) что надѣютца намочъ своих воинов. Приказали сходитися намѣсто. Перша ухватил воина долмата царя, аивашка взял другаго царя ханова иразбили их смертно, такожде ипоследних воинов побииша, исилу их поплениша. Потомъ взяша разбоиники цареи живых вполон иповели коцарицѣ икоцаревичю воград, нацарев двор, асила костентиновская неверными пожитками разбогатели. Ацарица спрашивала уцарей, иони сказали, что де, «мы приходили пописму царя, мужа твоего; апослы нас послаша иквям(ъ)!» Потому царица ицаревичъ приказа сних снять головы инакол(ъ)я почадить, асвоих послов смерти предать. Ипослали их втурецкое царство вдалмацкое царство, акнязи итти втѣ земли непосмеша, чтоб главы их такожде непоснимали, апослали двух разбоиников зголовами ида имъ честь боярства. Искоро послы пошли, ипришед, показали головы цареви иположили писма уличныя: «приходили други ваши, такіеже неверныя, что итоі царь турецкой, хотѣли взять Господа Бога напоругание. Инашъ господь нанебеси жив есть, аобраз ево унас есть святъ имилость нам подает невидимо, анавас, бусарманов, побѣду посылает иглавы свас неверных снимаетъ! «Царь салтанъ салтановичъ стал велми яростентъ, аки звѣр, свѣргъ бошмак своеі правоі нѣги иударі посла першу

вгрудѣ, ипосол перша стал говоритъ(ъ) смела: «Велики Государь, салтанъ царь турецки излохулник христовъ! что яростно взираешъ ибошмакомъ брасаешъ ибиешъ? пословъ даруютъ, а не биютъ». Ирече царь турецки: «аз стану западя долмата изацаря хана! приду квам, ацаря вашего моладова вполонъ возму! Аще млат—научю ево турецкоі своеі грамотѣ иязыку, аградъ вашъ разарю вес, ахриста возму напозорище! Ирече ему послы: «неразумныи царь! невидимъ мы такова челоувѣка насвѣте тебя глушѣ! что ты! наш Господь Богъ силенъ, ахристианомъ помощи подаетъ, анавас побѣду посылаетъ!» Потому пришли ево пажѣ ивелможи, рече царю солтану: «велики государь царь, салтанъ салтанович! прикажи послов посадить втемницу, асвоих послов пошли вкостентинъ град ивеличестію прошать Го(спода) их. Когда млады царь отдасть Бога своего кнам, послы принесутъ, тогда ему самъ отмести и ругаіся, что онъ невернымъ царемъ смѣялся!» Царь салтанъ послушалъ их совѣту, посадилъ послов Костентиновскихъ, асам скоро отредил пословъ своихъ, авлиствѣ писалъ честно лукавствомъ «велики Государь царь! млад еси ивеличествомъ славен наземли. Потомъ что вашъ Господь Богъ силенъ ивам милость подаетъ, имѣемъ веру святую кбогу, також назъ прошу любовь творити, христа почитати! Астобоя буду воединоі вѣри!» Царь костентинъ имать ево, Царица ирина ивсѣ тому ради были, скоро христа понесли передъ пословъ. Ипослы, видя Бога, илукавство(мъ) своимъ падоша предобразомъ наземлю, ицарь костентинъ рече имъ: «возмѣня образ Христа нашего ичестно понесите царю своему имолитес Христу нашему, то вам много милости подасть! Аще станете Господу Богу нашему ругатися, то Господь Богъ сошлет навас побѣду!» Иотпустил пословъ неверныхъ, искоро послы пошли вцарь град иподали христа вруци царю. Царь радостенъ бысть. Автѣ числы ханова царица идолматова: царя царицы пришли вцар град (къ) турецкому царю. Иприказал царь солтанъ костентиновскихъ пословъ привѣсти предсебя ирече имъ: «верныи послы! хотителвы веровати нашимъ идоломъ иугодникомъ рамлю (?) ибахмету,—дарую единому царствомъ долмацкимъ, адругому—царствомъ ханскимъ, истанимъ влюбви жити, авѣру станимъ нашу хринить, ахриста вашего станимъ ругать, такожде что ивашъ царь наднашими цари!» Иотсече Господу главу инаколь взяткнулъ, асамъ рекъ слова: «скажите мнѣ правду! если увас такіяже воины ивыручитли онѣ Господа Бога своего?» Ирече

послы, асами прослезилис: «Оневѣрныи излонечестивы царь! хотятъ образъ христовъ ругаешъ, агосподь станетъ засвоі ликъ! Искоро жди насебя побѣды: иприидеть самъ нашъ царь костентинъ истанетъ забога, итебѣ отмстити!» Ицарь яростно наних ваираша, асамъ рекъ: «возмите, пилаты, ираспнитя их!» Ирекли ему бояры: «Государь царь салтан! пожди царя—либо скоро будетъ, апословъ посади втемницу!» Ипосадили накрѣпко, ипала вестъ откораблениковъ кцарю костентину. Ицарь костентинъ скоро пошелъ кматери своеи сплачемъ ипочелъ уматери прошатца. Мать исынъ, поднять руки нанебо, слезно милости просятъ, чтобъ далъ Господь помощи навраговъ иотмститъ бы засвои святоі образъ. Ивту ночьъ явился ангелъ ирече царю: «воттебѣ конь! доиди воградъ салтановъ, отмсти злоза зло,—итебѣ господь силу и смѣлость христовъ прислал!» Авконѣ волотья (?) глава, аволбу звѣзда светитъ. Ицаревичъ ваделъ венецъ наглаву инарядъ доброі златои имечъ скаменемъ ищеломъ скаменни дорагими ивзялъ юношъ ссобою сто человекъ ислъ наагелскаго коня, аки ангелъ, ипоѣхалъ съюношами своими борзо кцарю граду. Аматьево заворота провожаетъ, асамъ загородамъ сматер(ь)ю прощаетца; иполажила наперси ево чепъ златую скамени ипривешенъ крѣсть поклонной смощами иблагословила ѣхать днемъ инощию. Икакъ приѣхалъ кограду, сталъ съюноши своими думать,—коцарю прямо ли ѣхать, или вѣсть подать. Ипоѣхаша нацоревъ дворъ прямо, напречюдныхъ своихъ коняхъ. Приходъ царя костентина кцарю салтану надворецъ, приѣхалъ, слѣзъ сконя исталъ нарундукъ подперши иузриль христа своего,—наколѣ глава ево Божия. Сталъ плакать: «О Господи, Боже мои! что мнѣ воздать царю затвои святыи образъ? Хотя я самъ пропаду, аза-тебя христа своего стану!» Ипоѣхалъ соцарева двора съюноши своими испрашиваетъ улюдеи идаетъ ребятамъ позолотому: «гдѣ сидятъ послы костентиновски? азъ хощу имъ милостыню подать!» Иребята указали. Ицаревичъ приѣхалъ котемнице авскореж(?) всѣхъ побилъ смертию, асамъ реклъ; «овѣрныи мои, здравствуйте! азъ квамъ пришелъ навзыскание Господа своего ивапу пословъ добрыхъ трудные(?)!» Поголосу царя непознали и рече: «кто ты таковъ, намъ глаголешъ?» И рече: «млады царь азъ вашъ, костентинъ васильевичъ!» Итому онѣ ради; ицарь ихъ выпустилъ, ионѣ падоша наземлю царю сослезамы, ицаръ имъ даде поканю доброму ипоѣхаша спослами и съюношами вдворъ царевъ. Сами сконей слезы ивзяли скола главу Христову иполажили вков-

чегъ златы счестию, асами пошли вполату цареву. Иуцаря много народа. Ирече ему царь: «кто ты таков? вшел бѣздакладу, ашелому своего зглавы неснимаешъ?» Ирекъ царь Костентинъ: «аз пришел квамъ, босурманомъ! хошу аз вас всѣх погубити за своего Господа Бога изапослов своихъ!» Ицарь салтаномъ (сіе) завопил гласомъ: «если умѣня воины многая? прикажите пилатомъ смертию всѣхъ казнити!» Ирекъ царь Костентинъ: «великъ есть Христосъ нашъ! невыдасть нас невѣрнымъ!» Ивыняв мечь свои ипресекъ пашеі всѣхъ исилных богатырей иоткрови их полата кровию натекушу. Ацарь ицарица падоша предкостентиномъ. Ирече ему царь: «о государю царю! аз согрѣшили предвашимъ Господемъ Богомъ!» Ирече ему царь: «проси ты, царь, усвоего Бога, идола ирхлия ибохмета,—тѣвас спасутъ отруки моя, амоі Христос отмститъ против своеі главы твою главу сняти!» Ивывел исполаты вонъ ипоставил наместо иснял снего главу предвсемъ народомъ, такожде избоговъ их снял и(в)заткнулъ накол(ь)я предвсемъ народомъ. Ивозмутился народ турѣцкой: собралися множество много народу неверных инаступили нацаря инапослов. Итут царь Костентинъ пресек, аки птенцовъ малыхъ, ипустиша кровь их, аки воду, асам поѣхал царь нацарев двор ипошли вполату иувидили царицу долматову идочъ ея, велми прекрасна. Ивзял дочъ долмата царя ипослал вцарства (далматское) разбойника першу. Иперша слистомъ пришелъ ісправил зацаря Костентина для того, что: «царь ево взял вашу царевну засебя!» Истал перша царствовать(ь) вдолмацкомъ царствѣ, аивашку разбойника послал вханова царства. Итот такожде справил и дан наложил, (чтобы) Царю онѣ, Костентину, служили, Аивашка жить вневѣрной странѣ незахотел, ицар посадил ево втурецкомъ царствѣ. Ижил Костентин три мѣсяца ивзял Костентинъ казны икаретъ иповес собою царевну, приѣхал вдом своі. Встретила мать ево чесно ипонесли главу Христову всоборную церков ивенчались сцаревной истали жить честно ирадостно. Ипоставил въ царствѣ столпъ среди града, что Господь Богъ показаль чудо надбѣзбожными турки и(та)тары. Ивтѣх градах устроил столпы идалъ ему взят(ь), асам живет славно отнынѣ идовѣка сего аминь.

XIV.

СКАЗАНИЕ О ТРЕХ ЦАРЕИ ОРКАДИ И ЦАРЬ НЕСМЕЯНЕ ГОРДОМЪ И ЦАРЕ ВОРЗО СМЫСЛЕ ДМИТРЕВИЧЕ.

(Рук. Рум. Муз. Сб. № 2432¹).

Внекоемъ великомъ граде, воантиохи, царствовалъ на царстве царь, именемъ аркадью. Царствоваша воантиохи 16 лѣтъ, жилъ и преставился и погребѣнъ бысть во(а)нтиохи аеилогиемъ потриархомъ антиохскимъ. По преставленію же аркадію, к царю собравшися множества народа гречен исотвориша советъ промежъ собою спотриархами и послаша посланиковъ своихъ вримъ и призваша къ себѣ властелина отримъскихъ велможъ. И ведоша посланики вримъ, избраше ксебѣ одинаго отупать(?), именемъ несмеянъ горды, молиша его, добышелъ воантиохию и царствовалъ над греки. Он же приятъ моления ихъ ишедши царствова над ними. По дьявольскому новождению нача несмеянъ горды царь спришедшими своими сримълены града того прелшати своимъ деяніямъ или: истребромъ, иныхъ привлекоша неволею восвою латыньскою веру приводить.

Минушеса многія лѣта окояанны понуждаеть ксвоеи лотынъскои верѣ неволею нѣтъ(к)мо восвоемъ царстве, — изыныхъ царствъ купцы прихождху купли ради.

¹) Эта повѣсть представляетъ собою необнародованную до сихъ поръ редакцію повѣсти о купцѣ Басаргѣ, напечатанной въ 1860 г. въ «Памятникахъ старинной русской литературы». Въ нашемъ изданіи введена современная пунктуация и раскрыты титла.

Онъ же дияволскимъ научениемъ привлекоша ихъ ксвоеи латыской вере, акто нехочеть христианския веры отстат(ь),—ионъ откоянны дьяволскому научению техъ купцовъ втемъницы вметаеть, гладомъ томить, имена (имѣнья?) ихъ носебѣ взымаеть.

Втоже время неки купецъ, зело богатъ, именемъ дмитрей, ісхожѣдаху ему испарьства рада, снимъже бысть рабовъ множества, иснимъ бысть сынъ его, едино чадны, младъ возростамъ. Плавалъже помору 8 месецавъ, внезапно воста ветръ великъ иносяше корабль волною, иузреша издолѣче видивъ гратъ великъ ивозрадовашеся радостию великою иотбратися ипристаша воприсътаниша короблиное. Ивиде множества короблеи, помыслиша всебѣ, яко великъ сеи гратъ ибогата земля, купцовъ многа. Сниде купецъ дмитрей съ корабля своего, иде вограсть истретоша его гражде не ирекоша ему: «откуды, господине, и коея веры еси?» Ирече купецъ дмитрей: «азъ еси христианин греческия веры отпреслоутаго града купецъ единъ! Я еси греческия веры!»—«Снами¹⁾... толка занаша прегрешения,имеемъ у себе царя законоотступника латынския веры, томить насъ, хотя привлещи (sic) восвою латынъску веру! видещи, господине,—приходеть купцы совсехъ странъ, хотяше торговат(ь)!»—«Вемъ!»—«Царь же пове(лѣ)лъ имъ три загатки отгадат(ь), приводя ихъ ксвоеи латынъской верѣ: (кто) неможетъ имъ техъ три загатки отгадать,—изато всажены бысть втемъницы! Мыже имели усербѣ учителя, потриярха анеилюиия. Царь же откоянны, неведемы камо, сослать его възаточения!» Купецъ же дмитрей, слышавъ таковыя глаголы отгражденъ, возвратися накорабль свои ихотя отплыть отграда того иприди накорабль свои, аужъ накорабле его стоять сторожи царевы, понеже закон токовъ царевъ: егда приде кограду корабль, коковъ иоткоторава царства, повелить царь сторожамъ своимъ стеречь, чтобы неушель купецъ прочъ.

Дмитрейже купецъ, воздевъ упование на бога ивъземъ дары великия, ипоиде кцарю, имяже царю—несмеянъ горды. Иприде кнѣму купецъ дмитрей иста прецаремъ ирече: «государь царь, несмеянъ горды! Купчинка еси, пришель изгреческия вемли от преслаутаго царя града, чтобы господинъ дары принель, амне,

¹⁾ Очевидно, здѣсь пропускъ. Смыслъ таковъ: на слова купца, что онъ греческой вѣры, ему отвѣчаютъ, что онъ одной вѣры съ ними («снами»).

купчишчу, восвоемъ царьстве вельшь торговать всякими товары!»

Ирече царь: «завѣтре буди комне отбедат(ь)!» Наутреже приде к царю обѣдать. Пообѣдовъшиже, ирече царь купцу: «купче, коея еси веры?» Купецъже рече царю: «яеси, государь, веры християньския, греческаго языка!» Ирече царь: «аз чаю, еси единыя веры сомъною! и аз хотель тебѣ дать восвоемъ царьстве торговать всякими товары и хотель тебѣ отпустить здары испроводники — инты со мъною неединыя веры! Купче, ведома тебѣ буди: отгодай мне три загатки, ашели отгадаешъ, — азъ тебѣ повелю восвоемъ царьстве торговать всякими товары, ашели не отгадаешъ — иты пребуди сом(н)ою во моеи вере, ашели не хочешъ сомною быть во моеи вере, — и то тебѣ велю главу твою отсечи мечемъ своимъ, а товар твой взять вкозъну!» Дмитреже купецъ ста надолги часъ, пониже главу свою. И несмѣянъ царь рече: «что царю неотвѣшаешъ?» Иклонися, купецъ рече царю: «государь царь, несмѣянъ горды! дай же мне сроку натри дни!» Приде дмитреи на корабль, плаче ирыдаетъ, чая на себе смерти отцаря. А сынъ его игъраетъ на корабли надъ рѣвце: единою рукою древца держитъ, а другою рукою на дрѣвцу бияше иседа, яко на кони, искокаша покороблю, якоже токовъ извычанъ детишекъ игру творяше. И виде въ отрокъ отца своего, плаче велми печаленъ, и абия отрокъ, отложивъ игру свою прочъ, искоро притече ко отцу своему ирече: «виждутя, отче, велми печаленъ! что тебѣ прилучилося в граде семъ отцаря?» Ирече дмитре сыну своему: «чадо мое милое! еще еситы млатъ, семи лѣтъ, и ты играешъ подецьки, таво неведоешь отцоваи печали! И не веселися, чадо милое, (потому) что мнѣ царь смерть скозаль! И тебѣ, чадо мое, не пособить!» Ирече отрокъ отцу своему: «отца, скажи мнѣ, кокую тебѣ царь смерть скозаль? и аз тебѣ пособлю!» И вздохнувъ из глубины сердца своего, ирече купецъ сыну своему: «скажу тебе, чадо милое! толику (только?) мнѣ, отцу своему, пособить не смѣишь, чадо!» Ирече отрокъ отцу: «ты смертенъ!» Ирече дмитреи сыну своему: «смысли много, болии тебѣ, — аше не знаю, что царю отвѣсати, — аты, млат, хочешь пособить!» Ирече дитиша отцу своему: «ведома тебѣ, отца, буди: удалъ конъ познаваецца нарати, аверенъ друхъ удела познаваецца! Токмо поведои мнѣ, отца, слова царево! — Аsie не поведашъ, — самъ отцаря смерть наведешъ имениа погубишь!» Слышевъ же отецъ от сына своего мудрыя речи, подивися ирыдание свое утали, печаль свою на радость преложи, ирече отецъ сыну своему: «то мя печаль ирыдане —

сказаль мне царь, велель пред собою 3 загадки оттодать. Исихъ ради трехъ загадакъ караблен множества купцевъ сидять въ темънищахъ итерпеть великую муку, икормеца именеради христова! Изаповедал царь, невелить хлѣба наторгъ печь, добы гладомъ мерли, ащели кто нехочеть, даобратились ево латынской вере! Азь, чада, страха царева убоися, взялъ сроку натри дни, авчетверты день хочеть главу отсеци мечемъ, атовар мой хочеть взять вкозьну!» Ирече сынъ отцу своему: «простимя, господи, иты, отча,—скорби ирыдания ипечаль—безумныхъ людей, асе ты, отча, томужъ уподобися хочешъ: единъ печаль свою всебѣ удержать, амнѣ ты, сыну своему, неповедоешъ! Иаз тебѣ, отча, пособлю изагатыка царева отгадаю!» Ивзять отрок игру свою иначе играть. Ипришедше тои четверты день, приде купецъ ксыну своему ирече ему: «сынъ мой! четверты день, коего я уцаря просил, пришелъ! что велишъ глаголати предцаремъ?» Ирече отрокъ: «придешъ, отча, предцаря, ивозми себѣ одинаго раба дамена, дабуди воля господня! Якоже (у)годна господави, тако исовершимъ!» Купецъ же дмитрей подивися разуму ево и мудрому ево ответу сына своего ипомыслиша всебе: «чтося хочеть быты?» Иста купецъ сыномъ своимъ исрабомъ предцаремъ. Ирече царь купцу: «купецъ! день твой пришелъ, коего ты просилъ,—отгадывай загадки мои!» Ирече сынъ купцевъ: «дай мне, царю, меду пить,—я тѣбе загадки твои отгадаю!» Ирече царь детишу: «не тебе аз загадки загадываю, носему купцу!» Ирече детиша: «царь! аз — купцевъ сынъ есми,—загадки твои заотца своего отгадаю!» Царьже, наливъ чашу меду, идасть детишу. Детишеже дасть отцу своему. Отецъ же, испивъ меду, хотя отдать чашу, ирече детише отцу своему: «отча! недавай царева даiania чашу, но скры вѣдры своя, понеже царева доiania неотходить въспять!» Отецъже скры чашу вънедры своя. Царь же, наливъ вторую чашу меду, идасть детишу. Детишеже дасть рабу своему, повелиша, пить, скрыти внедры. Рабъже тако сотвориша повеления. Царьже, наливъ трет(ь)ю чашу меду, идасть отроку. Отрокъ, выпивъ, искры чашу вѣдры своя. Ирече детиша: «царева даiania неотходит въспять!» Ирече царь отроку: «отроча! тебѣ глаголю, отгадывай загатку мою: много ли отвостока до запада?» Отрокъ рече: «отвостока дазапада 12 часовъ, отзапада давостока 12 часовъ, ивсего тово водни ивночи отвостока сонца до запада 24 чеса!» Иудивися царь младому ево разуму имудрому ево ответу ипаки наливъ чашу

меду, идасть купцу исыну ево ирабу ихъ. Ониже, выпивъ чаши, искрыша виѣдры своя ирекоша: «царево дояннѣ неотходить въспѣтъ!» Ирече царь отроку: «отроча! вторая загадка: дня десятая часть вмире пребываетъ... ¹⁾?» Ирече царю отрокъ: «азъ твою загадку отгадаю завѣтра, асыты, царю, постави престоль свои среди двора своего исиди нанемъ!» Наутреже приде онъ купецъ сыномъ своимъ ирабомъ иста предцаремъ ипоклонишеся ему, ирече царь: «млады отрокъ! отгодавоі (sic) мою вторую загадку: чесо днемъ десятая часть вмиру убываетъ, адесятая часть вмиру пребываетъ?» Ирече отрокъ царю: «государь царь, несмеянъ горды! толи твоя мудрая загадка? унась ети твои загадки млады отроки, мнѣ сверстники, промежъ собою загадывоють иотгадывоють! толи твоя, царю, загадка?—сонъце зноемъ высушаетъ десятою часть воды вмори, иврекахъ, ивоезерахъ. Помеже нощъ имеетъ себе мокроту иросу впушаетъ вмори, ивреки, ивозеры,—ито десятая часть вмире прибываетъ ношъшию,—тотебе, царю, вторая загадка!» Иудивися царь то(ко)вому ево разуму имного разумному ево мудрому отъвету,—борзотоково смышленъ. Ирече царь: «отроча! отгадываи трею (sic) загадку: чтобы естъ окояныя не смеялись поганы намъ, провославнымъ християномъ?» Ирече отрокъ кцарю: «даимнѣ сроку напет(ъ) дни, авѣте 5 дни повели проповедникомъ своимъ повѣсемъ торгамъ иповсему граду, чтобы все щли клобному месту, иты повели себѣ сотворить налобномъ месте выше всехъ людей место, чтобы гласъ твой былъ слышнѣть вовсе люди!» Идасть ему царь сроку напетдней, авте пять днѣи, повелению его ипоприказу, все устроили. Вшесты денъ сяди царь навысокое место, напестолѣ своемъ. Исобрашеся вси людия града того. Царьже, налобномъ месте сяди идержаше усебя вруце мечъ, авъ другои руце жезль, ихотѣ имъ отсеци главу купцу, исыну ево, иробу ихъ. Иприде купецъ сыномъ своимъ ирабомъ ихъ иста пред царемъ, ипоклонишеся ему доземли. Ирече царь детишу: «млады отрокъ берзосмысленны! отгадывои мою трею (sic) загадку: чтобы поганыя несмеялись намъ провославнымъ християномъ?» Ирече отрокъ: «ты, царь, великъ еси, асидишъ навысокомъ месте игласъ твой сходитъ вовсе люди слышнѣть,—азъ я—отрокъ младъ, асе стою наземли

¹⁾ Мѣсто испорчено; ниже загадка повторена въ исправленномъ видѣ: «чесо днемъ десятая часть в миру убываетъ, адесятая часть вмиру пребываетъ?»

ниско, отгатыки моеи никто неуслышитъ, — соиди ты, царю, свысокова места своего, дапусти менѣ идай мне одеяние свое ижезль свои имечъ, — аз тебѣ отпадаю загатъку твою!» Слыше же царь попы, итирони (sic), князи, ибояри, ивси людие: «государь царь! отрокъ еси младъ, что можетъ сотворить?» Царьже сниде свысокова места своего идаде отроку одеяние свое ижезль имечъ свои. Отро(къ)же възиде навысокое мосто (sic). Царьже помыслиша всебе: «что будетъ?» Атого неведает, яко бысть царь царьствовати: кому хошетъ, сеи творить, ибысть внароде шум великъ: всякъ хошет видить, чтося будетъ. Рече отрокъ: «повели, царю, молчати!» Ибысть тишина великая. Ивозопи отрок великимъ гласомъ: «попы, итироны, князи ибояря и вси людие, мужие и жены! вкотоую веру хошетя вероват(ь)? во светуюли троицу отца исына исветаго духа, или впроклятою ельенскою веру?» Ивозопиша вси людие единымъ гласом: «хо шем господине, вероватъ во светую троицу отца исына и светаго духа!» Отрокъ же извлекъ мечъ иотсече царю главу ирече себе: «то твоя третья загатка отгадана! Несмеися, поганы, намъ, православнымъ христианом!» Ибысть вмире молва велика ирече отрок: «миръ вамъ, православнымъ христианомъ!» Ивси умолкоша. Ипаки рече отрокъ: «изберитя себе царя отправославныя веры!» Ивозопиша вси людие единымъ гласом глаголаше: «ты нас избавил оттодикия вѣры и отзлаго мучителя—ты нашъ буди царь!» Ирече отрокъ: «коли есть изволиль Богъ имнѣ бысть усебѣ царемъ! царьже именуеца слуга Божию, ипарьство бо ему даетца божиемъ повелѣниемъ, имы възвеличим Господа и прославимъ матер его, яко избавиль Господь отца моего, имене, ираба нашего от латынъского сего мучительства иотоликия напрасныя смерти. Ивась милостию своею посетил богъ неотринулъ васъ отправославныя веры ивамъ подобаетъ славить троицу светую: отца исына исветаго духа. Сие сотворил божиемъ повелѣниемъ анапи изволением: аше Богъ снами — никтоже наны!» Изкликнуша вси людие единымъ гласомъ, яко едиными усты глаголюше: «о божи мудрости владыки многи лѣты, государю, нашему царю борзосмыслу дмитревичу!» Но вопросиша царь народа: «был ли увась потриярх вселенны, исвещеники идьконы, или чернорисцы, или чернецы?» Они рекоша ему: «новы государь, царь борзосмысл дмитревичъ! потриярха нашего онъ, окоянны богоотступникъ, несмеян горды, невемъ, камо сослалъ взаточения!» Царьже борзосмысл дмитревичъ пути заповедал

великого вовеся воантиохискаго царства: аше кто где обрящетъ
потриарха, или свешенники, или дьякона, или чернорисцавъ,
или чернецовъ, дабы привели их во градъ антиохию кновому
царю Борзосмыслу дмитревичу. Имногих поповъ идияконов обре-
тоша: иных при миру (въ міру?) ут оишевъ(ъ) ¹⁾, ачернецовъ
обретоша впустынехъ ивъ лѣсахъ впешерах. Ипризва их вограсть
антиохию искозаша имъ нового царя борзосмысла дмитревича,
християнина веры. Апотриарха необретоша. Печальнъ же бысть
царь опотриархе. Иприде неки пастырь отца поведати царю:
«азъ видел потриарха, вгоре живушу, впешере, билиа ²⁾ едуше,
авъместо воды росу лижуше!» Отрадости посла царь кпотриарху
кнѣзеи ибоярь имножества лютеи ипасытreyи повеле ево молити,
дабы щель во антиохию и селбы насвой престол, якоже первыя.
Инаучилъ людеи вере християнской, како подобаетъ жити про-
вославным християномъ ипозаповедемъ божимъ ходити, «и мене-
бы благословилъ нацарство сестъ!» Иприде искозаша ему, ионъ
приятъ молению ихъ ипришель вограсть антиохию и пришель
предъ царя ипоклонися ему до земъли, ацарь воставъ, ипокло-
нися ему ниже ево иотблагословения принялъ нацарство сестъ,
ипроводиль ево счестию иповеле сести напрестоле своемъ по-
прежънему, ивел(ѣл)ъ нау(ч)ить людеи вѣре християнъския
ижитъ попрежънему аминъ.

¹⁾ Вѣроятно «утаившихся»?

²⁾ Вм. «былія» — т. е. ведень, траву.

ОБЪЯСНЕНИЕ НЕПОНЯТЫХЪ СЛОВЪ И ВЫРАЖЕНІЙ ¹⁾.

СТРАН.

- 2 *отедемскаго* — отъ райскаго.
вечерине — въ ечеринѣ — во враждѣ.
- 3 *вмѣсто заточное* — уединенное, отдаленное мѣсто, захолустье.
хкостаремъ — къ костарямъ — игрокамъ въ кости.
- 4 *зальзъ* — напелъ.
друговя — вѣроятно, описка, вм. друзья.
ишему — меду мятному (это объясненіе Срезневскаго ему самому внушаетъ сомнѣніе).
- 5 *чирь* — башмаки, обувь.
собина — собственность, пожитки.
гунка — худое, изношенное платье.
- 7 *упатки вилавья* — упакать, по Далю, — угодить; вилавить — хитрить, слѣд. здѣсь: хитрые подходы.
- 8 *идосужае* — и ловчѣе.
возираяло — закаркало.
- 9 *нежалиты* — вм. нежалѣй ты.
легота — бѣдность.
безпроторица — невозможность дѣлать протори — расходы, полное отсутствіе средствъ.
вытепутъ — выбьютъ, вырубить, освободятъ.
- 10 *полощъ* — полощи.
упадывать — припадать.
- 11 *некласти скарлату* — не сдѣлать сукна.
завъчен — загаданъ, обреченъ.

¹⁾ Кромѣ справочныхъ изданій Даля, Срезневскаго и др., я пользовался указаніями акад. А. И. Соболевскаго, акад. А. А. Шахматова и проф. И. А. Шляпкина.

СТРАН.

- 11 *головенка* — головня, обуглившаяся палка.
- 12 *граяти* — каркать.
въжлецы — выжлецы, гончіе псы.
- 16 *упавъ* — красивъ (вм. купавъ).
- 18 *ожуренная* — охуленная — чарка, данная съ бранью.
задайся — закабались.
- 19 *посыинуться* — на руки броситься, руками впередъ.
- 23 *струи* — большія лодки.
сосуды — суда (Шахматовъ).
нарочитъ — знатный, выдающійся, извѣстный.
- 24 *занятъ* — завлеченъ, задѣтъ.
кленати — звонить въ церковный колоколь.
- 25 *гостинникъ* — купецъ.
істончевати — истощаться.
- 26 *отстуженъ* — охлажденъ.
тули — печали.
ізъстунивъ умъ — выйдя изъ ума.
- 27 *ізочпага* — ізо чпага — изъ кармана.
впресловуциі — въ знаменитый.
раздо.мъ — на просторѣ.
- 30 *неудобное* — неприличное.
- 31 *удавомъ удавить* — удавить.
изнури — истощилъ.
обнощъ — въ эту ночь.
тищею — тишетоу.
- 33 *бранныя сосуды* — воинскіе снаряды.
гарнаты — гранаты, вм. орудія, выпускающія гранаты.
- 34 *стежно* — мягкія части зада.
ззоръ — позоръ.
- 36 *храпленіемъ* — предсмертнымъ хрипомъ.
занеизвѣстие — за несообщеніе
- 37 *изомженныхъ* — изъ мженныхъ — изъ закрытыхъ.
изснабдѣвающе — караульные.
возбнущъ — проснувшись.
- 39 *синклитъ* — почетное собраніе, здѣсь: членъ собранія.
обавникъ — чародѣй.
харатию — рукопись.
аиеръ — воздухъ.
- 40 *сужитію* — сожитію.
на тляхъ — на полѣ.

СТРАН.

- 41 *сварят* — ругаютъ.
вложницу — въ спальню.
рамо — плечо.
- 42 *кхитити* — похитить.
поръвати — терзать, дергать.
- 47 *избывали* — избѣгали.
- 49 *растутился* — сдѣлался легкимъ, снисходительнѣе.
упасаетъ — берегаетъ.
- 50 *крашеннымъ рядомъ* — торговый рядъ, гдѣ торгуютъ матеріями.
- 51 *кокошь* — кобчикъ? (собственно,—пѣтухъ).
- 61 *обязательную любовь* — любовь обязывающую, соединенную съ обязательствами.
для почину — для спанья.
- 62 *укрыть* — здѣсь: убить.
юльца — бѣднякъ.
роскочна — роскошно.
притчине — здѣсь: бѣда.
- 63 *свозниками* — съ лошадьми.
- 65 *постоянно* — порядочно.
будетъ не безслова — придется говорить.
- 66 *склюшками* — съ крючками.
- 68 *притчину* — здѣсь: ловкую выходку.
- 71 *златниці* — золотая монета.
мачкъ — матушка.
- 72 *помизову юпку* — юбка, украшенная вышивкой; унизана бисером (Соболевскій).
- 73 *хилка* — слабость, слабосиліе.
- 74 *съ барышникомъ* — съ излишкомъ.
мизирнаго — мизернаго.
- 75 *обведеннаго мертвою рукою* — заколдованнаго.
дѣдушкинъ чуланъ — вѣроятно,—тюрьма, застѣнокъ.
погнѣдно — попарно.
- 77 *опазниваться* — знакомиться.
- 79 *бесомыя* — босая.
безмундирная — потерянная женщина?
Истерія — аустерія — гостинница.
проломъ — глухой переулочекъ.
мелузи — мелочи.
рефитъ — жемчужная сѣтка, по Далю.

СТРАН.

- 79 *заводной* — нарядный.
- 80 *свѣтлоча* — водка.
- 81 *вызварить* — высѣчь.
тетенькается — любезничаетъ.
- 82 *кочедыкомъ* — инструментъ для плетенія лаптей.
упеталь — забросилъ, упряталъ.
- 83 *несетъ кабалу* }
мететъ пыль } вретъ.
- 84 *вороть* — перелицованная матерія.
почостокъ — почетныхъ угощеній.
топтать росу — остаться живу.
- 85 *остарокъ* — перезрѣлая дѣвица, не вышедшая замужъ.
облое — полное.
черепень — чарка.
- 88 *торить* — мучить.
- 80 *богдашкѣ* — собственно, — «незаконный ребенокъ», здѣсь во-
обще «ребенокъ».
пушистымъ господиномъ — наряднымъ, богатымъ.
- 96 *собережью* — с обережью, подъ охраной.
- 97 *повестки* — для извѣщенія.
- 99 *отширились* — отдѣлившись.
- 100 *вштукахъ* — не прямо, а намеками.
- 103 *куризети* — любопытство.
- 104 *меритамъ* — заслугамъ.
- 107 *протекцію* — покровительство.
- 110 *терминъ* — срокъ.
клинъ — часть кафтана.
- 111 *погрызнутися* — погрузиться.
стежка — тропа.
- 114 *пирожныя части* — такъ мелко, словно для начинки пирожной.
- 115 *буерахъ* — парусный баркасъ.
- 117 *цѣсарскихъ почтовыхъ буеровъ* — казенный баркасъ, возившій почту.
- 120 *драбантамъ* — тѣлохранителямъ.
- 125 *кирка* — церква.
- 129 *смелствомъ* — храбростью.
- 131 *мадел* — модель.
диспорате — обморокъ.
- 132 *изочренны* — заостренный.

СТРАН.

- 132 *прю* — споръ.
 137 *отбежити* — отбѣгать.
стрещися — остерегаться.
 138 *отяти* — отнять.
 144 *разноство* — различіе.
 145 *пастурь* — поза, тѣлосложеніе.
полониде — по ланитѣ.
 146 *притчины* — здѣсь: совокупленія.
 147 *оперійскихъ деиствъ* — оперныхъ представленій.
мины — знаки лицомъ.
 148 *подицися* — постараться.
 157 *шурмовались* — бились на турнирѣ.
 159 *шаутбесахта* — морской чинъ.
 160 *ребелию* — мятежъ, волненіе.
 161 *прониматца* — пробираться.
 163 *утуча* — утолстилъ.
 165 *отчитати* — отогнать.
гаветство — г(р)афе(—с)тство? — графство (?).
 168 *диспутъ* — споръ.
 169 *беззапипательная* — безъ запинокъ, быстрая.
 171 *упалые* — освободившіеся.
 173 *штинскихъ* — остроумныхъ, шутовскихъ.
 175 *чаюсти* — тягости.
 177 *опоена* — захлебнувшася.
 183 *саровъ* — какой-то морской чинъ.
двоить, троить водки — смѣшивать, составлять сложные напитки.
 184 *сиповка* — дудка изъ тростника, или ивы.
 186 *паша* — пажа.
тонцы — танцы.
ступать и перститъ } музыкальные термины.
ходить по ступенямъ }
 188 *крылецъ* — лопатокъ, плечъ.
 189 *подложники* — обманщики.
 190 *дошлой* — созрѣвшій.
елаки — флаги.
выипали — вымпелы.
 191 *ветий* — вѣтки.
иниия — инья.
 192 *ордахъ* — народахъ.

русскія повѣсти XVII—XVIII в.

СТРАЖ.

- 193 *охати* — охватилъ.
 195 *подлыжникъ* — обманщикъ.
цары — чары.
 196 *тавлеи* — шапки.
 197 *обрушеница* — обрученница.
 203 *улусы* — селенія.
 204 *штуколярнымъ* — скульптурнымъ..
 207 *шурпахъ* — винтахъ..
 208 *на зачине* — впереди, въ головѣ.
 211 *хрецами* — мелкій камень.
щибутъ — спибутъ.
 212 *таншей* — князьковъ.
 215 *насады* — то мѣсто, гдѣ оконечникъ копья прикрѣпляется
 къ древку.
тылу — тупая сторона сабли.
черенъ — черенокъ.
 221 *соймы* — лодки.
камышки — камыши.
 225 *трубацию* — смятеніе.
мизирева — паукова.
 226 *ратися* — биться.
 227 *отабарился* — сталъ лагеремъ.
ордынскую — татарскую.
 228 *духъ* — запахъ.
заговоры — разговоры.
заяря — завидя.
 231 *казулетой* — ?
 235 *подподобострастиемъ* — подъ пыткой.
 236 *на дуванъ* — на дѣлежъ, на разграбленіе.
дуляной — пустой въ серединѣ.
жупеломъ — горящей смолой.
 237 *вожи* — вожаки.
 244 *азардъ* — азартъ, волненіе.
 252 *езжалюю* — которая употребляется при ѣздѣ.
 254 *монократорія* — самодержавіе (искусств. слово).
 256 *обрищися* — обратись къ...
 257 *кринъ* — цвѣтокъ.
 258 *лжесоставныя* — подложныя.
 259 *озръвшися* — оглядываясь.
 260 *улучиша* — выслѣдили.

СТРАН.

- 264 *належае* — старалась.
- 274 *нѣмовныѣ* — мимическихъ (безъ разговора).
- 277 *дынную утлину* — пустая выдолбленная дыня.
- 279 *младо раслено* — незрѣвшее.
- сварится* — ссорится.
- свары* — ссоры.
- 280 *заваду* — помѣху.
- 281 *дряхла* — ослабѣвъ.
- намизание* — миганіе, подмигиванье.
- шибениемъ* — броскомъ, швыркомъ (Соболевскій).
- испазли* — сдѣлали порожнимъ.
- 282 *отверстникъ* — вѣроятно, — отъ сверстникъ.
- кравиемъ* — коровьемъ.
- 283 *немолвленныхъ* — мимическихъ (безъ разговору).
- на вѣне* — какая-то принадлежность печи, плиты.
- привеннымъ ситомъ* (отъ слова: «грива») — сито изъ лошадинаго волоса? или (отъ слова: гривна) — сито, стоящее гривну?
- сочень* — лепешка.
- 289 *наградовую* — на городскую.
- 290 *иропяща* — раскрыли.
- почадить* — посадить.
- уличныя* — уличающія.
- 291 *рамлю* — Брамъ?
- ибахмету* — и Магомету.
- 292 *пилаты* — палачи (отъ Пилата, имя нариц.).
- волотья* — ?
- 293 *иракля* — иракля?, Геракла?
- 294 *отупатъ* — отъ (—изъ) ипатъ — изъ вельможъ.
- 295 *отколины* — ?
- отпреслоутаго* — вм. преславутаго — извѣстнаго.
- 296 *надаревце* — на деревцѣ, на палочкѣ.
- 299 *итироне* — и тирони — и вельможи.
- 300 *ут оишевъ* — вѣроятно, вм. утаившись.
- билия* — былія, травы.
- щель* — шель.

О П Е Ч А Т К И.

<i>Стран.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Слѣдуетъ.</i>
32	15 сверху	ириядна	изрядна
41	14 >	такос, вятче	такo, святче
64	8 снизу	Инардин	Инардин
66	17 сверху	ред	пред
115	15 >	размысил	размыслилъ
130	12 >	онование	бѣснование
133	11 >	водатъ	вѣдатъ
138	16 снизу	«леонора	Элеонора
153	18 >	цыцмлко	цыцилко
154	14 >	терру	тирру
219	6 >	иная	юная
238	18 >	в ашу	вапу

*PB-31889-SB

5-13

CC

B/T